

А 72

Я. С. ДРАБКИН

Революция
1918-1919 гг.
В ГЕРМАНИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

1958

Б-727

Я. С. ДРАБКИН

**РЕВОЛЮЦИЯ
1918 - 1919 гг.
В ГЕРМАНИИ**

Краткий очерк

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1958

История каждого народа знает примеры, когда в течение нескольких месяцев или даже недель разворачиваются события, определяющие развитие страны на многие годы. Это, как правило, революционные периоды, во время которых особенно бурно проявляется творческая активность народных масс и столкновения борющихся общественных сил достигают чрезвычайной остроты и напряженности.

Для многих стран Европы и Азии такой период наступил вскоре после того, как в России произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, до основания потрясшая устои капиталистического мира. В силу ряда причин это потрясение оказалось особенно сильным в Германии. Почти точно в годовщину русской революции, в ноябре 1918 года, в Германии началась революция. В несколько дней было покончено с монархией, повсюду возникли Советы рабочих и солдат, над страной развевались красные флаги.

В ту пору не только друзья революции, но и ее злейшие враги считали победу германского пролетариата вполне возможной. Однако буржуазии при поддержке тех сил мировой реакции, которые в это время тщетно пытались задушить молодую Российскую Советскую республику, удалось помешать германской революции развернуться в полную силу. Ноябрьская революция в Германии не стала тем поворотным пунктом, который, подобно

русскому Октябрю, коренным образом изменил бы условия исторического развития. Тем не менее ход и исход революционных боев 1918—1919 гг. наложили глубокий отпечаток на последующую историю страны, что можно проследить не только в годы Веймарской республики, но и в послевоенной Германии. Поэтому историю последнего сорокалетия нельзя понять, не обратившись к событиям Ноябрьской революции.

Публицистическая, мемуарная, историческая, юридическая и прочая литература о Ноябрьской революции исчисляется многими сотнями названий¹. Некоторые работы буржуазных и социал-демократических авторов содержат довольно обильный фактический материал, но он в большинстве случаев подобран односторонне, оставляет в тени подлинную роль народных масс в революционном процессе. Во многих писаниях можно обнаружить или грубую или более тонкую фальсификацию отдельных фактов, искажение общего смысла событий, стремление обелить реакционеров и очернить революционных руководителей и т. п. Действительно научных, марксистских работ в годы Веймарской республики было создано немного. Можно назвать коллективную работу немецких историков-коммунистов, изданную к десятилетию революции², несколько исследований советских авторов³. Первостепенное значение имеют статьи руководителей германского рабочего движения — Эрнста Тельмана, Вильгельма Пика и других⁴, — дающие глубокий марксистско-ленинский анализ событий.

¹ Приведенный в конце книги список литературы включает лишь наиболее важные работы, использованные автором, и отнюдь не является полным.

² «Illustrierte Geschichte der Deutschen Revolution», Berlin 1929 (в дальнейшем: «Illustrierte Geschichte»).

³ Например, *К. Шелавин*, Авангардные бои западноевропейского пролетариата. Очерки германской революции 1918—1919 гг., ч. I и II, М. 1930; *Н. Застенкер*, Баварская Советская республика, М. 1934; *Я. И. Цитович*, Очерк истории Германии 1918—1923, М. 1940 и др.

⁴ Например, *Е. Thälmann*, 9. November 1918 — die Geburtsstunde der deutschen Revolution, в кн.: *Е. Thälmann*, Reden und Aufsätze zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. II, Berlin 1956; *W. Pieck*, Die Gründung der KPD. Erinnerungen an die Novemberrevolution, в кн.: *W. Pieck*, Reden und Aufsätze, Bd. I, Berlin 1950 (в дальнейшем: *W. Pieck*, Reden...) и другие.

После разгрома гитлеревского фашизма Социалистическая единая партия Германии обратила особое внимание немецких историков на необходимость восстановления исторической правды и разъяснения народу важнейших уроков истории. В 1948 г. Центральное правление СЕПГ приняло специальное решение о Ноябрьской революции и ее уроках для немецкого рабочего движения¹. При разработке конституции Германской Демократической Республики — первого в истории страны государства рабочих и крестьян — руководители СЕПГ критически проанализировали основные положения Веймарской конституции². В сборнике «К истории Коммунистической партии Германии», в тезисах к 35-летию КПГ, в работах В. Ульбрихта, А. Нордена и других авторов освещены важные стороны Ноябрьской революции³. Изучаются документы и материалы, обнаруженные в архивах ГДР⁴. Неоднократно проводились обсуждения проблем, поставленных Ноябрьской революцией. Журналы «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» и «Einheit» помещают дискус-

¹ «Dokumente der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands», Berlin 1950, Bd. 2, S. 110—116. См. также: *O. Grotewohl*, Dreissig Jahre später, Berlin 1948; *W. Pieck*, Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands. 30 Jahre Kampf. Berlin 1949; юбилейный номер журнала «Einheit» 1948, Heft 11.

² См. *O. Grotewohl*, Deutsche Verfassungspläne, Berlin 1947; *K. Polak*, Die Weimarer Verfassung, ihre Errungenschaften und Mängel, Berlin 1948.

³ «Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands», 2. Aufl., Berlin 1955 (в дальнейшем: «Zur Geschichte der КПД»); «35 Jahre Kommunistische Partei Deutschlands», Berlin 1954 (русск. пер.: «35 лет Коммунистической партии Германии», М. 1955); *W. Ulbricht*, Der Zusammenbruch Deutschlands im ersten Weltkrieg und die Novemberrevolution, в кн.: «Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. I, Berlin 1953 (русск. пер.: *В. Ульбрихт*, Разгром Германии в первой мировой войне и ноябрьская революция, «Вопросы истории» № 12, 1950); *A. Norden*, Zwischen Berlin und Moskau, Berlin 1954 (русск. пер.: *А. Норден*, Между Берлином и Москвой, М. 1956).

⁴ О работе исследовательской группы под руководством профессора Л. Штерна см. «Archivalische Forschungen zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. I, Halle—Saale 1954; «Die Grosse Sozialistische Oktoberrevolution und ihre Auswirkungen auf Deutschland». Archivalische Forschungen zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. 4/III, Berlin 1957. Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ издан сборник «Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Reihe II, Bd. 2, November 1917 — Dezember 1918, Berlin 1957 (в дальнейшем: «Dokumente und Materialien»).

сионные статьи о роли Советов и характере Ноябрьской революции¹.

В исследованиях и диссертационных работах советских историков за последние годы тоже собран и обобщен значительный материал по ряду вопросов². На страницах журнала «Вопросы истории» проводилась научная дискуссия о характере и движущих силах Ноябрьской революции³.

Развернутая характеристика Ноябрьской революции дана в июне 1958 г. в докладе В. Ульбрихта на заседании комиссии по подготовке тезисов к 40-летию Ноябрьской революции⁴.

Большой интерес историков-марксистов к этому важному периоду германской истории дает основания надеяться, что в недалеком будущем будут созданы серьезные исследования.

Настоящий очерк, естественно, не претендует на исчерпывающее освещение всех проблем Ноябрьской революции. Его задача — систематически изложить основные факты и объяснить некоторые, наиболее важные, события. Если это поможет советскому читателю лучше понять пути развития Германии — цель очерка будет достигнута.

¹ См. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Berlin 1954, Heft 5; 1955, Hefte 2, 3, 5; 1956, Hefte 2, 3, 4, 5; 1957, Hefte 1, 5; 1958, Heft 1, 3 (в дальнейшем: «ZfG»); «Einheit», 1957, Heft 1; 1958, Heft 7.

² Для изучения предыстории Ноябрьской революции представляет значительный интерес монография З. К. Эггерт «Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны (август 1914 — октябрь 1917)», М. 1957 (в дальнейшем: З. К. Эггерт, Борьба классов и партий в Германии).

³ См. «Вопросы истории» № 5, 6, 12, 1956; № 4, 9, 1957; № 2, 5, 1958.

⁴ «Neues Deutschland», 18. VI. 1958 (русск. пер.: «Вопросы истории», 1958 г., № 8).

**НАЗРЕВАНИЕ РЕВОЛЮЦИИ В ГЕРМАНИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Тайпа, которой было окутано в свое время рождение первой мировой войны, давно уже раскрыта. Непреложно установлено, что война была порождена борьбой главных держав за передел уже поделенного мира, что ее вдохновителями и организаторами были правящие круги Германии, Англии, Франции, России и некоторых других стран и стоявшие за их спиной некоронованные короли банков, нефти, пушек. Общая ответственность империалистов крупнейших держав за войну не может, однако, скрыть той особой роли, которую сыграли в ее развязывании правители Германии.

Как известно, вскоре после сараевского убийства германский кайзер Вильгельм II недвусмысленно заявил: «Теперь или никогда!» А в секретном указании своему статс-секретарю иностранных дел он писал в день объявления Австро-Венгрией войны Сербии, что «в случае если военная кампания не состоится, в стране (в Германии. — Я. Д.) может вспыхнуть в высшей степени опасное для династии недовольство»¹. В этих словах прозвучал затаенный страх, неотступно преследовавший Вильгельма Гогенцоллерна, видевшего, что время его правления сочтено. «Победоносная война» должна была, по мысли кайзера, не блиставшей, впрочем, новизной², не только

¹ См. «Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914», Bd. II, Berlin 1921, S. 18.

² Наполеону Бонапарту принадлежит известное изречение: «Plutôt la guerre que l'insurrection!» — «Лучше война, чем восстание!»

удовлетворить алчность мечтателей о заморских колониях и «благоустроенных границах», но и явиться средством отвлечения внимания собственного народа от революционной борьбы.

О том, что опасения германского монарха не были беспочвенными, свидетельствовали события предшествующих лет. Уже в 1910 году многие признаки указывали на приближение революционной бури. Весной 1912 г. вспыхнула забастовка 250 тысяч горняков Рура. «Миновала эпоха, — отмечал в следующем году В. И. Ленин, — спокойного сна «немецкого Михеля» под опекой прусских Пуришкевичей и при исключительно-счастливым ходе капиталистического развития Германии. Неудержимо назревает и близится общий, коренной крах...»¹

Разумеется, не только внутриполитические соображения диктовали выбор Германией момента для пробы сил на мировой арене. Решающее слово принадлежало дипломатам и генералам. Статс-секретарь иностранных дел фон Ягов летом 1914 года считал обстановку для «большой войны» наиболее благоприятной. В июле он писал в доверительном письме: «В сущности Россия сейчас к войне не готова, а Франция и Англия тоже не захотят войны в данный момент...»² Германский Генеральный штаб, этот мозг прусского милитаризма, тоже полагал, что назрел час для реализации задуманного еще Шлиффеном и несколько модернизированного его преемниками плана быстротечной войны с разгромом сначала Франции, а затем и России.

И агрессивность германской дипломатии и авантюризм прусской военной доктрины питались соками одного корня. Благоприятной почвой являлись некоторые характерные особенности экономического и политического развития страны.

ЮНКЕРСКО-БУРЖУАЗНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И РАБОЧИЙ КЛАСС

В середине XIX века Германия, раздробленная на несколько десятков государств и владений, была в сравнении с Англией и Францией экономически отсталой стра-

¹ В. И. Ленин, Цаберн. Соч., т. 19, стр. 466.

² «Die deutschen Dokumente zum Kriegausbruch 1914», Bd. 1, Berlin 1919, S. 100.

ной. Но победы Пруссии под Садовой и Седаном, осуществление политики «железа и крови», объединение под гегемонией Пруссии большей части Германии в Германскую империю создали условия для капиталистической индустриализации страны. Используя последние достижения мировой науки и техники, достигнув высокого уровня организации производства, германская буржуазия стала стремительно догонять, а в начале XX века и перегонять своих конкурентов¹.

Изменялся облик страны, создавались новые промышленные центры, быстро росли города. В ногу с ростом промышленного производства шел процесс концентрации промышленности. Возникали и крепились капиталистические монополии, сокрушавшие своих более слабых соперников и захватывавшие все более важные позиции в хозяйственной жизни страны². Усиливалось влияние крупнейших банков, происходило сращивание банковского капитала с промышленным. Постепенно две-три сотни магнатов капитала сосредоточили в своих руках главные рычаги управления хозяйством³. Как и другие крупнейшие капиталистические страны, Германия на рубеже XIX и XX веков вступила в стадию империализма.

Скачок в промышленном развитии, выдвинувший Германию в число ведущих держав, привел к нарушению «равновесия сил» на мировой арене. В поисках новых источников сырья, рынков сбыта товаров, экспорта капи-

¹ Так, например, в 1850 г. Германия выплавляла всего 200 тыс. *т* чугуна — в 2 раза меньше Франции и в 11 раз меньше Англии. В 1913 г. Германия выплавляла 16,8 млн. *т* чугуна против 10,4 млн. *т* в Англии и 5,2 млн. *т* во Франции. Производство стали составляло в Германии в 1870 г. около 100 тыс. *т*, в Англии — 200 тыс. *т*, во Франции — 80 тыс. *т*. В 1913 г. Германия производила уже 18,3 млн. *т*, Англия — 7,8 млн. *т*, Франция — 4,7 млн. *т*. Данные за 1913 г. см. «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich», Berlin 1926, S. 52.

² Если в 1871 г. в Германии насчитывалось 207 акционерных обществ, большей частью мелких, с общим капиталом в 757 млн. марок, то к 1913 г. их было уже 5486 с капиталом в 17 млрд. марок. В 1893 г. возник Рейнско-Вестфальский угольный синдикат, вскоре сосредоточивший в своих руках 86,7% угледобычи бассейна. В 1904 г. был создан Стальной трест («Vereinigte Stahlwerke AG»). К 1912 г. почти вся электропромышленность была монополизирована двумя концернами — АЭГ («Allgemeine Elektrizitätsgesellschaft») и Сименса.

³ См. В. И. Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22, стр. 204.

тала Германия натолкнулась в конце XIX века на серьезные препятствия: все, что было сколько-нибудь ценного, даже в самых отдаленных уголках земного шара, было уже прибрано к рукам более старыми капиталистическими хищниками. В мире, в котором господствовало право сильнейшего, передел добычи мог быть осуществлен только в результате острого соперничества, конфликтов и войн. Германия встала на этот путь. Уже в 1897 г. тогдашний статс-секретарь иностранных дел и будущий канцлер Бюлов потребовал для Германии «места под солнцем». Возникшая незадолго до этого организация «пангерманцев» развернула интенсивную идеологическую подготовку к захватническим войнам¹. Через несколько лет Германия приступила к строительству большого военно-морского флота, и адмирал Тирпиц заявил, что «будущее Германии на воде».

Агрессивные устремления германских магнатов капитала, приобретавших в силу своего экономического положения все большее влияние на политическую жизнь страны, находили полное сочувствие и поддержку у представителей прусского юнкерства, по-прежнему занимавшего главные позиции в государственном аппарате, особенно в дипломатическом и военном ведомствах. Германская буржуазия, смертельно напуганная революционным народом еще в 1848 году, так и не оправилась от потрясения. По выражению ее собственного идеолога Макса Вебера, она «вполне вжилась в абсолютистский дом», и у нее «десятилетиями воспитывался дух раболепия и трусливая воля к бессилию»². Господствуя экономически, буржуазия вполне доверяла дворянско-монархической

¹ «Пангерманский союз» («Der Alldeutsche Verband») был основан в 1894 г., его фактический предшественник — «Всеобщий германский союз» — существовал с 1891 г. Вскоре «Пангерманский союз» превратился в самую важную и влиятельную организацию монополистического капитала, занимавшуюся идеологической подготовкой народа к империалистическим войнам. В числе руководителей «пангерманцев» были: Карл Петерс, известный своими зверствами в колониях, Альфред Гугенберг — директор концерна Круппа, а впоследствии сподвижник Гитлера, адвокат Класс и другие. — См. А. Крук, *Geschichte des Alldeutschen Verbandes*, Wiesbaden 1954.

² *Max Weber. Gesammelte politische Schriften*, München 1921, S. 346—347. На этой почве в Германии сложился классический тип буржуа — «верноподданного», так ярко воплощенный Генрихом Манном в образе фабриканта Геслингга в романе «Верноподданный».

власти политическое управление страной и возлагала большие надежды на военные таланты прусских милитаристов, кичившихся своей солдатской доблестью.

Экономической основой могущества прусских юнкеров являлось сохранение ими в разных частях Германии, прежде всего в Остэльбии (Восточной и Западной Пруссии, Померании, Бранденбурге, Познани, Силезии), крупных наследственных латифундий¹. Прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве характеризовался сохранением крупного юнкерского землевладения, постепенным приспособлением средневековых отношений к капитализму. Сельскохозяйственные рабочие, над которыми довлел феодальный устав о челяди — *Gesindeordnung*, — находились фактически в полукрепостном состоянии; им было запрещено, например, создавать свои профессиональные организации. Положение малоземельных крестьян было немногим лучше.

Правда, экономическая мощь юнкерства непрерывно снижалась — как относительно, в связи с резким повышением удельного веса промышленности и банков, так и абсолютно; юнкерские хозяйства все менее могли обходиться без крупных государственных субсидий. Но тем не менее представители дворянского сословия накануне первой мировой войны еще удерживали в своих руках значительную долю национального имущества², а их политическое влияние тамного превышало их экономический вес.

Тесное сотрудничество, нередко прямое сращивание монополистов и юнкеров³, не только придавало особенно

¹ По данным переписи 1907 г., во всей Германии было 23,6 тыс. крупных хозяйств (более 100 га каждое), которые владели 7 млн. га обрабатываемой земли. Среди них 369 крупнейших юнкерских латифундий (свыше 1000 га каждая) имели почти полмиллиона га. Из этих латифундий 314 находились в остэльбских провинциях и на их долю приходилось 428 тыс. га земли. — См. «Statistik des Deutschen Reichs», Bd. 212, T. 1a, Berlin 1909, S. 246—247, 288—295.

² По свидетельству А. Нордена, из богатейших семейств Германии, владевших имуществом более 5 млн. марок каждое, 43% принадлежали к дворянскому сословию. — См. А. Норден, Уроки германской истории, М. 1948, стр. 25.

³ Фирма Крунна, например, поддерживала самые тесные связи с Гогенцоллернами. Главой фирмы в 1906 г. стал прусский юнкер Густав фон Болен унд Гладбах, женившийся на дочери Ф. А. Крунна Берте и принявший фамилию Крунна фон Болен унд Гладбах. С 1909 г. он стал членом прусской палаты господ, а в 1912 г. Виль-

хищнический и разбойничий характер внешней политике германского империализма, но и сообщало сугубо реакционные черты политике внутренней. В. И. Ленин называл германский империализм *юнкерско-буржуазным империализмом*, отмечая, что передовой в техническом, финансовом и организационном отношениях германский капитализм был теснейшим образом связан с юнкерско-монархическим государством¹. Созданная в 1870 г. Германская империя (Deutsches Reich) была полуабсолютистской монархией с бессильным парламентом — рейхстагом, сохранившей многочисленные остатки полуфеодальной раздробленности². Засилье реакционного милитаристского юнкерства закреплялось в Пруссии трехклассным избирательным правом³. К. Маркс очень метко охарактеризовал германское государство, сказав, что оно представляет собой «обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками, уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм»⁴.

Интенсивный процесс капиталистической индустриализации в Германии сопровождался серьезными сдвигами и в социальной структуре общества. Быстро вырос

гельм II пожаловал ему титул и ранг чрезвычайного посла и полномочного министра. — См. «Krupp und die Hohenzollern. Aus der Korrespondenz der Familie Krupp. 1850—1916», Hrsg. W. Boelcke, Berlin 1956.

¹ См. В. И. Ленин, О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности, Соч., т. 27, стр. 306; VIII съезд РКП(б). Доклад о партийной программе 19 марта, Соч., т. 29, стр. 149; Цаберн, Соч., т. 19, стр. 465—466 и др.

² Германская империя являлась союзом 22-х государств — 19 монархий во главе с королями, герцогами и т. п. и 3-х «вольных городов» (Гамбург, Бремен и Любек). Прусский король из династии Гогенцоллернов являлся верховным главой империи и носил титул кайзера. Высшим органом государственной власти являлся не рейхстаг, а бундесрат (союзный совет), состоявший из представителей правительств государств — членов союза.

³ Трехклассная избирательная система, обеспечивавшая существенные преимущества юнкерству, сохранилась в Пруссии и после того, как в империи в 1871 г. было введено всеобщее избирательное право (для мужчин). Робкая оппозиция буржуазных партий, выступавших за реформу прусской избирательной системы, не в силах была преодолеть упорства консерваторов, ценко державшихся за свои привилегии.

⁴ К. Маркс, Критика Готской программы. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 284.

промышленный пролетариат. За тридцатилетие, предшествовавшее мировой войне, численность рабочего класса почти удвоилась. В 1914 г. в Германии насчитывалось 12—13 млн. наемных рабочих. Из них более 8 млн. было занято в промышленности, около 2 млн. — на транспорте и в торговле, почти 2,5 млн. — в сельском хозяйстве. Свыше половины промышленных рабочих было занято в горной, металлургической, металлообрабатывающей и строительной промышленности¹. При этом, однако, концентрация рабочих на крупнейших предприятиях в Германии была меньшей, чем в некоторых других странах², а значительная часть рабочих, занятых на мелких предприятиях, разбросанных по стране, часто вне крупных промышленных центров, ценно сохраняла мелкобуржуазные предрассудки, унаследованные от предков — ремесленников. Живучести этих предрассудков способствовало и то, что ряды пролетариата непрерывно продолжали пополняться выходцами из разорявшихся крестьян и ремесленников, которые вносили в рабочий класс свои мещанские взгляды и представления.

Развитие капитализма привело в Германии к глубокой дифференциации деревни. Сельскохозяйственное население (с семьями) составляло, по данным переписи 1907 г., 28,6% всего населения Германии. В стране насчитывалось 5,7 млн. хозяйств, в том числе около 300 тысяч юнкерских и капиталистических (свыше 20 га), свыше двух миллионов крестьянских (от 2 до 20 га) и почти 3,4 миллиона парцельных, или, как называл их В. И. Ленин, *пролетарских* (до 2 га). Из двух миллионов крестьянских хозяйств половину составляли мелкие хозяйства, имевшие 3,3 млн. га земли. 650 тысяч середняцких хозяйств (около трети их пользовались наемной

¹ Поскольку германская статистика не дает точных данных о социальной структуре населения к началу мировой войны, приведенные цифры получены на основании сопоставления данных переписей 1907 и 1925 гг. — См. «Statistik des Deutschen Reichs», Bd. 212, T. 1^b, S. 607—608; Bd. 213, S. 4—5; Bd. 408, S. 116; «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich», 1926, S. 68, 70—71; 1928, S. 109.

² В 1907 г. в Германии на промышленных предприятиях с числом рабочих более 50 было занято 37% рабочих. В США на таких предприятиях было занято 74% рабочих. — См. В. И. Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22, стр. 184—185; «13th Census of the United States taken in the Year 1910», v. VIII, p. 185.

рабочей силой) владели 4,6 млн. га, а 400 тысяч кулацких хозяйств — 5,8 млн. га земли¹. Пролетарские (парцелльные) хозяйства были побочными хозяйствами батраков, рабочих, служащих и т. п. $\frac{2}{3}$ из них не имели крупного скота, а $\frac{9}{10}$ — лошадей.

Несмотря на бедственное и все ухудшавшееся положение деревенской бедноты и батрачества, составлявших более трех четвертей сельского населения, сколько-нибудь значительных революционных выступлений в деревне в конце XIX — начале XX века не было. Не только экономически, но и политически и духовно сельские труженики оставались в порабощении у юнкеров и цопов. Это проявилось, например, в том, что на выборах в рейхстаг в 1912 г. за консервативные партии и католическую партию центра в деревне было подано почти $\frac{3}{5}$ голосов.

В городах усиливалось разорение ремесленников и мелких торговцев, не выдерживавших конкуренции с крупным капиталистическим производством и крупной торговлей. Тем не менее в Германии сохранялась значительная прослойка городской мелкой буржуазии. По переписи 1907 г., ремесленников, работавших в одиночку без применения механических двигателей, и торговцев-одиночек насчитывалось около 1 миллиона, а мелких промышленных и торговых предприятий с числом занятых менее 5 человек было более 2 миллионов². Вместе с семьями эта прослойка составляла более 10 миллионов человек, а если прибавить сюда и мелких служащих, то — не менее 20% населения.

Таким образом, пролетариат (городской и сельский), составлявший почти половину населения Германии, мог опереться в своей борьбе против капитализма, угнетавшего и разорявшего массы трудящихся города и деревни, на сочувствие и поддержку значительных мелкобуржуазных слоев. Но для того чтобы вовлечь их в революционную борьбу, сам пролетариат должен был быть организован и сплочен вокруг революционной партии, которая была бы способна показать полупролетарским массам путь выхода из нужды и доказать им на деле, что она является их надежным и твердым защитником.

¹ См. В. И. Ленин, Капиталистический строй современного земледелия, Соч., т. 16, стр. 396—404; «Statistik des Deutschen Reichs», Bd. 212, T. 1^a, S. 246—247, 288—295.

² См. «Statistik des Deutschen Reichs», Bd. 213, S. 42—43.

Рабочий класс Германии уже во второй половине XIX века в упорной борьбе с предпринимателями и правительством создал и отстоял свои классовые организации. Германская социал-демократическая партия стала вскоре крупнейшей и наиболее влиятельной среди партий II Интернационала. Она насчитывала перед войной около миллиона членов, а так называемые «свободные профсоюзы», находившиеся под ее влиянием, охватывали свыше 2,5 миллиона рабочих.

Но германская социал-демократия, имевшая немалый опыт нелегальной революционной работы, чем дальше, тем больше сползала с позиций революционной классовой борьбы на путь реформизма. Примиренческое отношение к ревизионистам, являвшимся проводниками буржуазной идеологии, разоружало партию и рабочий класс. Частные успехи, достигнутые в ходе экономической борьбы, и избирательные победы содействовали распространению реформистских иллюзий и притупляли волю рабочих к решительной и беспощадной борьбе с капитализмом. В перерождении партии большую роль сыграл все шире применявшийся буржуазией в эпоху империализма прямой и косвенный подкуп рабочих вождей и верхней прослойки рабочей аристократии¹. «Относительно «мирный» характер периода 1871 до 1914 г., — писал В. И. Ленин, — давал питание оппортунизму сначала как настроению, потом как направлению и, наконец, как группе или слою рабочей бюрократии и мелкобуржуазных попутчиков»².

Постепенно руководящие посты в партии и профсоюзах переходили в руки оппортунистов и соглашателей. В 1911 г. председателем СДПГ³ наряду с ветераном

¹ Б. Н. Михалевский подсчитал, что доход рабочей аристократии перед первой мировой войной в 2 раза превышал заработную плату квалифицированных рабочих, в 2,8 раза — заработок основной массы рабочих и был не ниже доходов мелких предпринимателей и средних чиновников. Такой же примерно была и оплата представителей профсоюзной и партийной бюрократии, численность которой достигала 20 тысяч человек. — См. *Б. Н. Михалевский, О рабочей аристократии в Германии накануне первой мировой войны, «Вопросы истории» № 1, 1955.*

² *В. И. Ленин, Оппортунизм и крах II Интернационала, Соч., т. 22, стр. 99.*

³ По установившейся традиции в социал-демократической партии было два равноправных председателя.

рабочего движения Августом Бебелем стал Гуго Гаазе, адвокат из Кёнигсберга, не обладавший ни качествами пролетарского трибуна, ни твердыми убеждениями закаленного марксиста, но зато искусно владевший «даром» замазывать и примирять противоречия, все более резко проявлявшиеся в партии. Через два года, после смерти А. Бебеля, председателем партии был избран Фридрих Эберт, тишичный партийный чиновник, в течение ряда лет ведавший в Центральном правлении вопросами партийного аппарата. Видную роль в партии стал играть и Филипп Шейдеман, экспансивный оратор, ловко умевший прикрыть убогость своей реформистской мысли громко звучащими фразами. Депутат рейхстага Густав Носке еще в 1908 г. снискал похвалы милитаристов своим заявлением при обсуждении вопроса об ассигнованиях на гонку вооружений, что в случае войны «социал-демократы не отстанут от буржуазных партий и вскинут ружья на плечи». И хотя эти и многие другие лидеры социал-демократии были выходцами из рабочего класса (Эберт был в молодости седельщиком, Шейдеман — печатником, Носке — деревообделочником, председатель Генеральной комиссии профсоюзов К. Легин — токарем), они всеми своими помыслами и действиями были крепко связаны с буржуазным строем.

Засилью в партии и профсоюзах обуржуазившихся «бонз», как их метко прозвали рабочие, в большой мере содействовали соглашатели и примиренцы типа Гаазе. Так называемое «центристское» течение, пользовавшееся в партии значительным влиянием, имело по сути дела общую с открытым оппортунизмом социальную базу и состояло в значительной мере из мелкобуржуазных попутчиков. Деятельность центристов была тем более опасной, что они широко пользовались для маскировки и обмана масс псевдореволюционной фразеологией. Идейным вдохновителем «центризма» был Карл Каутский, который долгое время считался главой марксистской школы не только в Германии, но и в Интернационале. Свой авторитет «ортодоксального марксиста» Каутский все чаще использовал для наиболее тонкого и изощренного извращения марксизма. Искусно жонглируя заученными им марксистскими цитатами, превращенными в бессодержательные формулы, он прикрывал ими наготу оппортунизма. Выступая иногда на словах против слишком уж явного при-

Карл Либкнехт

служничества буржуазии, Каутский на деле неизменно сползал на эти же позиции. Его соратниками были родоначальник ревизионизма Эдуард Бернштейн, политико-эконом Рудольф Гильфердинг и другие оппортунисты.

Обуржуазившейся верхушке партийной и профсоюзной бюрократии противостояло левое, революционное течение. В исключительно трудных условиях, подвергаясь полицейским преследованиям и травле со стороны оппортунистов и соглашателей, революционные социал-демократы мужественно отстаивали свои взгляды и вели большую пропагандистскую работу. Карл Либкнехт, сын одного из создателей германской социал-демократии Вильгельма Либкнехта, уже в юношеские годы завоевал широкую популярность, особенно среди социалистической молодежи, как пламенный трибун и смелый обличитель

капитализма. За свои выступления против милитаризма он в 1907 г. был осужден на полтора года тюремного заключения. Через несколько лет, избранный в рейхстаг, он выступил с его трибуны с гневным разоблачением роли пушечного короля Крупна в разжигании мировой войны. Активным борцом против ревизионизма в германском и международном рабочем движении была Роза Люксембург, автор ряда серьезных марксистских работ, не свободных, однако, от некоторых ошибок. В 1913 г. за антивоенные выступления она была приговорена к тюремному заключению. Видное место в рядах революционных борцов занимали выдающийся публицист, редактор и историкограф социал-демократии Франц Меринг, а также активная деятельница международного женского движения Клара Цеткин. Германские левые имели большие и серьезные революционные заслуги. Они неизменно поддерживали все выступления рабочего класса и содействовали пробуждению его классового самосознания. Но их главной слабостью было то, что они не решались пойти на прямой разрыв с оппортунистами и не создали самостоятельной революционной организации.

Фактический раскол рабочего движения, лишь внешне прикрытый единством социал-демократической партии, был наруку агрессивным кругам германской буржуазии и юнкерства, готовившимся к «большой войне». Эти круги прекрасно понимали, что успех военной авантюры будет в решающей степени зависеть от того, насколько им удастся обеспечить «единство тыла». И не случайно правительство Германии, считая летом 1914 г. внешнеполитические и военные условия благоприятными для развязывания войны, сочло необходимым еще до объявления мобилизации заручиться поддержкой со стороны лидеров социал-демократии и профсоюзов. Проведенный опрос показал, что социал-демократическая верхушка вполне созрела для открытой поддержки агрессивных планов империалистов¹. Все колебания и сомнения правящих кругов Германии были отброшены. Наступил момент, когда смогли заговорить пушки.

¹ Социал-демократический депутат рейхстага А. Зюдекум на вопрос статс-секретаря внутренних дел К. Дельбрюка заверил его от имени правления партии, что «не может быть и речи... о забастовке»

Роза Люксембург

ВОЙНА И ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ

4 августа 1914 г., в тот самый день, когда германские войска вторглись на территорию Бельгии, превратив договор о бельгийском нейтралитете в «клочок бумаги», в Берлине было созвано экстренное заседание германского рейхстага. Речь рейхсканцлера Бетман-Гольвега была полна лживых утверждений о якобы навязанной Герма-

или саботаже». — См. *C. Delbrück, Die wirtschaftliche Mobilmachung in Deutschland 1914, München 1924*. Новые данные об этих переговорах обнаружены недавно в одном из архивов. — См. «*Neue Dokumente über die Rolle Albert Südekums*». — «*ZfG*», 1954, Heft 4, S. 757—765.

нии «оборонительной войне» и призывами к сокрушению всех врагов. Его слова о «единстве всего немецкого народа» были прямо обращены к социал-демократам, как впрочем и слова кайзера, заявившего за несколько дней перед этим: «Я не знаю больше партий, я знаю только немцев»¹. Социал-демократические лидеры не обманули возлагавшихся на них надежд.

Декларация, прочитанная от имени социал-демократической фракции ее председателем Гаазе, была простым отголоском тронной речи и выступления рейхсканцлера. Фракция единогласно, вместе с депутатами буржуазно-юнкерских партий, проголосовала за пятимиллиардные ассигнования на военные нужды². Старый лозунг социал-демократии — «этой системе ни человека, ни гроша» — был выброшен и растоптан. Его место занял угодный буржуазии и монархии лозунг «гражданского мира». Рабочий класс, еще за несколько дней до этого принимавший на социал-демократических собраниях антивоенные резолюции, был застигнут врасплох и деморализован открытой изменой своих вождей. Этот день вошел в историю как день позорного падения ведущей партии II Интернационала, как начало краха Интернационала, разъединенного язвой оппортунизма.

Уже первые недели мировой войны вскрыли порочность авантюристических планов германской военщины. Стратегия Германии была рассчитана на то, чтобы путем концентрации превосходящих сил на одном из театров военных действий и нанесения стремительных, сокрушающих противника ударов избежать одновременной войны на двух фронтах. Однако, несмотря на огромный перевес сил немцев, бельгийские войска почти на две недели задержали их продвижение к французской границе. Еще более серьезным оказался просчет в отношении России. В первые же дни войны русские войска начали наступление против Австро-Венгрии в Галиции, а через две

¹ См. «Deutscher Geschichtskalender», 1914, Bd. II, S. 31.

² На заседании фракции накануне голосования в рейхстаге 14 ее членов во главе с К. Либкнехтом выступили против одобрения военных кредитов. Однако на пленуме рейхстага К. Либкнехт из ложно понятых соображений партийной дисциплины голосовал вместе со всей фракцией. Через несколько месяцев Либкнехт открыто порвал с социал-шовинистами, выступив в рейхстаге против военных кредитов. — См. об этом ниже, стр. 27.

недели они вступили в Восточную Пруссию. Правда, эта операция была плохо подготовлена, но она заставила влиятельных прусских юнкеров, испугавшихся за свои владения, добиться снятия с Западного фронта и срочной переброски на Восток двух армейских корпусов и кавалерийской дивизии. Ударная группировка немцев во Франции была ослаблена и это спасло французов от полного разгрома в сражении, разыгравшемся в начале сентября на р. Марне, менее чем в 40 км от Парижа. Битва на Марне, в которой с обеих сторон участвовало почти 2 миллиона человек и более 6 тысяч орудий, окончилась поражением немцев; они вынуждены были отойти на р. Эна. Надежды на окончание войны «до осеннего листопада» оказались несостоятельными. В конце сентября 1914 г. генерал Фалькенгайн, назначенный вскоре начальником Генерального штаба, докладывая о положении на фронтах, указывал, что «нет оснований отчаиваться., по события на Марне и в Галиции отодвинули исход войны на совершенно неопределенное время. Намерение быстро добиться решения, лежавшее до сих пор в основе немецкого способа ведения войны, сведено на нет»¹.

Весной и летом 1915 г. германское командование, ведя позиционную войну на Западе, перенесло центр тяжести боев на Восточный фронт, стремясь вывести из строя Россию. Наступательные операции в Польше не принесли, однако, немцам решающих успехов. Правда, русские войска, понеся большие потери, вынуждены были оставить значительную территорию и отойти в Восточную Польшу, но к осени 1915 г. русский фронт также превратился в позиционный. Не дали ожидаемого эффекта ни внезапное применение немцами под Ипром удушливых газов, ни подводная война против Англии, ни применение цепелинов для устрашающей бомбардировки английских городов.

Внутреннее положение Германии с затяжкой войны становилось напряженным. Уже в первые месяцы войны Германия понесла тяжелые людские потери. За пять месяцев 1914 г. выбыло из строя (убитые, раненые и пленные) более миллиона человек, что превышало весь контингент армии мирного времени. Германия вынуждена

¹ *E. v. Falkenhayn, Die Oberste Heeresleitung 1914—1916 in ihren wichtigsten Entschliessungen, Berlin 1920, S. 20.*

была призвать под ружье более 4 миллионов человек. Правители Германии не рассчитывали на длительную войну. Подготовленные запасы военного снаряжения и боеприпасов были израсходованы в первые же месяцы, и возникла необходимость значительного расширения военного производства, мобилизации всего хозяйства на обслуживание нужд фронта. В отрезанной от внешнего мира, блокированной английским флотом стране стала ощущаться нехватка сырья и продовольствия.

В Германии и до войны государство открыто содействовало монополизации хозяйства. Как только началась война, по предложению директора «Всобщей компании электричества» (АЭГ) Вальтера Ратенау при прусском военном министерстве был создан отдел военного сырья («Kriegsrohstoffabteilung») ¹. Этот отдел, сначала регламентировавший распределение сырья, вскоре стал распределять также и правительственные заказы, превратившись в руководящий орган военной экономики. В нем были представлены крупнейшие капиталистические монополии ², объединившиеся в так называемые «военные общества» — сверхсиндикаты, игравшие роль посредников между государственными органами и концернами ³. При помощи государственных органов осуществлялось принудительное синдицирование, усиливавшее концентрацию производства и капиталов и разорявшее мелких предпринимателей.

Другим органом государственного «регулирования» стало созданное весной 1916 г. военно-продовольственное ведомство («Kriegsernährungsamt»), во главе которого

¹ См. *W. Rathenau, Deutschlands Rohstoffversorgung*, Berlin 1919, S. 15. Одновременно был создан Военно-промышленный комитет («Kriegsindustrieausschuss»), в который вошли представители правительства и крупнейших организаций промышленников — «Zentralverband deutscher Industrie» и «Bund der Industriellen».

² Ближайшими помощниками В. Ратенау были: Клингенберг и фон Мёллендорф (АЭГ), Клёкнер (совладелец концерна Клёкнер), Шмиц (впоследствии директор «Дейче банк» и руководитель концерна «ИГ Фарбениндустри») и др. После ухода В. Ратенау с поста руководителя отдела его преемником стал ставленник рейнско-вестфальских магнатов майор Кёт. — См. *A. Müller, Die Kriegsrohstoffbewirtschaftung 1914—1918 im Dienste des deutschen Monopolkapitals*, Berlin 1955, S. 14—15, 17—18.

³ Важнейшими из «военных обществ» были: «Kriegsmetall AG», «Eisenzentrale», «Kriegschemikalien AG», «Kriegswollbedarf AG» и др.

был поставлен руководитель военного управления железных дорог генерал Вильгельм Грёнер. Под его покровительством юнкеры, взявшие на себя поставки продовольствия, получали крупные правительственные дотации.

Главную тяжесть гигантских военных расходов, возрастающих из месяца в месяц¹, правящие круги перекладывали на народные массы, в то время как фабриканты оружия бешено наживались на военных поставках. Так, фирма Круппа за три первых года войны сумела удвоить свою прибыль по сравнению с довоенной, а ее имущество увеличилось во время войны в четыре раза. Стиннес удесятерил свою собственность, доведя ее до миллиарда марок. Правительственные дотации, попавшие в карманы крупнейших предпринимателей, составили не менее 7—8 миллиардов марок. Так, государственное «регулирование» экономики было источником обогащения и усиления влияния крупнейших монополий, все более подчинявших себе «контролировавший» их государственный аппарат².

Сложившийся в Германии *военно-государственный монополистический капитализм* представлял из себя, по выражению В. И. Ленина, соединение «гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм, ставящий десятки миллионов людей в одну организацию государственного капитализма»³. Он означал на деле создание военной охраны максимальных прибылей для капиталистов, военной каторги для рабочих⁴.

Чем дольше продолжалась война, тем более сокращалось производство предметов народного потребления, тем шире применялись различные заменители и суррогаты. Вскоре более половины фабрично-заводских рабочих рабо-

¹ Ежедневные военные расходы Германии составляли в первые месяцы войны 36 млн. марок, на втором году войны они возросли до 67 млн. марок, а в третьем году достигли 100 млн. марок. К концу войны они составляли почти 150 млн. марок в день. — См. «Мировая война в цифрах», М.—Л. 1934, стр. 64.

² Согласно отчету рейхсбанка за 1918 г., капитал акционерных обществ, существовавших до войны, возрос в 1915—1918 гг. с 287 млн. до 953 млн. марок. За это же время были созданы новые акционерные общества с общим капиталом в 576,7 млн. марок. — См. В. Гриневич, Народное хозяйство Германии. Очерк развития (1800—1924), Берлин 1924, стр. 258.

³ В. И. Ленин, Война и революция, Соч., т. 24, стр. 368.

⁴ См. В. И. Ленин, Грозящая катастрофа и как с ней бороться. Соч., т. 25, стр. 332.

тало непосредственно на нужды фронта. В деревне уменьшалось количество мужской рабочей силы, проводились реквизиции лошадей, ощущалась нехватка удобрений и кормов, не обновлялись сельскохозяйственные машины, сокращались посевные площади, падала урожайность. В стране все острее чувствовался недостаток продовольствия. Все важнейшие продукты распределялись по карточкам, но нормы непрерывно снижались¹. Хотя голод и был в Германии, по выражению современников, «гениально организован», но от него жестоко страдали в первую очередь рабочие и их семьи.

Перенапряжение в труде и нарастание продовольственного кризиса вызывали недовольство и возмущение народных масс. Стала давать трещины политика правящих кругов, рассчитывавших при помощи социал-демократической верхушки использовать военную обстановку для подавления революционного движения, создания видимости «единства народа и монархии», «гражданского мира». Война не только не ослабила внутренних противоречий, но, наоборот, обострила и обнажила их. Революция, задержанная войной, стала все более явственно вырастать из самой войны.

Военно-государственный монополистический капитализм объективно содействовал созреванию революции в Германии.

С одной стороны, он чудовищно усиливал эксплуатацию рабочего класса, разорял значительные круги крестьян, ремесленников, торговцев, толкая народные массы на борьбу за свои права. С другой стороны, он настолько обобществил производство и распределение, что стало возможным регулирование всей хозяйственной жизни из одного центра под руководством юнкерского правительства в интересах кучки финансовых тузов. Это свидетельствовало о полной зрелости экономики для перехода средств производства в руки народа и руководства обществом со стороны организованного пролетариата в инте-

¹ В конце 1916 г. нормы хлеба составляли 200—225 г муки в день, мяса — 250 г в неделю. Калорийность пайка была менее половины довоенного потребления. — См. *A. Dix, Wirtschaftskrieg und Kriegswirtschaft*, Berlin 1920, S. 293; *R. Meerwarth, A. Gunther, W. Zimmermann, Die Einwirkungen des Krieges auf Bevölkerungsbewegung, Einkommen und Lebenshaltung in Deutschland*, Stuttgart—Berlin—Leipzig 1932, S. 448 u. a.

ресах всех трудящихся. «Диалектика истории именно такова, — писал Ленин, — что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, тем самым необычайно приблизила человечество к социализму»¹.

Ухудшение экономического положения трудящихся, углубление их политического бесправия обостряли ненависть народных масс к губительной войне. Постепенно рассеивался угар национализма и шовинизма, которым на первых порах были одурманены значительные слои населения. Уже в конце 1914 г. в Силезии и Берлине происходили разрозненные стачки, которые профсоюзные лидеры называли «дикими». В рождественские дни 1914 г. на Западном фронте имели место братания солдат, серьезно испугавшие командование².

«ГЛАВНЫЙ ВРАГ — В СОБСТВЕННОЙ СТРАНЕ!»

Стихийные проявления антивоенных настроений нуждались в объединении. Во главе антивоенного движения становятся революционные руководители пролетариата. 2 декабря 1914 г. в рейхстаге состоялось второе голосование военных кредитов. Карл Либкнехт проголосовал против новых ассигнований на войну. Ему не дали слова, но в письменном обосновании он решительно заявил: «Эта война, которой не желал ни один из участвующих в ней народов, разгорелась не ради блага германского или какого-либо другого народа. Речь идет об империалистической войне, о войне за капиталистическое господство на мировом рынке, о политическом захвате важных территорий для промышленного и банковского капитала»³.

Слова и действия Карла Либкнехта, смело бросившего вызов империалистическому правительству и его социал-демократическим прислужникам, стали известны не только в Германии, но и во всем мире. Его имя стало с этих пор символом преданности вождя интересам проле-

¹ В. И. Ленин, Грозная катастрофа и как с ней бороться, Соч., т. 25, стр. 333.

² См. З. К. Эггерт, Борьба классов и партий в Германии, стр. 95—96.

³ К. Liebknecht, Zur Kriegssitzung des Reichstages. — Ausgewählte Reden, Briefe und Aufsätze, Berlin 1952, S. 281.

тариата, верности социалистической революции, символом искренней, готовой на жертвы, беспощадной борьбы с капитализмом. Лозунги, сформулированные вскоре Либкнехтом и его друзьями, — «Главный враг — в собственной стране!», «Не гражданский мир, а гражданская война!» — означали их присоединение на деле к лозунгам, выдвинутым Лениным и русскими большевиками.

Выступление Либкнехта в рейхстаге вызвало негодование не только у социал-шовинистов, но и у центристов. На заседании фракции 2 февраля 1915 г. над ним было устроено настоящее судилище как над «нарушителем дисциплины»¹. Но он продолжал всеми доступными ему средствами использовать парламентскую трибуну, применяя тактику «мелких запросов», разоблачавших правительство². Вскоре Либкнехт был исключен из социал-демократической фракции, а власти мобилизовали его в армию.

В марте 1915 г. германские левые — Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Франц Меринг, Клара Цеткин и другие, — не имевшие до этого самостоятельного центра, сплотились вокруг созданного ими журнала «Die Internationale», который, однако, после выхода первого номера, был сразу же запрещен. 1 января 1916 г. они на конференции в Берлине образовали группу «Спартак», которая вскоре сумела наладить периодический выпуск нелегальных «писем Спартака» и листовок³. Деятельность этой группы, мужественно работавшей в трудных условиях военно-полицейского режима, сыграла большую роль в пробуждении революционной активности германского пролетариата, хотя ее руководители не всегда договаривали до конца революционные лозунги и, не решаясь организационно порвать с соглашателями, оставались в рядах социал-демократической партии⁴.

¹ См. К. Либкнехт, *Disziplinbrüche*. — *Ausgewählte Reden...*, S. 289.

² См. там же, стр. 345—351, 439—441 и др.

³ Наряду с группой «Спартак» существовали и менее значительные группы: «левые радикалы», издававшие в Бремене газету «*Bremer Bürgerzeitung*», а затем с 1916 г. — еженедельник «*Arbeiterpolitik*», группа «Интернациональных социалистов Германии» во главе с Ю. Борхардтом, издателем журнала «*Lichtstrahlen*», и другие.

⁴ В начале 1916 г. спартаковцы издали нелегальную брошюру Р. Люксембург «Кризис социал-демократии». В. И. Ленин, отметив, что в общем это — «прекрасная марксистская работа», в то же время

В 1915 г. произошло несколько демонстраций женщин и молодежи, требовавших мира и мер против дороговизны. Количество стачечников в разных концах страны достигло, по официальным данным, 15 тысяч. Стремясь дать новый толчок антивоенному движению, Карл Либкнехт и его соратники, невзирая на осадное положение и полицейские преследования, организовали 1 мая 1916 г. на Потсдамской площади в Берлине демонстрацию под лозунгами «Хлеба! Свободы! Мира!» На площади собралось несколько тысяч рабочих. Полиция держалась наготове. Едва Либкнехт провозгласил несколько раз «Долой войну, долой правительство!», как был схвачен полицейскими и увезен в тюрьму.

Рейхстаг специальным решением лишил Либкнехта парламентской неприкосновенности, и он был предан военному суду. На суде в июне 1916 г. Карл Либкнехт заявил: «Я здесь для того, чтобы обвинять, а не для того, чтобы защищаться. Не гражданский мир, а гражданская война — вот мой лозунг. Долой войну! Долой правительство!»¹ Изданная нелегальной листовкой мужественная речь Либкнехта произвела большое впечатление на трудящихся. Более 55 тысяч рабочих Берлина и несколько десятков тысяч рабочих Бремена, Брауншвейга, Штутгарта и других городов приняли участие в забастовках протеста против осуждения Либкнехта². Это была первая волна политических стачек в Германии во время войны.

Заметный рост недовольства народных масс вынудил и социал-демократических лидеров лавировать и маневрировать, чтобы сохранить свое влияние. Наиболее ловкими оказались в этом деле центристы. Каутский, а вслед за ним Бернштейн и Гаазе усиленно заговорили о мире, стали «осуждать» аннексии; группа их сторонников в рейхстаге даже голосовала в декабре 1915 г. против

указал на ряд ошибок и слабостей, свойственных автору и всем немецким левым: «отсутствие сплоченной нелегальной организации, систематически ведущей свою линию и воспитывающей массы» в духе ненависти к оппортунистам и каутскианцам; отрицание национальных войн в эпоху империализма; выдвигание «национальной программы» вместо ясного лозунга гражданской войны за социализм. — См. В. И. Ленин, О брошюре Юниуса, Соч., т. 22, стр. 291—305.

¹ К. Liebknecht, Erklärung in der Hauptverhandlung, überreicht am 26. Juni 1916. — Ausgewählte Reden., S. 424—428.

² Военный суд высшей инстанции увеличил наказание с 2½ до 4-х лет каторжной тюрьмы.

военных кредитов¹. Но в то же самое время центристы вместе с социал-шовинистами продолжали твердить о «защите отечества», а социал-демократическая печать, например редактируемая Носке газета «Chemnitzer Volksstimme», не только поносила спартаковцев, но и прямо указывала властям имена соратников Либкнехта. Вскоре были брошены в тюрьмы Роза Люксембург, престарелый Франц Меринг, Клара Цеткин, Юлиан Мархлевский и другие². Однако рост антивоенной борьбы трудящихся остановить не удавалось.

Военно-стратегическое положение Германии в 1916 г. ухудшилось. Продолжавшиеся более полугода попытки немецких войск взять штурмом сильно укрепленную французскую крепость Верден, стоившие огромных жертв, окончились неудачей. Контрнаступление англо-французских войск на р. Сомме, в котором впервые были применены танки, правда, тоже не дало сколько-нибудь существенных результатов, однако значительные потери были для немцев особенно ощутимыми. Морское сражение при Скагерраке также было безрезультатным, но после него германский надводный флот уже не вел активных действий. Летнее наступление русских войск на австрийском фронте заставило германское командование прийти на помощь своему обессиленному союзнику. Стратегическая инициатива все более переходила к Антанте, опирающейся на преобладающие людские и материальные ресурсы.

Военные неудачи обострили давно уже назревавшие разногласия в правящем лагере относительно методов ведения войны. Пангерманско-прусская группировка, в которой на первый план выдвинулись генералы Гинденбург и Людендорф, требовала проведения крутых мер по мобилизации всех резервов для нужд фронта. Она считала, что объявление беспощадной подводной войны может сломить сопротивление Англии и тем самым обеспечить решающий перелом в ходе военных действий. Другая груп-

¹ В начале 1916 г. правление СДПГ осудило это выступление. Гаазе был заменен на посту председателя фракции в рейхстаге Эбертом.

² В течение года — с февраля 1915 по февраль 1916 г. — Р. Люксембург отбывала тюремное заключение по довоенному приговору суда «за оскорбление немецкой армии». 10 июля 1916 г. она была снова арестована и оставалась в тюрьме до Ноябрьской революции 1918 г.

шения», но и одновременно значительное усиление влияния военизации на всю политическую жизнь страны.

Военное командование прежде всего потребовало увеличения военно-промышленного производства и использования всех ресурсов для ведения войны. Была провозглашена так называемая «программа Гинденбурга» и создано специальное Военное ведомство («Kriegsamt») во главе с генералом Грёнером для координации всего военного хозяйства. 5 декабря рейхстаг одобрил закон о «вспомогательной службе отечеству», который оформил милитаризацию труда¹, вводил принудительную трудовую повинность для мужчин от 17 до 60 лет, отменял все ограничения капиталистической эксплуатации, разрешал принудительное перемещение рабочих, запрещал стачки и т. п. Еще более увеличился рабочий день, все шире использовался низко оплачиваемый труд женщин и подростков².

«Германия — настоящая каторжная тюрьма», — писала о новом законе группа «Спартак»³. А между тем социал-шовинисты услужливо пытались изобразить эти мероприятия, как установление в Германии мирным путем некоего «военного социализма». Но рабочие, видимо, не очень-то верили этим лживым заверениям и усиливали сопротивление эксплуататорам. В 1916 г., по официальным данным, произошло 240 стачек со 129 тысячами участников⁴.

Осуществляя мероприятия по мобилизации всех сил для продолжения войны, германские правящие круги

¹ Первый приказ, ограничивавший переход рабочих, выполнявших военные заказы, с одного предприятия на другое, был издан еще в январе 1915 г. — См. R. Müller, *Vom Kaiserreich zur Republik*, Bd. I, Wien 1924, S. 171.

² Число женщин, занятых в горной, химической и машиностроительной промышленности, увеличилось за годы войны в 7—8 раз. Зарплата женщин составляла около 44% зарплаты мужчин, подростки получали еще меньше. — См. Ch. Lorenz, *Die gewerbliche Frauenarbeit während des Krieges*. В книге: «Wirtschafts- und Sozialgeschichte des Weltkrieges», Stuttgart — Berlin — Leipzig 1928, S. 346—348; Ю. Кучинский, *История условий труда в Германии*, М. 1949, стр. 226, 233—234.

³ Так была озаглавлена листовка, написанная Ю. Мархлевским-Карским. — См. «Spartakus im Kriege. Die illegalen Flugblätter des Spartakusbundes». Berlin 1927, S. 153—158.

⁴ Количество потерянных рабочих дней составило в 1916 г. 245 404, превысив более, чем в 5 раз соответствующее количество в предыдущем году. — См. «Statistik des Deutschen Reichs», Bd. 290, Berlin 1920, S. 19*.

одновременно усилили свою дипломатическую активность. 12 декабря 1916 г. канцлер Бетман-Гольвег объявил о решении германского правительства обратиться при посредстве нейтральных стран к державам Антанты с предложением начать мирные переговоры. Нота германского правительства подчеркивала якобы оборонительный характер войны со стороны центральных держав и вместе с тем делала упор на военные успехи Германии. Нота заканчивалась угрозой, что, если мирное предложение Германии не будет принято, она готова продолжать войну до победы. Это «мирное предложение» было проявлением того поворота в мировой политике от империалистической войны к империалистическому миру, на который в это время указывал В. И. Ленин¹.

Германская буржуазная и социал-демократическая печать принялась на все лады расхваливать «миролюбие» Германии. Но страны Антанты без труда разгадали смысл маневра и отказались вести переговоры на такой основе. Правящие круги Германии немедленно использовали этот отказ для разжигания шовинистических настроений в народе и для проведения решения о «неограниченной» подводной войне.

Однако «программа Гинденбурга» не принесла ожидаемого перелома. В первые месяцы 1917 г. внутреннее и военное положение Германии не только не улучшилось, а, наоборот, заметно ухудшилось. Хозяйственное истощение страны ощущалось все острее. Неурожай картофеля в 1916 г. привел к тому, что главным продуктом питания населения стала кормовая брюква. Во время «брюквенной зимы» 1916/1917 г. по стране прокатилась волна голодных демонстраций. Несмотря на чрезвычайные меры, производство металла и добыча угля падали. Беспощадная подводная война тоже не давала желаемого эффекта. Зато она явилась удобным поводом для вступления в войну на стороне Антанты Соединенных Штатов Америки (апрель 1917 г.), которые, предвидя скорое окончание войны, стремились обеспечить себе выгодные позиции при решении вопросов послевоенного урегулирования. Все более очевидное превосходство стран Антанты в людских ресурсах, артиллерии и танках

¹ См. В. И. Ленин, Поворот в мировой политике, Соч., т. 23, стр. 256—258.

заставили германское командование перейти на всех фронтах к стратегической обороне.

В стране усиливалось недовольство войной, стихийно прорывавшееся то в одном, то в другом месте. Отражением этого недовольства явились новые маневры центристских лидеров социал-демократии, выступивших с так называемым «Манифестом о мире», бессодержательные пацифистские фразы которого призваны были отвлечь внимание рабочих от революционных выступлений.

«СДЕЛАЙТЕ КАК В РОССИИ!»

Серьезнейшим толчком, сразу поднявшим антивоенное движение немецких трудящихся на новую высоту, явилась Февральская революция в России. Свержение династии Романовых поколебало и трон Гогенцоллернов. О большом влиянии русской революции на Германию свидетельствовали как заявления самых отъявленных реакционеров, так и отзывы революционных руководителей. Статс-секретарь внутренних дел, бывший директор Немецкого банка К. Гельферих отмечал, что «только со времени русской революции, в марте 1917 г., внутренние политические вопросы наряду с господствовавшими над всем военными вопросами выступили и в Германии на первый план»¹. А генерал Людендорф даже утверждал впоследствии, что поражение Германии в войне «явно началось с русской революции»².

В это же время Роза Люксембург, томившаяся в тюрьме Вронке, при первых известиях о русской революции призывала друзей всеми силами использовать события в России для активизации антивоенного и революционного движения в Германии. «Я боюсь, — писала она, — что вы недостаточно высоко оцениваете, недостаточно чувствуете, что это наше собственное дело, которое там побеждает... Я глубоко убеждена, что теперь начинается новая эпоха и что война не может больше долго длиться»³.

¹ К. Helfferich, Der Weltkrieg, Berlin 1919, Bd. 3, S. 92.

² Э. Людендорф, Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., ч. II, М. 1924, стр. 37.

³ R. Luxemburg, Briefe an Freunde, Hamburg 1950, S. 157.

Под непосредственным впечатлением сообщений о русской революции и в знак солидарности с ней в Германии 16 апреля 1917 г. вспыхнула массовая забастовка, носившая политический характер. Центром борьбы был Берлин, где в стачку включилось более 300 предприятий, прежде всего военных заводов. Работу бросили почти 300 тысяч рабочих. По предложению спартаковцев был создан комитет «революционных старост», в который вошли представители рабочих крупнейших предприятий Берлина. Волна забастовок прокатилась также по Руру, захватила Брауншвейг, Галле, Магдебург. Особенно бурно протекала стачка в Лейпциге, где был создан по русскому образцу рабочий Совет и рабочие требовали мира без аннексий, свободы собраний и союзов, отмены осадного положения и цензуры¹.

В ответ на стачку германское правительство обрушило на рабочих град суровых репрессий. За 3 месяца, прошедшие после стачки, было вынесено столько же судебных приговоров «за измену», сколько за предыдущие 3 года. Еще более была усилена милитаризация производства. Начальник Военного ведомства генерал Грёнер, пытаясь запугать рабочих, в специальном обращении назвал забастовщиков «подлецами» и грозно спрашивал: «Кто смеет не работать, когда Гинденбург приказывает работать?» Социал-демократические партийные и профсоюзные главы поспешили объявить стачку в военное время «безумием» и «бессмыслицей»².

Понимая, однако, что одних карательных мер недостаточно для успокоения взбудораженных масс, правители Германии сочли необходимым обещать проведение некоторых реформ. 7 апреля 1917 г. было обнародовано так называемое «пасхальное послание» кайзера, в котором содержались нарочито туманные фразы о «новой ориен-

¹ См. *K. Mammach, Der Einfluss der russischen Februarrevolution und der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution auf die deutsche Arbeiterbewegung*, Berlin 1955 (в дальнейшем: *K. Mammach, Der Einfluss...*), S. 22.

² Генерал Грёнер говорил впоследствии, что «получал со стороны профсоюзов и социал-демократии только самую лучшую помощь». Он встречался «с глазу на глаз» и с лидером центристов — Гаазе, который обещал содействовать тому, чтобы не допустить забастовок 1 мая. — См. «*Der Dolchstoß-Prozess in München. Oktober-November 1925*», München 1925 (в дальнейшем: «*Der Dolchstoß-Prozess*»), S. 200—201.

таций», о реформе конституции и устранении в Пруссии пресловутой трехклассной избирательной системы, причем все это лишь «после возвращения воинов», т. е. по окончании войны. Даже эти куцые обещания вызвали у правых социал-демократических лидеров приступ верно-подданнического восторга и умиления. Так, например, Г. Кунов писал: «Возвещенная реформа для будущего развития германской империи имеет, быть может, не меньшее значение, чем русская революция для России...»¹

Каутский и его друзья откликнулись на русскую революцию и «новую ориентацию» германского правительства внесением в рейхстаг ряда предложений о «демократизации» при сохранении существующего строя. В своем заявлении они заклинали трудящихся воздерживаться от «путчей» и «голодных бунтов» и стремились принизить значение событий в России под предлогом, что «нельзя схематически перенести революционные методы одной страны в другую». Совершенно справедливо Роза Люксембург в одном из «писем Спартака» охарактеризовала позицию каутскианцев как «классический цветок истинного... неисправимого парламентского кретинизма»².

Но каутскианцы не могли не видеть, что усиление революционных настроений рабочих, постепенно створачивавшихся от открытых социал-шовинистов, грозит и им потерей влияния. Со свойственной им изворотливостью центристские лидеры во главе с Каутским, Гильфердингом, Бернштейном, Гаазе и другими решили отмежеваться от правых социал-демократов. В апреле 1917 г. на конференции в Готе было принято решение о создании самостоятельной партии — «Независимой социал-демократической партии Германии» (НСДПГ)³. Привлеченные революционными лозунгами, в новую партию сразу влились более ста тысяч социал-демократических рабочих, искавших новых путей, — около одной трети старой социал-демократической партии.

¹ «Die Glocke», 1917, Heft 2.

² R. Luxemburg, Zwei Osterbotschaften. — Ausgewählte Reden und Schriften, Berlin 1951, Bd. II, S. 591.

³ «Старую» социал-демократическую партию стали с этого времени часто именовать «социал-демократией большинства». Правильнее говорить о «правой социал-демократии». В. И. Ленин нередко называл лидеров этой партии «шейдемановцами», а руководителей НСДПГ — «независимцами» или «каутскианцами».

Объединив вокруг себя лучшую, наиболее активную часть пролетариата, центристские вожди вовсе не думали о мобилизации масс на революционные действия. Учредительный съезд НСДПГ не принял новой программы, предложив руководствоваться внесенными в рейхстаг требованиями о «демократизации». Леворадикальные группы Бремена и Гамбурга выступили против объединения с центристами, за создание отдельной революционной партии. Однако руководители спартаковцев настояли, чтобы группа «Спартак» вошла в состав НСДПГ, сохраняя при этом политическую самостоятельность, продолжая нелегальную работу и борьбу за освобождение масс из-под влияния центристских лидеров. Выступая на съезде, представитель спартаковцев Геккерт резко критиковал Каутского за распространение пацифистских иллюзий и требовал призыва к революционным действиям. Но его голос прозвучал одиноко. Ошибочность позиции спартаковцев, отказавшихся от создания самостоятельной революционной партии и волей-неволей способствовавших тому, что рабочие массы видели в НСДПГ единственную революционную партию, была осознана руководителями «Спартака» лишь со значительным опозданием.

Ни репрессии, ни демагогические обещания не могли уже остановить радикализацию масс. Под влиянием растущего голода и хозяйственной разрухи все более широкие слои населения проникались сознанием бесперспективности войны. Голодные стачки и уличные выступления широкой волной прокатились по всей стране, захватив Бремен, Кёльн, Магдебург, Брауншвейг, Кёнигсберг, Гамбург, Лейпциг, Штеттин, Галле, города Рура и Верхней Силезии. Первомайские демонстрации почти повсеместно прошли вопреки стараниям партийных и профсоюзных чиновников под лозунгом «Долой войну!» Полиция и военные власти были серьезно озабочены тем, что на денежных знаках стали появляться несмываемые надписи: «Не может быть мира без революции!», «Сделайте как в России, тогда мы получим мир!» и т. п.¹

Летом 1917 г. развернулось революционное движение среди матросов военного флота в Вильгельмсгафене, на котором тоже ясно сказалось влияние русской революции. В одной из листовок матросского подпольного центра

¹ К. Mammach, *Der Einfluss...*, S. 69.

было прямо сказано, что «заря русской революции пробудила также и немецких матросов». А в письме руководителя движения матроса броненосца «Фридрих Великий» Макса Рейхпича, адресованном всем корабельным группам, говорилось: «Мы должны разъяснить людям, что камбузные комиссии являются первым шагом к образованию матросских Советов по русскому образцу»¹. Матросы стремились к миру, но, находясь в основном под влиянием каутскианцев, не совсем ясно представляли себе, как его добиться. Постепенно созрела идея об организации «всеобщей стачки флота», которая должна была заставить правительство заключить мир². Коллективные отказы от пищи, сбор подписей под воззваниями, самовольные уходы с кораблей, собрания и митинги становились все более частыми и массовыми и в начале августа 1917 г. приняли на корабле «Принц-регент Луитпольд» характер открытого выступления³. В августе власти арестовали несколько сот наиболее активных матросов, среди которых были и руководители матросского центра. Расправа с военными моряками была жестокой. Рейхпич и кочегар корабля «Принц-регент Луитпольд» Кёбис были казнены, 50 моряков были осуждены в общей сложности на 400 лет тюрьмы и каторги. Назревшее во флоте восстание было сорвано, но выступления моряков свидетельствовали о нарастании в стране революционного кризиса, о вовлечении в антивоенную борьбу все более широких слоев народа.

Недовольство и возмущение войной, гибелью на фронтах родных и близких, реквизициями продовольствия и тягла усиливались и в деревне. Приверженность крестьян к монархии была серьезно поколеблена⁴. Движение протеста стало охватывать и мелкобуржуазные слои городов⁵. В войсках русско-германского фронта широкий размах приобрели братания солдат.

¹ См. *A. Schreiner, Zur Geschichte der deutschen Aussenpolitik 1871—1945, Bd. I, Berlin 1955, S. 402.*

² См. *H. Beckers, Wie ich zum Tode verurteilt wurde, Leipzig 1927, S. 33—34, 44—46.*

³ См. *H. Bernhard, Unveröffentlichte Dokumente zum Aufstand in der deutschen Hochseeflotte im Sommer 1917. — «ZfG», 1957, Heft 5, S. 1053.*

⁴ См. *W. Mattes, Die bayerischen Bauernräte, Stuttgart — Berlin 1924, S. 64.*

⁵ См. *З. К. Эгерт, Борьба классов и партий в Германии, стр. 441.*

Рост антивоенных выступлений широких народных масс и дальнейшее ухудшение военного положения обострили противоречия в правящей верхушке, обусловили начало кризиса «верхов».

В то время как наиболее ярые аннексионисты из числа пангерманцев во главе с кайзером, Гинденбургом и Людендорфом все еще считали, что драконовскими мерами можно заставить народ завоевать «немецкий мир», в буржуазных кругах росло число сторонников скорейшего окончания войны компромиссом. В ходе войны буржуазно-либеральные круги значительно усилили свои позиции. Развитие военно-государственного монополистического капитализма укрепило экономическую мощь магнатов промышленности и банков и их влияние на государственные органы. Монополисты стали энергичнее добиваться непосредственного участия в определении политического курса, особенно, когда стало очевидно, что юнкерско-монархический аппарат не способен ни успешно решить военные задачи, ни удержать народные массы в повиновении.

Серьезно напуганные ростом революционного движения в стране и угрозой военного поражения, буржуазно-либеральные партии и правые лидеры социал-демократии стали требовать от правительства заявления о готовности Германии к миру и обещания о «парламентаризации» режима, чтобы отвлечь массы от еще большего усиления борьбы.

В начале июля для вотирования новых военных кредитов был созван рейхстаг. В его кулуарах был образован межфракционный комитет из представителей трех партий: партии центра, прогрессистов и социал-демократов. Складывавшийся буржуазно-социал-демократический блок повел атаку против Бетман-Гольвега. Канцлер, еще ранее подвергшийся нападкам со стороны верховного командования, считавшего его слишком «либеральным», вынужден был уйти в отставку. Его преемником стал Михаэлис, послушный исполнитель воли Гинденбурга и Людендорфа, которые таким образом обеспечили себе безраздельное влияние не только на военную, но и на внутреннюю политику правительства. Рейхстаг, правда, принял 19 июля так называемую «мирную резолюцию», предложенную партиями блока, но она была сформулирована

столь расплывчато, что ее можно было толковать как угодно¹.

Таким образом, июльский кризис 1917 г. закончился установлением диктатуры пангерманской группировки. Но в то же время он свидетельствовал о появлении серьезной трещины в «верхах», которая неминуемо должна была углубиться. Канцлерство Михаэлиса оказалось непродолжительным, так как он был явно неспособен ни установить контакт с рейхстагом, ни «сильной рукой» осуществлять планы военного командования. В конце октября 1917 г. он был заменен престарелым графом Гертлингом, более искусным в политике лавирования, которая одна только могла на некоторое время отсрочить обострение «кризиса верхов».

Хотя осенью 1917 г. быстро нараставший в Германии революционный кризис достиг уже значительной остроты, все же германский пролетариат, расколотый соглашениями, не смог в это время подняться на революцию.

«В РОССИИ ПРОБИЛ РЕШАЮЩИЙ ЧАС!»

Важнейшие события, коренным образом изменившие условия борьбы пролетариев всех стран и открывшие новую эру в истории человечества, произошли в России. Русские рабочие и солдаты, свергнувшие царское самодержавие, не остановились на полпути. В. И. Ленин и партия большевиков указали измученным рабочим, солдатам и крестьянам путь выхода из войны, путь освобождения из-под ярма капиталистической эксплуатации, от помещичьей кабалы и деспотического гнета, путь социалистической революции. 7 ноября (25 октября) 1917 г. трудовой народ во главе с рабочим классом низверг в России власть буржуазии. Рабочие и трудящиеся крестьяне сами стали во главе государства, установив в центре и на местах власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Советская власть провозгласила своей первой задачей борьбу за прекращение империалистической войны. Исторический декрет о мире предлагал правительствам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие для ведения открытых переговоров о демократическом мире без

¹ См. З. К. Эггерт, Борьба классов и партий в Германии, гл. IX.

аннексий и контрибуций. Он призывал сознательных рабочих Англии, Франции и Германии помочь «успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации»¹

Декретом о земле Советская власть осуществила вековые чаяния крестьянства, отменив частную собственность на землю и передав помещицы, удельные и монастырские земли в безвозмездное пользование всех трудящихся. Советская власть отняла у буржуазии самую основу ее могущества — собственность на средства производства, которые стали общенародным достоянием. Тем самым были созданы основные предпосылки для полного и окончательного уничтожения всякой эксплуатации человека человеком.

Естественно, что такая революция имела значение не только для одной России. По самой своей сущности она была революцией интернационального, мирового порядка. Прорвав фронт империализма в его слабом звене, она подорвала равновесие всей капиталистической системы, вступившей в полосу общего кризиса.

Громадное революционизирующее воздействие Октябрьской революции сказалось прежде всего в странах, где народ особенно тяжело страдал от губительной войны. Дело было, разумеется, не в «экспорте русской революции», о чем сразу стала вопить перепуганная буржуазия. Революции, как известно, не привносятся извне, а развиваются по мере назревания классовых противоречий в самой стране. Но великий пример России, где народ сумел разорвать путы империализма и поставить у власти правительство, решительно требовавшее прекращения мировой бойни, не мог не содействовать росту революционной активности трудящихся масс во всех воюющих странах.

Октябрьская революция и в первую очередь ее лозунг немедленного мира нашли горячий сочувственный отклик у народов Германии и Австро-Венгрии, еще ранее развернувших энергичную антивоенную борьбу. Хотя в условиях войны известия, доходившие до рабочих и солдат, были скудными и часто искажались буржуазной пропа-

¹ В. И. Ленин, Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г. Доклад о мире 26 октября (8 ноября), Соч., т. 26, стр. 220; «Документы внешней политики СССР», т. 1. М. 1957, стр. 14.

гандой, все же правда о Советской России проникла на заводы и в окопы.

Революционные руководители германского пролетариата с восторгом приветствовали победу рабочих и крестьян России, несмотря на то что не сразу смогли полностью понять и правильно оценить отдельные мероприятия Советской власти. Роза Люксембург писала друзьям из тюрьмы, что «русская революция является важнейшим событием мировой войны», и с одобрением отмечала ее «беспримерный радикализм и глубокое воздействие на весь мир»¹. Карл Либкнехт, томившийся на каторге, со свойственной ему революционной страстностью писал, что более всего хотел бы прийти на помощь русской революции и делу мира и отдать этому делу тысячи жизней, если бы они у него были. Столь же горячо приветствовали Советское правительство и Ленина Франц Меринг, Клара Цеткин, лидер бременских левых радикалов Йоганн Книфф².

В нелегальной листовке спартаковцев, распространявшейся в ноябре 1917 г. среди рабочих Берлина и Саксонии, говорилось: «В России пробил решающий час!.. С несравненным мужеством, не страшась жертв, не жалея крови собственного сердца, борются сейчас русские пролетарии, опираясь на крестьянство, за сохранение и укрепление только что завоеванной государственной власти. Цель, которую они преследуют, двоякая: *конец братоубийственной войны, начало осуществления социализма*»³. Листовка призывала немецких рабочих последовать рус-

¹ R. Luxemburg, Die russische Revolution, Berlin 1922, S. 67. Р. Люксембург в своих первых откликах не сумела понять правильности политики большевиков в вопросе о земле, о праве наций на самоопределение, о разгоне Учредительного собрания и некоторых других. Многие из этих своих ошибок она сама признала впоследствии. Но с самого начала Р. Люксембург видела «бессмертную историческую заслугу» большевиков в том, что «они, завоевав политическую власть и практически поставив проблему осуществления социализма, пошли впереди международного пролетариата и дали мощный толчок борьбе между трудом и капиталом во всем мире». — См. там же, стр. 119—120.

² См. W. Pieck, Karl Liebknechts Vermächtnis für unseren Kampf gegen Remilitarisierung und Kriegsgefahr. В книге: K. Liebknecht, Ausgewählte Reden..., S. 29; «Zur Geschichte der KPD», S. 35; C. Zetkin, Ausgewählte Reden und Schriften, Bd. I, Berlin 1957, S. 766—777; В. И. Ленин, Письмо К. Цеткин 26. VII. 1918. Соч., т. 35, стр. 282; «Arbeiterpolitik», 17. XI, 15. XII. 1917.

³ «Spartakus im Kriege», S. 194.

скому примеру, решительно подняться на массовую борьбу за мир, свободу и хлеб, за социализм.

Призывы спартаковцев падали на благоприятную почву. 25 ноября в Берлине стихийно возникла крупная антивоенная демонстрация, прошедшая под лозунгами: «Да здравствует Советская Россия!», «Свободу Либкнехту!», «Мы требуем мира!» Демонстрации и митинги происходили в Лейпциге, Мангейме, Штеттине, Гамбурге, Бремене, Эссене и других городах. На русско-германском фронте усилилось братание солдат, особенно после того как стало известно переданное 22 ноября 1917 г. по радио распоряжение В. И. Ленина, что Совнарком дает право полкам, стоящим на позициях, самим вступать в переговоры о перемирии с неприятелем¹. Такое «окошное перемирие», или «солдатский мир», как его стали называть, установилось вскоре на многих участках фронта².

Германские правящие круги решили использовать готовность Советской России к миру в своих захватнических целях. Поскольку страны Антанты отвергли советские предложения о всеобщем мире, Советская республика оказалась вынужденной пойти на сепаратные переговоры с Германией. 15 декабря было подписано перемирие сроком на 28 дней.

22 декабря 1917 г. в Брест-Литовске начались переговоры о мире. Они очень скоро вскрыли аннексионистские, разбойничьи планы германских империалистов. Германские военные и дипломатические представители предъявили требования, имевшие целью ограбить и расчленить Россию, превратить Украину, Прибалтику, Закавказье в германские колонии. Главной же целью германских империалистов было удушение русской революции, свержение Советской власти, что, по их мнению, должно было ослабить также и революционное движение, ширившееся в Германии.

Позиция, занятая на переговорах генералом Гофманом и статс-секретарем иностранных дел фон Кюльманом, вполне соответствовала указаниям Гинденбурга — Люден-

¹ См. В. И. Ленин, Радио всем, Соч., т. 26, стр. 279—280.

² О братании на фронтах см. «История гражданской войны в СССР», т. II, М. 1946, стр. 35, 226 и др. А. Норден также приводит ряд фактов, описанных очевидцами и участниками событий на советско-германском фронте. — См. А. Norden, Zwischen Berlin und Moskau, Berlin 1954, S. 77—86.

дорфа и отвечала интересам пангерманцев, монополистов и юнкеров. Ее поддержали и кайзеровские социалисты. Но миллионы германских трудящихся, внимательно следивших за ходом мирных переговоров, оценивали эту позицию совсем иначе.

Известия о наглых требованиях империалистов вызвали возмущение у германских рабочих. В начале января 1918 г. группа «Спартак» в «Письме Спартака № 8» изложила важнейшие условия борьбы немецкого народа за демократический мир. «Всеобщий мир, — говорилось в нем, — не может быть достигнут без свержения господствующей в Германии власти. Только с факелом революции, только в открытой массовой борьбе за политическую власть, за господство народа и за республику в Германии можно сейчас воспрепятствовать новой вспышке бойни народов и триумфу германских аннексионистов на Востоке и Западе. Германские рабочие призваны сейчас понести знамя революции и мира с Востока на Запад»¹.

В конце января, когда в Германии стало известно о начавшихся в Вене и Будапеште стачках протеста против затяжки мирных переговоров, революционные старосты Берлина приняли решение объявить 28 января политическую стачку. На предприятиях появились листовки, призывавшие к солидарности с русскими братьями. Рабочие дружно откликнулись на призыв. В первый же день бросили работу почти 400 тысяч человек, прежде всего рабочие военных заводов и металлисты. Через несколько дней в забастовке участвовало свыше полумиллиона берлинцев. Стачка быстро распространилась по стране, захватив все важнейшие промышленные центры — Гамбург, Бремен, Киль, Рурскую область, Дрезден, Магдебург, Галле, Мюнхен и другие. Свыше миллиона пролетариев энергично требовали изменения политики правительства.

На предприятиях Берлина возникли фабрично-заводские комитеты революционных старост, в ряде городов были созданы по русскому образцу рабочие Советы. В Берлине на собрании делегатов фабрично-заводских комитетов был создан «рабочий Совет Большого Берлина». Совет выбрал стачечный комитет и сформулировал требования рабочих. Главным из них было «немедленное заключение мира без аннексии и контрибуций, на основе

¹ «Spartakusbriefe» [Bd. II], Berlin 1920, S. 151.

самоопределения народов в соответствии с положением, сформулированными русскими уполномоченными в Брест-Литовске». Забастовщики требовали также привлечения к мирным переговорам представителей от рабочих всех стран, амнистии для политзаключенных, отмены военной диктатуры и осадного положения, демократизации государственных учреждений, улучшения снабжения¹.

В ходе январской стачки, которая была крупнейшим с начала войны выступлением германского пролетариата, ярко проявилась, однако, не только сила возмущения рабочего класса, но и слабость его революционной организации. Спартаковцы в специальной листовке призывали рабочих, перед тем как они покинут предприятия, избрать свои представительства «по русскому и австрийскому образцу», создать в каждом городе рабочие Советы. Чтобы забастовка была не бессильным протестом, а решительным боем, спартаковцы настоятельно советовали учесть опыт апрельской стачки 1917 г. и не допустить к руководству стачкой кайзеровских социалистов. «Со стороны этих волков в овечьей шкуре, — говорилось в листовке, — движению угрожает бóльшая опасность, чем со стороны прусской королевской и всякой иной полиции»².

Но предостережение спартаковцев не было учтено. На собрании рабочих представителей 28 января в состав «комитета действия» сумели пробраться Эберт, Шейдеман и Браун. Их целью было, как они сами впоследствии откровенно заявили, дезорганизовать и сорвать стачку³.

Спартаковцы звали рабочих усиливать борьбу, «помнить о своем историческом долге», сражаться, пока их

¹ R. Müller, *Vom Kaiserreich zur Republik*, Bd. I, Wien 1924, S. 204; W. Bartel, *Der Januarstreik 1918 in Berlin*, в сборнике: «*Revolutionäre Ereignisse und Probleme in Deutschland während der Periode der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution 1917/1918*», Berlin 1957, S. 157.

² «*Spartakus im Kriege*», S. 184—185.

³ На Мардебургском судебном процессе в 1924 г. Эберт заявил, например: «Я вступил в руководящий орган стачки с определенной целью — привести стачку к скорейшему окончанию и помешать ущербу для страны...» Шейдеман прибавил к этому: «Если бы мы тогда не вошли в стачечный комитет, суд не заседал бы сегодня здесь, война и все прочее, по моему глубокому убеждению, были бы закончены уже в январе...» — См. K. Brammer, *Der Prozess des Reichspräsidenten*, Berlin 1925, S. 21—22, 47, 83, 89 u. a.; F. Ebert, *Schriften, Aufzeichnungen, Reden*, Bd. II, Dresden 1926, S. 348—352; K. Mammach, *Der Einfluss...*, S. 89.

требования не будут удовлетворены. «Только свержение этого правительства, — говорилось в одной листовке, — только сокрушение власти буржуазии, иными словами, *только народная революция и народная республика в Германии* могли бы в кратчайший срок привести к всеобщему миру»¹. 30 и 31 января в Берлине, несмотря на запрещение, состоялись многолюдные уличные демонстрации и митинги. Выступление Эберта в Трептов-парке было встречено возгласами: «штрейкбрехер!», «изменник рабочего класса!» В рабочих районах — Веддинге и Шарлоттенбурге, Шпандау и Моабите — демонстрации закончились стычками с полицией, на некоторых улицах из перевернутых трамвайных вагонов были построены баррикады. Спартаковцы в Берлине принимали меры для вооружения рабочих. В обращении к солдатам группа «Спартак» призывала их поддержать борьбу рабочего класса².

Правительство ответило на стачку и демонстрации суровыми репрессиями. 1 февраля в Берлине по приказу командующего военным округом было введено осадное положение, начали работать военно-полевые суды. Стачный комитет был объявлен распущенным, проведены массовые аресты, рабочих сотнями отправляли на фронт.

Только самые решительные действия рабочих могли еще создать перелом. «Теперь нужно не вести переговоры, а действовать! — писали спартаковцы в своей листовке. — Исход нашей борьбы решается только на улице.. Необходимо прежде всего найти средства привлечь на сторону дела мира и свободы наших братьев в солдатских шинелях, армию.. Рабочие! Боевые друзья! С реакцией мы должны говорить по-русски!»³

Но социал-демократические главари, пробравшиеся к руководству, сумели сорвать организованные действия рабочих. Они вступили в переговоры с военным командованием, которое поспешно стягивало к Берлину войска. В конце концов сопротивление рабочих было сломлено, они стали возвращаться на работу.

Мощное выступление германского пролетариата в январе 1918 г. не привело к окончанию войны и свержению кайзеровского режима, но оно свидетельствовало о том,

¹ «Spartakus im Kriege», S. 188.

² Там же, стр. 189—190.

³ См. там же, стр. 194.

что назревают серьезные схватки. В нем, как отметил В. И. Ленин, отразилось обаяние русской революции. «Это выступление пролетариата, — говорил он, — в стране, одурманенной угаром национализма и опьяненной ядом шовинизма, есть факт первостепенной важности и представляет собой поворотный пункт в настроениях немецкого пролетариата»¹.

3 марта 1918 г. Российской республике пришлось подписать мир на самых тяжелых условиях. Германские войска продолжали оккупировать территории Прибалтики, Украины, Крыма, Закавказья. Правительство Германии навязало Советской республике огромную контрибуцию. «Как разбойник на большой дороге, схватила Германия за горло безоружную республику рабочих и крестьян... — писала в одной из листовок группа «Спартак». — Область, вдвое большая, чем Германия, грубой силой отнята у русской революции... Германия стала ныне жандармом капиталистической реакции по всей Европе, а германский пролетарий в солдатской шинели сделался палачом свободы и социализма!.. Вставай германский рабочий! Надо стряхнуть с себя этот страшный позор!.. Надо в последний час спасти честь германского пролетариата!..»²

В заметках, написанных в тюрьме, Карл Либкнехт писал об итогах Бреста, что «все, все будет зависеть теперь от германского пролетариата. Надо напрячь последний мускул, пусть даже брызнет кровь из-под наших ногтей! Пусть потребуются неисчислимые жертвы! Наш величайший, наш священный долг — прийти на помощь русским братьям»³.

ВОЕННЫЕ ПОРАЖЕНИЯ И КРАХ ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Хищнические расчеты германских империалистов на распад Советской власти, их надежды на коренное улучшение экономического и военного положения Германии в результате насильнического мирного договора не оправ-

¹ В. И. Ленин, Доклад на Московской губернской конференции заводских комитетов 23 июля 1918 г., Соч., т. 27, стр. 505.

² «Spartakus im Kriege», S. 198—200.

³ К. Liebknecht, Politische Aufzeichnungen aus seinem Nachlass, Berlin 1921, S. 52.

дались. Им удалось, правда, вывезти с Украины несколько миллионов пудов хлеба. На короткое время это смягчило продовольственный кризис, но не устранило его. Брестский мир не стал «хлебным миром»¹. В то же время насильственные реквизиции продовольствия в оккупированных областях Советской России и Украины вызывали растущий отпор со стороны населения, которое поднималось на Отечественную войну против интервентов. Германия и ее союзники вынуждены были держать на Восточном фронте не менее 50 дивизий².

Весной 1918 г. германское командование, стремясь во что бы то ни стало разгромить англичан и французов до прибытия американских войск, предприняло наступательную операцию на Западном фронте между Аррасом и Ла Фером, хвастливо назвав ее «кайзеровской битвой». Германское командование поставило все на эту карту. Когда Людендорфа спросили, что случится, если наступление не будет иметь успеха, тот отвечал: «Тогда Германия погибнет...»³ За две недели ожесточенных боев немцам удалось добиться некоторых тактических успехов, но основная стратегическая цель не была достигнута. В середине июля 1918 г. германское командование, стремясь поднять моральный дух своей армии, измотанной безуспешными боями, предприняло еще одну наступательную операцию на Марне, в районе Шато-Тьерри, не более чем в 70 км от Парижа. Однако, несмотря на применение большого количества артиллерии и использование авиации, и эти двухдневные атаки, демагогически названные «сражением за мир», захлебнулись. Нанесенный французами 18 июля внезапный контрудар вынудил немецкие войска вновь отойти на р. Эна. В августе 1918 г. на Западном фронте наступил перелом. Амьенская операция, осуществленная англо-французскими войсками, привела к прорыву немецкой обороны. Германия окончательно утратила свою инициативу, и день 8 августа вошел в историю как «черный день» немецкой армии.

¹ Это вынужден был признать и Людендорф. — См. Э. Людендорф, Мои воспоминания..., т. II, стр. 191—192.

² В том числе 42 немецкие дивизии. — См. «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich», 1923, S. 22.

³ Max von Baden, Erinnerungen und Dokumente, Stuttgart—Berlin—Leipzig 1927, S. 235.

Военное хозяйство Германии трещало по всем швам. Недостаток сырья, продовольствия и людских резервов сказывался с возрастающей остротой. Захваченные в первый год войны в Бельгии и Северной Франции, потом в Польше и, наконец, на Украине запасы сырья и продовольствия были давно израсходованы. Продолжавшийся, несмотря на английскую блокаду, импорт сырья и продовольствия из нейтральных стран не удовлетворял огромных военных потребностей¹. Добыча каменного угля сократилась в 1918 г. по сравнению с довоенным 1913 г. почти на $\frac{1}{5}$, производство чугуна почти наполовину, проката на $\frac{1}{3}$ ². Индекс промышленного производства в целом (1913 г. = 100) составлял в 1918 г. около 57³. Это свидетельствовало о полном провале «программы Гинденбурга».

Население, особенно в городах, голодало. Во второй половине 1918 г. потребление мяса составляло лишь около 12% довоенного, рыбы — менее 5%, жиров — 15—20%, муки и крупы — менее 50%. При этом цены на нормированные продукты выросли по сравнению с довоенными в $2\frac{1}{2}$ раза, а на промтовары еще больше. Некоторый рост номинальной зарплаты рабочих военной промышленности не поспежал за удорожанием жизни⁴. Тяжелая нужда, которую терпели трудящиеся, усугублялась безудержной спекуляцией. В тылу свирепствовали эпидемии. В 1918 г. только туберкулез, воспаление легких и грипп унесли 458 тысяч жизней⁵.

Число мобилизованных в армию достигло гигантской цифры — 13 250 тысяч. В марте 1918 г. оставались непризванными в армию всего около полутора миллионов годных к военной службе мужчин, причем половина из них даже не проходила военного обучения. Потери убитыми превысили с начала войны 1600 тысяч; число пленных и пропавших без вести только на Западном фронте соста-

¹ См. В. Гриневич, Народное хозяйство Германии (1800—1924), стр. 165, 170—171, 232—233, 237.

² «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich», 1923, S. 67—71.

³ См. Ю. Кучинский, История условий труда в Германии, стр. 212.

⁴ Там же; «Мировая война в цифрах», стр. 85; R. Meerwarth u. a. Die Einwirkungen., S. 457.

⁵ «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich», 1923, S. 443—444.

вило свыше 1 миллиона человек. В июле — октябре 1918 г. на Западном фронте было убито свыше 78 тысяч, попало в плен и пропало без вести почти 350 тысяч, было ранено 360 тысяч человек¹. Народ Германии истекал кровью.

Несмотря на суровые репрессии, стачечное движение продолжало разрастаться. Даже по официальным данным, которые, по признанию самого статистического ведомства, являются за 1918 г. неполными, можно проследить динамику роста стачечного движения за годы войны².

Год	Количество стачек ³	Количество охваченных предприятий	Количество участников ⁴	Количество потерянных рабочих дней	Средняя продолжительность (дней)
1915	141	185	15 238	45 511	3
1916	240	437	128 881	2 45 404	2
1917	561	3 392	667 229	1 859 893	3
1918	772 (241) ⁵	7 396 (6 302)	1 325 885 (934 300)	5 217 982 (3 766 456)	4

Главными центрами стачечной борьбы были в 1918 г. Берлин, Рейнско-Вестфальский промышленный район, Силезия, Бранденбург, Саксония. Наиболее активную борьбу вели горняки, металлурги, машиностроители, то есть основной костяк промышленного пролетариата. Так, в июле — августе в Верхней Силезии бастовали горняки, а вскоре к ним присоединились металлурги⁶. В Руре

¹ «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich», 1923, S. 22—24.

² «Statistik des Deutschen Reichs», Bd. 290, S. 1*, 19*.

³ Для 1915 и 1916 гг. статистика включает сюда и количество локаутов, но их число невелико.

⁴ Официальная статистика исчисляет количество стачечников, суммируя максимальные числа рабочих, участвовавших в зарегистрированных стачках. Отдельно приводятся данные о количестве рабочих, «вынужденных не работать» в связи со стачкой. Это деление весьма произвольно. Поэтому для установления числа участников эти цифры суммированы.

⁵ Для 1918 г. статистика разделяет экономические и политические стачки. Поскольку это деление нельзя признать достаточно обоснованным, приводятся суммарные данные. В скобках даются данные о политических стачках, включенные в общую сумму.

⁶ См. *W. Schumann*, Die Lage der deutschen und polnischen Arbeiter in Oberschlesien und ihr Kampf gegen den deutschen Imperialismus in den Jahren 1917 und 1918. — «ZfG», 1956, Heft 3, S. 494—497.

в середине августа бастовали более 12 тысяч рабочих на 19 шахтах. Бастующие требовали «хлеба, мира и свободы»¹.

Значительно усилилось брожение среди крестьян и городской мелкой буржуазии. Многие крестьяне видели теперь в монархии главного виновника бедствий войны. Особенно ненавидели они чиновников, то и дело проводивших реквизиции и взимавших различные поборы². В некоторых местах крестьяне обсуждали вопрос о разделе юнкерских имений³.

Военные неудачи, усталость от окопной жизни, большие потери, тяжелые известия о жизни родных в тылу сказывались на настроениях солдат. Отправленные в окопы после январской стачки 40—50 тысяч рабочих принесли с собой на фронт революционный дух. Войска быстро утрачивали прежнюю боеспособность, множились показатели катастрофического падения дисциплины. В секретном донесении военному министру генерал Людендорф писал 9 июля 1918 г. о «растущем количестве недозволенных отлучек, проявлений трусости, отказе от повиновения командирам перед лицом врага на Западном фронте». Людендорф требовал самых суровых наказаний и протестовал против возвращения осужденных в войска. Несмотря на принятые меры, Гинденбург вынужден был 16 августа снова писать о растущей недисциплинированности⁴. Целые части отказывались идти в бой, а тем, кто шел, солдаты кричали вслед: «штрейкбрехеры!», «затягиватели войны!»

Особенно сильными были антивоенные настроения среди солдат, переброшенных на Запад с Восточного фронта. В августе 1918 г. представители верховных командований Германии и Австро-Венгрии обсуждали вопрос о выводе войск с Украины. Их крайне тревожили

¹ См. *H. Spethmann*, *Zwölf Jahre Ruhrbergbau. Aus seiner Geschichte von Kriegsanfang bis zum Franzosenabmarsch*, Bd. 1, Berlin 1928, S. 67.

² См. *W. Mattes*, *Die bayerischen Bauernräte*, S. 64.

³ Писатель Р. Скворонек писал, например, принцу Максу Баденскому, что в Померании «трудящееся сельское население уже в течение ряда недель обсуждает вопрос о разделе господских имений по русскому образцу». — *Max von Baden*, *Erinnerungen...*, S. 579.

⁴ См. *E. Volkman*, *Der Marxismus und das deutsche Heer im Weltkriege*, Berlin 1925, S. 313—315.

имевшие место совместные демонстрации немецких, австрийских солдат и местного населения, под лозунгами «Долой войну!», «Долой Вильгельма!» В частях, предназначенных для переброски на Западный фронт, имело место массовое дезертирство. При погрузке в эшелоны происходили собрания солдат. Раздавались возгласы: «Не хотим воевать за миллионеров!», «Да здравствует революция!»¹

Говоря впоследствии о причинах военного краха Германии, В. И. Ленин отмечал: «Подавление революции в красной Латвии, Финляндии и на Украине стоило Германии разложения армии. Поражение Германии на Западном фронте было вызвано в значительной степени тем, что старой армии в Германии уже не существует. То, о чем полушутя говорили германские дипломаты — «руссификация» германских солдат, — оказалась теперь не шуткой, а горькой для них правдой. Дух протеста растет, «измены» становятся обычным явлением в германской армии»².

Отпускники, приезжавшие с фронта на побывку домой, нередко привозили с собой оружие и революционные листовки, так что обеспокоенные военные власти стали обыскивать их багаж и одежду. Многие отпускники вообще не возвращались в свои части, пополняя таким образом армию дезертиров, становившуюся все более массовой.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ПРАВИТЕЛЬСТВО МАКСА БАДЕНСКОГО

Осенью 1918 г. в правящих кругах Германии уже ни для кого не было тайной, что военная катастрофа стоит у порога, а в стране неудержимо назревает революционный взрыв. В конце сентября военная клика Людендорфа — Гинденбурга сама потребовала от дипломатов немедленного начала переговоров о мире. Тревога, охватившая генералов перед лицом начавшегося развала фронта, выхода из войны Болгарии, была столь велика, что они

¹ См. *W. Brjunnin, Die Grosse sozialistische Oktoberrevolution und die deutsche Arbeiterbewegung in den Jahren 1917/1918*, Berlin 1955, S. 14, 16—17.

² *В. И. Ленин, Речь на I Всероссийском съезде по просвещению 28 августа 1918 г.*, Соч., т. 28, стр. 67.

утверждали, будто «армия не может ждать и 48 часов». Людендорф, указывая, что боевая сила армии истощена, заявил, что война в этих условиях «приобрела характер бесшабашной азартной игры»¹.

Требуя начала мирных переговоров, верховное командование и солидарная с ним правящая группировка консервативных партий и части национал-либералов рассчитывали выиграть время, затянуть войну до зимы 1918 г. или даже до весны 1919 г., подготовить тем временем оборону на новой линии укреплений, суровыми репрессиями подавить недовольство в стране и на фронте, спасти от разгрома живую силу и материальную часть армии и таким путем добиться выгодных условий мира.

Но этот план натолкнулся на сопротивление тех кругов германской буржуазии, которые, убедившись в невозможности добиться победы военными средствами, стремились выйти из войны путем дипломатических маневров и заключения компромиссного мира, чтобы впоследствии «переиграть игру» при более благоприятных условиях. Эта буржуазно-либеральная группировка, одним из наиболее активных лидеров которой стал деятель партии центра М. Эрцбергер и к которой примыкали прогрессисты и правые социал-демократы, рассчитывала усыпить возмущение народа пустяковыми уступками вроде «парламентаризации» и «демократизации» режима при сохранении монархического строя и заключить соглашение с Антантой против революционного пролетариата собственной страны и против Советской России.

Оба эти плана «спасения Германии»², как их называли, были в действительности планами спасения разжи-

¹ См. Э. Людендорф, Мои воспоминания..., т. II, стр. 241, 279. Требование Верховного командования о немедленном начале мирных переговоров было направлено правительству 29 сентября 1918 г. 3 октября Гинденбург подтвердил его. — См. *Max von Baden, Erinnerung...*, S. 348—349. Эти панические заявления не помешали германской военщине впоследствии отказаться от своих слов и пустить в обращение лживую легенду о том, будто германская армия вовсе не была разбита на поле сражения, а ей якобы был нанесен предательский «удар в спину» со стороны начавшейся в тылу революции. Эта «легенда об ударе кинжалом» («Dolchstoßlegende») была позднее подхвачена и раздута фашистами.

² Об этих двух планах В. И. Ленин говорил в докладе на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 г. — См. В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 101, 108.

ревшего на народной крови империализма. Осуществление любого из них неминуемо должно было ввергнуть Германию в глубочайшую национальную катастрофу. Немецкий народ, как справедливо указывали революционеры-спартаковцы, мог спасти свое будущее только на пути революционного свержения империализма, союза с Советской Россией и международным пролетариатом.

Противоречия в лагере господствующих классов достигли значительной остроты. 30 сентября канцлер Гертлинг заявил о своей отставке. «В Германии разразился политический кризис, — писал 3 октября В. И. Ленин. — Паническая растерянность и правительства, и всех эксплуататорских классов в целом обнаружилась перед всем народом...»¹ Подчеркивая, что революционный взрыв в Германии неизбежен, Ленин указывал, что российский пролетариат с величайшим вниманием следит за событиями в Германии и готов «напрячь все силы *для помощи немецким рабочим*, которым предстоят самые тяжелые испытания, самые тяжкие переходы от рабства к свободе...»²

Правящие круги Германии предприняли попытку преодолеть свои внутренние разногласия и прежде всего создать видимость единства монархии и народа путем образования широкого коалиционного правительства. Кайзер поручил его формирование своему родственнику принцу Макс Баденскому, слывшему «либералом». Кандидатура нового канцлера — прусского генерала в отставке, наследника престола великого герцогства Баденского и президента его первой палаты, выполнявшего в годы войны довольно щекотливые дипломатические поручения³, — в общем устраивала как военщину и кайзеровскую бюрократию, так и оппозиционные партии. Но торг вокруг распределения министерских портфелей

¹ В. И. Ленин, Письмо объединенному заседанию ВЦИК, Московского Совета с представителями фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 3 октября 1918 г., Соч., т. 28, стр. 82.

² Там же, стр. 83.

³ Макс Баденский официально занимался в годы войны «попечением о военнопленных обеих воюющих сторон». В декабре 1915 г. он посетил Стокгольм, в 1916 г. был в Швейцарии, а весной 1917 г. вел тайную переписку с окружением русского царя, подготавливая почву для сепаратного мира.

затянулся, и только 4 октября был объявлен состав правительства, а на следующий день в рейхстаге Макс Баденский сделал заявление о его программе.

Вице-канцлером нового правительства был назначен занимавший этот пост в прежнем правительстве фон Пайер, статс-секретарем иностранных дел стал видный чиновник колониального ведомства В. Зольф. Представителями партии центра в кабинете были Эрцбергер, Грёбер, Тримборн, представителем прогрессистов — Гаусман. Юнкерско-буржуазные круги придавали большое значение привлечению в правительство социал-демократических лидеров, что должно было придать ему видимость «демократического» и «представительного». По настоянию Эберта Шейдеман вошел в правительство в качестве министра без портфеля, профсоюзный деятель Г. Бауэр стал министром труда.

Образование правительства Макса Баденского сопровождалось большой пропагандистской шумихой. Эберт поспешил публично заявить, что день создания этого правительства является «поворотным пунктом в истории Германии. Он является днем рождения германской демократии»¹. Вторя ему, буржуазные либералы тотчас же возгласили, что произошла «бескровная, истинно немецкая революция сверху», а бывший статс-секретарь иностранных дел фон Гинце откровенно добавил, что главной задачей нового правительства должно быть предотвращение «революции снизу».

Правильную оценку маневрам буржуазии дали только спартаковцы. В нелегальном «письме Спартака № 12» его авторы указывали, что обычно «в двенадцатый час», когда почва начинает колебаться под ногами правящих классов, на арене появляется «министерство реформ», задача которого осуществить «перемены во внешних мелочах и пустяках ради спасения основ господства старого класса, ради предупреждения действительно радикального обновления общества посредством массового восстания». В прежние времена роль громоотвода играли

¹ *F. Ebert, Schriften...*, Bd. II, S. 75—76. На заседании правления партии Эберт, настаивая на вступлении социал-демократов в правительство, говорил: «Тот, кто пережил русские события, не может желать в интересах пролетариата (?!), чтобы и у нас произошло что-либо подобное. Наоборот, мы должны броситься в брешь». — См. *Ph. Scheidemann, Der Zusammenbruch*, Berlin 1921, S. 176.

«затасканные, разбитые параличом либералы», теперь же роль «маленьких Лафайетов» намерена сыграть партия, именуемая себя социал-демократической. Шейдемановцы, «войдя в правительство в качестве спасителей капитализма, становятся поперек дороги грядущей пролетарской революции»¹. В своих листовках, распространявшихся на фронте и в тылу, спартаковцы призывали трудящихся не ждать свободы от сообщников и подручных буржуазии, мира от империалистических жуликов и хлеба от стервятников, а брать пример с русских братьев: «Они не собирали крох со стола буржуазии и не принимали милостыни от своих врагов. Они требовали хлеба, мира и свободы. Чтобы осуществить свои требования, они взяли правительственную власть в свои руки». С восхищением и сочувствием говоря об успехах трудящихся Советской России и их героической борьбе против внутренней и внешней контрреволюции, спартаковцы писали: «Посмотрите на русских братьев!.. Из крови и слез возшло на востоке солнце свободы и социализма, и оно начинает согревать своими животворящими лучами и вашу напоенную кровью и слезами землю. Теперь уже русская революция в состоянии обещать вам помощь и поддержку... Но для того, чтобы бороться с честью и победить со славой, вы должны, подобно им, рассчитывать только на самих себя и на свою собственную силу»².

7 октября в Готе собралась нелегальная общегерманская конференция группы «Спартак»³. В ее работе приняли участие представители группы из крупнейших центров Германии, а также члены организаций бременских и гамбургских левых радикалов, не входивших в НСДПГ. Выступавшие подвергли резкой критике политическую линию правых независимцев. Каутскианцы продолжали и в этот критический момент отвлекать массы от револю-

¹ См. «Spartakusbriefe», S. 189—191.

² «Spartakus im Kriege», S. 207.

³ В некоторых документах говорится, что конференция состоялась 1 октября в Берлине. См., например, «Spartakus im Kriege», S. 20, 220; «Illustrierte Geschichte der Deutschen Revolution», S. 177. В «Spartakusbriefe» называется 7 октября (стр. 193). «Правда» 20 октября 1918 г., приведя цитированную выше листовку, назвала ее «воззванием конференции спартаковцев в Эрфурте 7 октября». А. Шрайнер, специально исследовавший этот вопрос, пришел к выводу, что конференция происходила 7 октября в Готе. — См. «ZfG», 1955, Heft 1, S. 117—118.

ционной борьбы против войны и империалистического правительства, парализуя их волю к борьбе проповедью «вильсоновского мира» и «демократических реформ» при сохранении существующего строя. В противовес этому конференция потребовала усиления революционной агитации в армии и призвала к созданию рабочих и солдатских Советов повсюду, где они еще не созданы. Было отмечено при этом, что движение в Германии получило существенную моральную поддержку со стороны русской революции, и было решено «выразить русским товарищам чувство благодарности, солидарности и братской симпатии с обещанием проявить эту солидарность не только на словах, но и действиями по русскому примеру»¹.

Конференция приняла воззвание, носившее программный характер. На первый план в нем выдвигались демократические требования: немедленное освобождение политзаключенных; отмена осадного положения и закона о «вспомогательной службе»; аннулирование военных займов; отчуждение всего банковского капитала, шахт, домен; значительное сокращение рабочего дня; установление минимума зарплаты; отчуждение крупной земельной собственности; передача распределения продовольствия в руки доверенных лиц; ликвидация отдельных государств и династий и др. Однако воззвание подчеркивало: «Достижение этих целей еще не означает достижения вашей цели, но они (эти требования. — *Я. Д.*) являются оселком для того, чтобы проверить истинность той демократизации, при помощи которой господствующие классы и их агенты хотят пустить вам пыль в глаза. В борьбе за действительную демократизацию дело идет... о реальных основах (власти. — *Я. Д.*) всех врагов народа: о собственности на землю и капитал, о господстве над вооруженными силами и над юстицией»².

Конференция в Готе и ее воззвание сыграли важную роль в деле сплочения революционных элементов германского революционного движения. В. И. Ленин, приветствуя членов группы «Спартак», особенно подчеркивал значение решения о создании рабочих и солдатских Сове-

¹ «Spartakusbriege», S. 193—194; *E. Drahn, S. Leonhard, Unterirdische Literatur im revolutionären Deutschland während des Weltkrieges*, Berlin 1920, S. 113—118.

² «Spartakus im Kriege», S. 220—223.

тов и передавал лучшие пожелания немецким революционерам в наступающий решительный час¹.

Однако на конференции не был решен вопрос о полном разрыве с каутскианскими лицемерами и образовании самостоятельной революционной партийной организации. Между тем представители бременских левых радикалов настойчиво требовали выхода спартаковцев из НСДПГ, а Франц Меринг еще в июне 1918 г. писал в открытом письме, адресованном русским большевикам, что объединение спартаковцев с независимцами в одной партии было ошибкой². В документах конференции отразилось также свойственное многим ее руководителям преклонение перед стихийностью рабочего движения и связанная с этим недооценка необходимости ведения кропотливой организационной работы. Конференция не сумела правильно поставить вопрос о союзнике пролетариата — трудящемся крестьянстве, о вовлечении его в революционную борьбу путем наделения землей, конфискованной у помещиков³. Эти и некоторые другие ошибки и слабости спартаковцев затрудняли высвобождение рабочего класса из-под разлагающего влияния «кайзеровских социалистов» и правых лидеров независимцев, ослабляли влияние революционного авангарда в массах.

* *
*

Правительство Макса Баденского в соответствии с требованиями военного командования 5 октября направило президенту США Вильсону телеграмму с просьбой

¹ См. *В. И. Ленин*, Членам группы Спартак. 18. X. 1918 г., Соч., т. 35, стр. 306.

² Ф. Меринг в своем открытом письме от 3 июня 1918 г. приветствовал большевистскую партию и выражал русским друзьям и единомышленникам чувство страстной и глубокой симпатии. Резко критикуя каутскианцев, Меринг писал: «...Лишь одну ошибку сделали мы, а именно ту, что после основания организации независимой социал-демократии мы соединились с ней, само собой разумеется с сохранением нашей самостоятельной точки зрения, в надежде, что нам удастся двинуть их вперед. От этой надежды давно уже пришлось нам отказаться...». — «Правда», 13. VI. 1918; «Leipziger Volkszeitung», 4. VII. 1918.

³ В воззвании говорилось, например, об отчуждении не только крупной, но и средней земельной собственности и передаче руководства производством делегатам сельскохозяйственных рабочих и мелких крестьян. — «Spartakus im Kriege», S. 223.

о перемирии и посредничестве¹. Но США и державы Антанты вовсе не намерены были спешить, они хотели в полной мере использовать свои военные успехи и добиться дальнейшего ослабления противника. Вскоре из-за океана раздалось требование выполнить предварительно ряд суровых условий. Стало очевидным, что Антанта, как отмечал в это время В. И. Ленин, готовит для Германии мир, «полный настоящего удушения, мир более насильнический, чем мир Брестский»².

Дипломатическая переписка затягивалась, а тем временем численность американских солдат, прибывавших во Францию, достигла 2 млн. Англо-французские войска усиливали нажим на фронте. Но и германские дипломаты не дремали. Не без оснований рассчитывая на обострение разногласий в лагере союзников относительно условий мира, они энергично использовали в качестве своего главного козыря запугивание Антанты «опасностью большевизма». С одной стороны, они шантажировали противников заявлениями, что, если условия мира окажутся слишком тяжелыми, Германия «станет добычей большевиков», а это «инфицирует» весь «западный мир». С другой стороны, они старались склонить на свою сторону руководителей американской политики, пытаясь заинтересовать их перспективой совместного участия в антисоветском и антиреволюционном фронте. Для этого правительство Макса Баденского изыскивало возможности установления неофициальных контактов с американскими деятелями через дипломатов в нейтральных странах, агентов разведок и т. п.³

Дипломатические маневры правительства Макса Баденского не способны были, однако, отвратить надвигавшийся военный крах. И в самой Германии оставалось все меньше легковерных, способных всерьез поверить в «миролюбие» этого правительства, тем более, что буржуазная печать по-прежнему ратовала за войну до победы. Видный представитель магнатов военной промышленности В. Ратенау выступил на страницах «Vossische Zeitung» с

¹ Правительство Баденского заявляло в ней о своей готовности вести переговоры на основе пресловутых «14 пунктов Вильсона».

² В. И. Ленин, VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. 6—9 ноября 1918 г. Речь о международном положении 8 ноября, Соч., т. 28, стр. 141.

³ См. об этом в работе М. Восленского «Из истории политики США в германском вопросе (1918—1919)», М. 1954, стр. 79 и след.

требованием «levée en masse» — всеобщего народного подъема, последней мобилизации всех сил¹.

Еще в меньшей мере могли успокоить народ, возмущенный военно-полицейским произволом и все более решительно требовавший отстранения от власти виновников войны во главе с кайзером и кропиринцем, те куцые мероприятия, которые правительство решилось осуществить в области внутренней политики. 22—26 октября через рейхстаг были поспешно проведены законы о так называемой «парламентаризации», о которой уже полтора года твердили партии буржуазно-социал-демократического блока. Эти законы предусматривали, в частности, что впредь объявление войны будет возможно только с согласия рейхстага. Но кого мог серьезно заинтересовать вопрос о будущей войне, когда эта война, стоившая огромных жертв, все еще продолжалась. Немногим большее значение имели постановления об ответственности канцлера перед рейхстагом и о некотором ограничении самостоятельности кайзера при назначении высшего командного состава армии. Прусский ландтаг 24 октября принял, наконец, закон о реформе избирательного права. Но было уже слишком поздно.

Всем было понятно, что эти законы несколько не затрагивают основ антинародного режима Гогенцоллернов и имеют целью лишь несколько подкрасить фасад да попытаться создать у мировой общественности впечатление, будто власть кайзера Вильгельма и его ближайших советников, в которых видели военных преступников, теперь ограничена. Этой же цели служил, видимо, и уход в отставку 26 октября наиболее одиозного «затягивателя войны» генерала Людендорфа². Но его единомышленник фельдмаршал Гинденбург по просьбе кайзера остался на своем посту.

Негодование народных масс все чаще прорывалось наружу. 16 октября более полутора тысяч берлинских

¹ «Vossische Zeitung», 7. X. 1918. Людендорф на заседании военного кабинета 17 октября 1918 г. говорил: «Я могу повторить только мою просьбу: Поднимите народ! Вдохновите его! Не может ли это сделать господин Эберт? Это должно удалиться!» — См. *Max von Baden, Erinnerungen...*, S. 430; *Ph. Scheidemann, Der Zusammenbruch*, S. 189.

² Через несколько дней Людендорф с фальшивым паспортом на имя «шведского гражданина Линдстрёма» уехал в нейтральную Швецию.

трудящихся собрались у здания рейхстага. Демонстранты требовали мира, хлеба, освобождения Карла Либкнехта. Через неделю правительство, охотно выставлявшее напоказ свой «демократизм», было вынуждено освободить Либкнехта из тюрьмы¹. 23 октября рабочие Берлина, прорвав полицейские кордоны, устроили ему торжественную встречу. Либкнехт немедленно окупился в революционную работу. Он получал десятки писем, в которых выражалась радость, что он снова на свободе². Когда весть о его освобождении дошла до Советской России, в Москве, Петрограде и других городах прошли демонстрации. «Правда» 25 октября опубликовала приветствие Либкнехту от имени ЦК РКП(б) за подписями Ленина, Свердлова и Сталина. Многочисленные собрания и митинги посылали в «Правду», в советское посольство в Берлине приветственные телеграммы и резолюции³. По почину рабочих Костромы во всей России приступили к созданию хлебного фонда имени К. Либкнехта для помощи немецким рабочим.

Растущая солидарность трудящихся Советской России с революционными рабочими Германии вызывала страх и злобу у германской буржуазии и правых лидеров социал-демократии. Последние проявляли особое рвение, стремясь любыми средствами оторвать немецких рабочих от их русских братьев и очернить молодую Советскую рес-

¹ Шейдеман на заседании правительства 7 октября, выступая за освобождение Либкнехта, подчеркивал, что арест Либкнехта создал ему «ореол мученика», против которого невозможно бороться. В случае опасности его можно просто снова арестовать... — См. «Die Grosse sozialistische Oktoberrevolution und ihre Auswirkungen auf Deutschland (Dokumente)». Vorabdruck. — «ZfG», 1957, Heft 5, S. 1078—1079.

² В архиве К. Либкнехта, хранящемся в Центральном партийном архиве при Институте марксизма-ленинизма в Москве (в дальнейшем: ЦПА ИМЛ), находятся десятки приветственных телеграмм и писем. Так, например, 28 октября К. Либкнехт получил телеграмму, в которой «4 тысячи рабочих Фридрихсгафена (на Бодензее), демонстрирующих за мир и социалистическое благосостояние народа», приветствовали «передового борца, нашего товарища Карла Либкнехта». — ЦПА ИМЛ, фонд 210, оп. 1, д. № 1414.

³ В архиве К. Либкнехта имеется, например, приветствие от бойцов Красной Армии Северного фронта от 31 октября, в котором говорится: «Немецкий пролетариат, рука об руку с русским народом, пойдет к осуществлению идей интернациональных борцов Либкнехта и Ленина». — ЦПА ИМЛ, фонд 210, оп. 1, д. № 1428.

публику. Нельзя считать случайностью, что именно Шейдеман был инициатором гнуснейшей антисоветской провокации, послужившей поводом для разрыва германским правительством дипломатических отношений с Советской Россией. По совету Шейдемана, 4 ноября вечером на Силезском вокзале в Берлине был «случайно уронен» ящик с дипломатической почтой советского посольства, а подошедшие полицейские «обнаружили» в нем революционные листовки, якобы присланные из России. Советское посольство было тут же оцеплено полицией, телефонная связь прервана, а рано утром 6 ноября его сотрудники были тайно посажены в поезд и насильно вывезены к советской границе¹.

Разоблачая международный смысл этой провокации, В. И. Ленин говорил 8 ноября 1918 г.: «Если Германия вытурила нашего посла из Германии, то она действовала, если не по прямому соглашению с англо-французской политикой, то желая им услужить, чтобы они были к ней великодушны. Мы, мол, тоже выполняем обязанности палача по отношению к большевикам, вашим врагам»².

Однако ни болтовня о «парламентаризации», ни дипломатические маневры, ни провокации не способны были укрепить позиции правительства Макса Баденского. Оно было бессильно предотвратить взрыв народного гнева. Недовольство масс нарастало неудержимо и стремительно и было направлено прежде всего против продолжения губительной войны и ответственных за нее представителей монархического режима. Все старания правительства и социал-демократических лидеров задержать развитие ре-

¹ Обстоятельства этой провокации были раскрыты лишь спустя несколько лет. Макс Баденский в своих мемуарах сообщил, что Шейдеман еще 28 октября на заседании кабинета предложил «уронить» ящик с дипломатической почтой советского посольства. После такого разоблачения вынужден был признать этот факт и сам Шейдеман. А социал-демократический журнал «Der Klassenkampf» разъяснил и вопрос о происхождении листовок: они были написаны и напечатаны не в России, а в Германии, и полиция подсунула их в разбитый посольский ящик. — См. *Max von Baden, Erinnerungen...*, S. 523; *Ph. Scheidemann, Memoiren eines Sozialdemokraten*, Bd. 2, Dresden 1928, S. 252; «Der Klassenkampf», 1927, № 5.

² В. И. Ленин, VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов 6—9 ноября 1918 г. Речь о международном положении 8 ноября, Соч., т. 28, стр. 141.

волюции были тщетными, массы вырывались из повиновения. Известия о полном развале Балканского фронта, о восстаниях в Хорватии, Праге, Будапеште, распаде монархии Габсбургов и ее военной капитуляции, о провозглашении республики в Польше еще более накалили обстановку. Негодование широких народных масс достигло точки кипения, рабочие не хотели больше работать на войну, солдаты отказывались воевать. Революция в Германии началась.

* *
*

Революция, назревшая в Германии к ноябрю 1918 года, была порождена как коренными противоречиями мирового и германского империализма, так и специфическими обстоятельствами империалистической войны и надвигавшегося военного поражения Германии, грозившего превратиться в национальную катастрофу.

Еще до начала мировой войны в Германии созрели основные объективные, прежде всего экономические, предпосылки для социалистической революции.

Наличие целого комплекса нерешенных буржуазно-демократических задач (полуабсолютистская монархия, засилье юнкерства, остатки раздробленности страны и т. п.) делало антинародный режим Гогенцоллернов особенно ненавистным широким массам трудящихся. В силу тесного переплетения интересов монополистов и юнкеров все пережитки средневековья могла до конца выкорчевать только победоносная пролетарская революция. Четырехлетняя губительная война до предела обострила все противоречия юнкерско-буржуазного строя, довела до последней черты возмущение самых широких слоев народа.

В условиях зрелости объективных предпосылок для социалистической революции решающее значение приобретал субъективный фактор — в условиях Германии прежде всего сознательность и организованность рабочего класса. Этот фактор имел тем большее значение, что господствующие классы Германии были хорошо организованы и имели большой опыт в деле обмана масс. «Если было так легко справиться, — говорил В. И. Ленин, — с шайкой жалких, полоумных людей, как Романов и Распутин, то зато неизмеримо труднее бороться с организо-

важной и сильной кликой германских коронованных и некоронованных империалистов»¹.

Кроме того, у правящих классов Германии была ловкая и влиятельная агентура в самом рабочем классе. В большинстве своем социал-демократические партийные и профсоюзные вожди были проводниками буржуазного влияния. Открыто или замаскированно перейдя в годы войны на позиции социал-империализма, они сумели заразить часть рабочего класса шовинистической и мелкобуржуазной идеологией, дезорганизовать и расколоть его ряды. Когда революционный взрыв стал неотвратим, они прилагали отчаянные усилия, чтобы затормозить и сорвать борьбу народных масс, используя против революции фальсифицированные ими лозунги мира и демократии.

Между тем революционные силы германского пролетариата не были к этому времени сплоченными и организованными. Революционный авангард, несмотря на проявленный им героизм и самопожертвование, был невелик. Он не имел прочных, устойчивых связей с широкими массами, не создал самостоятельной марксистской партии, способной повести трудящихся на штурм капитализма.

Противоречие между объективной зрелостью социалистической революции в Германии и субъективной слабостью пролетариата могло оказаться чреватым серьезными последствиями для характера, хода и результатов надвигавшейся революции. В. И. Ленин ясно видел это и в октябре 1918 года, за несколько недель до начала революции, писал: «Величайшая беда и опасность Европы в том, что в ней *нет* революционной партии. Есть партии предателей, вроде Шейдеманов., или лакейских душ вроде Каутского. Нет партии революционной.

Конечно, могучее революционное движение масс может выправить этот недостаток, но он останется великой бедой и великой опасностью»².

¹ В. И. Ленин, Речь на первом Всероссийском съезде военного флота 22 ноября (5 декабря) 1917 г., Соч., т. 26, стр. 310.

² В. И. Ленин, Пролетарская революция и ренегат Каутский, Соч., т. 28, стр. 93.

НОЯБРЬСКИЕ ДНИ

КРАСНЫЕ ФЛАГИ НАД ГОРОДАМИ ГЕРМАНИИ

Революционный взрыв, потрясший Германию, произошел прежде всего на северо-западе страны, в Киле. У трудящихся этого портового города, как у народа всей Германии, давно уже накопило негодование против затянувшейся бесперспективной войны и ответственного за нее кайзеровского правительства. Но у моряков кильской военно-морской базы была еще и дополнительная причина для беспокойства и возмущения.

В конце октября 1918 г., через несколько недель после того, как верховное командование, признав неотвратимость военного поражения, потребовало начать переговоры о мире, германский военно-морской флот получил приказ своего главнокомандующего адмирала фон Шеера о выходе в море¹. Матросы скоро поняли, что в бою с английским флотом немецкие корабли погибнут без какой-либо надежды на то, что смерть 80 тысяч моряков отсрочит военный крах Германии. Это явилось последней каплей, переполнившей чашу терпения.

С 28 октября командование стало сосредоточивать корабли трех эскадр Остзейского и Нордзейского флотов на рейде Шиллиг у выхода из бухты Яде, вблизи Вильгельмсгафена. Был дан сигнал боевой тревоги и приказ о выходе в море 30 октября. Но уже 28 октября матросы линейного корабля «Маркграф» из III эскадры отказались

¹ См. *A. Niemann, Revolution von oben — Umsturz von unten*, Berlin 1927, S. 409.

поднять якорь. Волнения охватили линейные корабли «Кёниг», «Великий курфюрст», крейсер «Страсбург», броненосец «Фридрих Великий», где еще свежа была память о восстании 1917 г., и другие. Матросы отказывались поднимать якоря, выполнять приказы командиров, грузить уголь, кочегары погасили огни в топках. На кораблях I эскадры «Тюрингия» и «Гельголанд» были подняты красные флаги. Когда командующий флотом адмирал фон Гишпер, желая заставить моряков «Тюрингии» сняться с якоря, пригрозил торпедировать корабль, матросы «Гельгоганда» навели на торпедный катер и подводную лодку свои орудия. Командованию не удалось сломить дружное сопротивление моряков; задуманная операция была сорвана, эскадры были возвращены на свои стоянки¹.

Стремясь подавить неповиновение, командование провело на кораблях массовые аресты. Было арестовано более тысячи матросов, в том числе на «Тюрингии» — 600, на «Маркграфе» — 200, на «Гельголанде» — 150 человек². Но волнения продолжались. Воодушевленные первым успехом, моряки требовали освобождения своих арестованных товарищей. Матросы «Маркграфа» и других кораблей, прибывших 31 октября снова в Киль, собирались на митинги, становившиеся все более бурными. Отряды морской пехоты, вызванные для того, чтобы изолировать матросов от войск гарнизона и рабочих, все откровеннее выражали свое сочувствие к «буштовщикам».

В воскресенье 3 ноября днем матросы III эскадры собрались на одной из площадей Киля на массовый митинг. К морякам присоединились портовые рабочие; солдаты гарнизона отказались выступить против матросов, и те из них, кто не был заперт в казармах, сами пришли на митинг. Собравшиеся потребовали освобождения арестованных. Несколько тысяч человек двинулись по направлению к военной тюрьме. По пути к ним присоединились освобожденные из казарм солдаты морской дивизии; рабочие приветствовали демонстрантов. На перекрестке улиц отряд флотских унтер-офицеров открыл по мирному

¹ См. *K. Zeisler*, Die revolutionäre Matrosenbewegung in Deutschland im Oktober — November 1918, в сборнике: «Revolutionäre Ereignisse und Probleme während der Periode der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution 1917/1918», S. 195—197.

² См. там же, стр. 196; *K. Zeisler*, Aufstand in der deutschen Flotte, Berlin 1956, S. 40—41.

шествию огонь: 8 человек было убито, 29 ранено, в том числе несколько женщин и детей¹.

Расстрел мирной демонстрации показал матросам, что только с оружием в руках они могут добиться выполнения своих требований. На кораблях и в казармах стали создаваться солдатские Советы, матросы и солдаты морской пехоты поспешно вооружались.

4 ноября весь флот пришел в движение, на большинстве кораблей были подняты красные флаги. На броненосце «Кёниг», стоявшем в доке, произошло вооруженное столкновение, комендант был убит, несколько офицеров ранено². Матросы торпедных катеров на своем собрании потребовали отречения Гогенцоллернов, отмены осадного положения, освобождения арестованных моряков и политических заключенных³. На собрании в Доме профсоюзов был создан солдатский Совет. Через несколько часов здесь же собрались представители рабочих крупных предприятий Килия и приняли решение объявить на следующий день всеобщую забастовку для поддержки восставших моряков. Созданный рабочий Совет объединился с солдатским Советом. Вечером состоялась многотысячная демонстрация.

Несмотря на большой революционный подъем, охвативший матросов, солдат и рабочих, они не выдвинули последовательно революционных требований. В руководство Совета проникло немало социал-шовинистов и соглашателей, стремившихся ограничить и сорвать движение. В своем воззвании солдатский Совет писал: «Товарищи! Наш решающий час настал. Власть в наших руках. Слушайте нас!.. Никаких необдуманных действий! Момент требует спокойствия и железных нервов...»⁴ Требования Кильского Совета, сформулированные в 14 пунктах, были весьма умеренными. Они не ставили вопрос о свержении монархии и провозглашении республики, а требовали лишь признания Кильского рабочего и солдатского Совета, освобождения арестованных моряков и политзаключенных.

¹ См. *E. Buchner, Revolutionsdokumente, Bd. I, Im Zeichen der roten Fahne, Berlin 1921, S. 38—39.*

² См. «*Deutscher Geschichtskalender. Ergänzungsband: Die deutsche Revolution*», Leipzig (в дальнейшем: DR), S. 4.

³ См. *K. Zeisler, Aufstand..*, S. 51.

⁴ «*Illustrierte Geschichte*», S. 188.

ченых, свободы печати и собраний, ограничения власти офицеров и т. п.¹ Лишь несколько дней спустя Кильский Совет выдвинул лозунг «свободной, социальной народной республики»².

Военный губернатор Киля адмирал Зоухон, желая выиграть время, согласился принять 14 пунктов. Рабочий и солдатский Совет стал хозяином положения. Принц Генрих Прусский, брат кайзера и командующий Остзейским флотом, бежал из города на автомашине с красным флажком. Прибывшие для «усмирения» войска из Гамбурга и Любека либо присоединились к восставшим, либо были разоружены. 5 ноября вечером состоялась вооруженная демонстрация, в которой приняли участие около 20 тысяч матросов и солдат и несколько тысяч рабочих.

События в Киле вызвали большую тревогу в Берлине. Правительство, убедившись в огромном размахе движения, вынуждено было отвергнуть, как невыполнимое, предложение министра без портфеля Эрцбергера и военно-морского министра фон Манна о подавлении восстания военной силой. Было решено немедленно направить в Киль с чрезвычайными полномочиями социал-демократического депутата рейхстага Носке и статс-секретаря Гаусмана. Социал-демократические депутаты были разсланы и в другие города.

Носке прибыл в Киль в самый разгар событий утром 5 ноября. Он был известен морякам как социал-демократический референт бюджетной комиссии рейхстага по вопросам флота. Ему удалось воспользоваться доверчивостью и политической неопытностью матросов, и в тот же день он был избран председателем солдатского Совета. Через несколько дней решением Кильского Совета он был назначен военным губернатором³ и смог в полной мере развернуть свою контрреволюционную деятельность. Правительство специальным решением одобрило его поведение и предоставило ему полную «свободу действий в попытке задуть местную вспышку»⁴.

¹ См. DR, S. 4—5; *L. Popp., K. Artelt, Ursprung und Entwicklung der Novemberrevolution 1918, Kiel 1918, S. 21—22.*

² См. *H. Müller, Die Novemberrevolution. Erinnerungen, Berlin 1928, S. 37—38.*

³ См. *G. Noske, Von Kiel bis Kapp, Berlin 1920, S. 8.*

⁴ См. *Max von Baden, Erinnerungen., S. 588.*

Однако восстание в Киле вовсе не было «местной вспышкой», как полагало правительство. Пламя революции стремительно перекинулось в другие города морского побережья. 5 ноября группа кильских матросов прибыла в Любек. В одной из казарм они рассказали солдатам о событиях в Киле, и вскоре от казармы к казарме двинулась все возрастающая масса солдат. К вечеру весь гарнизон Любека примкнул к восставшим; офицеры, требовавшие открытия огня по «бунтовщикам», были разоружены и арестованы. Был создан рабочий и солдатский Совет, выдвинувший требования немедленного мира, всеобщего избирательного права, 8-часового рабочего дня¹.

В Гамбурге вечером 5 ноября многотысячное собрание рабочих верфей и солдат выразило свою полную солидарность с требованиями Кильского Совета. На следующий день все верфи были охвачены забастовкой, на военных кораблях, стоявших в порту, были подняты красные флаги. Утром 6 ноября вооруженные матросы заняли Дом профсоюзов и окружили его баррикадами. Днем на поляне Хейлиггейст состоялось массовое собрание, в котором приняло участие около 50 тысяч рабочих, солдат и матросов. Когда демонстранты, двинувшиеся в направлении пригорода Гамбурга Альтоны, чтобы требовать смещения командующего гарнизоном генерала Фалька, проходили через Эльбский туннель, они были обстреляны из пулеметов: 9 убитых и десятки раненых остались на мостовой. Возмущенные рабочие при помощи солдат и матросов захватили склад оружия и стали вооружаться. Восставшие овладели казармами и вокзалами. Власть в городе перешла в руки рабочего и солдатского Совета.

Бывшая социал-демократическая газета «Hamburger Echo», ставшая теперь органом Совета под названием «Die Rote Fahne», писала 7 ноября: «Красные флаги развеваются. Массы пришли в движение... Солдаты и рабочие братаются. Они поняли, что у них одна мать, они составляют народ, угнетенный класс, они — илоты капитализма, пушечное мясо империализма. Оковы взорваны... Мы с горячей благодарностью приветствуем красных матросов Кили, подавших сигнал к пробуждению Германии. Мы

¹ См. *E. Buchner*, *Revolutionsdokumente*, S. 68—69.

Торпедные катера под красным флагом в гамбургском порту

Революционные матросы в Вильгельмстафеле у разбитых ворот тюрьмы

благодарны матросам и солдатам, мужественно сражавшимся на улицах Гамбурга... А вам, русские братья, которые первыми призвали громовым голосом народы к свободе, которые с огромным мужеством преодолели самые страшные трудности и лишения, когда-либо выпадавшие на долю революции, вам мы радостно кричим: мы идем. мы идем!.. Это — начало германской революции, мировой

революции!.. Да здравствует социализм! Да здравствует германская Рабочая республика!..»¹

Города морского побережья один за другим присоединялись к революции. В Брунсбюттеле восстали матросы кораблей «Позен», «Остфрисланд», «Нассау», «Ольденбург». Вспыхнувшие кое-где вооруженные схватки были короткими. Во Фленсбурге солдаты гарнизона братались с матросами. В Вильгельмсгафене командование попыталось использовать против рабочих и революционных матросов еще верные ему войска. Но тысячи рабочих и вооруженных матросов, вышедшие на улицы, быстро сломили слабое сопротивление этих войск, взяли штурмом тюрьмы и выпустили арестованных. Восстание победило и в Куксгафене. В течение 6 и 7 ноября были созданы рабочие и солдатские Советы также в Рендсбурге, Бремергафене, Шверине, Ростоке².

В Бремене утром 6 ноября появились группы матросов из Киля и Вильгельмсгафена. Еще накануне рабочие на больших собраниях требовали немедленного заключения перемирия и свержения династий. Матросы вместе с рабочими освободили из тюрем арестованных моряков. Солдаты гарнизона отказывались выполнять приказы командования. Рабочие верфей «Везер», «Атлас», заводов «Ганза-Ллойд» и других бросили работу. На площадях происходили митинги, на улицах с офицеров срывали погоны. Вечером был создан солдатский Совет. 7 ноября состоялась массовая демонстрация под красными флагами, в которой участвовало более 30 тыс. человек. Расширенный солдатский Совет объединился с рабочим Советом и выпустил воззвание к населению. В нем говорилось: «Что произошло? Не что иное, как революция. Ее продуктом является рабочий и солдатский Совет. Относительно задач Совета не может быть сомнений: расширение, упрочение и углубление революции. Вся власть в руки рабочих и солдатских Советов. Свержение капиталистического общественного строя и тем самым уничтожение всякого рода эксплуатации и угнетения, направленных против класса, партии, пола или расы. Создание социалистического обще-

¹ См. *E. Buchner*, *Revolutionsdokumente*, S. 69—70, 73—76; *H. Müller*, *Die Novemberrevolution*, S. 30—33.

² См. *E. Buchner*, *Revolutionsdokumente*, S. 81—82.

ства... Час освобождения пробил! Используйте его! Назад нет пути. Итак, — вперед!»¹

Но революция совершала свой победный марш не только по северным, приморским городам Германии, она вспыхнула и на юге. Это было ярким свидетельством того, что революция назрела во всей стране. 7 ноября в Мюнхене, на Терезиенвизе состоялся массовый митинг рабочих, солдат, матросов, представителей буржуазии. Принятая на митинге резолюция требовала окончания войны, отречения кайзера и наследника от престола, демократических преобразований, 8-часового рабочего дня. Но рабочих и солдат это не удовлетворило. Большое шествие направилось к королевской резиденции с возгласами: «Да здравствует мир! Да здравствует республика! Долой кайзера!» Солдаты из казарм присоединились к демонстрантам, из военной тюрьмы были выпущены арестованные, дворцовая стража была разоружена, правительственные здания заняты.

В ночь на 8 ноября в здании ландтага был образован временный Совет рабочих, солдат и крестьян под председательством независимца Курта Эйснера. В своем воззвании Совет провозгласил Баварию республикой и обещал провести ряд демократических преобразований; дальше этого он не шел. Однако монархия была свергнута, король

¹ E. Buchner, Revolutionsdokumente, S. 78—81; «Illustrierte Geschichte», S. 200; P. Müller и W. Brewes, Bremen in der deutschen Revolution, Bremen 1919, S. 10—14, 16, 18.

An die Bevölkerung Bremens!

Soldaten, Arbeiter, Parteigenossen!

Was hat sich ereignet? Nichts anderes als eine Revolution. Ihr Protest sind ihr Arbeiter- und Soldatenräte.

Über die Natur der Sache kann kein Zweifel sein.

Ruhe, Sicherung und Verheilung der Revolution. Die ganze Macht in die Hände der Arbeiter- und Soldatenräte. Sturz der kapitalistischen Gesellschaftsordnung und damit Aufhebung jeder Art der Ausbeutung und Unterdrückung, richte sie sich gegen eine Klasse, eine Partei, ein Geschlecht oder eine Rasse. Aufrihtung der sozialistischen Gesellschaft.

Das ist das Programm der Arbeiter- und Soldatenräte. Jeder der es durchzuführen will ist willkommen. Jedem der es bekämpft, werden wir rückwärts bis zu den Zähnen wissen. Einmal wo er ströben mag.

Soldaten, Arbeiter, Parteigenossen! Männer und Frauen!

Die Stunde der Befreiung hat geschlagen.

Jetzt nutzt sie! Ein Zurück gibt es nicht.

Vorwärts also!

Bremen, den 9. November 1918.

Der Arbeiter- und Soldatenrat.

Революционный плакат
«К населению Бремена!»

Людвиг III Виттельсбах в ту же ночь покинул Баварию. Его военный министр, бежавший из Мюнхена в надежде собрать войска против «мятежников», вынужден был вскоре убедиться, что ни баварские, ни прусские воинские части не хотят сражаться за монархию¹.

С севера и юга волны революции быстро распространились на запад. В Ганновере еще 6 ноября командование X армейского корпуса пыталось направить войска против революционного Гамбурга, но уже на следующий день солдаты стали брататься с рабочими, арестовали генерала, образовали солдатский и рабочий Совет². В Брауншвейге 7 ноября начались собрания и демонстрации, на следующий день прекратили работу почти все предприятия города. Делегация рабочего и солдатского Совета направилась к герцогу Эрнсту-Августу. После нескольких минут раздумья он подписал документ, что отрекается за себя и своих потомков от престола и передает власть в руки рабочего и солдатского Совета³.

Во Франкфурте-на-Майне 7 ноября рабочие вместе с солдатами открыли тюрьмы и освободили политических заключенных. На массовом митинге, состоявшемся на рыночной площади, был сформирован рабочий и солдатский Совет⁴. В Кёльне в ночь на 8 ноября произошло то же самое. Солдаты братались с рабочими, казармы опустели, почти 45 тысяч солдат гарнизона растеклось по улицам. Рабочий и солдатский Совет разместился в ратуше и в вышущенном воззвании потребовал уничтожения всех монархий, заключения мира, учреждения социальной республики⁵. Советы возникли и в городах Рейнской области и Вестфалии — в Билефельде, Крефельде, Эссене, Дюссельдорфе, Мюнстере и других.

8 ноября революционные волнения охватили города Саксонии — Лейпциг, Хемниц, Дрезден, Готу, а также

¹ *E. Buchner*, *Revolutionsdokumente*, S. 102—107; *E. Volkmann*, *Der Marxismus und das deutsche Heer.*, S. 232; *H. Beyer*, *Von der Novemberrevolution zur Räterepublik in München*, Berlin 1957, S. 7—10, 145—146.

² *K. Anlauf*, *Die Revolution in Niedersachsen, Hannover 1919*, S. 17—21.

³ *E. Buchner*, *Revolutionsdokumente*, S. 83, 126.

⁴ *J. Altmaier*, *Frankfurter Revolutionstage, Frankfurt am Main 1919*, S. 5—9.

⁵ См. *E. Buchner*, *Revolutionsdokumente*, S. 100—102, 147; *E. Volkmann*, *Der Marxismus und das deutsche Heer.*, S. 228.

Магдебург, Галле, Нюрнберг, Аугсбург. В Штутгарте группа спартаковцев еще 2 ноября создала нелегальный рабочий Совет, 4 ноября забастовал завод «Даймлер» и состоялась 30-тысячная демонстрация. На следующий день в Штутгарте вышел первый номер органа рабочих и солдатских Советов Вюртемберга — газеты «Die rote Fahne». Но развитие революции было прервано здесь на несколько дней арестом революционных руководителей, и лишь 9 ноября монархия в Вюртемберге была объявлена низложенной¹.

К 9 ноября почти во всех городах на севере, западе и юге Германии развевались красные флаги, старые власти бежали или цритаились, были созданы рабочие и солдатские Советы. В деревне революция пока была мало заметна, хотя, несомненно, бедняцкие, полупролетарские массы, не говоря уже о батраках, стремились к прекращению войны, к уничтожению юнкерского засилья и кулацкой кабалы.

9 НОЯБРЯ В БЕРЛИНЕ

В Берлине тем временем все оставалось, по крайней мере внешне, по-прежнему. 7 ноября на улицах был расклеен приказ командующего военным округом генерала фон Линсингена, строжайше запрещающий создавать «рабочие и солдатские Советы по русскому образцу», так как это «угрожает общественному порядку...»²

Причину отставания Берлина от победоносного шествия революции по стране нельзя видеть в недостатке революционной инициативы и энергии у берлинских рабочих. Ведь и в апреле 1917 г. и в январе 1918 г. они были в первых рядах рабочего революционного движения. Но, с одной стороны, здесь, в жизненном центре монархии Гогенцоллернов, были сосредоточены главные силы старого режима. К столице были стянуты войска, уже 7 ноября было прекращено пассажирское сообщение с другими го-

¹ См. *E. Buchner*, *Revolutionsdokumente*, S. 37—38, 121—122; «Dokumente und Materialien», S. 283—286; *W. Bloss*, *Von der Monarchie zum Volksstaat*, в сборнике: «Denkwürdigkeiten aus der Umwälzung», Stuttgart 1923, S. 17—19, 22.

² *E. Drahn*, *E. Friedegg*, *Deutscher Revolutions-Almanach für das Jahr 1919*, Hamburg — Berlin 1919, S. 59; «Vorwärts», 7. XI. 1918.

родами, была строго ограничена телеграфная и телефонная связь. На многие предприятия были введены войска, по улицам патрулировали усиленные офицерские наряды, разъезжали бронемшины. С другой стороны, здесь сильнее всего сказывалось влияние социал-демократических лидеров, прилагавших все старания для «торможения» революции. Социал-демократический «Vorwärts» без устали призывал рабочих к «спокойствию» и «дисциплине».

Однако спокойствие в Берлине было только внешним. Еще со времени апрельской стачки 1917 г. в городе существовал нелегально «Комитет революционных старост». К ноябрю он состоял примерно из 80 человек во главе с левыми независимцами: Эмилем Бартом, Эристом Деймигом, Георгом Ледебуром, Рихардом Мюллером и другими. Когда в конце октября в Берлин вернулся из тюрьмы Карл Либкнехт, а из Голландии приехал Вильгельм Пик, они вошли в состав «Комитета революционных старост», стремясь вдохнуть в него революционный дух. Комитет принял название «рабочий Совет» и выделил из своего состава Исполнительный комитет. Руководители спартаковцев настойчиво требовали ускорения выступления берлинских рабочих и солдат гарнизона, но лидеры независимцев проявляли нерешительность, колебались, неизменно ссылаясь на «техническую неподготовленность» восстания. Так, они отвергли предложение спартаковцев об объявлении 4 ноября генеральной забастовки и организации вооруженной демонстрации. Даже после получения известий об успехе революции в Киле и других городах¹, после прибытия в Берлин делегации кильских моряков «сверхумные фабриканты революции», как метко называл их Либкнехт, объявили невозможным выступление в Берлине раньше 11 ноября. Правые руководители независимцев — Гаазе, Дитман и другие — вообще хотели отсрочить восстание на неопределенное время.

Между тем правительство Макса Баденского, получив известия о стремительном шествии революции по стране, лихорадочно искало выхода. Генералитет настаивал на принятии решительных мер, создании повсеместно контрреволюционных вооруженных отрядов «гражданского ополчения» и «крестьянской обороны». Но прави-

¹ Спартаковцы выпустили об этих событиях листовку «Die rote Fahne über Kiel, Hamburg, Bremen, Lübeck». — См. «Spartakus im Kriege», S. 225—229.

тельство, не отвергая этих мер, возлагало больше надежд на то, что руками социал-демократов типа Носке ему удастся «локализовать» революционное движение. Макс Баденский считал, что «судьба Германии зависит от того, сумеет ли Эберт в большом масштабе повторить дело своего товарища по партии (Носке. — Я. Д.), т. е. «свернуть» движение во всей стране»¹.

Для осуществления этого плана канцлер еще 6 ноября устроил встречу лидеров социал-демократии (Эберта, Шейдемана, Бауэра, Легина, Шмидта, Давида, Зюдекума) с преемником Людендорфа — генерал-квартирмейстером ставки Грёнером. Социал-демократы настаивали лишь на отречении кайзера в пользу одного из наследников, заявляя, что в этом случае они сумеют сорвать переход масс в лагерь революции². Однако генерал Грёнер проявил неуступчивость, о которой впоследствии сам сожалел. «Я полностью виноват, — заявил он несколько лет спустя, — что в тот день не согласился с предложением Эберта. Может быть, было еще возможно спасти монархию»³.

Макс Баденский оказался прозорливее генерала Грёнера. Он ближе знал социал-демократических лидеров и не имел основания сомневаться в их преданности старому режиму. На прямой вопрос канцлера, будет ли он бороться против социальной революции, Эберт без промедления и недвусмысленно ответил: «Я не желаю ее, да, я ненавижу ее, как грех»⁴. Шейдеман заявил не менее определенно: «Моя партия позаботится о том, чтобы Германия была спасена от большевизма»⁵.

¹ *Max von Baden, Erinnerungen..*, S. 603.

² Там же, стр. 591—592.

³ «Der Dolchstoss-Prozess», S. 217—218.

⁴ *Max von Baden, Erinnerungen..*, S. 599.

⁵ Там же, стр. 618. Один из видных социал-демократических деятелей Герман Мюллер пытался сгладить впечатление, которое произвели разоблачения Макса Баденского. Он заявил, что Эберт «имел бесспорно в виду большевистскую революцию», а не «революцию вообще». — См. «Die Gesellschaft», 1927, Heft 9. Большинство социал-демократических лидеров и впоследствии решительно отмежевывалось от «обвинения», будто СДПГ была в какой-либо мере причастна к подготовке революции. Так, Шейдеман на Мюнхенском процессе в 1925 г. говорил: «Нужно отбросить глупое обвинение, будто мы хотели революции и готовили ее. Это было бы в то время... глупостью... Мы должны были спасти Германию от большевистских экспериментов...» — См. «Der Dolchstoss-Prozess», S. 245.

Между тем буквально каждый час приносил новые известия о развитии революции в стране. Спартаковцы выпустили листовку к годовщине Октябрьской революции, в которой призывали немецких рабочих последовать русскому примеру¹. Берлинские рабочие все недоверчивее относились к уговорам сохранять спокойствие. 7 ноября вечером социал-демократические лидеры решились, наконец, оказать давление на канцлера. Они потребовали отречения кайзера от престола, угрожая в противном случае выйти из правительства. 8 ноября утром Макс Баденский связался по телефону со ставкой, находившейся в бельгийском городке Спа, куда еще в конце октября отправился, якобы спасаясь от гриппа, кайзер Вильгельм. Канцлер настоятельно рекомендовал кайзеру отречься от престола в пользу одного из внуков и советовал сделать это поскорее, пока социал-демократия может еще «помешать переходу масс в радикальный лагерь»². Но ответ кайзера гласил: «Бессмыслица! Войска верны мне. Завтра мы двинемся маршем на родину»³.

На следующее утро кайзер смог убедиться, что и армия ему уже не верна. Перед экстренно вызванными в ставку с фронта 39 генералами и старшими офицерами были поставлены два вопроса: 1) как относится армия к кайзеру, пойдет ли за ним? и 2) как относится армия к «большевизму» (так реакционеры называли революционные народные массы. — *Я. Д.*), поведет ли против него вооруженную борьбу? На первый вопрос только один из опрошенных ответил положительно, 15 выразили сомнение, 23 ответили отрицательно. На второй вопрос 8 ответили отрицательно, 19 выразили сомнение и 12 ответили, что армия пойдет на это только после длительного отдыха и «разъяснения»⁴. Руководители верховного командования вскоре установили, что «ненадежной» является и 2-я гвардейская дивизия, только что выведенная с фронта для охраны ставки. Но кайзер все еще медлил с решением.

¹ См. «Dokumente und Materialien», S. 307—315.

² *A. Nicmann, Revolution von oben — Umsturz von unten*, S. 378.

³ «Illustrierte Geschichte», S. 201.

⁴ См. «Записку о событиях 9 ноября 1918 г. в главной ставке в Спа», подписанную Гинденбургом, Плессеном, Шуленбургом и Гинце. — «Deutsche Tageszeitung», 27. VII. 1919; *Graf von Westarp. Das Ende der Monarchie am 9. November 1918, Oldenbur — Berlin* 1952, S. 47 и. ф.

Тем временем обстановка в Берлине становилась все более напряженной. Массы рвались в бой, а независимцы в рабочем Совете все еще колебались. Глубоко возмущенный их нерешительностью, Карл Либкнехт записывал 8 ноября в своем дневнике: «Правительственные социалисты еще, конечно, опередят нас и озоруют как перед историей, так и перед нами самими»¹. Горькая справедливость этих слов подтвердилась вскоре.

Днем 8 ноября стало известно, что арестованы два члена Исполкома. Планы готовившегося восстания могли стать известны правительству. Дальнейшее промедление грозило гибелью всей организации. Под давлением обстоятельств, после горячих выступлений представителей предприятий рабочий Совет принял, наконец, вечером решение: призвать берлинских трудящихся начать утром 9 ноября всеобщую забастовку и выйти на улицу с имеющимся у них оружием. За подписью Исполнительного комитета рабочего и солдатского Совета было составлено обращение, призывавшее к свержению монархии и образованию социалистической республики².

В ту же ночь была отпечатана и листовка группы «Спартак». Призывая рабочих и солдат к борьбе за социалистическую республику, она выдвигала в качестве ближайших целей борьбы освобождение политзаключенных, ликвидацию отдельных государств и устранение всех династий, выборы рабочих и солдатских Советов на всех фабриках и в воинских частях, взятие власти уполномоченными рабочими и солдатскими Советами, немедленное установление связи с международным пролетариатом, особенно с Российской рабочей республикой³.

Боевое настроение берлинских рабочих проявилось на состоявшихся в этот вечер более чем двух десятках собраний, прошедших чрезвычайно бурно. Правые социал-демократические лидеры были обеспокоены таким развитием событий. В помещении партийного правления СДПГ были срочно созваны партийные функционеры. Все представи-

¹ См. «*Illustrierte Geschichte*», S. 204.

² См. *W. Pieck, Arbeiter, Soldaten, Genossen!—Reden und Aufsätze*, Berlin 1950, Bd. I, S. 40. Под листовкой стояли подписи Гаазе, Ледебура, Барта и других независимцев, а также подписи Либкнехта и Пика.

³ См. *K. Liebknecht, Arbeiter und Soldaten! — Ausgewählte Reden..*, S. 466—467.

тели предприятий в один голос заявляли здесь, что дольше «тормозить» уже невозможно: массы не удержать, они не слушают больше уговоров. Шейдеман настойчиво упрашивал задержать рабочих на предприятиях хоть на два часа, до 9 часов утра. Он надеялся, что будет получено известие об отречении кайзера, и это внесет успокоение, позволит сорвать самостоятельное выступление масс. Но функционеры ничего не могли обещать¹.

В субботу 9 ноября рано утром на предприятиях Берлина появились листовки Исполкома и «Спартака». Призывы встретили единодушную поддержку. И, хотя социал-демократическая газета «Vorwärts» по-прежнему предостерегала рабочих от «необдуманных действий», а социал-демократические функционеры из последних сил старались выполнить указание Шейдемана, из всех ворот фабрик и заводов мощные колонны рабочих двинулись на улицы. Во главе колонн крупных предприятий появились красные флаги, демонстрантов сопровождали хотя и небольшие, но решительно настроенные вооруженные группы рабочей охраны. Десятки тысяч рабочих шли с окраин к центру города, к дворцу, рейхстагу, имперской канцелярии.

Полицейские исчезли с улиц. Пулеметы, заранее установленные на крышах многих зданий, не стреляли. Разработанная по указанию Людендорфа еще после январской стачки военная диспозиция не смогла быть реализована². Специально привезенный в Берлин из Наумбурга для «поддержания порядка» 4-й егерский батальон, которому только накануне были выданы гранаты, перешел на сторону революционных рабочих. За ним последовали солдаты гвардейских полков, расположенных в Александровских казармах, и другие части берлинского гарнизона. Только перед казармой «майкеферов»³ на Шоссе-штрассе произошла короткая вооруженная стычка, стоившая жизни трем рабочим, в том числе руководителю революционной берлинской молодежи Эриху Габерзату.

¹ См. Ph. Scheidemann, Memoiren..., Bd. 2, S. 294—295.

² Диспозиция предусматривала немедленное введение в город расположенных поблизости гвардейских корпусов и вооруженное подавление «беспорядков».

³ «Maikäfer», т. е. «майскими жуками», называли солдат прусского гвардейского полка.

Демонстрация в Берлине на Унтер-ден-Линден 9 ноября 1918 года

Днем рабочими и солдатами было занято здание полицей-президиума. Полиция сложила оружие и разошлась. Было освобождено 650 арестованных. Здания почтамта, агентства Вольфа, комендатуры и многие другие были заняты без сопротивления. По улицам под красными флагами разъезжали автомобили с вооруженными рабочими и солдатами. С офицеров срывали погоны и знаки различия; повсюду видны были красные повязки и кокарды. Над ратушей, рейхстагом, Бранденбургскими воротами были водружены красные флаги.

Но в имперской канцелярии все еще сидел принц Макс Баденский. Тщетно ждал он у телефона сообщения из ставки, что кайзер подписал, наконец, акт об отречении. Около полудня Макс Баденский решился на свой последний маневр. Когда Эберт в сопровождении Шейдемана, Брауна и других появился в канцелярии, Макс Баденский от имени отрекающегося кайзера предложил Эберту принять пост рейхсканцлера¹. Тут же Макс Баденский подписал на свой страх и риск прокламацию, в которой сообщал об отказе Вильгельма II от престола, о создании регентства, назначении новым рейхсканцлером Эберта и предстоящем проведении выборов в «Учредительное германское национальное собрание»².

¹ Впоследствии Макс Баденский с циничной откровенностью следующим образом излагал свои соображения на этот счет: «Я сказал себе: революция собирается быть победоносной; мы не можем ее разбить, но, может быть, сможем ее задушить... Если Эберт будет представлен мне улицей в качестве народного трибуна, тогда придет республика; если же будет выдвинут Либкнехт, тогда еще и большевизм. Но если отрекающийся кайзер назначит Эберта рейхсканцлером, тогда есть еще маленькая надежда для монархии. Может быть, удастся повернуть революционную энергию в легальные рамки избирательной борьбы». — *Max von Baden, Erinnerungen...*, S. 632. Министериаль-директор Симонс так писал об этом: «Речь шла о решении: либо мирным путем передать исполнительную власть в руки Эберта, либо власть путем кровавой революции перейдет к спартаковцам... Только переходом чиновников на сторону Эберта можно было спасти армию, а Эберт не был, как я знал, принципиальным противником монархии». — Там же, стр. 634—635.

² Только несколько часов спустя Вильгельм II из ставки сообщил Максу Баденскому по телефону о своем согласии отречься от титула германского кайзера, но не от прусской короны. — *Max von Baden, Erinnerungen...*, S. 641.

Получив известие из Берлина, что Макс Баденский самовольно объявил о его отречении, Вильгельм II уехал в Голландию. Акт об отречении был им подписан 28 ноября 1918 г.

Митинг на площади Бель-Альянс в Берлине 9 ноября 1918 года

Эберт с большой готовностью принял титул рейхсканцлера¹ и тотчас выпустил прокламацию к населению, в которой призывал народ покинуть улицы и позаботиться о «спокойствии и порядке», а также обращение к чиновникам с просьбой остаться на местах. Но сам Эберт не мог не видеть, что титул, о котором он давно мечтал, не так уж много значил в момент революционного взрыва. Революция развертывалась под знаком свержения старых властей и титулов. Доверием народа пользовались лишь возникавшие повсюду Советы.

Поэтому Эберт и его друзья в этот бурный день предприняли самые энергичные попытки втереться в революционное движение и даже стать во главе его. Им

¹ Эберт тут же предложил Максу Баденскому стать имперским регентом. Г. Мюллер писал в 1927 г., что об этом предложении Эберта будто бы не знал ни Шейдман, ни кто-либо другой, а сделал это Эберт якобы «из преувеличенной вежливости». — «Die Gesellschaft», 1927, Nr. 9, S. 208—209. В своей книге «Die Novemberrevolution», вышедшей в следующем году, Г. Мюллер об этом не пишет.

Впоследствии стало также известно, что в это же время Давид с ведома фракции СДПГ вел переговоры с лидером национал-либералов фон Рихтгофеном о сохранении на престоле внука кайзера.

пригодился опыт, приобретенный в дни преданной ими январской стачки. Когда утром 9 ноября социал-демократические доверенные на предприятиях заявили Отто Вельсу, что они не в состоянии удерживать массы от активных действий, последний дал им команду: «Тогда становитесь сами во главе движения!»¹ Днем в редакции социал-демократической газеты «Vorwärts», которая еще за несколько дней до революции писала о рабочих Советах как о «русской заразе», собрались социал-демократические функционеры и объявили себя «рабочим и солдатским Советом». От имени этого самозванного «совета» была спешно выпущена листовка, призывавшая к демонстрации, которая давно уже началась. В ней, между прочим, говорилось, что «движением руководят совместно социал-демократическая и независимая социал-демократическая партии Германии»².

Это же лихорадочное желание во что бы то ни стало удержать в своих руках ускользавшую инициативу побудило Шейдемана к импровизированному выступлению перед собравшимся у здания рейхстага народом. В короткой речи, произнесенной из окна, Шейдеман провозгласил Германию демократической республикой³.

Возбужденный и радостный народ все еще заполнял улицы центра и не расходился. Около 4-х часов дня перед огромным скоплением рабочих и солдат с балкона императорского дворца выступил Карл Либкнехт. «День свободы наступил.., — сказал он. — Я провозглашаю Германию свободной социалистической республикой.., в которой не будет больше рабов!» Либкнехт призвал вернуть в Берлин высланное посольство Советской России и продолжал: «Если старое правительство свергнуто, мы все же не должны думать, что наша задача уже выполнена. Мы должны напрячь все силы, чтобы создать правительство рабочих и солдат, построить новый, пролетарский государственный строй, строй мира, счастья и свободы для наших братьев в Германии и во всем мире». На мачте, где

¹ См. «Der Dolchstoß-Prozess», S. 193, 198.

² E. Buchner, Revolutionsdokumente, S. 130.

³ Эберт был взбешен этим выступлением Шейдемана, так как все еще надеялся на сохранение монархии. Редактор «Vorwärts» Штампфер, оправдывая Шейдемана, отмечает, что тот «не хотел уступить лозунг республики более левым кругам». — См. F. Stampfer, Die ersten 14 Jahre der Deutschen Republik. Offenbach a. M. 1947, S. 65; Ph. Scheidemann, Memoiren.., Bd. 2, S. 313.

недавно развевался кайзеровский штандарт, был поднят красный флаг. Либкнехт воскликнул: «Кто из вас хочет видеть Германию свободной социалистической республикой и мировую революцию, поднимите руки для клятвы». — Тысячи рук взметнулись вверх. Раздались возгласы: «Да здравствует республика! Да здравствует Либкнехт!»¹

Придя из дворца в помещение фракции независимцев в рейхстаге, Карл Либкнехт застал собравшихся здесь в состоянии растерянности. Незадолго до этого сюда явились Эберт, Шейдеман и Бауэр и предложили лидерам НСДПГ совместно образовать правительство. Шейдемановцы рассчитывали таким путем укрепить свои позиции, оторвать независимцев от спартаковцев и обмануть массы лозунгом «единого социалистического правительства»². Они даже готовы были включить в состав правительства и К. Либкнехта, чтобы использовать его популярность в массах и создать для себя своего рода прикрытие. К Либкнехту были подсланы специальные депутации рабочих и солдат, указывавшие, что его участие в правительстве будет способствовать скорейшему заключению перемирия.

Карл Либкнехт сразу же разгадал суть машевра кайзеровских социалистов. В то время как лидеры независимцев суетились, не зная, что им предпринять, и снаряжали машину, чтобы привезти из Килия выехавшего туда Гаазе, Либкнехт решил для разоблачения шейдемановцев сформулировать условия, на которых временно — на три дня — можно было образовать совместное правительство для заключения перемирия.

Условия, выдвинутые Либкнехтом, требовали объявления Германии социальной республикой, в которой вся законодательная, исполнительная и судебная власть должна находиться исключительно в руках рабочих и солдатских Советов; все буржуазные члены должны быть

¹ «Vossische Zeitung», 10. XI. 1918.

² Биограф Эберта Гениш с похвальной откровенностью впоследствии так изобразил ход рассуждений Эберта: «В несколько секунд решение созрело: немедленные переговоры с независимыми, образование совместного правительства, изоляция спартаковцев, которые в настоящий момент еще слабы, но в течение нескольких дней могут превратиться в огромную опасность, если независимые будут действовать с ними вместе...» — См. *F. Ebert, Kämpfe und Ziele*, Berlin 1927, S. 40.

исключены из правительства. В своем ответе шейдемановцы предложили передать вопрос о социальной республике на «решение народа посредством Учредительного собрания». Требование передачи всей власти Советам они отвергли как якобы «диктатуру части класса, противоречащую демократическим принципам». Они отклонили и требование исключения буржуазных деятелей из правительства под тем предлогом, что это будто бы может помешать делу продовольственного снабжения¹.

Отказ шейдемановцев выполнить поставленные условия раскрывал их истинные намерения. Об участии Либкнехта в правительстве вместе с кайзеровскими социалистами, не желавшими установления власти Советов и мечтавшими о сотрудничестве с буржуазией, не могло быть и речи. Но лидеры независимцев во главе с прибывшим Гаазе продолжали переговоры без Либкнехта.

В этот же вечер, около 10 часов, в здании рейхстага состоялось первое собрание рабочих и солдатских Советов Берлина. Его состав был случайным и смешанным, с заметным преобладанием солдат. Его участники не были кем-либо избраны или уполномочены. Среди солдат было мало социалистов, и большинство их, как рассказывает участник собрания Вильгельм Пик, «едва ли сознавало значение происходящих событий»². Собрание проходило бурно, и в его ходе выявились противоречия между рабочими и солдатами в понимании целей и задач революции. В конце концов было принято решение провести на следующий день, в воскресенье 10 ноября, на всех предприятиях выборы делегатов рабочих, а в казармах — солдатских Советов³. Вечером того же дня они должны были собраться в цирке Буша на общее собрание, чтобы избрать Исполнительный комитет Берлинского рабочего и солдатского Совета и правительство.

СОБРАНИЕ СОВЕТОВ В ЦИРКЕ БУША

Решение собрания Советов не на шутку обеспокоило Эберта и К⁰. Ведь рабочие и солдатские Советы считали себя единственными представителями революционной

¹ См. «Vorwärts», 10. XI. 1918.

² W. Piesck, Die Gründung der KPD. — Reden..., Bd. I, S. 94.

³ Рабочие должны были избирать 1 делегата от тысячи человек, солдаты — 1 делегата от батальона.

власти, правомочными избрать правительство. Они даже не вспомнили о рейхсканцлере Эберте, получившем свой пост из рук принца Макса Баденского. Нужны были срочные и решительные действия, чтобы предотвратить создание Советами действительно революционного правительства¹. Немедленно был приведен в действие разветвленный аппарат социал-демократической партии и профсоюзов². Тут же почью была отпечатана тиражом в 40 тысяч экземпляров листовка к солдатам, написанная Вельсом. Солдатских представителей и социал-демократических доверенных на предприятиях созвали в редакцию «Vorgwärts» к двум часам дня 10 ноября. Здесь им было «разъяснено», что на собрании в цирке Буша они должны выступать за созыв Национального собрания и добиваться образования правительства из социал-демократов и «независимых», а в случае отказа последних — создания правительства Эберта — Шейдемана³.

В то время как правые лидеры социал-демократии развили бешеную активность в борьбе за власть, группа «Спартак», сыгравшая большую роль в подготовке революции, не имела массовой организации, на которую она могла бы опереться. Поэтому «Спартак» мог только, как отмечал В. Пик, «агитационно разъяснять рабочим их задачи, предостерегать их от классовой измены социал-демократических вождей и начать дело организации революции»⁴.

Вечером 9 ноября революционными рабочими и солдатами было захвачено помещение реакционной газеты «Berliner Lokal-Anzeiger». Спартаковцы тут же выпустили в ней первый номер своей газеты «Die Rote Fahne». В напечатанной в этот же вечер листовке говорилось: «Красный флаг развевается над Берлином... Но с

¹ На эту «опасность» для шейдемановцев указывает, в частности, Ф. Штампфер. — *F. Stampfer, Die ersten 14 Jahre...*, S. 64.

² «Удостоверения целыми стопами печатались на машинах, — рассказывает Г. Мюллер, — все имевшиеся печати прикладывались к готовым мадкатам. Раздавались красные повязки. Во все направления рассылались наблюдательные посты. Телефон звонил непрерывно. Товарищи в предместьях ждали приказаний, все опытные товарищи были в волнении, так как они поняли, что должен значить созыв собрания в цирке Буша». — *H. Müller, Die Novemberrevolution*, S. 62.

³ Там же, стр. 69.

⁴ *W. Pieck, Die Gründung der KPD. — Reden...*, Bd. I, S. 99.

отречением одного или двух Гогенцоллернов почти ничего не изменилось. Еще меньше изменится, если во главе окажется пара правительственных социалистов!»¹

Развивая на следующий день эту мысль, «Die Rote Fahne» писала: «Эта революция должна не только смыть все остатки и развалины феодализма, она должна не только сокрушить все бастионы юнкерства... ее лозунгом является не только республика, а — социалистическая республика!.. Мы стоим еще в начале этого трудного... пути. Не следует преждевременно радоваться одержанной победе...» Напечатав воззвание Эберта, призывавшее народ покинуть улицы, газета добавляла от себя: «Мы, наоборот, призываем *не* покидать улиц, а сохранить оружие и быть все время начеку. Дело революции обеспечено только, когда оно в руках народа. Требование назначенного свергнутым кайзером рейхсканцлера преследует лишь цель отправить массы по домам, чтобы восстановить старый «порядок». Рабочие, солдаты, будьте бдительны!»

Спартакосцы призывали берлинских пролетариев в рабочих блузах и солдатских шинелях позаботиться о том, чтобы власть не выскользнула из их рук и была использована для достижения пролетарско-социалистического мира и социалистического преобразования общества. Для этого спартакосцы предлагали энергично добиваться разоружения полиции и офицеров, вооружения народа. Вся власть в центре и на местах должна находиться в руках рабочих и солдатских Советов. Рейхстаг, все парламенты и существующее правительство должны быть устранены; до создания общегерманского рабочего и солдатского Совета правительственную власть должен осуществлять Берлинский рабочий и солдатский Совет. Все династии и отдельные государства должны быть уничтожены, Германия должна быть провозглашена единой социалистической республикой. Немедленно должен быть заключен мир, должны быть установлены интернациональные связи с социалистами всех стран и прежде всего с Советской Россией, советское посольство возвращено в Берлин².

¹ «Extrablatt», 9. XI. 1918. — Фонды Государственного музея революции СССР, № 16. 937/115, Л 443—2Б.

² «Die Rote Fahne», 10. XI. 1918. Эти же требования в несколько иной редакции были изложены и в упоминавшейся выше листовке. В газете «Weltrevolution», изданной в тот же день в рабочем районе

Die Rote Fahne

Chemaliger Berliner Lokal-Anzeiger - 2. Abend-Ausgabe

Verlag August Scherl, U. S. B., Stern 1918, G. G. - Preis pro Jahr 3000 - Telegramm-Nr. 24111

Berlin unter der roten Fahne.

Polizei-Präsidium gestürmt. - 650 Gefangene befreit. - Rote Fahnen am Schloß.

Die Arbeiter am Berliner Polizei-Präsidium sind heute Morgen mit einer großen Anzahl von Kameraden zum Sturm auf das Gebäude gekommen. Die Arbeiter sind durch die Polizei in die Flucht geschlagen worden. Die Arbeiter haben die Polizei in die Flucht geschlagen und die Gefangenen befreit. Die Arbeiter haben die Polizei in die Flucht geschlagen und die Gefangenen befreit.

Die Arbeiter am Berliner Polizei-Präsidium sind heute Morgen mit einer großen Anzahl von Kameraden zum Sturm auf das Gebäude gekommen. Die Arbeiter sind durch die Polizei in die Flucht geschlagen worden. Die Arbeiter haben die Polizei in die Flucht geschlagen und die Gefangenen befreit. Die Arbeiter haben die Polizei in die Flucht geschlagen und die Gefangenen befreit.

Die Arbeiter am Berliner Polizei-Präsidium sind heute Morgen mit einer großen Anzahl von Kameraden zum Sturm auf das Gebäude gekommen. Die Arbeiter sind durch die Polizei in die Flucht geschlagen worden. Die Arbeiter haben die Polizei in die Flucht geschlagen und die Gefangenen befreit. Die Arbeiter haben die Polizei in die Flucht geschlagen und die Gefangenen befreit.

Die Arbeiter am Berliner Polizei-Präsidium sind heute Morgen mit einer großen Anzahl von Kameraden zum Sturm auf das Gebäude gekommen. Die Arbeiter sind durch die Polizei in die Flucht geschlagen worden. Die Arbeiter haben die Polizei in die Flucht geschlagen und die Gefangenen befreit. Die Arbeiter haben die Polizei in die Flucht geschlagen und die Gefangenen befreit.

Die Hebräerode der Kaiserin

Die Kaiserin hat eine Hebräerode erlassen, die die Arbeiter in die Flucht geschlagen hat. Die Kaiserin hat eine Hebräerode erlassen, die die Arbeiter in die Flucht geschlagen hat. Die Kaiserin hat eine Hebräerode erlassen, die die Arbeiter in die Flucht geschlagen hat.

Die Huren der Polizei-Präsidium.

Die Huren der Polizei-Präsidium sind heute Morgen mit einer großen Anzahl von Kameraden zum Sturm auf das Gebäude gekommen. Die Arbeiter sind durch die Polizei in die Flucht geschlagen worden. Die Arbeiter haben die Polizei in die Flucht geschlagen und die Gefangenen befreit. Die Arbeiter haben die Polizei in die Flucht geschlagen und die Gefangenen befreit.

W.I.D. von H. und S. befreit.

Die Arbeiter am Berliner Polizei-Präsidium sind heute Morgen mit einer großen Anzahl von Kameraden zum Sturm auf das Gebäude gekommen. Die Arbeiter sind durch die Polizei in die Flucht geschlagen worden. Die Arbeiter haben die Polizei in die Flucht geschlagen und die Gefangenen befreit. Die Arbeiter haben die Polizei in die Flucht geschlagen und die Gefangenen befreit.

Die Frauen der Front.

Die Frauen der Front sind heute Morgen mit einer großen Anzahl von Kameraden zum Sturm auf das Gebäude gekommen. Die Arbeiter sind durch die Polizei in die Flucht geschlagen worden. Die Arbeiter haben die Polizei in die Flucht geschlagen und die Gefangenen befreit. Die Arbeiter haben die Polizei in die Flucht geschlagen und die Gefangenen befreit.

Die Arbeiter der Front.

Die Arbeiter der Front sind heute Morgen mit einer großen Anzahl von Kameraden zum Sturm auf das Gebäude gekommen. Die Arbeiter sind durch die Polizei in die Flucht geschlagen worden. Die Arbeiter haben die Polizei in die Flucht geschlagen und die Gefangenen befreit. Die Arbeiter haben die Polizei in die Flucht geschlagen und die Gefangenen befreit.

Die Arbeiter der Front.

Die Arbeiter der Front sind heute Morgen mit einer großen Anzahl von Kameraden zum Sturm auf das Gebäude gekommen. Die Arbeiter sind durch die Polizei in die Flucht geschlagen worden. Die Arbeiter haben die Polizei in die Flucht geschlagen und die Gefangenen befreit. Die Arbeiter haben die Polizei in die Flucht geschlagen und die Gefangenen befreit.

Die Arbeiter der Front.

Die Arbeiter der Front sind heute Morgen mit einer großen Anzahl von Kameraden zum Sturm auf das Gebäude gekommen. Die Arbeiter sind durch die Polizei in die Flucht geschlagen worden. Die Arbeiter haben die Polizei in die Flucht geschlagen und die Gefangenen befreit. Die Arbeiter haben die Polizei in die Flucht geschlagen und die Gefangenen befreit.

Die Arbeiter der Front.

Die Arbeiter der Front sind heute Morgen mit einer großen Anzahl von Kameraden zum Sturm auf das Gebäude gekommen. Die Arbeiter sind durch die Polizei in die Flucht geschlagen worden. Die Arbeiter haben die Polizei in die Flucht geschlagen und die Gefangenen befreit. Die Arbeiter haben die Polizei in die Flucht geschlagen und die Gefangenen befreit.

Разоблачая предательство правительственных социалистов, виновных в бедствиях империалистической войны, «Die Rote Fahne» указывала: «Теперь, когда германский империализм переживает крах, они хотят спасти для германской буржуазии то, что еще можно спасти; они хотят задушить революционную энергию масс. Ни один «шейдемановец» не должен больше сидеть в правительстве; ни один настоящий социалист не должен вступить в правительство, пока там сидит еще правительственный социалист. Не может быть единства с теми, кто четыре года предавал вас. Долой капитализм и его агентов! Да здравствует революция!»¹

В этот день спартаковцы выпустили небольшую листовку, специально адресованную к делегатам рабочих и солдатских Советов, которые должны были собраться в цирке Буша. Она призывала не голосовать за шейдемановцев и тех, кто намерен сотрудничать с ними и с буржуазными деятелями. Обращаясь к членам НСДПГ, спартаковцы разъясняли им, что «независимых» для того хотят включить в состав правительства, чтобы они помогли буржуазии и шейдемановцам прикрыть свои грехи².

Но правые лидеры независимцев во главе с Гаазе к этому времени уже капитулировали перед шейдемановцами, договорившись о создании совместного правительства из трех социал-демократов (Эберт, Шейдеман и Ландсберг) и трех «независимых» (Гаазе, Дитман и Барт). При этом независимцы согласились «в принципе» на созыв Учредительного собрания, а шейдемановцы «признали», что «политическая власть находится в руках Со-

Берлина — Нейкёльне от имени рабочего и солдатского Совета, были сформулированы те же требования со следующими дополнениями: мирная делегация должна состоять из представителей рабочих и солдатских Советов; Брестский мир должен быть отменен, а Россия возвращена насильственно отторгнутые от нее области. Продовольственное снабжение должно быть обеспечено путем экспроприации крупных землевладельцев и установления контроля со стороны рабочих и солдатских Советов для борьбы со спекуляцией. Собственность капиталистов должна быть экспроприрована, частная собственность — отменена, все средства производства и распределения переданы в руки народа. — См. Фонды Государственного музея революции СССР, № 17. 678/16, ФГ 443—2Б.

¹ «Die Rote Fahne», 10. XI. 1918.

² «Arbeiter- und Soldatenräte!». — Фонды Государственного музея революции СССР, № 16. 973/114а, Л 443—2Б.

гов»¹. Подготовка к собранию берлинских Советов была таким образом завершена.

Собрание рабочих и солдатских Советов Берлина в цирке Буша открылось 10 ноября в половине шестого вечера. Состав его был весьма пестрым. Собралось около 3 тысяч человек, причем никакого контроля полномочий проведено не было. Как и на предыдущем собрании, заметно преобладали солдаты. Те из них, которые побывали в «Vorwärts», пришли сомкнутым строем. После краткой вступительной речи независимца Барта слово получил Эберт. Его демагогическая речь, в которой он приписал социал-демократии все достижения революции и сообщил об образовании паритетного «социалистического» правительства, была встречена возгласами одобрения. Вслед за Гаазе, произнесшим путанную речь, на трибуне появился Карл Либкнехт. Он предостерегал солдат и рабочих против слепой доверчивости к социал-демократическим лидерам, которые их не раз предавали. Его решительное заявление, что контрреволюция уже проникла даже в ряды рабочих и солдат, вызвало неодобрительный шум и угрозы со стороны части солдат².

Исполком революционных старост (рабочего Совета) предложил собранию список нового Исполнительного комитета, в который должны были войти К. Либкнехт, Р. Люксембург, В. Пик и левые независимцы. Но солдаты, потрясая винтовками и саблями, шумно потребовали «паритетного» состава Исполкома. Собрание становилось все более бурным. В конце концов в состав Исполкома были включены 6 правых социал-демократов, 6 независимцев и 12 представителей от солдат, которые почти все были сторонниками шейдемановцев. Вслед за тем собрание утвердило предложенный Эбертом состав правительства во главе с двумя равноправными председателями — Эбертом и Гаазе, которое присвоило себе наименование «Совет народных уполномоченных» (СНУ).

Таким образом, правым социал-демократам удалось использовать в своих интересах низкий уровень политической сознательности большинства членов рабочих и солдатских Советов, прежде всего солдат, их наивную доверчивость. Опираясь на свой разветвленный и слаженный

¹ «Vorwärts», 11. XI. 1918.

² См. *W. Pieck*, Die Gründung der KPD.—Reden..., Bd. 1, S. 96; Ср. также *H. Müller*, Die Novemberrevolution, S. 70—72.

партийный и профсоюзный аппарат, какого не имели ни спартаковцы, ни независимцы, правые социал-демократы сумели захватить в свои руки решающие позиции государственной власти — правительство и отчасти Исполком Берлинского Совета.

Главным вопросом всякой революции является вопрос о власти. «В руках какого класса власть, это решает все.., — писал В. И. Ленин. — Ни обойти, ни отодвинуть вопроса о власти нельзя, ибо это именно основной вопрос, определяющий *все* в развитии революции, в ее внешней и внутренней политике»¹. Собрание в цирке Буша показало, что германские рабочие и солдаты, совершившие революцию, не сумели взять действительную власть *в свои руки*. Их доверчивость сыграла с ними злую шутку. Они низвергли старую власть, создавали повсюду рабочие и солдатские Советы, будучи искренне убеждены, что теперь власть перейдет к тем, кто выполнит их сокровенные мечты и желания. Но, сами того не сознавая, они передали власть в руки злейших противников революции, напяливших на себя личину «социалистов», чтобы предать дело социализма.

Надежды и чаяния революционных масс нашли свое выражение в принятом собранием Советов Манифесте к трудящемуся народу. В нем говорилось о победоносном шествии революции, свержении династий и даже о превращении Германии в «социалистическую республику». Рабочие и солдатские Советы провозглашались «носителями политической власти». Объявляя пемедленный мир главным лозунгом революции, манифест указывал, что только Германская социалистическая республика может при помощи международных социалистических сил добиться длительного демократического мира. Манифест с восторгом приветствовал «русских рабочих и солдат, которые пошли в авангарде по пути революции», и выражал гордость тем, что «германские рабочие и солдаты последовали за ними». Посылая братские приветствия Советскому правительству России, собрание Советов поручало правительству немедленно восстановить дипломатические отношения и вернуть советское посольство в Берлин².

¹ В. И. Ленин, Один из коренных вопросов революции, Соч., т. 25, стр. 340.

² «Vossische Zeitung», 11. XI. 1919. Характерно, что газета «Vorwärts» не опубликовала этот Манифест.

Однако не громкие фразы Манифеста, а решение собрания Советов передать власть шейдемановцам и правым лидерам независимцев определило главный результат этого собрания. Стремясь поддержать в массах их naive иллюзии, и шейдемановцы и независимцы в первые дни революции не скупилась на широковещательные заявления о том, что «с авторитарным государством покончено», пазывали свое правительство «чисто социалистическим», заявляли о «признании» рабочих и солдатских Советов «источником власти» и т. п. Самые развязные из них болтали даже о «диктатуре пролетариата»¹. Но все это было ложью.

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО» У ВЛАСТИ

Приход к власти правительства Эберта — Гаазе по существу ничего не изменил в государственном аппарате. «Народные уполномоченные» были, как признавал и Шейдеман, не более как «контролерами, приставленными к соответствующему министру или министерству»². Согласившись с тем, что во главе министерств остались почти все кайзеровские статс-секретари, лидеры независимцев тем самым согласились участвовать в фактической коалиции с буржуазными деятелями, у которых оставалось руководство 8-ю министерствами из 10-ти³.

¹ Не только велеречивые каутскианцы, но даже правый социал-демократ Г. Мюллер, ставший впоследствии рейхсканцлером, писал о некоем периоде «диктатуры пролетариата». — См. *H. Müller, Die Novemberrevolution*, S. 89.

² См. *Ph. Scheidemann, Der Zusammenbruch*, S. 212.

³ В министерстве иностранных дел по-прежнему сидел Зольф, бывший губернатор Новой Гвинее, а затем статс-секретарь в министерстве колоний. Во главе военного министерства остался пользовавшийся полным доверием кайзера Вильгельма генерал Шейх. Во главе морского министерства — фон Манн, требовавший расстрела кильских революционных моряков; в министерстве юстиции — национал-либерал Краузе; во главе казначейства — национал-либерал Шиффер. Во главе комитета по хозяйственной демобилизации был поставлен подполковник Кёт, бывший руководитель военно-сырьевого отдела, и т. д.

Штампфер признавал, что «важные отрасли находились в руках буржуазных деятелей... Тем самым первое правительство республики по своей структуре собственно мало отличалось от более поздних. Оно являлось гермафродитом, стоящим между «чисто социалистическим» и правительством веймарской коалиции». — *F. Stampfer, Die ersten 14 Jahre..*, S. 69.

12 ноября «Совет народных уполномоченных» опубликовал свое программное заявление. Оно открывалось звучной декларацией, что «вышедшее из революции правительство, политическое руководство которого является чисто социалистическим, считает своей задачей осуществление *социалистической программы*»¹. Однако в действительности программа не содержала *ни одного* социалистического требования. Она лишь фиксировала то, что уже завоевал своей революционной борьбой рабочий класс: отмену осадного положения и цензуры, свободу слова, печати и собраний, политическую амнистию, отмену наиболее ненавистных законов — «О вспомогательной службе», «о челяди», исключительных законов против сельскохозяйственных рабочих. Даже 8-часовой рабочий день вводился не сразу, а с 1 января 1919 г. Весьма туманно говорилось о пособиях безработным, улучшении социального страхования и преодолении жилищной нужды. В то же время здесь было недвусмысленно сказано, что правительство будет «охранять упорядоченное (т. е. капиталистическое. — Я. Д.) производство и защищать собственность...»²

Правительственное заявление означало серьезный шаг назад по сравнению с Манифестом общегерманского собрания Советов. В заявлении ни одним словом не упоминалось о роли рабочих и солдатских Советов. Зато оно объявляло о введении всеобщего избирательного права и о предстоящем созыве Учредительного собрания, «относительно которого последуют еще дальнейшие указания». В нем ничего не говорилось ни об обобществлении капиталистических средств производства, ни о восстановлении дипломатических отношений с Советской Россией.

Если псевдосоциалистическая фразеология правительства еще способна была ввести в заблуждение политически незрелых рабочих и солдат, то руководители спартаковцев хорошо понимали, что начавшаяся революция еще не стала действительно пролетарской, *социалистической* революцией.

Лео Йогихес от имени руководства «Спартака» отмечал 11 ноября в письме к Тальгеймеру³, что действи-

¹ См. «Vorwärts», 13. XI. 1918.

² Там же.

³ А. Тальгеймер был в то время одним из руководителей спартаковцев в Штутгарте (Вюртемберг). Впоследствии он был исключен из КПП как правый оппортунист.

тельно революционные, пролетарские силы еще не проявили себя и «социальное ядро революции пока еще остается полностью скрытым». Указав, что деятельность правых социал-демократических лидеров не только тормозит развитие революции, но и является прямо контрреволюционной, Л. Йогихес продолжал: «В противовес этому наша задача перед лицом того факта, что большая, а быть может, бóльшая часть масс идет еще за социал-демократами большинства, состоит в том, чтобы посредством развертывания агитации против социал-демократии большинства сначала разъяснить массам контрреволюционный характер социал-демократии большинства, а потом вышелушить социальное зерно событий и таким образом превратить революцию из солдатского бунта в истинно пролетарскую революцию»¹.

Л. Йогихес подчеркнул далее, что причины, вызвавшие революцию, продолжают действовать с неослабевающей силой. Они не исчерпываются требованиями свержения монархии и немедленного мира, которые, естественно, выдвинулись на первый план. Они коренятся глубже и «закljučаются в гораздо большей мере в экономических вопросах, которые только теперь становятся критическими, в продовольственных трудностях, безработице, затруднениях с сырьем, короче говоря, во всем экономическом хаосе, являющемся неизбежным следствием войны». Только тогда, когда эти причины «превратят развернувшееся ныне движение в ясно пролетарское, наступит время, когда мы сможем прийти к власти»².

Но голос спартаковцев был в это время слишком слаб, чтобы перекрыть многоголосый хор тех, кто старался усыпить бдительность масс и уверить их, что «революция закончена». В течение первой недели революции спартаковцы не имели в Берлине даже регулярного печатного органа³. Они только приступали к созданию своей центра-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 270, оп. 1, ед. хр. 526, л. 1—2. Письмо Л. Тышко (Йогихеса) А. Тальгеймеру в Штутгарт от 11. XI. 1918.

² Там же, л. 2.

³ Как говорилось выше, 9 и 10 ноября два первых номера газеты «Die Rote Fahne» были выпущены в захваченной рабочими типографии. Но фирма Шерль, подкупив наборщиков и громил из солдат и заручившись поддержкой правительства Эберта, сорвала 11 ноября выпуск очередного номера. Только 18 ноября спартаковцам удалось найти другую типографию и наладить регулярный выход газеты.

лизованной организации. 11 ноября в одной из комнат отеля «Эксельсиор» состоялось заседание руководителей группы «Спартак». Наряду с К. Либкнехтом, В. Пиком и другими в нем участвовали только что освобожденные революцией из тюрем Р. Люксембург и Л. Йогихес.

На этом заседании было принято важное решение о преобразовании группы «Спартак» в «Союз Спартака» и о создании его центрального руководства. Это, однако, не означало еще образования самостоятельной революционной партии; «Союз Спартака» оставался «пропагандистским объединением» в составе НСДПГ с особыми членскими карточками, но без членских взносов¹.

Как только вновь стала выходить «Die Rote Fahne», спартаковцы смело и мужественно сказали народу «то, что есть»². В статье «Начало» Р. Люксембург 18 ноября писала: «Революция началась. Но ликование по поводу свершенного, триумф над низвергнутым врагом неуместны, необходима суровая самокритика и стальная концентрация энергии, чтобы продолжить начатое дело. Ибо свершенное невелико и враг не низвергнут». Указав, что свержение монархии не уничтожило основ капиталистического классового господства, она продолжала: «Итог первой недели революции гласит: в государстве Гогенцоллернов ничего существенно не изменилось; рабоче-солдатское правительство действует, как пресемник империалистического правительства, которое обанкротилось. Все действия нового правительства продиктованы страхом перед рабочими массами. Прежде чем революция приобрела силу, размах, разбег, выхолщивается ее единственная жизненная сила, ее социалистический и пролетарский характер». Правительство сохраняет старый государственный аппарат, не посягает на власть капитала, оно «сдвигает таким образом революцию на рельсы буржуазной революции»³.

На следующий день К. Либкнехт определенно заявил, что революция «была до сих пор не более, чем крахом авторитарных форм, которые оставил «безумный год»

¹ См. W. Pieck, Die Gründung der KPD. — Reden., Bd. I, S. 99—100.

² «Das, was ist» — название одной из статей К. Либкнехта в «Die Rote Fahne».

³ R. Luxemburg, Der Anfang. — Ausgewählte Reden., Bd. II, S. 594—597.

(т. е. революция 1848 г. — Я. Д.), чем завершением буржуазной революции»¹. А еще через несколько дней он писал: «До сих пор между политической формой и социальным содержанием германской революции зияет противоречие, которое требует разрешения и в решении которого будет заключаться дальнейшее развитие революции. Ее политической формой является пролетарское действие, ее социальным содержанием — буржуазная реформа»².

Выступая на большом собрании в Берлине, К. Либкнехт прямо поставил вопрос: «Какой характер имеет нынешняя революция?» Отвечая на него, Либкнехт указал, что она явилась главным образом проявлением «возмущения специально против войны». «Какова основа власти нынешней революции? — продолжал он. — Прежде всего, спрашивается, какая это революция? Ибо нынешняя революция имеет несколько очень различных содержаний и возможностей. Или она может остаться тем, чем она была до сих пор: движением за мир и буржуазные реформы. Или она может стать тем, чем она до сих пор не была: пролетарско-социалистической революцией. И в первом случае пролетариат должен быть ее важнейшей опорой, чтобы она не превратилась в фарс. Но пролетариат не может удовлетвориться этим буржуазно-реформистским содержанием. Он должен, если не хочет снова потерять даже завоеванное до сих пор, идти вперед к социальной революции: всемирно-историческая схватка между капиталом и трудом началась»³.

К сожалению, этот трезвый анализ из-за организационной слабости спартаковцев, которые в Берлине насчитывали всего лишь несколько сотен членов, а в провинции и того меньше, не стал достоянием широких масс пролетариата. Большинство рабочего класса, стремившееся к социализму, все еще слепо верило уверениям «социалистического» правительства, что чаяния рабочих будут удовлетворены, если они спокойно разойдутся по домам. А между тем правительство развернуло деятельность прямо противоположную его собственным широкообещательным декларациям.

¹ К. *Liebkecht*, *Der neue Burgfrieden. — Ausgewählte Reden...*, S. 469.

² К. *Liebkecht*, *Das, was ist. — Ausgewählte Reden...*, S. 472.

³ К. *Liebkecht*, *Was ist zu tun? — Ausgewählte Reden...* S. 485.

Буржуазные и юнкерские круги с удовлетворением встретили известие, что во главе нового правительства встал Эберт, которому Макс Баденский несколько дней назад с согласия высшей государственной бюрократии передал пост кайзеровского рейхсканцлера.

Буржуазно-либеральная «Kölnische Zeitung» уже 11 ноября с одобрением отмечала, что руководители правительства «отклоняют с негодованием всякие отношения с большевизмом в России», и заявляла, что «каждый немец должен безоговорочно стать на сторону социал-демократии, чтобы вместе с ней бороться против распространяющейся роковой политической эпидемии»¹, как газета именovala революционные требования трудящихся. Рупор магнатов Пура — газета «Deutsche Bergwerkszeitung» тоже призывала «сотрудничать плечом к плечу и рука об руку с силами, которые стоят сейчас у кормила правления»².

В таком же духе высказывалась и правая печать. Так, газета «Tägliche Rundschau» рекомендовала своим читателям сотрудничать с Эбертом, чтобы «спасти народ от братоубийственной войны, голода и анархии». Пангерманская «Deutsche Tageszeitung» выражала уверенность, что «эти люди, стоящие у власти, оправдают надежды (реакционеров. — Я. Д.) и с ними можно будет вести дела»³. А юнкерская «Kreuzzeitung» откровенно писала, что Эберт и его друзья «являются *плотиной*, хотя, к сожалению, не очень прочной, против *красного потока*»⁴.

Реакционные круги весьма одобрительно отнеслись к обещанию правительства созвать Учредительное собрание. Но еще большую признательность должна была, несомненно, снискать у них та сторона деятельности Эберта, Гаазе и К⁰, которая протекала за кулисами и в то время лишь в небольшой степени была известна общественности.

Документы и материалы позволяют теперь с полной определенностью установить, что социал-демократиче-

¹ «Kölnische Zeitung», 11. XI. 1918.

² «Deutsche Bergwerkszeitung», 17. XI. 1918.

³ См. DR, S. 194.

⁴ Цит. по «Die Freiheit», 2. XII. 1918.

ские правители начали буквально с первых же часов революции плести нити *контрреволюционного заговора*. Это был заговор против революционного пролетариата с целью сорвать дальнейшее развитие и углубление революции, сохранить и укрепить капиталистический строй, ликвидировать Советы, разгромить революционные рабочие организации и физически уничтожить их вождей, вовлечь Германию в антисоветские авантюры международного империализма.

Первое звено заговора против революционных рабочих Эберт стал создавать уже в ночь с 9 на 10 ноября. Воспользовавшись прямым проводом, соединявшим имперскую канцелярию со ставкой, Эберт связался по телефону с генералом Грёнером. Уже ранее установленные связи между социал-демократическими лидерами и представителями верховного командования помогли им быстро найти общий язык. Эберт предложил Грёнеру дружественное сотрудничество между партийным руководством СДПГ и генеральным штабом для «борьбы против большевизма». Как признал впоследствии Грёнер, непосредственная задача этого «союза» состояла в том, чтобы, опираясь на войска, «вырвать власть в Берлине из рук рабочих и солдатских Советов»¹. На следующий день соглашение было подтверждено путем обмена телеграммами между Эбертом и Гинденбургом².

В благодарность за то, что Гинденбург призвал офицеров служить Эберту, и выполняя требования генералитета, СНУ в специальной телеграмме от 12 ноября заверял верховное командование, «что командное положение офицеров сохраняется... Солдатские Советы имеют для поддержания доверия между офицерами и солдатами совещательный голос в вопросах продовольствия, отпусков, дисциплинарных взысканий. Их важнейшей обязанностью

¹ См. «Der Dolchstoß-Prozess», S. 223—224, а также *A. Niemann, Revolution von oben..*, S.317—318. Об этом разговоре рассказал в своих мемуарах п. Э. Фолькман. — См. *E. Volkmann, Revolution über Deutschland*, Oldenburg 1930, S.68.

² См. *E. Volkmann, Der Marxismus und das deutsche Heer*, S.315—316. Несколько лет спустя Эберт сам заявил: «Я предложил Гинденбургу союз между верховным командованием армии и социал-демократической партией, чтобы при помощи верховного командования создать правительство, которое могло бы восстановить порядок...» — См. *K. Brammer, Der Prozess des Reichspräsidenten*, S. 219.

должна быть забота о предупреждении беспорядков и мятежей...»¹ Эта директива правительства, опубликованная на следующий день, была первой открытой попыткой шейдемановцев сломать хребет солдатским Советам и низвести их до положения безвластных «кухонных комиссий» при кайзеровских офицерах. За ней должны были последовать шаги и против рабочих Советов.

Установленный Эбертом контакт с генералом Грёне ром поддерживался регулярно². Совместно разрабатывались планы создания «надежной» вооруженной опоры для правительства, стягивания войск к Берлину, введения в город фронтовых войск и т. п.

Вторым звеном заговора явилось соглашение между профсоюзными лидерами и союзами предпринимателей. Попытки установить взаимосвязь между этими организациями неоднократно предпринимались во время войны. В начале октября 1918 г., когда ясно вырисовывались как неизбежность военного поражения, так и приближение революции, в Дюссельдорфе собрались на совещание стальные короли Рура Стиннес, Фёглер, Борзиг и другие. Главной темой совещания был вопрос о том, как в этих условиях спасти предпринимателей от угрозы национализации их собственности. Учитывая, что только профсоюзы пользуются влиянием среди рабочих, магнаты капитала пришли к выводу о необходимости соглашения с профсоюзами³.

Переговоры между представителями реформистских профсоюзов и представителями союзов предпринимателей начались в октябре. Они были продолжены в Берлине уже после начала революции. 15 ноября 1918 г. Гуго Стиннес, Борзиг, Ратенау и др. от имени союзов предпринимателей, Легин, Штегервальд и др. от имени Генеральной комиссии профсоюзов подписали «Соглашение о деловом сотрудничестве между союзами работодателей и рабочих».

Соглашение о «деловом сотрудничестве» («Arbeitsgemeinschaft») призвано было продолжить и закрепить по-

¹ «Vorwärts», 13. XI. 1918.

² Грёнер говорил впоследствии, что каждый вечер, между 11 часами вечера и 1 часом ночи, он разговаривал с Эбертом по прямому проводу. — См. «Der Dolchstoß-Prozess», S. 224.

³ См. J. Reichert, Entstehung, Bedeutung und Ziel der «Arbeitsgemeinschaft», Berlin 1919.

литнику «классового мира», обеспечившую во время войны капиталистам миллионные прибыли за счет каторжного труда рабочих. «Согласительные комиссии», состоявшие наполовину из представителей от рабочих, наполовину — от предпринимателей, должны были содействовать прекращению «революционной смуты» на предприятиях и служить противовесом для революционных рабочих Советов. За отказ профсоюзных бонз от классовой борьбы рабочих против предпринимателей монополисты «согласились» отказаться от создания «желтых профсоюзов»¹ и подписать тарифные договоры. Предпринимателям пришлось также санкционировать уже завоеванный рабочими в революционных боях 8-часовой рабочий день.

Политика «делового сотрудничества», разоружавшая рабочий класс и укреплявшая позиции монополистов в тревожное для них революционное время, была утверждена специальным распоряжением правительства Эберта — Гаазе². Подлинное значение этого «сотрудничества» не раз впоследствии с удовлетворением отмечали представители промышленников. «Соглашение о сотрудничестве, — писал, например, историк союзов предпринимателей О. Лейброк, — безусловно, смягчило течение революции, это было самой большой его заслугой. Оно явилось мощным бастионом, противостоявшим всем попыткам насильственного свержения нашего (т. е. капиталистического. — Я. Д.) общественного порядка...»³

Создание *третьего звена заговора* было тесно связано с определением внешнеполитического курса нового правительства и с вопросом о перемирии.

В то время как трудящиеся Германии видели залог победоносного развития германской революции в союзе с Советской Россией, социал-демократические правители втайне от своего народа готовили предательство не только дела революции, но и национальных интересов своей страны. Еще накануне революции обнаружилось пора-

¹ Рейхерт, комментируя это обещание промышленников, замечал, что оно было дано лишь «на некоторое время». — Там же, стр. 13.

² Соглашение было опубликовано в «Reichsanzeiger» 18. XI. 1918.

³ О. Leibrock, Die volkswirtschaftliche Bedeutung der deutschen Arbeitgeberverbände, Berlin 1922, Bd. I, S. 65.

зительное совпадение взглядов по вопросу об отношении к международному революционному движению у лидера правых социал-демократов Шейдемана и представителей империалистов Антанты. Шейдеман, выступая 5 ноября на заседании кабинета, откровенно заявил, что с точки зрения его партии «большевизм является сейчас большей опасностью, чем Антанта»¹. Как бы перекликаясь с ним, начальник английского генерального штаба Г. Вильсон сказал 9 ноября на заседании британского кабинета, получив одобрение всех министров: «Настоящую опасность для нас представляют сейчас не немцы, а коммунизм».

8 ноября назначенная Максом Баденским германская делегация во главе с лидером партии центра, министром без портфеля Эрцбергером² переехала линию фронта в автомобиле под белым флагом. Главнокомандующий войсками Антанты маршал Фош принял ее в своем штабном поезде, стоявшем в Компьенском лесу. Условия перемирия были тяжелыми. Помимо очищения немцами в течение двух недель всех оккупированных ими территорий, Антанта потребовала сдачи значительного количества оружия и транспортных средств, немедленного возвращения союзных военнопленных. Войска Антанты намерены были оккупировать левобережье Рейна. Однако от Германии не потребовали полной капитуляции: ее армии сохранялись, жизненные центры страны не подвергались оккупации.

Когда об условиях перемирия было сообщено в Берлин, монархия Гогенцоллернов была уже свергнута, и у власти стояло «социалистическое» правительство. Оно даже не подумало об отзыве Эрцбергера и кайзеровских генералов и замене их представителями революционного народа. Наоборот, оно подтвердило полномочия кайзеровской делегации, признавая тем самым, что является преемником обанкротившегося режима.

Главным козырем, при помощи которого Эрцбергер пытался шантажировать союзников, было заявление об «опасности большевизма». Играя на нем, германским де-

¹ *Max von Baden, Erinnerungen...*, S. 580.

² В состав делегации входили также: граф Оберндорф, генерал фон Виптерфельдт и капитан флота Ванзелов.

легатам удалось добиться некоторого смягчения условий. Так, немцам было предоставлено 6 лишних дней для отвода своих войск с Западного фронта, нейтральная зона на правом берегу Рейна была уменьшена, количество оружия и автомобилей, подлежащих передаче, было сокращено.

Эти уступки, как выяснилось позднее, были куплены ценой *добровольно* предложенного немецкой делегацией соглашения с Антантой о совместных действиях против Советской России. Представители Германии добились от Антанты изменения XII и XIII статей перемирия. В их новой редакции вместо требования немедленного отвода немецких войск с территории России говорилось, что немецкие войска, «ныне находящиеся на территориях, составлявших до войны Россию», будут отведены лишь тогда, когда «союзники признают, что для этого настал момент, приняв во внимание внутреннее положение этих территорий»¹.

Компъенское перемирие было подписано утром 11 ноября 1918 г. Для Германии начался период борьбы за мирный договор, исход которой был в значительной мере предопределен внешнеполитической ориентацией правительства Эберта — Гаазе, ориентацией на сговор с американо-английскими империалистами. Принятый курс нашел свое выражение в полном игнорировании сообщения ВЦИК об аннулировании Брестского мира и в отказе от восстановления дипломатических отношений с Советской Россией, провокационно прерванных накануне революции при активном участии Шейдемана.

Не только шейдемановцы, но и правые лидеры независимцев, публично распинаящиеся в своем интернационализме и «любви» к Советской России, были противниками дружбы советского и германского народов. Так, на заседании СНУ 19 ноября 1918 г. при обсуждении вопроса об отношении к Советской России именно лидер незави-

¹ «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях», ч. II, М. 1926, стр. 195. 2 января официальное телеграфное агентство Вольфа передало сообщение комиссии по перемирию и верховного командования, в котором говорилось: «Статья XII и статья XIII договора о перемирии первоначально требовали немедленного отвода германских войск на Востоке. По немецкому предложению... текст был изменен». — «Die Rote Fahne», 4. I. 1919.

симцев Гаазе предлагал оттягивать решение, а Каутский, прикомандированный к министерству иностранных дел, заявил: «Решение должно быть отложено. Советское правительство долго не продержится, в несколько недель с ним будет покончено». Каутский указывал, что восстановление отношений с Россией ухудшило бы отношения с Антантой¹. В этот же день правительственная радиостанция в Науэне официально сообщила, что германское правительство считает нежелательным возвращение советского посольства в Берлин².

Антисоветский и антинародный характер внешнеполитической ориентации социал-демократических правителей Германии особенно ярко проявился в вопросе о ввозе продовольствия. Продовольственное положение в стране было крайне напряженным. Урожай зерновых в 1918 г. едва превышал половину довоенного, почти так же обстояло дело с картофелем³. К этому нужно добавить, что Германия до войны ввозила значительное количество продуктов питания, а вследствие блокады, которая с заключением перемирия не была снята, трудовой народ тяжело страдал от недоедания, праничившего с голодом.

В. И. Ленин, предвидя трудности, которые возникнут в связи с продовольственным кризисом для германской революции, еще до ее начала дал указания о создании в Советской России продовольственных запасов для помощи немецким рабочим⁴. 12 ноября в советской печати было опубликовано сообщение, подписанное председателем ВЦИК Я. Свердловым, о посылке хлеба германским трудящимся. В нем говорилось: «ВЦИК, согласно воле VI съезда Советов, предписал направить два маршрутных поезда с хлебом, по 25 вагонов каждый (вагон — 1.000 пудов), в распоряжение ...Советов рабочих и солдат Германии»⁵. Об этом было немедленно сообщено по радио германским Советам и правительству.

¹ F. Ebert, Schriften..., Bd. II, S. 103—104; «Illustrierte Geschichte», S. 227.

² «Правда», 21. XI. 1918.

³ См. «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich», 1920, S. 42, 43.

⁴ См. В. И. Ленин, Письмо Я. М. Свердлову, 1 октября 1918 г., Соч., т. 35, стр. 301.

⁵ «Правда», 12. XI. 1918.

Шейдемановцы и каутскианцы скрыли от германского народа выражение братской солидарности русских рабочих и крестьян, которые, посылая хлеб своим немецким друзьям, отказывали себе в самом необходимом. 17 ноября Гаазе сообщил по радио об отказе германского правительства принять русский хлеб. После высших выражений признательности Гаазе выболтал истинную подоплеку отказа. «К счастью, — заявил он, — в результате предпринятых нами у президента Вильсона шагов открылась для нас возможность получения съестных припасов из-за океана»¹. Советское правительство правильно оценило отказ СНУ принять русский хлеб — как желание «угодить президенту Вильсону, вместо того чтобы твердо стоять на почве рабочей солидарности»².

Лишь много позже полностью раскрылась закулисная сторона тайного сговора социал-демократических правителей с правящими кругами США в этом вопросе. 11 ноября американский журналист и разведчик Уильям Буллит, возглавлявший в то время Бюро западноевропейской информации — одно из разведывательных учреждений при госдепартаменте США, вручил президенту Вильсону докладную записку о положении в Германии. Указывая на революционные настроения масс, Буллит призывал президента активно вмешаться во внутренние дела Германии. «Заявление президента, — писал он, — о том, что... правительство Соединенных Штатов поможет Германской народной республике восстановить нормальные жизненные условия путем отправки продовольствия и других важных товаров, значительно усилит позиции социал-демократов большинства и будет достаточным, чтобы убедить независимых социал-демократов сотрудничать с социал-демократами большинства вместо того, чтобы устанавливать диктатуру пролетариата...»³

Следуя этому совету, Вильсон в тот же день в своей речи в конгрессе дал понять, что Америка согласна вести

¹ «Известия ВЦИК», 19. XI. 1918.

² «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 571.

³ В 1943—1948 гг. госдепартамент США опубликовал серию документов, относящихся к подготовке и проведению Парижской мирной конференции: «Foreign Relations of the United States. Paris Peace Conference», Vol. I—XII, Department of State, Washington 1943—1948 (в дальнейшем сокращенно: PPS). Меморандум У. Буллита см. PPS, v. II, p. 88.

мирные переговоры только с «устойчивым» правительством, и намекнул на возможность предоставления Германии продовольственной помощи. Шейдемановцы и каутскианцы поспешили в ряде публичных заявлений выразить «глубокую признательность» и восхищение «прозорливостью президента Вильсона». 12 ноября Эберт направил президенту Вильсону через швейцарского посла в Вашингтоне Зульцера секретную телеграмму. В ней Эберт просил президента США сообщить ему по радио, готово ли правительство США безотлагательно послать в Германию продовольствие, «если общественный порядок в Германии установлен и гарантировано справедливое распределение продуктов»¹. В этот же день государственный секретарь США Лансинг от имени президента сообщил через Зульцера Эберту о благожелательном отношении Вильсона к вопросу о посылке продовольствия. При этом в телеграмме, которая была через два дня опубликована в германской печати, Лансинг подчеркивал, что речь об этом может идти только «при условии, что в Германии уже создан и будет поддерживаться общественный порядок и гарантировано справедливое распределение продуктов»². Контрреволюционное «условие» было, таким образом, подсказано Вильсону самим Эбертом³.

Так, отвергая дар русских рабочих и крестьян и вымаливая подачку у американских империалистов, правительство Эберта — Гаазе уже с первых своих шагов нагло спекулировало на страданиях немецкого народа и стремилось укрепить свои позиции, создавая впечатление, что только оно пользуется поддержкой богатых американских

¹ РРС, v. II, p. 629. Посол Швейцарии — Лансингу, 12. XI 1918.

² РРС, v. II, p. 630. Лансинг — Зульцеру, 12. XI. 1918.

³ 16 ноября французская газета «Temps», ссылаясь на сообщение голландского агентства, писала, что условие, выдвинутое Лансингом, было инспирировано ему секретной телеграммой Эберта. Это разоблачение было подхвачено мировой печатью. Шейдемановцы обвинили его распространителей в клевете, а «Vorwärts» начисто отрицал существование телеграммы Эберта. Публикация госдепартамента США полностью показала лживость социал-демократических «опровержений». — См. «Vorwärts», 29. XI., I. XII. 1918; «Die Rote Fahne», 28, 30. XI., 2. XII. 1918, а также листовку спартаковцев «Wer schwingt die Hungerpeitsche?» Фонды Государственного музея революции СССР, № 16. 937/109, Л. 443—2Б.

покровителей. Это было третье звено контрреволюционного заговора, который имел целью задушить революционную борьбу германских трудящихся.

* * *

*

В ноябрьские дни 1918 года трудящиеся Германии смели с лица земли обанкротившуюся монархию Гогенцоллернов, а вместе с ней династии Виттельсбахов, Церингеров, Веттинов и прочих. Произошло то, что предвидел в свое время Энгельс: дюжины корон валялись по мостовым германских городов и не находилось желающих их поднять... Воля народа к миру восторжествовала над стремлениями военной камарильи затянуть войну. Силы старого режима не смогли оказать революции сколько-нибудь серьезного сопротивления.

Движущими силами революции были в эти дни рабочие городов и революционные матросы и солдаты, т. е. промышленный пролетариат и часть мелкой буржуазии города и деревни в солдатских шинелях и матросских бушлатах. Это была народная революция, в ходе которой широкие народные массы выдвинули свои собственные требования, сделали самостоятельные попытки по-своему построить новое общество на место разрушаемого старого¹.

В дни ноябрьского революционного штурма большинство рабочих, солдат и матросов, поднявшихся на революцию, искренне верило, что с изгнанием монархического правительства цели их борьбы достигнуты: мир, хлеб и свобода завоеваны, созданные ими повсюду по русскому образцу рабочие и солдатские Советы являются «носителями и хранителями революции», органами новой, социалистической власти. Декларации лидеров социал-демократии — и «зависимых» и «независимых» — укрепляли в них это убеждение.

Однако политическая сознательность втянутых в революцию масс резко отставала от их революционного

¹ Именно этот «отпечаток своих требований, своих попыток по-своему построить новое общество», который накладывает на весь ход революции масса народа, В. И. Ленин считал характерной чертой народной, демократической революции, в отличие от революции «верхушечной». — См. В. И. Ленин, Государство и революция, Соч., т. 25, стр. 388.

порыва. Используя их наивную доверчивость, социал-демократические главы сумели в критический момент удержаться на гребне революционной волны и перехватить вожжи, только что вырванные народом из рук юнкерско-монархического правительства.

Надежда революционеров, что в результате революции власть в Германии сразу же перейдет в руки пролетариата, не оправдалась. Эберту и Шейдеману при активной поддержке Гаазе и Каутского удалось уже в первые дни революции раздробить и затормозить ее, павязав ей ограниченные, буржуазно-демократические цели¹. Рокочным образом сказались отсутствие в Германии подлинно марксистской революционной партии, способной не только призвать пролетариат к борьбе за социализм (это делали спартаковцы), но и организовать борьбу за его победу. В результате у власти оказалось не пролетарское, а буржуазное правительство, лишь прикрытое «социалистической» вывеской.

Таким образом, на первых порах происшедшая в Германии революция оказалась *не социалистической, а буржуазно-демократической*. Когда в Советской России были получены первые известия о революционных событиях в Германии, Советское правительство отметило: «СНК считает необходимым сохранить максимальную осторожность в оценке происходящего в Германии революционного движения. Товарищ В. И. Ленин, анализируя последние полученные сведения, выразился так: «в основном, повидимому, у немцев все-таки февраль, а не октябрь»»².

Но революция в ноябрьские дни только началась, это был ее первый период, когда еще невозможно было предсказать, как будут развиваться события дальше. Положение обманом пробравшегося к власти правительства Эберта — Гаазе не было и не могло быть прочным: революционные рабочие и солдаты оставались вооруженными, а революционная энергия масс не была исчерпана. Советы могли еще взять в свои руки реальную политическую власть, а правительство не имело в своем распо-

¹ В. И. Ленин еще в 1916 году с тревогой писал о такой возможности. — См. *В. И. Ленин, Социалистическая революция и право наций на самоопределение (тезисы)*, Соч., т. 22, стр. 141.

² «Известия ВЦИК», 12. XI. 1918.

ряжении «надежной» вооруженной опоры, с помощью которой оно могло бы обуздать тех, кто стремился продолжить революцию и добиться решения ею социалистических задач.

Дальнейший ход событий могла определить только борьба. На одной стороне баррикад стояло правительство, именовавшее себя «социалистическим», но группировавшее вокруг себя все силы реакции и приступившее к подготовке контрреволюционного заговора, на другой — рабочие массы во главе с революционным авангардом, жаждавшие коренных революционных преобразований. За первым периодом революции неизбежно должен был последовать второй.

**ВЛАСТЬ СОВЕТОВ
ИЛИ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ?****СОВЕТЫ В НОЯБРЕ**

В ноябрьские дни вся Германия покрылась густой сетью рабочих и солдатских Советов. Они были созданы почти во всех городах, в воинских частях, на кораблях. Общеберлинское собрание Советов провозгласило, что «посетителями политической власти являются теперь рабочие и солдатские Советы», и утвердило правительство.

Но была ли действительно вся власть в стране в руках рабочих и солдатских Советов? О положении в Берлине К. Либкнехт писал, что власть Советов здесь «только лишь фасад». «Политическая власть, — продолжал он, — состоит не в формальных поручениях или где-нибудь постановленных полномочиях, а в твердом удержании столь сильных реальных средств, которые обеспечивают позиции власти от всех покушений»¹. А в Берлине уже в первые дни революции эти реальные средства оказались в значительной мере в руках шейдемановцев, т. е. в конечном счете в руках буржуазии.

Как же обстояло дело в провинции? Одной из важных особенностей развития революции в Германии, о чем уже шла речь выше, было то, что она началась на периферии и лишь через пять дней докатилась до столицы. Не имея централизованного руководства, развиваясь стихийно,

¹ «Die Rote Fahne», 21. XI. 1918; см. также *K. Liebknecht, Das, was ist. — Ausgewählte Reden...*, S. 474.

революция не могла не дать значительного разнообразия форм, темпов и результатов.

Правительства, созданные в ноябрьские дни в отдельных государствах и утвержденные Советами, мало чем отличались от общегерманского. Прусское правительство, утвержденное Исполкомом берлинского Совета, состояло из социал-демократов, независимцев и трех буржуазных министров. Его заявление, опубликованное 13 ноября, не содержало даже той «социалистической» фразеологии, какой было украшено заявление СНУ¹. Баварское правительство во главе с независимцем К. Эйсером тоже было коалиционным. В его декларации говорилось о «неизбежной социализации», но лишь после... мировой революции². Правительство Саксонии было создано на паритетных началах из социал-демократов и независимцев. Его программа, опубликованная 18 ноября в виде обращения «К саксонскому народу!», толковала о «переходе от капитализма к социализму», о правах Советов, но не предусматривала ни одного конкретного мероприятия, которое выходило бы за рамки буржуазно-демократических реформ³.

В Вюртемберге 9 ноября было сформировано правительство во главе с социал-демократом В. Блосом, в которое вошли от НСДПГ Криспин и Шрайнер, а также спартаковец Тальгеймер. В его воззвании можно было прочесть такие характерные строки: «Сегодня свершилась великая, но, к счастью, бескровная революция. Провозглашена республика. Начинается новая эпоха демократии и свободы, старые власти уходят, а народ, совершивший революцию, берет политическую власть. Его представителем является созданный свободными профсоюзами, социал-демократической партией, независимой социал-демократической партией и рабочим и солдатским Советом Комитет действия, которому для проведения необходимых мероприятий по поддержанию общественного порядка предоставил себя в распоряжение генерал фон Эббингхауз со своими офицерами... Правительство является временным и считает своей первой задачей подготовить

¹ DR, S. 52—53.

² R. Müller, Vom Kaiserreich zur Republik, Bd. II, Wien 1925, S. 242—243, Anhang.

³ W. Fabian, Klassenkampf um Sachsen, Löbau 1930, S. 32—33.

созыв Учредительного собрания земли»¹. В. Блос, комментируя впоследствии это воззвание, заметил: «В своей прокламации временное правительство с самого начала высказалось против диктатуры, за парламентарную демократию... Другое правительство, кроме целиком или в большинстве социал-демократического, было в этот момент невозможно. Буржуазное правительство было бы немедленно сметено. Если бы социал-демократия не бросилась в брешь, страна была бы ввергнута в анархию...»²

Разумеется, вступление спартаковцев в такое правительство было грубой ошибкой. В упоминавшемся выше письме Тальгеймеру Л. Йогихес 11 ноября прямо писал: «Мы считаем этот шаг роковым. Мы полагаем, что должны быть приняты меры, дабы при первой возможности повернуть дело назад... Теперь вступить в компромисс с правительственными социалистами значит служить контрреволюционным целям, значит затруднить массам понимание сути вещей»³.

Правильность этой оценки подтвердилась в тот же день. Правительство Блоса было 11 ноября реорганизовано. Тальгеймер вышел из его состава, а в него были включены три представителя от буржуазных партий⁴. Коалиционное правительство в своем обращении заявило: «Переворот завершился. Мирное развитие должно быть дальнейшей целью». А буржуазные партии, представленные в правительстве, призвали народ всеми силами поддержать новое правительство, «поскольку оно гарантирует порядок, поддерживает гражданские свободы и сильной рукой охраняет безопасность личности и собственности...»⁵

В Бадене и других мелких государствах новые правительства, созданные в революционные дни, были, как правило, коалиционными, с участием буржуазных деятелей

¹ *W. Blos, Von der Monarchie zum Volksstaat*, S. 26—27.

² Там же, стр. 25, 28.

³ ЦПА ИМЛ, фонд 270, оп. 1, ед. хр. 526, л. 1—2.

⁴ Среди них был представитель «народной партии» Лишинг, накануне революции назначенный королем премьер-министром, представитель партии центра Кине, тоже входивший в предреволюционное правительство, и национал-либерал Бауман. — См. DR, S. 116, 119; *W. Blos, Von der Monarchie zum Volksstaat*, S. 31—32.

⁵ DR, S. 121; *W. Blos, Von der Monarchie zum Volksstaat*, S. 32. Военный министр Шрайнер вышел из правительства 15 ноября.

и с социал-демократом во главе¹. Рабочие и солдатские Советы, «утвердившие» эти правительства, оставили за собой «право контроля», но оно было чисто формальным.

Таким образом, буржуазный государственный аппарат, в первый момент революции дезорганизованный и отчасти даже парализованный, получил возможность продолжать функционировать. Большинство Советов не предприняло сколько-нибудь серьезных попыток разбить буржуазную государственную машину, без чего нельзя было и думать о создании действительно пролетарской власти, об установлении диктатуры пролетариата.

Несколько иная обстановка сложилась в Бремене, Гамбурге и некоторых других крупных рабочих центрах. Так, в Бремене, Гамбурге, а также в отдельных городах Саксонии, Рура, в рабочих поселках Верхней Силезии местные рабочие и солдатские Советы требовали учреждения социалистической республики. Представители рабочих и солдатских Советов Дрездена, Лейпцига и Хемница в совместном воззвании от 14 ноября говорили, например, о необходимости продолжения революции и осуществления социализма посредством устранения господства буржуазных классов, превращения капиталистического производства в социалистическое, отчуждения частной собственности на землю, шахты и рудники, заводы и банки, машины и средства транспорта. Саксонские Советы требовали также всеобщего вооружения народа для защиты завоеваний революции, ликвидации буржуазных судов и т. п.²

Рабочий и солдатский Совет Бремена 18 ноября заявил протест против решения СНУ о восстановлении командной власти офицеров. «Правительство, — говорилось в заявлении, — которое работает рука об руку с носителями старой системы, само вынесло себе приговор. Мы боремся против него, как врага новой власти рабочих и солдатских Советов... Местные солдатские и рабочие Советы имеют власть и будут осуществлять ее также и вопреки правительству Эберта — Гаазе, поскольку оно проводит бур-

¹ DR, S. 132, 147.

² DR, S. 100—101; *W. Fabian, Klassenkampf um Sachsen*, S. 31.

жуазную политику, а не социалистическую»¹. На следующий день собрание Советов Бремена высказалось против созыва Национального собрания и потребовало созыва съезда Советов.

Когда, однако, эти же Советы переходили от деклараций к практическим делам, то их действия выглядели значительно скромнее. В Гамбурге и Бремене старые органы власти — сенат и городское собрание (бюргершафт) — были отстранены от дел, но не надолго². Это же можно было наблюдать в Хемнице, Лейпциге, Готе, Гамборне (Рур) и других городах, где местные Советы осуществляли большее или меньшее вторжение в деятельность местной администрации и органов самоуправления³. Лишь в редких случаях Советы предпринимали попытки создать вооруженные отряды рабочей Красной гвардии⁴. В ряде мест Советы занимались вопросами транспорта, продовольственного снабжения, демобилизации и т. п. Но почти нигде Советы не добивались полноты власти, не «разбивали» решительно старый государственный аппарат.

Самый факт существования рабочих и солдатских Советов представлял, однако, серьезную опасность для капиталистического строя. Советы являлись органами революционной инициативы масс и в условиях, когда буржуазия не имела возможности применить против них открытое насилие, могли превратиться при наличии революционного руководства в органы политической власти. Шейдемановцы это хорошо понимали и потому считали

¹ DR, S. 150.

² См. *H. Laufenberg*, *Die Hamburger Revolution*, Hamburg 1919, S. 5—6, 19—20, 26—27.

³ Так, в Кёнигсберге был смещен обер-бургомистр, в Перлеберге — ландрат. Совет в Готе распустил городское собрание, мотивируя это тем, что все его члены являются выходцами из зажиточных классов. См. DR, S. 150; *M. Einhorn*, *Zur Rolle der Räte im November und Dezember 1918*. — «ZfG», 1956, Н. 3, S. 548—549.

⁴ Например, в Дюссельдорфе, Франкфурте-на-Майне. В ряде рабочих поселков Верхнесилезского промышленного района рабочие Советы создавали отряды красной милиции, вводили строгий контроль над распределением продовольствия, поддерживали тесный контакт с рабочими Советами на предприятиях и в шахтах. — См. *W. Schumann*, *Zur Rolle der Räte in der Novemberrevolution in Oberschlesien*. — «ZfG», 1956, Heft 4, S. 742—743.

своей задачей помешать Советам стать *реальной* властью.

В большинстве городов рабочие и солдатские Советы формировались из функционеров социал-демократической партии и независимцев. Правые социал-демократы прилагали немалые усилия, чтобы, опираясь на свой партийный аппарат и профсоюзы, полностью взять в свои руки руководство Советами. Они поощряли привлечение в Советы непролетарских элементов — торговцев, предпринимателей, буржуазных журналистов, профессоров и т. п.¹ Широко используя недостаток революционного опыта у рабочего класса, распространение мелкобуржуазных иллюзий и «суеверной веры в государство», о которой писал еще Энгельс, правые социал-демократы и каутскианцы постепенно отстраняли рабочие и солдатские Советы от участия не только в центральном, но и в местном управлении.

В ряде городов шейдемановцам удалось уже в первые дни революции растворить рабочие Советы в так называемых «народных Советах», где рабочие заседали рядом с представителями буржуазии. В Бреслау, например, такое «превращение» произошло уже в середине ноября при энергичном содействии социал-демократического лидера Пауля Лёбе². Аналогичные явления можно было наблюдать в Гессене и других местах. В Кёльне был создан так называемый «комитет общественного спасения», во главе которого стояли социал-демократ Зольман обер-бургомистр К. Аденауэр, фабрикант Беккер, военный губернатор и т. п. Оттеснив рабочий и солдатский Совет, этот комитет приступил к созданию вооруженных отрядов «гражданской обороны»³.

¹ В Гейдельберге, например, членом рабочего и солдатского Совета был одно время известный буржуазный профессор Макс Вебер.

² Выступая 20 ноября, Пауль Лёбе заявил: «Мы хотим... закономерного развития, без насилия, без большевизма и какого-либо кровопролития... Мы можем опереться на безусловную поддержку тех, кто занимается хозяйственной деятельностью и до сих пор стоял... на стороне предпринимателей и буржуазии». Это «кредо» соглашения не нуждается в комментариях. — См. *W. Schumann, Zur Rolle der Räte in der Novemberrevolution in Oberschlesien*. — «ZfG», 1956, Heft 4, S. 743.

³ См. «*Illustrierte Geschichte*», S. 218.

Что касается солдатских Советов, то уровень их классовой зрелости был еще более низким. Во многих Советах сидели офицеры¹, в других — члены солдатских Советов назначались ими. Увидев, что помешать созданию солдатских Советов невозможно, верховное командование, по предложению генерала Грёнера, предприняло ловкий маневр. Уже 10 ноября оно объявило о введении в войсках так называемых «советов доверенных» в качестве совещательного органа при командирах по вопросам питания, отпусков и т. п. По мнению Грёнера, это должно было «обломить острие опасности и открыть клапан»². Правда, верховному командованию пришлось согласиться вскоре с тем, что «советы доверенных» стали повсеместно именоваться солдатскими Советами; пришлось признать и солдатский Совет, возникший в самой ставке, но все же эта «предохранительная прививка»³ позволила командованию иметь во многих воинских частях более или менее «попослушные» солдатские Советы.

По определению К. Либкнехта, солдатские Советы являлись в большинстве случаев «представителями массы, состоявшей из всех классов общества, в которой пролетариат имел значительное преобладание, но отнюдь не его классово сознательные, боевые элементы»⁴. Солдатские Советы, как правило, не выдвигали социальных требований, ограничиваясь лишь весьма умеренными требова-

¹ Так, в Потсдаме «солдатский Совет» состоял из 2-х солдат и 23-х офицеров. В Бремергафене председателем солдатского Совета был одно время адмирал фон Шредер, в Познани — губернатор крепости генерал фон Ган. — См. «Die Rote Fahne», 19. XI. 1918; A. Winnig, Das Reich als Republik. 1918—1928, Stuttgart—Berlin 1929, S. 148.

² Первоначально предполагалось, что «советы доверенных» должны назначаться командирами в составе: 1 офицер, 1 унтер-офицер и 2 ефрейтора или рядовых. Но уже через два дня было дано указание о проведении выборов. — См. E. Volkmann, Der Marxismus und das deutsche Heer., S. 252—253; A. Niemann, Revolution von oben., S. 318.

³ Так было охарактеризовано введение солдатских Советов в секретной директиве верховного командования от 16 ноября 1918 г. — См. E. Volkmann, Der Marxismus und das deutsche Heer., S. 317—318, Beilage.

⁴ K. Liebknecht, Das, was ist. — Ausgewählte Reden., S. 473.

ниями о демократизации армии¹. Исключения были редкими².

Спартаковцы прилагали немалые усилия, чтобы разъяснить солдатам сущность происходящих событий, привлечь их на сторону революционных рабочих. В листовке, выпущенной в середине ноября, говорилось: «Вам удалось нанести серьезный удар. Монархия... свергнута. С ней пали и те железные оковы, которые сковывали вас в течение многих лет; вы преодолели слепое послушание, дисциплину, основанную на страхе, жуткое варварство военно-полевых судов... Но, товарищи, пока еще только расчищен путь к освобождению пролетариата, само освобождение еще не наступило». Указывая, что контрреволюционным капиталистам и помещикам революция пока не нанесла какого-либо ущерба, листовка обращала внимание солдат на то, что контрреволюционеры теперь маскируются: «Они не говорят теперь «по-прусски», они прикидываются «товарищами», так как они нуждаются в вашей доверии. Они заставляют вас выбирать себя в солдатские Советы... Они хотят оттуда воздействовать на вас, чтобы солдат не стал орудием *против* капиталистов, а остался бы по-прежнему орудием капиталистов против пролета-

¹ Для уровня политической сознательности солдатских Советов показательно, например, следующее сообщение из Митавы от 19 ноября 1918 г.: «В Риге заседал парламент всех солдатских Советов Восточного фронта... В принятой резолюции говорилось: Политикой солдатские Советы не занимаются. Солдатские Советы являются политическими лишь постольку, поскольку они поддерживают деятельность народного правительства. Гостем был командующий в Прибалтике майор фон Гесслер. Собрание прошло гармонично...» — «Die Rote Fahne», 20. XI. 1918.

Корреспондент французской буржуазной газеты «Le Temps» Поль Жантисон писал из Германии: «Солдатские Советы в Мюнхене по своей структуре похожи на русские солдатские Советы, но по своей природе и по своему духу полностью от них отличны... Советы германских солдат выдвигали только умеренные требования... Они хотели лишь реформировать и реорганизовать старую военную систему». — P. Gentizon, La révolution Allemande (Nov. 1918 — Janv. 1919), Paris 1919, p. 87—88.

² Так, например, солдатский Совет Южного Бадена потребовал 9 ноября от правительства «социализации народного хозяйства», введения подоходного налога и возможно более полного изъятия военных прибылей. Но этот же Совет высказался «против диктатуры», за созыв Национального собрания и т. п. — См. M. Einhorn, Zur Rolle der Räte im November und Dezember 1918. — «ZfG», 1956, Heft 3, S. 551.

риев». Спартаковцы призывали солдат избирать в Советы только людей своего класса, противодействовать разоружению революционеров и вооружению реакционных банд, бороться за доведение революции до победы пролетариата¹.

Листовка «Союза красных солдат» («Roter Soldatenbund»), руководимого спартаковцами, также призывала к очищению солдатских Советов от проникших туда офицеров и их подголосков, проведению немедленных пере выборов, обеспечению права отзыва избранных представителей, их регулярной отчетности².

Против рабочих и солдатских Советов активно выступили буржуазные деятели. В первые дни революции буржуазные партии и их лидеры притаились, почти не подавая признаков жизни. Но вскоре они оправились от первого потрясения. Уже 12 ноября «Kölnische Zeitung» в передовой статье под характерным названием «А буржуазия?» высказала претензию, что социал-демократическое правительство будто бы недостаточно ценит «добрую волю» буржуазии и ее готовность поддержать новую власть³. В этот же день крупная организация промышленников — Ганзейский союз — призвала буржуазию к консолидации своих сил, используя в качестве прикрытия «модный» лозунг Советов. По этому призыву во многих городах стали возникать «гражданские (буржуазные) советы» — «Bürgergeräte». 19 ноября был образован такой «совет» в Берлине, провозгласивший, что его целью является сотрудничество с правительством, чтобы «разбудить дремлющие в буржуазии силы». Подобные же «советы», требовавшие «равноправия» с рабочими и солдатскими Советами и создания вооруженных отрядов «гражданской обороны», возникли и в других городах. В Бонне был создан даже объединенный «Совет рабочих, солдатских и буржуазных депутатов»⁴. Возник также «пасторский совет» («Pfarrerrat»), в разных городах появились «советы домовладельцев», «советы врачей», «советы учителей», «советы адвокатов», «советы судей» и т. д. и т. п.⁵

¹ «Kameraden! Proletarier in Feldgrau!» — Фонды Государственного музея революции СССР. № 9923/10, Л 443—2Б.

² «Säubert die Soldatenräte!» — Там же, № 17. 678/50. Л 443—2Б.

³ «Kölnische Zeitung», 12. XI. 1918. Morgen-Ausgabe.

⁴ «Kölnische Zeitung», 12. XI. 1918. Abend-Ausgabe.

⁵ «Die Rote Fahne», 21. XI. 1918; «Vorwärts», 20. XI. 1918.

В эти же дни шейдемановцы и независимцы осуществили еще одну попытку подорвать классовую основу Советов. Стремясь предупредить возникновение в деревне революционных Советов сельскохозяйственных рабочих и крестьянской бедноты, СНУ 13 ноября опубликовал призыв к немедленному образованию «крестьянских советов», которые должны были «содействовать продовольственному снабжению и поддержанию порядка»¹. Целью этих «советов» должно было быть, как об этом было сказано в воззваниях реакционных организаций аграриев², «сохранение сельскохозяйственных предприятий, содействие производству», а также «взаимная помощь при охране личности и собственности». Иными словами, эти «советы», которые «Die Rote Fahne» совершенно справедливо назвала «юнкерскими советами», призваны были укрепить позиции юнкерства в деревне и послужить прикрытием для создания в помещичьих имениях контрреволюционных вооруженных отрядов³.

К. Либкнехт уже 21 ноября писал, что многочисленные «крестьянские советы» нигде «не находятся в руках сельскохозяйственного пролетариата, в большинстве случаев они в руках среднего и крупного землевладения»⁴. 5 декабря «Die Rote Fahne», протестуя против наглой фальсификации действительных требований сельского пролетариата и крестьянской бедноты, рассказывала о собрании

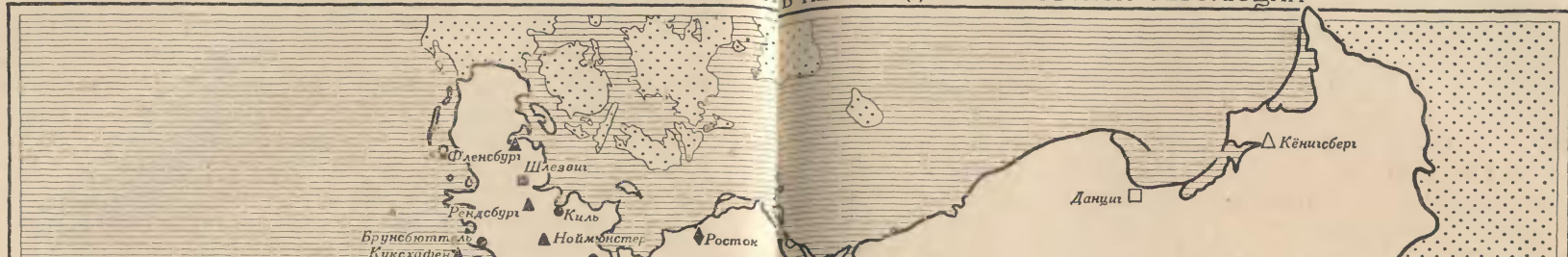
¹ «Vorwärts», 13. XI. 1918.

² 16 ноября юнкерская «Deutsche Tageszeitung» опубликовала воззвание «Союза сельских хозяев», а 23 ноября 14 организаций аграриев (в их числе: «Reichsausschuss der deutschen Landwirtschaft», «Bund der Landwirte», «Deutscher Landwirtschaftsrat», «Verband der preussischen Landkreise») опубликовали новое воззвание, содержавшее директивы о составе и задачах «крестьянских советов». Эти директивы были превращены статс-секретарем продовольственного ведомства независимцем Вурмом в правительственное распоряжение и 25 ноября опубликованы в «Deutscher Reichsanzeiger». «Крестьянские советы» предписывалось создавать наполовину из «самостоятельных сельских хозяев», наполовину из сельхозрабочих или несельскохозяйственного населения деревень. Центральный крестьянский совет должен был быть не избран, а составлен из представителей организаций, подписавших воззвание. — См. «Deutsche Tageszeitung», 16. XI. 1918; DR, S. 57; «Die Rote Fahne», 28. XI. 1918.

³ Под вывеской этих «советов» стали немедленно создаваться отряды так называемой «крестьянской обороны» («Bauern-Wehren»).

⁴ К. Liebknecht. Das, was ist — Ausgewählte Reden., S. 473.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ СОВЕТОВ В ГЕРМАНИИ В ПЕРВЫЕ ДНИ НОЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

в швабской деревне Гешпинген, где мелкие крестьяне потребовали передачи им крупных помещичьих имений¹. Подобные требования выдвигались и в других местностях Германии, например в районе Вернроде в Тюрингии, коегде в Баварии, Верхней Силезии и др. Но они неизменно наталкивались на сопротивление лидеров социал-демократии. Министр сельского хозяйства Пруссии независимец А. Гофер заявил на страницах «Die Freiheit», что «раздел земель диаметрально противоположен нашему социалистическому идеалу и практически не может быть осуществлен»².

Газета спартаковцев «Die Rote Fahne» справедливо требовала ликвидации фальшивых «крестьянских советов» и создания вместо них классовых революционных организаций — Советов батраков и деревенской бедноты³. Но, не имея в деревне своих организаций, спартаковцы практически не могли почти ничего предпринять для превращения в жизнь своего требования.

Характеризуя сложившееся положение и роль Советов, К. Либкнехт говорил 28 ноября на рабочем собрании в Берлине: «Имеет ли пролетариат сейчас власть в руках? Созданы рабочие и солдатские Советы; но они никак не являются выражением полностью ясного пролетарского классового сознания... Нынешний состав Советов показывает корень зла: массы рабочих и солдат политически и социально еще недостаточно просвещены. Одной из главных причин дезориентации масс является политика правых социалистов...»⁴

Объясняя, почему он отказался 9 ноября вступить в правительство, К. Либкнехт напомнил, что его требование предоставления рабочим и солдатским Советам решающей политической власти было отклонено социал-демократическими лидерами. «Обладают ли рабочие и солдатские Советы сейчас действительно всей политической властью? — продолжал он. — С самого начала не только экономические и социальные, но и многие политические позиции власти остались в руках господствующих классов. А то, что они тогда потеряли, они с помощью нынешнего правительства большей частью снова вернули: офицеры опять

¹ «Die Rote Fahne», 5. XII. 1919.

² «Die Freiheit», 24. XI. 1918.

³ «Die Rote Fahne», 1. XII. 1918.

⁴ К. Либкнехт, Was ist zu tun? — Ausgewählte Reden., S. 486.

получили командную власть, старая бюрократия опять функционирует»¹.

Что же делать дальше? Каковы задачи пролетариата в сложившейся обстановке? Отвечая на эти вопросы, К. Либкнехт указал, что немецкий пролетариат не может и не должен удовлетвориться устранением Гогенцоллернов: «Уничтожение классового господства, эксплуатации и угнетения, осуществление социализма — вот его цель»². Пролетариату необходимы вдохновение, убеждение, вера, ясное понимание пути, ведущего к цели — социалистической революции. К. Либкнехт энергично призвал к решительной борьбе за полновластие пролетариата, за сохранение, развитие и укрепление рабочих и солдатских Советов.

КАРДИНАЛЬНЫЙ ВОПРОС РЕВОЛЮЦИИ

Революционному лозунгу «Вся власть Советам!», выдвинутому спартаковцами, правые социал-демократы противопоставили лозунг созыва Учредительного национального собрания, подсказанный им еще принцем Максом Баденским.

В статье «Национальное собрание или Советское правительство» Р. Люксембург писала: «Так действительно поставлен сейчас кардинальный вопрос революции. Национальное собрание или вся власть рабочим и солдатским Советам; отказ от социализма или острейшая классовая борьба вооруженного пролетариата против буржуазии — в этом заключается дилемма»³.

Почти в таких же выражениях характеризовал ситуацию в Германии в декабре 1918 г. и январе 1919 г. В. И. Ленин. «Весь ход развития германской революции.., — писал он, — показывает ясно, как поставлен вопрос историей по отношению к Германии:

«Советская власть» или буржуазный парламент, под какими бы вывесками (вроде «Национального» или «Учредительного» собрания) он ни выступал.

¹ К. Liebknecht, Was ist zu tun? — Ausgewählte Reden..., S. 487—488.

² Там же, стр. 489—490.

³ R. Luxemburg, Nationalversammlung oder Räteregierung. Ausgewählte Reden..., Bd. II, S. 640. Примерно так же ставил вопрос и лидер бременских леворадикалов И. Книф. — См., например, его статью «Nationalversammlung oder Räte» в газете «Der Kommunist», 24. XII. 1918.

Такова *всемирно-историческая* постановка вопроса»¹. За вопросом — власть Советов или Учредительное собрание? — стояли два возможных направления дальнейшего развития событий в Германии. Борьба за тот или иной путь началась еще в первый период революции. С середины ноября 1918 г. эта борьба становится с каждым днем все более ожесточенной.

Один путь вел к продолжению революции, к расширению и углублению завоеваний первых дней, к перерастанию революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую. Этот путь предполагал дальнейший рост революционной активности пролетариата, сплочение его авангарда, втягивание в движение все более широких масс трудящихся города и деревни, разоблачение и изоляцию предательской буржуазной агентуры в рядах рабочего класса. Он требовал решительного слома старых государственных учреждений, превращения рабочих и солдатских Советов в действительные органы пролетарской революционной власти, установления прочного союза с международным рабочим движением и прежде всего с Советской Россией. На этот путь хотели вывести трудящихся Германии революционеры-спартаковцы. Главным лозунгом борьбы за этот путь был лозунг «Вся власть Советам!»

Роза Люксембург в статье «Начало» указала 18 ноября 1918 г. на необходимые шаги в этом направлении: развитие и перевыборы местных Советов; непрерывные заседания этих Советов для перенесения политической власти на широкую основу; скорейший созыв «общегерманского парламента рабочих и солдат»; немедленная организация сельского пролетариата и мелких крестьян; создание пролетарской Красной гвардии для защиты революции; устранение органов абсолютистско-милитаристского государства; конфискация имущества и владений династий и помещиков как первая мера для обеспечения продовольственного снабжения народа; немедленный созыв в Германии всемирного конгресса рабочих, чтобы

¹ В. И. Ленин, Письмо к рабочим Европы и Америки, Соч., т. 28, стр. 409; см. также В. И. Ленин, Речь на рабочей конференции Пресненского района 14 декабря 1918 г., Соч., т. 28, стр. 337; О «демократии» и диктатуре, Соч., т. 28, стр. 345.

ясно подчеркнуть социалистические и интернациональные задачи революции¹.

Другой путь вел к свертыванию революции, к максимальному сужению ее задач рамками уже достигнутых преобразований, а, если удастся, то и к реставрации старых порядков. Он предполагал ограничение революционной активности масс, углубление раскола рабочего класса, обман трудящихся изощренной демагогией, сколачивание контрреволюционных банд для кровавой расправы с революционным народом, убийство революционных вождей и т. п. Этот путь был рассчитан на сохранение основ капиталистического общественного и государственного строя, прикрытых формами буржуазного парламентаризма, требовал сплочения вокруг социал-демократии всех сил внутренней и международной реакции для совместной борьбы против собственного революционного пролетариата и Советской России. На этот путь толкали Германию социал-предатели, подготовлявшие в союзе с закоренелыми монархистами и реакционерами контрреволюционный заговор. Главным лозунгом борьбы за этот путь был лозунг «Созыв Учредительного собрания!»

Разоблачая парламентский кретинизм правых лидеров независимцев, включившихся в хор сторонников Национального собрания, Р. Люксембург писала, что его созыв лишь «усилит позиции буржуазии, ослабит и запутает пролетариат пустыми иллюзиями, растратит время и силы на «дискуссии» между волком и ягнёнком, одним словом, поможет тем элементам, целью и намерением которых является лишить пролетарскую революцию ее социалистических целей, выхолостить ее в буржуазную демократическую революцию»².

СНУ И БЕРЛИНСКИЙ ИСПОЛКОМ

Самым важным для социал-демократических правителей было парализовать влияние Советов в Берлине. Это было не так просто, ибо Берлинский Совет с самого своего возникновения претендовал на обладание верховной

¹ *R. Luxemburg*, *Der Anfang*. — *Ausgewählte Reden.*, Bd. II, S. 595—596.

² *R. Luxemburg*, *Die Nationalversammlung*. — *Ausgewählte Reden.*, Bd. II, S. 605.

политической властью в стране. Хотя в Исполкоме Совета у шейдемановцев было большинство¹, левые независимцы пользовались в нем значительным влиянием. Исполком был более, чем правительство, подвержен давлению масс берлинских трудящихся и потому вынужден был в той или иной мере отражать их настроения.

11 ноября Исполком выпустил свое первое воззвание к населению, в котором сообщал, что все правительственные и военные учреждения должны продолжать свою деятельность «по поручению Исполкома»². В этот же день Исполком сделал попытку создать в Берлине вооруженную силу, которая могла бы явиться материальным подкреплением его претензии на обладание верховной властью в стране. Вставший в первые дни революции во главе берлинского полицей-президиума левый независимец Эмиль Эйхгорн пытался превратить полицию в опору Исполкома, но не сумел добиться серьезного успеха. Он распустил большую часть старой полиции и сформировал вместо нее так называемые «отряды безопасности» («Sicherheitswehren» или «Sicherheitsdienst»). Он стремился включить в их состав организованных берлинских рабочих и демобилизованных солдат-берлинцев, но натолкнулся на сопротивление прусского министра внутренних дел социал-демократа Э. Эрнста. Исполком не оказал ему действенной поддержки, и численность полиции Эйхгорна не превышала 1,5—2 тыс. человек³.

По предложению левого независимца Деймига, Исполком 12 ноября принял решение о создании Красной гвардии. «Революция нуждается в охране, — говорилось в вы-

¹ Первоначально в Исполком было избрано 12 представителей от рабочих Советов (6 правых социал-демократов и 6 независимцев) и 12 от солдатских Советов. Вскоре Исполком пополнился представителями от других частей Германии, и число его членов достигло 45. Придавая большое значение составу Исполкома, правление СДПГ делегировало туда своего члена — Германа Мюллера. Он видел свою задачу в том, чтобы подчинить Исполком влиянию кабинета. Солдатские представители были в большинстве сторонниками правых социал-демократов. Все независимцы, среди них Рихард Мюллер, Э. Деймиг, Г. Ледебур, были представителями левого крыла своей партии. — См. *H. Müller, Die Novemberrevolution*, S. 92, 98—99 и. а.

² «Aufrufe, Verordnungen und Beschlüsse des Vollzugsrats des Arbeiter- und Soldatenrates Gross-Berlin». Berlin, [1918]. Nr. 4 (в дальнейшем: «Aufrufe»).

³ *E. Eichhorn, Über die Januarereignisse, Berlin 1919*, S. 10—11.

пущенном обращении к рабочим и социалистам Берлина. — 2000 социалистически обученных и политически организованных товарищей и рабочих с военной подготовкой должны принять на себя охрану революции»¹.

Правительство усмотрело в этом решении Исполкома угрозу для своей власти. Чтобы сорвать образование Красной гвардии, шейдемановцы натравили против Исполкома солдат берлинского гарнизона. 13 ноября, после соответствующего «разъяснения», представители солдат поддержали резолюцию, осуждавшую решение Исполкома, и направили в Исполком специальную депутацию. Исполком тотчас капитулировал. «Принимая во внимание, что образование особой Красной гвардии в штатском платье, — говорилось в новом решении, — вызвало у солдат берлинского гарнизона мысль, что созданием этого нового формирования выражается недоверие к революционной надежности войск... Исполком постановил: образование Красной гвардии временно приостановить»². Словечко «временно» стыдливо прикрывало эту жалкую капитуляцию Исполкома. Шейдемановец Г. Мюллер, злорадствуя, писал, что «импортеры русских революционных методов потерпели тяжелое поражение»³.

Сорвав образование Красной гвардии, правительство энергично взялось за создание вооруженной опоры для себя. Назначенный военным комендантом Берлина социал-демократ О. Вельс 17 ноября объявил о создании «республиканской солдатской охраны» («*Republikanische Soldatenwehr*»), вербуя в нее унтер-офицеров и солдат, оказавшихся после демобилизации безработными. Средства для этой «охраны», солдатам которой комендатура платила от 6 до 10 марок в день, были, по свидетельству адъютанта Вельса Антона Фишера, в избытке предоставлены «неизвестными добровольными жертвователями из буржуазных кругов»⁴. Вскоре численность «республиканской охраны», использовавшейся для охраны вокзалов,

¹ «*Aufrufe*» Nr. 10. Правые социал-демократы фальсифицировали этот документ, заявляя, что численность Красной гвардии была установлена в 12 тысяч человек. — *H. Müller, Die Novemberrevolution, S. 118; F. Stampfer, Die ersten 14 Jahre...*, S. 70.

² «*Aufrufe*» Nr. 11.

³ *H. Müller, Die Novemberrevolution, S. 119—120.*

⁴ См. *A. Fischer, Revolutionskommandantur Berlin, Berlin 1922, S. 40.*

правительственных зданий, типографий, банков и т. п., достигла 12—15 тыс. чел.¹ Наряду с ней охрану императорского дворца, имперской канцелярии и некоторых других зданий несла так называемая «народная морская дивизия» («*Volksmarinedivision*»), сформированная в середине ноября из матросов, участвовавших в событиях 9 ноября, прибывших из Куксгафена, и других городов. Большинство матросов были жителями Берлина и выходцами из рабочей среды².

Правительство в это же время принимало меры для восстановления и укрепления старого государственного аппарата³, что вызывало недовольство местных Советов. Исполком вынужден был откликнуться на многочисленные жалобы и 16 ноября в специальном объявлении писал, что, «по поступившим сообщениям, реакционные правительственные органы во многих местах пытаются продолжать свою деятельность по старой системе». Он предложил местным Советам установить «строжайший контроль» за действиями ландратов и прочих чиновников, а при попытках совершения ими контрреволюционных действий немедленно смещать их. «Открытое сопротивление, — говорилось в объявлении, — должно быть в необходимых случаях сломлено вооруженной силой»⁴. Однако эта угроза была пустым звуком, ибо реальной силы, чтобы

¹ «Республиканская охрана» разделялась на 14 депо, расположенных в разных районах Берлина. Каждое депо состояло из 4-х рот.

² В создании «Народной морской дивизии» большую роль сыграли лейтенант Генрих Дорренбах, социал-демократ, участник январской стачки 1918 г. в Берлине, морской летчик Вичорек, родом из В. Силезии, участник революционного движения во флоте, и матрос Радтке. Организаторы дивизии хотели подчинить ее полиции-президенту Эйхгорну. Однако Вельсу удалось заслат в дивизию своих агентов. Вичорек был вскоре застрелен офицером, а в конце ноября комендантом морской дивизии был избран старший лейтенант граф Меттерних, связанный с реакционно-монархическими кругами. В середине ноября дивизия насчитывала около 1500 человек, а к началу декабря — уже более 3000. — См. *K. Wrobel, Die Volksmarinedivision, Berlin 1957, S. 20, 22, 25, 29.*

³ Прусское правительство 14 ноября объявило, что все существующие законы и распоряжения, поскольку они не отменены правительством, остаются в силе, в том числе и обязанность платить налоги. — См. «*Die Freiheit*», 19. XI. 1918. 20 ноября СНУ объявил о сохранении бундесрата, одного из верховных органов власти и управления кайзеровской империи.

⁴ «*Aufrufe*» Nr. 19.

привести ее в исполнение, ни у берлинского Исполкома, только что отказавшегося от создания Красной гвардии, ни у большинства местных Советов не было.

Но и эта платоническая угроза была расцепена прусским «социалистическим» правительством как недопустимое вмешательство в его прерогативы. Под нажимом СНУ Исполком 23 ноября еще раз постыдно капитулировал, заявив, что местные Советы «должны воздерживаться от всякого прямого вмешательства в администрацию». Аресты, всякого рода конфискации продовольствия и других товаров Советы должны были проводить только по согласованию с «соответствующими инстанциями»¹. СНУ через несколько дней уведомил местные Советы, что им категорически запрещено вмешиваться в дела транспорта².

Сам Исполком подрывал позиции Советов. В одном из своих решений он указал, что интересы рабочих на производстве должны представлять профсоюзы³. Это усиливало позиции правых профсоюзных деятелей, открыто враждебных Советам, и вызвало протесты рабочих. Председатель Исполкома независимец Р. Мюллер внес тогда новое предложение: разделить рабочие Советы на две части. Одну из них должны были составлять так называемые «производственные рабочие Советы» («Betriebsarbeiterräte» или «Betriebsräte»), а другую — «коммунальные (местные) рабочие Советы» («kommunale Arbeiterräte») ⁴.

Создание производственных Советов (фабзавкомов) как представительных органов рабочих и служащих отдельных предприятий имело само по себе положительное значение, поскольку оно ослабляло позиции реакционной профбюрократии. Но в то же время искусственное разделение производственных и местных рабочих Советов привело на деле к ослаблению обеих частей. Производствен-

¹ «Aufrufe» Nr. 24, 28.

² Уже 10 ноября, в первый день своего существования, СНУ в глубокой тайне создал «Информационный центр имперского правительства», который должен был собирать сведения о деятельности рабочих и солдатских Советов. В проекте циркуляра так и было сказано: «Руководствуясь желанием немедленно выступить против возможного неправомерного вмешательства или превышения полномочий отдельных органов или лиц (имелись в виду Советы — Я. Д.), имперское правительство создало Информационный центр...» — См. М. Einhorn, Zur Rolle der Räte im November und Dezember 1918. — «ZfG», 1956, Heft 3, S. 552.

³ «Die Freiheit», 16. XI. 1918.

⁴ См. «Die Freiheit», 20. XI. 1918.

ные Советы все больше стали ограничивать свою деятельность узкопрактическими, экономическими задачами¹, а местные Советы стали все более обособляться от рабочих масс, их связь с предприятиями стала слабеть, источник их жизненной силы был от них оторван, и они были обречены на жалкое прозябание в качестве бессильного придатка местной администрации.

16 ноября Исполком обсуждал внесенное Деймигом программное заявление, в котором поднимался кардинальный вопрос о власти Советов или Национальном собрании. В эти дни вся буржуазная печать была полна призывов к правительству возможно скорее покончить с «состоянием беззакония» и созвать Национальное собрание. «Чего требует германская буржуазия? — писала одна из газет. — Учредительного национального собрания! Пока нет Национального собрания, мы живем как бы в безвоздушном пространстве...»²

Несмотря на расплывчатость многих формулировок, проект Деймига был отражением стремлений революционных элементов рабочего класса к превращению Германии не в буржуазно-демократическую, а в социалистическую республику. «Желание буржуазных кругов, — говорилось в нем, — созвать возможно скорее Национальное собрание должно лишить рабочих плодов революции. Исполком рабочих и солдатских Советов Большого Берлина объявляет себя поэтому противником Учредительного национального собрания. Он требует, напротив, развития рабочих Советов и их распространения на все слои трудящегося народа. Путем объединения всех рабочих Советов Германии должен быть образован Центральный Совет германских рабочих Советов, который примет новую, соответствующую принципам пролетарской демократии, конституцию»³.

¹ 23 ноября Исполком издал директиву о выборах и задачах производственных Советов. В ней, в частности, говорилось, что Советы должны «совместно с администрацией решать вопросы, касающиеся рабочих и служащих». Был в ней и пункт, объявлявший, что социализация предприятий (т. е. экспроприация капиталистической собственности) не является делом производственных Советов, а должна быть проведена только правительством, «систематически и органически, с учетом общих внутренних и внешнеполитических отношений». — См. «Aufrufe» Nr. 26.

² «Kölnische Zeitung», 15. XI. 1918. Abend-Ausgabe.

³ См. *H. Müller, Die Novemberrevolution*, S. 127.

Проект Деймига вызвал ожесточенную злобу у шейдемановских членов Исполкома. Герман Мюллер с пеной у рта требовал Национального собрания «с равными правами для всех граждан», обвиняя Деймига в «недемократическом» желании установить «классовое господство пролетариата против большинства народа». В таком же духе выступал от имени солдат Колин-Росс. Тем не менее проект Деймига был отклонен лишь незначительным большинством (12 голосами против 10)¹, что свидетельствовало о популярности Советов в массах. Независимцы согласились на компромисс. Декларативная часть проекта Деймига была сохранена, но вместо отказа от созыва Национального собрания в резолюции говорилось теперь об отсрочке его, пока не соберется общегерманский съезд Советов².

Правительство все больше оттесняло Берлинский Исполком. 18 ноября Эберт записал в своем дневнике: «Исполком требует власти для себя. Народные уполномоченные не куклы в его руках. Народные уполномоченные являются Исполнительным комитетом для государства»³.

19 ноября в цирке Буша состоялось созванное Исполкомом собрание рабочих Советов Берлина. В своем отчетном докладе о работе Исполкома Рихард Мюллер резко выступил против созыва Национального собрания. «Мы, рабочие и солдатские Советы, — говорил он, — должны утвердить свою власть, если нельзя иначе, то силой. Кто хочет Национального собрания, тот навязывает нам борьбу... Национальное собрание — это путь к господству буржуазии». Свою речь он закончил патетическим восклицанием: «Путь к Национальному собранию ведет через мой труп!»⁴

Во время трехчасовой дискуссии социал-демократические главарь мобилизовали все свои силы, чтобы сорвать принятие резолюции и побудить собрание берлинских Советов высказаться за созыв Национального собрания. Шейдемановцев поддержал и лидер независимцев Гаазе, который убаюкивал членов Совета заверениями, что завоевания революции не могут быть утрачены, так как пролетариат, дескать, составляет в Германии боль-

¹ H. Müller, Die Novemberrevolution, S. 128.

² «Aufrufe» Nr. 21.

³ F. Ebert, Schriften..., Bd. II, S. 104—105.

⁴ «Die Freiheit», 20. XI. 1918.

шинство и ему нечего бояться всеобщих выборов. Позиция Гаазе станет ясной, если иметь в виду, что в это время независимцы в СНУ уже капитулировали перед шейдемановцами, согласившись на созыв Национального собрания, и теперь они хотели только выторговать отсрочку в несколько недель¹. В итоге резолюция не была поставлена на голосование и возвращена Исполкому. Дело завершилось тем, что СНУ запретил официозному телеграфному агентству Вольфа распространять ее текст², а Исполком, не сумевший создать ни собственного информационного центра, ни собственного печатного органа³, ограничился бессильной жалобой на «подконтрольное» ему правительство.

23 ноября было опубликовано новое «соглашение о компетенциях» между Исполкомом и СНУ⁴, которое признавало правительство единственным органом исполнительной власти. Но, соглашение, разумеется, не могло утратить конфликтов, так как правительство упорно вело линию на устранение Советов и прекращение докучливого сосуществования СНУ и Исполкома. Председатель Исполкома независимец Рихард Мюллер признавался впоследствии, что именно после достижения «соглашения» Исполком потерял всякое влияние на правительство.

Роль Исполкома становилась все более призрачной. Буржуазная печать отказывалась публиковать его обращения. В финансовом отношении Исполком целиком зависел от правительства, которое издевательски несколько раз возвращало бюджетную смету для «уточнения и ограничения» и денег не давало. Так выглядел на деле «контроль» Исполкома Советов над правительством, лишней раз подтверждая правоту Ленина, который в апреле 1917 г. говорил о русских Советах, захваченных меньше-

¹ Еще 17 ноября социал-демократический «Vorwärts» вышел под шапкой: «Всеобщие народные выборы — 2 февраля». На следующий день газета независимцев «Die Freiheit» с возмущением заявила, что этот вопрос не обсуждался в правительстве. Но еще через день она же признала, что 17 ноября этот вопрос был в принципе решен на заседании СНУ и Исполкома, только срок не был окончательно установлен... — См. «Vorwärts», 17. XI. 1918; «Die Freiheit», 18, 19. XI. 1918.

² См. R. Müller, Vom Kaiserreich zur Republik, Bd. II, S. 85.

³ Лишь в начале февраля 1919 г. начал выходить еженедельный журнал под редакцией Э. Деймига «Der Arbeiterrat».

⁴ «Aufrufe» Nr. 25.

виками, следующее: «Для того, чтобы контролировать, нужно иметь власть... Без власти контроль — мелкобуржуазная фраза, тормозящая ход и развитие... революции»¹.

Полное бессилие Берлинского Совета по отношению к правительству свидетельствует о том, что в Германии не было «двоевластия», подобного тому, какое сложилось в феврале — июле 1917 г. в России. В то время как в России, особенно в первые месяцы после Февральской революции, реальная власть была в руках Советов, опиравшихся на вооруженных рабочих и солдат, в Германии основные позиции реальной власти с самого начала оказались в руках правительства Эберта — Гаазе. Вместо того чтобы мобилизовать массы на борьбу за власть Советов, Исполком берлинского Совета занимался бесплодными препирательствами о «компетенциях».

Тем временем правые независимцы прилагали все старания, чтобы оправдать перед массами свою капитуляцию перед шейдемановцами в коренном вопросе развития революции. На страницах газеты «Die Freiheit» одна за другой появлялись пространные статьи, авторы которых на разные лады стремились «доказать», что Советы должны уступить место Национальному собранию.

Р. Брейтшейд заявлял, например, что Учредительное собрание должно быть созвано, но лишь после определенного периода, необходимого для проведения разъяснительной работы в массах². Р. Гильфердинг рассуждал о том, что германский рабочий «воспитан в духе демократии» и не может поэтому не победить на выборах, а «неограниченное продолжение диктатуры Советов(!?)» приведет лишь к террору и гражданской войне³.

К. Каутский поместил в двух номерах «Die Freiheit»⁴ пространную статью «Национальное собрание и съезд Советов». Он лишь несколько подновил свой старый «тезис» из выпущенной летом 1918 г. брошюры «Диктатура пролетариата», в которой говорилось, что «Советы, правда, являются боевой организацией одного класса, но не могут

¹ В. И. Ленин, Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г. Доклад о текущем моменте 24 апреля (7 мая), Соч., т. 24, стр. 201.

² «Die Freiheit», 17. XI. 1918. Morgen-Ausgabe.

³ «Die Freiheit», 18. XI. 1918. Morgen-Ausgabe.

⁴ «Die Freiheit», 5., 6. XII. 1918. Beilage.

создать государственную организацию». В. И. Ленин подверг в свое время сокрушительной критике эту мошенническую фальсификацию, указав, что утверждение Каутского «такая бессмыслица, которая всю глупость и трусость мелкого буржуа разоблачает до конца»¹. Каутский доказывал теперь, что система выборов в Учредительное собрание «более совершенна», чем «неясная» система выборов в Советы, и потому имеет якобы «большой моральный авторитет». Подменив коренной вопрос классовой борьбы формально-юридическим вопросом о *форме* выборов, Каутский готов был даже «допустить» существование Советов в первый период революции, но переход к строительству социализма возможен был, по Каутскому, только с помощью Национального собрания, которое является «экономической необходимостью и орудием революции». Каутский торопил с созывом Национального собрания, ибо, по его мнению (удивительно точно совпадавшему с мнением всей буржуазной печати!), «уже давно пора положить конец этому промежуточному состоянию и связанной с ним неопределенности»².

Такими и подобными «аргументами» лидеры независимцев вносили путаницу и сумятицу в головы рабочих, извращали понятие диктатуры пролетариата, отвлекали массы от революционной борьбы. Исключительно меткую характеристику независимцам-каутскианцам дал В. И. Ленин. «...На словах «независимые», — писал он о них, — на деле *зависящие* целиком и по всей линии сегодня от буржуазии и шейдемановцев, завтра от спартаковцев, частью идущие за первыми, частью за вторыми, люди без идей, без характера, без политики, без чести, без совести, живое воплощение растерянности филистеров, на словах стоящих за социалистическую революцию, на деле неспособных понять ее, когда она началась, и защищающих по-ренегатски «демократию» вообще, то есть *на деле* защищающих *буржуазную* демократию»³.

Ясно и последовательно выступали за полновластие Советов руководители спартаковцев. Так, Роза Люксем-

¹ В. И. Ленин, Пролетарская революция и ренегат Каутский, Соч., т. 28, стр. 241.

² «Die Freiheit», 6. XII. 1918. Beilage.

³ В. И. Ленин, Письмо к рабочим Европы и Америки, Соч., т. 28, стр. 411—412.

бург в статье «Национальное собрание» писала: «Кто сегодня хватается за Национальное собрание, тот сознательно или бессознательно тащит революцию назад, на историческую стадию буржуазных революций; он — замаскированный агент буржуазии или несознательный идеолог мещанства... Не о том идет сегодня речь — демократия или диктатура. Поставленный историей в порядок дня вопрос гласит: *буржуазная* демократия или *социалистическая* демократия. Ибо диктатура пролетариата — это демократия в социалистическом смысле»¹.

Через несколько дней «Die Rote Fahne» призывала в передовой статье «развернуть начавшуюся революцию в грандиозную классовую битву за социалистический общественный строй и для достижения этой цели создать политическое господство широких масс трудящихся, диктатуру рабочих и солдатских Советов. За или против социализма, против или за Национальное собрание, третьего нет!»²

23 ноября Исполком Берлинского Совета опубликовал сообщение о проведении по всей стране выборов делегатов на Всегерманский съезд Советов, который должен был открыться в Берлине 16 декабря 1918 г. Показательно, что в этом сообщении то и дело проскальзывали нотки о *временном* характере деятельности Советов, свидетельствовавшие о том, что сам Исполком не был уверен в их жизнеспособности. Так, говоря о задачах съезда, сообщение указывало, что он должен будет «провести выборы *временного* Центрального Совета» и принять решение «о будущем Законодательном собрании»³.

Через два дня в Берлине собралась конференция представителей правительств отдельных германских государств. Созыв конференции правительством Эберта — Гаазе был признанием того факта, что Ноябрьская революция, прогнав два десятка монархов, не сумела уничтожить дробление Германии на отдельные государства. Выступая на конференции, Эберт сообщил, что правительство решило созвать Национальное собрание в самом

¹ R. Luxemburg, Die Nationalversammlung. — Ausgewählte Reden..., Bd. II, S. 606. Это высказывание Розы Люксембург свидетельствует о том, как основательно она пересмотрела на основании революционного опыта свои прежние взгляды. В письмах из тюрьмы она, например, отрицательно высказывалась по поводу разгона большевиками Учредительного собрания в России.

² «Die Rote Fahne», 29. XI. 1918.

³ «Aufrufe» Nr. 29. Курсив мной. — Я. Д.

скором времени и «уже завтра кабинет приступает к обсуждению избирательного закона»¹.

Конференция приняла резолюцию, в которой имелся следующий многозначительный пункт: «До созыва Национального собрания рабочие и солдатские Советы являются представителями народной воли»². Эта формулировка в официальном правительственном документе должна была со всей очевидностью показать Советам, что, высказываясь за созыв Учредительного собрания, они тем самым подготавливают политическое самоубийство.

30 ноября СНУ опубликовал «распоряжение о выборах в Учредительное германское национальное собрание». Выборы назначались на 16 февраля 1919 г. «при условии согласия собирающегося 16 декабря Всегерманского съезда рабочих и солдатских Советов»³. Члены правительства — независимцы подписали это распоряжение вопреки ясному решению партийного правления НСДПГ о созыве Национального собрания не ранее апреля 1919 года⁴.

Вся буржуазная печать с ликованием встретила это распоряжение, сетуя лишь на то, что срок слишком далек, и заявляя, что мнение съезда Советов собственно и слушать нечего⁵. «Die Freiheit», комментируя решение, указывала, что лидеры НСДПГ, поразмыслив, решили из-за даты выборов не уходить из кабинета. Чтобы прикрыть свою жалкую капитуляцию, они заявили, что их уход «противоречил бы настроению масс», да и сами Советы, дескать, хотят Национального собрания, а ведь «невозможна диктатура (Советов. — Я. Д.) против воли диктаторов»⁶.

¹ «Die Freiheit», 26. XI. 1918. Abend-Ausgabe.

² DR, S. 63. Курсив мной. — Я. Д.

³ «Die Deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919», Berlin, 1920 (в дальнейшем: DNV), Bd. I, Einleitender Teil, S. 52.

⁴ См. «Die Rote Fahne», 6. XII. 1918. За назначение выборов на 16 февраля голосовали Гаазе и Дитман, а Барт воздержался, «сам превратившись в ноль», как саркастически заметила газета.

⁵ Газета «Vorwärts», ссылаясь на принятую в тот же день собранием солдатских Советов Берлина резолюцию, требовавшую созыва Национального собрания в кратчайший срок, торжествующе заявляла, что «весь германский народ, за исключением ничтожной кучки», стоит «за созыв Национального собрания и против русской советской системы». — «Vorwärts», 1. XII. 1918.

⁶ «Die Freiheit», 30. XI. 1918. Morgen-Ausgabe.

Только «Die Rote Fahne» дала ясную политическую оценку этому шагу. В статье «Демократия на марше» она писала 1 декабря: «Заговор против пролетариата... готов: Национальное собрание, которое должно... потопить социализацию общества в буржуазной парламентаризации, должно быть избрано уже 16 февраля... Всегерманское представительство пролетариата может только проголосовать, в этот или другой день должен быть задан его жизненный свет... Высший классовый орган пролетарских масс еще до того, как он собрался, лишен господами Эбертом и Гаазе власти и права решения кардинального вопроса революции...»¹

«КРОВАВАЯ ПЯТНИЦА»

Под прикрытием подготовки к Всегерманскому съезду Советов и к выборам в Национальное собрание социал-демократические правители продолжали готовить контрреволюционный заговор, подыскивая удобный момент, чтобы «поставить штык в порядок дня».

В конце ноября — начале декабря 1918 г. германскому командованию удалось завершить отвод всех войск Западного фронта (около 3½ млн. штыков) за Рейн. Тем самым армия была спасена. Правда, солдаты рвались домой и подавляющее большинство их не годилось для борьбы против «внутреннего врага», но все же фронтовые войска являлись внушительным фактором силы и крупным резервуаром военных кадров. Верховное командование решило сохранить в мобилизационной готовности «для охраны границ и порядка в стране» 16 дивизий².

¹ «Die Rote Fahne», 1. XII. 1918.

² В 1936—1940 гг., когда фашистская армия готовилась к агрессивной войне, по поручению Верховного командования сухопутных войск была издана восьмитомная публикация, подготовленная Военно-историческим исследовательским институтом сухопутных войск: «Описание послевоенных боев германских войск и добровольческих корпусов». Несмотря на ярко выраженную тенденциозность, публикация интересна тем, что содержит ряд секретных военных документов, относящихся к событиям 1918—1919 гг. — «Darstellungen aus den Nachkriegskämpfen deutscher Truppen und Freikorps. Im Auftrage des Oberkommandos des Heeres bearbeitet und herausgegeben von der Kriegsgeschichtlichen Forschungsanstalt». Berlin 1936—1940 (в дальнейшем: «Darstellungen...»), Bd. I—VIII. Об отводе войск Западного фронта см. Bd. VI. Die Wirren in der Reichshauptstadt und im nördlichen Deutschland, S. 5.

Что касается войск Восточного фронта (около 500 тыс. штыков), то Верховное командование и не думало об их сохранении. Эти войска, состоявшие главным образом из солдат старших возрастов, рвались домой, к семьям. Верховное командование так боялось воздействия на них «большевистской пропаганды», что в ноябре послало радиogramму Фошу, призывая поскорее направить военные корабли союзников для занятия черноморских и балтийских портов, чтобы обеспечить планомерный отвод немецких войск на родину¹. Командование Восточного фронта прилагало все усилия, чтобы через послушные ему солдатские Советы сохранить в войсках порядок и помешать самовольному оставлению ими позиций, но это не везде удавалось². Так, например, 1 батальон 424 пехотного полка и батарея 98 артиллерийского полка с помощью оружия и ручных гранат добились внеочередного отправления на родину, и задержать их не удалось. Этому примеру последовали и некоторые другие подразделения³. Часть войск, не дождавшись железнодорожных эшелонов, отправлялась домой пешим порядком⁴.

В отличие от войск Восточного фронта, полностью утративших боеспособность, от тыловых войск и моряков, принимавших самое активное участие в революционных событиях ноябрьских дней, войска Западного фронта в основном оставались еще в руках своих командиров. Они длительное время находились вдалеке от родины, а когда в стране развернулась революция, командование немедленно прервало почтовую связь, надеясь таким образом уберечь войска от проникновения революционных идей. 16 ноября верховное командование выпустило специально для офицеров «Директивы о воздействии на войска». «Разъясняя» положение в стране, директивы подчеркивали, что возвращающиеся войска должны по всем вопросам обращаться не в местные рабочие и солдатские Советы, а в старые учреждения, а где их нет, «брать власть в свои руки», причем солдатские Советы в войсках должны помогать офицерам оттеснить местные Советы.

¹ «Darstellungen...», Bd. I, Die Rückführung des Ostheeres, S. 22.

² Там же, стр. 21, 34—35. См. также *M. Hoffmann*, Aufzeichnungen, Bd. I, Berlin 1929, S. 217, 221.

³ «Darstellungen...», S. 32—33.

⁴ Там же, стр. 65—69.

Войскам внушалось, что только они являются надежной опорой правительства в борьбе «против хаоса и анархии». 30 ноября новые директивы еще яснее указывали, что на фронтовые войска возлагается задача «спасти родину от диктатуры большевизма»¹.

Среди солдат распространялась листовка за подписью Гинденбурга², в которой их запугивали, что, если к власти придут радикальные элементы — независимцы и спартаковцы, в Германии создадутся «русские условия», которые изображались в самом чудовищном виде, Антанта не заключит с Германией мира, страна будет расчленена на части и т. п. «Поэтому, — говорилось в листовке, — действующая армия должна поддержать нынешнее правительство. Если же правительство падет, то армия должна вернуть господство буржуазным элементам., устранить радикальные элементы., избавить родину от бедствий и несчастий большевизма»³.

Подобным образом «обработанные» солдаты, вступив на территорию Германии, нередко стали разгонять местные Советы, срывать красные флаги, угрожать расправой с социалистами. Такие эксцессы имели место в Аахене, Кёльне, Детмольде, Эссене, Падерборне, Касселе и других городах Западной Германии, а также в Бранденбурге, Потсдаме. Они совершались по прямым приказам командиров, например командующего полумиллионной 4-й армией генерала Сикста фон Арлима, командующего 1-й армией Эбергарда, командующего 17-й армией фон Мудра и других. В Дюссельдорфе и Леннепе (Рур) имели место столкновения войск с представителями местных Советов. Не менее тревожные сигналы поступали и с Восточного фронта. Здесь, в 8-й армии, находившейся в Прибалтике, правительственный комиссар социал-демократ А. Винниг начал вербовку добровольцев в «Железную дивизию», задачей которой должна была явиться борьба против «русского и германского большевизма». По отношению к такого рода сообщениям правительство

¹ E. Volkman, Der Marxismus und das deutsche Heer., S. 255, 317. Beilage.

² Правда, Гинденбург отказался признать, что его подпись подлинная, но содержание листовки вполне соответствовало по своему духу приведенным выше директивам верховного командования.

³ См. «Die Freiheit», 3. XII. 1918. Abend-Ausgabe.

неизменно оказывалось глухим и слепым, а генерал Грёнер в ответ на запрос цинично ответил, что при масштабах начавшейся демобилизации можно лишь удивляться, что подобных случаев так мало¹.

1—2 декабря в Бад-Эмсе состоялся съезд 316 представителей солдатских Советов от 220 бывших фронтовых дивизий. Инициатором его созыва был... фельдмаршал Гинденбург². Он надеялся, что съезд поддержит заранее подготовленную резолюцию, направленную против Исполкома берлинского Совета и требовавшую ограничения власти рабочих и солдатских Советов. Но эта резолюция не прошла. Напротив, съезд принял решение о проведении перевыборов солдатских Советов во фронтовых частях, об отмене отдачи чести офицерам и т. п. В то же время съезд высказался за поддержку правительства Эберта — Гаазе, за созыв Национального собрания, против «путчей справа и слева». Таким образом, хотя фронтовые войска оставались опасным орудием в руках контрреволюции, в них началось, как констатировало командование, «революционное разложение»³.

В конце ноября в соответствии с соглашением Эберта с Грёнером майором генерального штаба фон Гарбу была передана Эберту разработанная в ставке по указанию Гинденбурга строго секретная диспозиция, предусматривавшая вступление в Берлин 9 фронтовых дивизий, на которые возлагалась задача разгона Советов, разоружения рабочих, роспуска «ненадежных» берлинских воинских частей⁴. Для руководства концентрацией под Берли-

¹ См. *H. Müller*, *Die Novemberrevolution*, S. 181.

² См. «*Darstellungen...*», Bd. VI, S. 9; *E. Volkmann*, *Der Marxismus und das deutsche Heer..*, S. 257.

³ См. «*Die Rote Fahne*», 4. XII. 1918.

⁴ Диспозиция предусматривала календарный план вступления войск в Берлин и указывала их конкретные задачи. Так, 10 декабря в Берлин должна была вступить гвардейская кавалерийская (стрелковая) дивизия и занять главные здания. В городе расклеивается правительственная прокламация, приветствующая войска. 11 декабря в Берлин вступает германская егерская дивизия, в Потсдам — 1-я гвардейская дивизия. Расклеивается приказ о сдаче населением оружия; за несдачу — расстрел, за хранение военного имущества — трибунал. В беспокойных районах города проводятся обыски. 12 декабря вступает 4-я гвардейская дивизия. Объявляется приказ о принудительных работах. 13 декабря вступает 5-я гвардейская дивизия. Издается приказ для всей Германии о полном восстановлении авторитета офицеров. С 15 декабря «заботу о безопас-

ном необходимых войск было сформировано «Главное командование генерал-лейтенанта Леки».

Военные мероприятия правительства не могли остаться тайной. 2 декабря К. Либкнехт указывал в «Die Rote Fahne» на серьезную опасность, угрожающую революции со стороны фронтовых войск, остающихся под влиянием милитаристов и шовинистов. Опасность тем более велика, писал он, что в стране повсюду возникают вооруженные отряды буржуазных молодчиков и белогвардейцев, а революционный пролетариат разоружают. К. Либкнехт требовал немедленного устранения офицеров из солдатских Советов, отмены командной власти офицеров, демократической реорганизации особенно фронтовых частей, проведения в войсках широкой социалистической пропаганды, разоружения всех непролетарских элементов, вооружения революционных рабочих и пролетарских солдат, создания рабочей милиции и ее боевого ядра — Красной гвардии¹. 3 декабря «Die Rote Fahne», приведя многочисленные факты, свидетельствовавшие об активизации контрреволюционных сил в столице и окрестностях, озаглавила свою полосу: «Военный путч в Берлине?»²

Через три дня в столице действительно вспыхнул контрреволюционный путч. 5 декабря на собрании «Объединения кадровых унтер-офицеров» в цирке Буша фельдфебель Зуппе, создавший в Берлине добровольческий унтер-офицерский батальон, заявил, что он со своими людьми готов охранять Эберта «против путчей справа и слева». В пятницу 6 декабря большая группа солдат и унтер-офицеров собралась у резиденции рейхсканцлера. Когда Эберт появился на балконе, фельдфебель Широ провозгласил его президентом республики. Эберт уклонился от прямого ответа, принимает ли он этот пост, заявив, что «должен посоветоваться с товарищами в правительстве». В это же время другая группа солдат во главе с фельдфебелем Фишером ворвалась в помещение Исполкома берлинского Совета и объявила его арестованным. Группа Широ тем временем, имея целью арестовать К. Либкнехта, захватила помещение редакции газеты «Die Rote Fahne» и учинила там обыск. Около 6 часов

ности Берлина» принимает на себя национальная гвардия. — См. «Darstellungen...», Bd. VI, S. 28.

¹ «Die Rote Fahne», 2. XII. 1918.

² «Die Rote Fahne», 3. XII. 1918.

вечера сотня вооруженных солдат военной комендатуры на углу Инвалиденштрассе и Шоссештрассе открыла огонь из винтовок и пулеметов по мирному шествию рабочих, возвращавшихся с митингов. 16 человек были убиты, в том числе руководитель «Союза красных солдат» Буддих, 30 человек ранено¹.

Однако путч провалился. Рабочие, по призыву спартаковцев массами поспешившие с фабрик и заводов в центр, вместе с матросами освободили Исполком, путчисты были рассеяны². В подготовке контрреволюционного заговора непосредственно участвовали комендант Берлина Вельс, командир народной морской дивизии фон Меттерних, капитан Лоренц из военного министерства, видные чиновники министерства иностранных дел Штумм и Рейнбабен, создатели отрядов «студенческой обороны» Мартен и Зак и другие. Паролем мятежников был знак «Ротхерц» («Rotherz» — «красное сердце»). Так как за спиной заговорщиков стояли шейдемановцы и военщина, все руководители путча благополучно скрылись или были освобождены через несколько дней после ареста³.

«Кровавая пятница» вызвала огромное волнение среди трудящихся Берлина. Впервые после начала революции они увидели открытое выступление контрреволюции, которую многие наивно считали похороненной. На следующий день забастовали рабочие нескольких предприятий Берлина. В воскресенье 8 декабря по призыву спартаковцев состоялась вооруженная демонстрация рабочих, в которой приняли участие около 150 тыс. человек. У здания военной комендатуры демонстранты требовали отстранения Вельса, Эберта и Шейдемана. У здания посольства Советской России они требовали, чтобы оно было немедленно возвращено в Берлин. Демонстрация показала, что влияние спартаковцев в Берлине возросло.

Одновременно с путчем в Берлине должны были произойти контрреволюционные выступления в Брауншвейге, Хемнице и в других городах. 3 декабря в резиденции Крушна на вилле Хюгель близ Эссена рабочими был раскрыт заговорщический центр, руководителями которого были обер-бургомистр Эссена Лютер, деятель партии

¹ См. *E. Eichhorn*, *Über die Januarereignisse*, S. 32—34; «*Illustrierte Geschichte*», S. 244.

² «*Die Rote Fahne*», 7. XII. 1918; «*Die Freiheit*», 7. XII. 1918.

³ См. *E. Eichhorn*, *Über die Januarereignisse*, S. 42—45.

центра Бришкман и др. В Гамбурге буржуазный заговор против Советов разрабатывался при участии социал-демократа матроса Целлера и председателя солдатского Совета Гроссе. Заговор был связан с ожидавшимся прибытием в город английской морской комиссии, но был, как и в Берлине, сорван революционными рабочими¹.

Как раз в это время видные буржуазные деятели в разных концах страны выплывали планы расчленения Германии. Сепаратистские устремления в Рейнской области, в Пфальце и в Баварии были прежде всего выражением желания буржуазии помешать развитию революционного движения, уберечь свою собственность от всяких посягательств, с выгодой для себя распродать части Германии иностранному капиталу. В конце ноября 1918 г. в Рейнской области была создана контрреволюционная организация «Союз свободы немецкого Рейнланда». Среди ее вдохновителей были представители партии католического центра, за ее спиной стояли банкиры Луи Гаген, фон Штейн, крупнейшие монополисты Тиссен и Стишнес. Рассчитывая на помощь войск Антанты, сепаратисты готовились провозгласить «независимое» Рейнско-Вестфальское государство, а затем поставить его под французский протекторат.

7 декабря рабочий и солдатский Совет Мюльгейма (Рура) арестовал группу крупных промышленников, среди которых были Август и Фриц Тиссен, Эдмунд Стишнес (брат Гуго Стишнеса) и пять директоров крупнейших предприятий Рура. Им было предъявлено обвинение, что они на тайном совещании в Дортмунде решили просить Антанту ввести оккупационные войска во всю Рейнско-Вестфальскую промышленную область, чтобы отменить восьмичасовой рабочий день и распустить Советы. Арестованные были немедленно направлены под охраной в Берлин, где, как надеялись рабочие, их должны были привлечь к ответственности за государственную измену. Но правительство Эберта — Гаазе ограничилось опубликова-

¹ См. *F. Baumann*, *Um den Staat*, Hamburg 1924, S. 66—69; *P. Neumann*, *Hamburg unter der Regierung des Arbeiter- und Soldatenrats*, Hamburg 1919, S. 40—46; а также *К. Петряев*, Гамбургский Совет в германской буржуазной революции 1918 года. — Ученые записки Коми государственного педагогического института. Сыктывкар 1951, вып. 3, стр. 70—71.

нием декларации против сепаратистов¹. Арестованные магнаты Рура были сразу же освобождены, правительство без всякого судебного разбирательства спяло с них обвинение и принесло им извинение за «самоуправство» Советов. Когда промышленники вернулись в Мюльгейм, буржуазные круги пытались устроить им торжественную встречу, но митинг был сорван возмущенными рабочими².

События в Берлине, Гамбурге, Мюльгейме и других городах свидетельствовали о том, что контрреволюция готовится к удару против революционных рабочих и солдат. Было ясно, что за первой, неудачной, пробой сил последуют другие, более основательно подготовленные выступления. «Заговорщики... не отменили свою игру, — предупреждала «Die Rote Fahne», — они только отложили ее³.

8 декабря Гинденбург направил Эберту послание, в котором за фразами, восхвалявшими Эберта как «истинного немца, любящего свое отечество», следовало требование решительных действий «для спасения народа (?) от угрожающей катастрофы». Гинденбург настаивал, чтобы Национальное собрание было создано немедленно, еще в декабре, чтобы были полностью устранены рабочие и солдатские Советы, созданы «законные» полицейские части, в армии решительными мерами восстановлена дисциплина. На этих условиях Гинденбург обещал Эберту безоговорочную поддержку, «свою и всей армии»⁴. Верховное командование настаивало на выполнении соглашения

¹ «Vorwärts», 12. XII. 1918.

² См. «Die Freiheit», 9., 12. XII. 1918. Morgen-Ausgabe. Оправившись от первого испуга и убедившись в полной поддержке Эберта, промышленники поместили во всех газетах, в том числе и в «Vorwärts», огромное объявление, размером в целый газетный лист, в котором сообщали о возбуждении ими судебного преследования против рабочего и солдатского Совета Мюльгейма, арестовавшего их, против берлинского полицей-президента, продержавшего их несколько дней в Моабитской тюрьме, и против редактора Мюльгеймской газеты «Freiheit», «оклеветавшего» их. — См. «Vorwärts», 18. XII. 1918. Показательно, что Шпетман, выражая возмущение «произволом» по отношению к магнатам Рура, старается доказать, что совещания в Дортмунде, которое было поводом для ареста, вообще не было. В то же время он старательно обходит причину возмущения рабочих, которая заключалась в сговоре промышленников с Антантой, ибо этот факт опровергнуть невозможно. — См. H. Spethmann, 12 Jahre Ruhrbergbau, Bd. I, S. 115—121.

³ «Die Rote Fahne», 11. XII. 1918.

⁴ См. «Deutsche Einheit. Deutsche Freiheit». Gedenkbuch der Reichsregierung zum 10. Verfassungstag 11. August 1929, S. 122—124,

Эберта — Грёнера о вступлении в Берлин фронтовых дивизий. Письмо Грёнера Эберту от 9 декабря было выдержано в еще более резком и директивном тоне, чем письмо Гинденбурга¹.

Однако Эберт, соглашаясь на торжественное вступление в Берлин фронтовых дивизий, считал момент для вооруженного подавления Советов не подходящим. Исполком, занимавшийся расследованием событий 6 декабря, настаивал на том, чтобы войска вступали в Берлин без оружия. Очевидно желая оказать давление на Эберта — Гаазе, верховное командование утром 9 декабря дало указание генералу Леки «действовать самостоятельно»². Но днем на заседании правительства, на котором участвовал представитель Гинденбурга майор фон Шлейхер, «соглашение» было достигнуто³. Исполком снова капитулировал, опубликовав совместное с СНУ заявление, в котором лицемерно заявлял, что у него и СНУ общая цель — «обеспечить германскому народу социалистическую республику», что между ними существует «сотрудничество, основанное на взаимном доверии» и т. п.⁴

10 декабря в Берлине начали вступать гвардейские дивизии, прибывшие с Западного фронта. Первой прибыла гвардейская кавалерийская (стрелковая) дивизия под командованием «героя» мирных переговоров в Бресте генерала Макса Гоффмана. Дивизия вступала парадным маршем, с оружием, под развернутыми знаменами. У Бранденбургских ворот ей была устроена торжественная встреча. Эберт в приветственной речи сказал: «Ваши жертвы и дела беспримерны. Никакой враг вас не победил... Вы защитили родину от вражеского вторжения... Прежде всего на вас лежит надежда германской свободы. Вы являетесь сильными носителями германского будущего...»⁵

¹ См. «Darstellungen...», Bd. VI, S. 30.

² Там же, стр. 31.

³ Там же; «Der Dolchstoß-Prozess», S. 224.

⁴ «Aufrufe», Nr. 48.

⁵ *F. Ebert, Schriften...* Bd. I, S. 128. Подобные заявления содействовали созданию реакционно-милитаристской легенды, будто германская армия не была разбита на поле боя и лишь революция нанесла фронту «удар кинжалом в спину». Эта легенда («Дольхштослегенде») явилась впоследствии одним из тезисов фашистской пропаганды.

Учитывая возбуждение рабочих после неудачного путча 6 декабря, правительство не решилось все же осуществить накануне Всегерманского съезда Советов намеченный план введения в Берлине при помощи гвардейских войск осадного положения, а стало действовать более осмотрительно. После торжественных встреч, продолжавшихся в течение нескольких дней, войска слова выводились из города и располагались в Потсдаме, Цоссене и других пунктах, неподалеку от столицы, оставаясь в распоряжении «Главного командования Леки».

12 декабря СНУ опубликовал постановление о создании «для поддержания безопасности и порядка» добровольческого «народного ополчения» («Volkswehr») ¹. Это постановление, за выполнение которого никто всерьез не взялся, преследовало, по-видимому, двоякую цель: с одной стороны, оно должно было отвлечь внимание народа от концентрации контрреволюционных войск вблизи Берлина, а с другой, — послужить оправданием для разоружения берлинских рабочих и роспуска находившихся в Берлине солдатских формирований. В первую очередь это относилось к Народной морской дивизии, матросы которой были возмущены контрреволюционным путчем 6 декабря. Отстранив Меттерниха, они избрали комендантом дивизии матроса Радтке. Политическим руководителем матросов стал Дорренбах, который поддерживал контакт с Центральным морским Советом и левыми независимцами в Исполкоме берлинского Совета. «Республиканская охрана» тоже все более подвергалась воздействию революционных настроений и все менее годилась для использования ее против рабочих. Для ее солдат, с досадой замечал А. Фишер, «создание солдатских Советов и политизирование было важнее, чем безупречная служба» ².

14 декабря в Берлине был объявлен приказ военной комендатуры о сдаче населением оружия. «Буржуазия готовится к гражданской войне, — писала в этот день «Die Rote Fahne». — Она хочет ее» ³.

¹ DR, S. 171—172.

² А. Fischer, Revolutionskommandantur Berlin, S. 40. Наиболее «надежным», с точки зрения контрреволюции, был батальон фельдфебеля Зуппе, включенный в «республиканскую охрану» в качестве 14-го депо. — См. «Darstellungen...», Bd. VI, S. 16.

³ «Die Rote Fahne», 14. XII. 1918.

Чем больше времени проходило от начала революции и образования правительства Эберта — Гаазе, тем яснее становилось все большему числу рабочих, что правительство ничего не намерено предпринять для улучшения их бедственного положения. Система «организованного голода», от которой в годы войны больше всего страдали трудящиеся городов, изменилась лишь в том отношении, что голод стал сильнее и менее «организованным». Обещанная американская продовольственная помощь не поступала, блокада Германии не была снята. И без того скудные нормы продовольствия снижались, цены росли, спекуляция достигла чудовищных размеров. В связи с начавшейся демобилизацией и сокращением военного производства увеличилась безработица. Предприиматели откровенно саботировали налаживание мирного производства, стремясь переложить на рабочих все трудности послевоенной перестройки экономики.

Уже в конце ноября в разных концах страны начали стихийно вспыхивать забастовки. 22 ноября около 3 тысяч рабочих завода Даймлера в Берлине-Мариспфельде начали забастовку, к ним присоединились служащие. Через несколько дней забастовали также рабочие заводов «Дейче моторенверке», Вернера, Флора, Виттенау и Сименс-Шуккерта. Попытки профсоюзных деятелей сорвать забастовку не имели успеха. Рабочие требовали повышения зарплаты и немедленного начала социализации¹. В Верхней Силезии начались забастовки шахтеров. Регирунгспрезидент Оппельна направил на охваченные забастовками шахты войска с пулеметами. В Глейвиц прибыл Гаазе для уговоров бастующих шахтеров. Но забастовки не прекращались, распространяясь на все новые районы, и вскоре охватили большую часть верхнесилезского угольного бассейна. Профсоюзы оказались не в состоянии прекратить их².

21 ноября рабочий и солдатский Совет Кюля единогласно принял резолюцию, в которой говорилось: «Политическая власть должна оставаться, пока плоды револю-

¹ «Berliner Tageblatt», 26. XI. 1918; «Die Rote Fahne», 27. XI. 1918.

² E. Buchner, Revolutionsdokumente, S. 322—323, 336, 357—358.

ции не гарантированы и реставрация не исключена, в руках рабочих и солдатских Советов. Банки, крупные предприятия промышленности, а также крупная земельная собственность должны быть немедленно объявлены национальной собственностью. В остальном необходимо позаботиться о создании прочной основы, обеспечивающей переход к социалистической республике»¹. Решение Совета вызвало панику в кильских банках и губернатор Килия Носке вынужден был отправить банкирам успокаивающее письмо².

Экономические и социальные требования рабочих переплетались с политическими. 27 ноября Мюнхенский Совет направил Берлинскому Исполкому телеграмму с предложением добиться немедленного смещения с занимаемых ими постов наиболее скомпрометированных представителей старой системы, в том числе Зольфа, Эрцбергера, Давида и Шейдемана, а если правительство не устранил этих контрреволюционеров, то всеми средствами добиваться свержения такого правительства³.

Аналогичное требование было выдвинуто на 10-тысячном собрании рабочих военных предприятий Берлина, на котором выступал К. Либкнехт. Рабочие потребовали также немедленного осуществления социализации⁴.

В одном из рабочих пригородов Берлина, Нейкёльне, стоявшие во главе Совета спартаковцы предприняли попытку превратить Совет в орган революционной власти. В конце ноября была сорвана попытка социал-демократов захватить в свои руки руководство Советом⁵. Был проведен декрет о снижении квартирной платы, а 6 декабря принята «конституция рабочего и солдатского Совета». В ней устанавливалось, что Совет является высшим органом власти в городе, непосредственно осуществляет полицейскую власть и контроль над административными

¹ «Freiheit», 21. XI. 1918. Abend-Ausgabe; E. Buchner, *Revolutionsdokumente*, S. 315.

² Носке заявил в нем, что решение Совета — это только «предложение правительству», а правительство отклонило «рискованные эксперименты в области народного хозяйства. Военные займы оно безусловно гарантировало. О конфискации банковских вложений никто не думает...» — E. Buchner, *Revolutionsdokumente*, S. 315.

³ DR, S. 87.

⁴ «Die Rote Fahne», 3. XII. 1918.

⁵ См. листовку Совета Нейкёльна. — ЦПА ИМЛ, фонд 210, оп. 1, д. № 1454.

органами и войсками. Члены Совета и Исполкома могли быть в любое время отозваны. Подобные решения были приняты также в городке Мариендорф близ Берлина¹.

В Бремене в конце ноября проходили массовые митинги и демонстрации. Левые радикалы энергично выступали за продолжение революции. Совет принял требования рабочих о разоружении буржуазии и вооружении пролетариата. 3 декабря рабочий и солдатский Совет подавляющим большинством голосов высказался против восстановления бюргершафта и сената². 9 декабря рабочий и солдатский Совет Гамбурга принял решение о передаче всех складов оружия и арсеналов под контроль революционных рабочих и солдат, подтвердил требования о разоружении офицеров³.

Спартакowцы Дюссельдорфа в листовке, выпущенной в конце ноября, указывали, что революция свергла милитаризм и разрушила две дюжины тронов, но капитализм еще жив. «В царстве капитализма революция до сих пор почти ничего не изменила. Там еще господствуют, как и раньше, князья и властители, Крупны, Стиннесы, Тиссенy, Дуисберги и иже с ними... Революция еще не совершена, реакция не мертва! Поэтому объединяйтесь! Создайте блок для продолжения революции!» Листовка призывала поддержать требования «Спартакoв»: отчуждение банковского капитала, шахт, домен и других крупных предприятий, помещичьего землевладения, аннулирование военных займов, конфискация спекулятивных запасов продовольствия и т. п.⁴

20 ноября окружная конференция рабочих и солдатских Советов Нижнего Рейна в своем решении указала, что революция только еще началась и пролетариат должен продолжать борьбу вопреки центральным органам, которые проводят контрреволюционную политику и стремятся затормозить революцию. «Рабочие и солдатские Советы округа Нижний Рейн, — говорилось в резолюции, — не потерпят политики и мероприятий, которые призваны задержать развитие революции и похитить у народа его права. Контрреволюционный план спасения

¹ См. *H. Müller*, *Die Novemberrevolution*, S. 141—142.

² «*Der Kommunist*», Bremen, 29., 30. XI, 5. XII. 1918; DR, S. 321—322.

³ DR, S. 323.

⁴ «*Dokumente und Materialien*», S. 514—516.

капиталистического строя посредством созыва Национального собрания еще до обеспечения целей революции рабочие и солдатские Советы округа Нижний Рейн решительно отклоняют. Только последовательное и полное проведение революции обеспечит победу пролетариата, счастье и благополучие всего человечества!» 25 ноября был создан окружной рабочий и солдатский Совет, сформулировавший ряд конкретных требований по обеспечению общественной безопасности, продовольственному снабжению, установлению рабочего контроля и т. д.¹

В Руре и Вестфалии поднялась волна забастовок. 10 декабря на шахтах в Гамборне прекратили работу 10 тыс. горняков, и дирекция была вынуждена удовлетворить ряд экономических требований². Когда она через несколько дней попыталась нарушить данные обещания, рабочие снова прекратили работу, и 17 декабря бастовало уже 28 тыс. В борьбу втянулись рабочие и служащие Дюссельдорфа, машиностроительного завода Тиссена в Мюльгейме, Брауншвейга, рабочие и докеры Бремена и Гамбурга, металлисты Берлина. Снова бастовали горняки Верхней Силезии³.

«Ахерон пришел в движение!» — писала Роза Люксембург в «Die Rote Fahne». — «В то время как наверху, в правительственных кругах, стремятся по-мирному, по-хорошему ужиться с буржуазией, внизу поднимается масса пролетариата и грозно вздымает кулак: *Забастовки начались!*»⁴ Эта борьба, подчеркивала Роза Люксембург, является началом энергичной классовой борьбы против капитала, проявлением непосредственной активности широких масс в отстаивании своих прав, в стремлении стряхнуть с себя ярмо капиталистической эксплуатации.

Рост стачечного движения не на шутку перепугал буржуазию. «Социалистические» министры и экономисты, профсоюзные бонзы и продажные журналисты наперебой бросились уговаривать рабочих «не слушать злонамеренных агитаторов» и воздержаться от борьбы против все более наглевшего капитала. «Социализм — это работа! — поучала рабочих газета «Vorwärts». — Забастовка теперь

¹ «Dokumente und Materialien», S. 509—513.

² «Der Syndikalist», 14. XII. 1918.

³ «Der Syndikalist», 28. XII. 1918.

⁴ R. Luxemburg, Der Acheron in Bewegung. — Ausgewählte Reden., Bd. II, S. 617.

не классовая борьба, а борьба за эгоистические интересы»¹. Статс-секретарь министерства хозяйства социал-демократ Август Мюллер на страницах буржуазной печати осуждал «забастовочную лихорадку» и «неоправданные требования повышения зарплаты»². «Революция не должна выродиться в простое движение за зарплату, — вопил «народный уполномоченный» Барт. — Раньше экономическая борьба, забастовка была делом, теперь она — глупость!»³

В ответ на требования рабочих шейдемановцы и каутскианцы развернули широкую пропагандистскую кампанию, пытаясь уверить их, что относительно «социальных завоеваний революции» им нечего беспокоиться. «Капиталистическая прибыль, — демагогически заявил Эберт в одной из своих речей, — будет строго ограничена. Мы стремимся к возможно более полному устранению нетрудовых доходов. Военные прибыли должны быть по возможности без остатка изъяты, повышен налог на наследство... В принципиально социалистическом духе мы хотим обобществить те области хозяйственной жизни, которые созрели для этого...»⁴ СНУ, по предложению Гаазе, еще в ноябре создал «комиссию по социализации», в которую вошли социал-демократические «теоретики» — Каутский, Гильфердинг, Кунов и буржуазные профессора. 5 декабря комиссия собралась на свое первое заседание, а газета «Vorwärts» в напутственном слове так определила ее задачи: «Цель социализма: не повредить имуществу, а помочь неимуществу», «задача комиссии будет заключаться в том, чтобы действовать успокаивающе в том смысле, что не следует опасаться никаких неразумных экспериментов...»⁵

Уже первые заявления членов комиссии показали, чего можно было от нее ждать. Э. Бернштейн безапелляционно заявил в газете «Die Freiheit»: «Революция тем лучше сможет выполнить свои задачи, чем больше удастся возможно меньше (!) влиять на ход народного хозяйства. Самое вредное — это неорганически грубое вторжение в

¹ «Vorwärts», 2. XII. 1918.

² «Vorwärts», 26. XII. 1918.

³ См. «Der Syndikalist», 4. I. 1918.

⁴ «Vorwärts», 2. XII. 1918. Morgen-Ausgabe.

⁵ «Vorwärts», 5. XII. 1918. Morgen-Ausgabe.

хозяйственную жизнь»¹. Это, видимо, должно было означать, что самая «лучшая» революция (для буржуазии, конечно) — такая, которая оставляет всю капиталистическую систему в неприкосновенности.

К. Каутский в статье, переполненной выражениями раболепного преклонения перед «демократическими традициями» Америки и Англии и клеветническими измышлениями относительно Советской России, заявил: «Слома голову объявить все национализированным.., это значит взнуздать лошадь за хвост, значит создать переходную стадию, при которой капиталистическое производство *уже*, а социалистическое *еще* невозможно, стадию, в которой вообще невозможно разумное производство. Это значит временно остановить производство. Подобного рода социализм проводить именно сейчас, в момент демобилизации, это значит превратить Германию в сумасшедший дом»². Можно ли удивляться, что эти ренегатские откровения были немедленно подхвачены всей буржуазной печатью, перепечатаны в «Vorwärts» и вошли в арсенал всех контрреволюционеров.

Через несколько дней прикомандированные к министерству финансов социал-демократы Зюдекум и Симон в заявлении для печати потребовали, чтобы всякие «местные попытки национализации были осуждены» как вносящие дезорганизацию, «пугающие предпринимателей и толкающие их к саботажу»³. Вообще забота социал-демократических «социализаторов» о предпринимателях была поистине трогательной. Каутский, например, неустанно пропагандировал «цивилизованный метод экспроприации экспроприаторов посредством налогового обложения», настойчиво предостерегая против «прубой» конфискации имущества⁴.

9 декабря комиссия приняла «директивы о социализации». В них говорилось, что «социализация» возможна только «в результате длительного органического строительства», первым условием которого является «предварительное возрождение производства», а вторым — отчуждение должно проводиться в «созревших отраслях»

¹ «Die Freiheit», 15. XI. 1918. Abend-Ausgabe.

² «Die Freiheit», 17. XI. 1918. Morgen-Ausgabe.

³ «Die Freiheit», 23. XI. 1918. Morgen-Ausgabe.

⁴ «Die Freiheit», 25. XI. 1918. Abend-Ausgabe.

обязательно за вознаграждение¹. Из этих директив было видно, что вся деятельность комиссии направлена на спасение капиталистического строя от революционного пролетариата. Но все же немало рабочих поддалось обману и поверило широковещательной пропаганде социал-демократии, расклеившей по всей Германии яркие плакаты. «Социализация идет!»

ВСЕГЕРМАНСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ

Выборы делегатов на Всегерманский съезд Советов шейдемановцы вели под лозунгами: «Спокойствие и порядок!», «Мир и работа!», «Социализация созревших отраслей!», «Созыв Национального собрания!» Эти лозунги должны были отвлечь рабочих от революционной борьбы за свои жизненные права. Углубляя раскол в рабочем классе, шейдемановцы прикрывали его лицемерными призывами к «единству»². Независимцы, хотя и не скупились на призывы к «закреплению власти Советов», «осуществлению социализма» и т. п., не мобилизовали массы на борьбу за их реализацию, усыпляя этим бдительность рабочего класса по отношению к его врагам. Только «Союз Спартака» энергично и последовательно требовал передачи всей власти Советам, разоружения контрреволюции, вооружения рабочих. Но он не имел самостоятельной организации, которая могла бы противостоять разветвленной организации социал-демократической партии и реформистских профсоюзов.

¹ «Vorwärts», 11. XII. 1918. Abend-Ausgabe.

² В качестве примера можно привести такой плакат шейдемановцев, состоявший почти из одних восклицательных знаков: «Уже через несколько дней! — Народная республика! Равное избирательное право! Избирательное право для женщин! Избирательный возраст с 20 лет! — Все династии и их дворы исчезли! Социалистическое правительство! Рабочие и солдатские Советы повсюду! Привилегированная палата господ устранена! Трехклассная палата распущена! — Свобода собраний! Свобода союзов! Свобода печати! Свобода вероисповедания! — Разгром милитаризма! Немедленная демобилизация старших возрастов! Повышение солдатского жалованья! — 8-часовой рабочий день! Закон о челяди отменен! Предприниматели и рабочие равноправны! — Так много уже достигнуто — еще больше должно быть завоевано! Сомкните ряды! Остерегайтесь раскола! Единство!» — См. «Illustrierte Geschichte», S. 246.

Система выборов делегатов на съезд, установленная Исполкомом берлинского Совета, обеспечивала преимущества для солдат по сравнению с рабочими. «Для скорости» делегаты должны были избираться не по производственному принципу, а на территориальной основе¹. В результате шейдемановцы сумели обеспечить себе огромное преобладание на съезде: из 485 делегатов (63 мандата были признаны недействительными) на съезде оказалось 288 социал-демократов, 87 членов НСДПГ (в том числе 10 спартаковцев), 27 членов солдатской фракции, 25 членов буржуазных партий. Партийная принадлежность остальных не была определена. Из 250 делегатов, социальное происхождение которых было установлено, только 71 были рабочими, ремесленников и крестьян было 10, а служащих — 169. Более половины делегатов составляли партийные и профсоюзные чиновники².

Всегерманский съезд Советов открылся 16 декабря в зале прусской палаты депутатов. «Союз Спартака» призвал трудящихся Берлина выйти в этот день на массовую демонстрацию. Он хотел пробудить у пролетариата веру в свои собственные силы и в силу Советов, которую старались усыпить шейдемановцы и каутскианцы. Берлинские рабочие с энтузиазмом откликнулись на призыв. Грандиозная 250-тысячная демонстрация прошла под лозунгом: «За рабочие и солдатские Советы! Против Национального собрания!» У здания, где заседал съезд, перед демонстрантами выступил Карл Либкнехт.

«Первая задача съезда, — сказал он, — защитить революцию, разбить контрреволюцию: разоружить всех генералов и офицеров, уничтожить прежнюю командную власть, создать Красную гвардию для осуществления социальной революции, уничтожить гнездо контрреволюционеров, а к нему относится также — я говорю это, хотя обманутые и введенные в заблуждение пролетарии возмущаются этим, — правительство Эберта — Шейде-

¹ См. «Aufrufe» Nr. 29. Солдаты избирали 1 делегата от 50 тыс., рабочие от 200 тыс. Во многих городах (например, в Дрездене, Хемнице) территориальная система и предоставление избирательного права всем, имевшим годовой доход до 6 тыс. марок (в Дрездене) и даже до 7,5 тыс. марок (в Хемнице), открывали доступ на съезд массам мелкой буржуазии, чиновников и т. п.

² См. «Allgemeiner Kongress der Arbeiter- und Soldatenräte Deutschlands vom 16. bis 21. Dezember 1918». Stenographische Berichte. Berlin [1919] (в дальнейшем: «Allgemeiner Kongress...»).

Демонстрация трудящихся перед зданием, где заседал
Всегерманский съезд рабочих и солдатских Советов

мана...»¹ В ответ раздались шумные возгласы: «Долой шейдемановцев!» В Германии, продолжал Либкнехт, пока существует капиталистическая республика, социалистическая республика должна быть еще завоевана в борьбе против нынешнего правительства. Либкнехт потребовал от съезда, чтобы он взял всю политическую власть в свои руки, а не передавал ее Национальному собранию. Собравшиеся с воодушевлением поддержали здравицу в честь власти Советов и мировой революции.

Делегация из 10 человек, избранная тут же, передала съезду требования демонстрантов. Так как они были оставлены без внимания, на следующий день на собрании представителей предприятий Берлина была выбрана новая делегация из 45 человек. 18 декабря она, с трудом пробившись в зал заседаний, снова провозгласила свои требования, главными из которых были: «Вся власть рабочим и солдатским Советам и Исполкому как высшему законодательному и правительственному органу!»² Но съезд игнорировал эти требования и принял решение перейти к очередным делам.

Для позиции съезда было характерно то, что он дважды отклонил предложения о приглашении на съезд в качестве гостей Карла Либкнехта и Розы Люксембург³. Делегация Советской России на съезд не была допущена⁴, а внесенное спартаконцем Ф. Геккертом предложение, требовавшее немедленного восстановления дипломатических отношений с Советской Россией, было передано правительству⁵.

¹ «Die Rote Fahne», 17. XII. 1918.

² «Allgemeiner Kongress...», S. 10; W. Pieck, Die Gründung der KPD. — Reden., Bd. I, S. 105—106.

³ «Allgemeiner Kongress...», S. 27.

⁴ 29 ноября председатель ВЦИК Я. М. Свердлов в телеграмме на имя Р. Мюллера и Молькенбура выразил пожелание направить на съезд германских Советов делегацию, «которая могла бы рассказать о положении русской революции и получить информацию о положении революции в Германии». — См. «Geschichte in der Schule». Berlin 1956, Heft I, S. 27. В этот же день Исполком берлинского Совета принял специальное решение о том, что он приветствует приезд делегаций и просит правительство принять все меры для ее беспрепятственного проезда через границу. Но под давлением СНУ Исполком 10 декабря отменил свое приглашение. Уже выехавшая делегация была задержана в Двинске. — См. «Aufrufe» Nr. 34; «Vorwärts», 11. XII. 1918. Morgen-Ausgabe.

⁵ «Allgemeiner Kongress...», S. 177.

20.12.18

Дорогой Владимир!
Пользуюсь поездкой
Дяди, чтобы переслать
всем вам сердеч-
ный привет от наша-
ней семьи, Карла
Франца и других. Дай
Бог, чтобы грядущий
год всем нам бы-
л самым счастливым.

Всего хорошего!

О нашем житье-бытье
расскажет дядя.

Целую Вас всех,
люблю и приветствую
Роза

Факсимиле письма Розы Люксембург
В. И. Ленину от 20 декабря 1918 года

20.12.18

Дорогой Владимир!

Пользуюсь поездкой дяди, чтобы переслать всем вам
сердечный привет от нашей семьи, Карла [Либкнехта],
Франца [Меринга] и других. Дай бог, чтобы грядущий
год все наши желания исполнил.

Всего хорошего!

О нашем житье-бытье расскажет дядя.

Пока вам рукопожатия и приветы

Роза

Отчетный доклад председателя Исполкома берлинского Совета независимца Р. Мюллера представлял собой сплошную жалобу на то, что СНУ оттеснял Исполком от решения важнейших вопросов и пытался вообще его ликвидировать¹. В содокладе СНУ Дитман настаивал на скорейшем проведении выборов в Национальное собрание, утверждая, что социалистическое большинство на выборах твердо обеспечено². После бурных дебатов съезд отклонил резолюцию, внесенную спартаковцами Е. Левине, Ф. Геккертом и др., осуждавшую правительство Эбурта — Гаазе³. Шейдемановцам удалось провести прямо противоположную резолюцию Людемана. Она устанавливала, что «впредь до окончательного решения Национального собрания» вся законодательная и исполнительная власть передается съездом Совету народных уполномоченных⁴.

Таким образом, Центральный Совет, который съезд должен был избрать, мог только «контролировать» общегерманский и прусский кабинеты, осуществляя право «парламентского надзора». Тем самым вся полнота власти сосредоточивалась в руках правительства, а Центральный Совет получал еще меньше прав, чем имел бессильный Исполком берлинского Совета. Недаром один из делегатов метко назвал эту неограниченную диктатуру правительства «шестиглавым абсолютизмом»⁵.

17 декабря на съезде появилась делегация солдат берлинского гарнизона с табличками, на которых были написаны номера полков. От их имени выступил Дорренбах. Делегация выдвинула требования: Верховный солдатский Совет должен осуществлять командную власть в армии, матросский Совет — во флоте; знаки различия должны быть отменены, офицеры разоружены; солдатские Советы несут ответственность за надежность и дисциплину частей. В результате обсуждения этих требований съезд принял резолюцию, в основу которой был положен компромиссный проект, внесенный представителями солдат-

¹ «Allgemeiner Kongress...», S. 14—18.

² Там же, стр. 23.

³ Там же, стр. 88. Проект резолюции гласил: «Всегерманский съезд рабочих и солдатских Советов заявляет, что деятельность народных уполномоченных направлена на систематическое уничтожение власти рабочих и солдатских Советов и поэтому служит укреплению контрреволюции».

⁴ Там же.

⁵ Делегат НСДПГ Обух. — Там же, стр. 147.

ского Совета Гамбурга. В резолюции, получившей название «7 гамбургских пунктов», уже не было требования передачи командной власти солдатским Советам и разоружения офицеров. Но тем не менее в ней содержалось положение о том, что в гарнизонах командная власть должна осуществляться местными Советами по согласованию с верховным командованием. В ней говорилось о выборности офицеров, об отмене знаков различия и командной власти офицеров вне службы, об ответственности солдатских Советов за надежность и дисциплину части¹.

С докладом по основному вопросу — «Национальное собрание или система Советов» — на съезде выступил правый социал-демократ Макс Коэн. Он воспользовался трибуной, чтобы обрушить потоки самой низкопробной клеветы на Советскую Россию. Представляя власть Советов в самом неприглядном виде, он пытался запутать немецкий народ. Он нагло утверждал, что рабочие и солдатские Советы неспособны обеспечить руководство страной, так как они якобы «выражают только волю части народа», а между тем, заявил он, нельзя «вести государственное хозяйство против воли буржуазных кругов и интеллигенции». Поддержку же этих кругов может дать только Национальное собрание².

Яснее выразить интересы буржуазии было трудно. Однако Шейдеману показалось слишком опасным даже весьма скромное заявление Коэна, сделанное им, чтобы подсластить пилюлю, что «рабочие разовьют в других областях деятельность, которая может быть благоприятна для народа». Шейдеман в своей речи категорически заявил: «Длительное существование рабочих и солдатских Советов означало бы... абсолютно верное разрушение нашей торговли и промышленности, абсолютно верную гибель государства, т. е. безграничное несчастье для всего немецкого народа»³.

После бурных дискуссий резолюция, внесенная независимцем Деймигом и предлагавшая сохранить систему Советов «в качестве основы конституции социалистической республики», была отклонена 344 голосами против 98⁴. По предложению Коэна съезд принял решение о

¹ «Allgemeiner Kongress...», S. 61—62, 95—96, 173, 181.

² См. там же, стр. 106, 110, 112.

³ Там же, стр. 135.

⁴ Там же, стр. 142, 150.

назначении выборов в Национальное собрание на 19 января, т. е. на четыре недели ранее первоначально намеченного срока¹.

Во время выборов Центрального Совета независимцы потребовали сохранения принципа паритета. Когда шейдемановцы с этим не согласились, независимцы демонстративно отказались от участия в Центральном Совете и он был составлен из одних только правых социал-демократов.

После принятия нужных им решений лидеры шейдемановцев считали дальнейшую работу съезда излишней и предложили спясть с повестки дня намеченные доклады Гильфердинга о «социализации» и Ледебуря о заключении мира. Лишь шумные протесты рабочих, находившихся на трибунах, заставили съезд заслушать доклад Гильфердинга. В докладе, прочитанном при полупустом зале, не было, впрочем, ни одной новой мысли, кроме разве той, что проведение «социализации» будет возможно только в том случае, если в Национальном собрании будет социалистическое большинство².

Главным итогом Всегерманского съезда Советов, заседавшего в течение пяти дней, было то, что он отказался от сосредоточения в руках Советов всей власти в стране и добровольно согласился передать власть Национальному собранию, а до его созыва — правительству. Подтвердилась ироническая характеристика, высказанная одним из делегатов, что съезд — это «клуб политических самоубийц».

Не удивительно, что буржуазная печать с ликованием встретила эти решения съезда Советов. Так, газета «Berliner Tageblatt» писала: «Радует то, что съезд Советов укрепил власть правительства народных уполномоченных... Это облегчит постепенное упразднение системы Советов»³. А правая газета «Nationalzeitung» добавляла: «Самые серьезные заботы биржи — опасность большевизма и общей социализации промышленности — могут считаться теперь преодоленными»⁴.

¹ «Allgemeiner Kongress...», S. 141.

² Там же, стр. 160—161.

³ «Berliner Tageblatt», 20. XII. 1918.

⁴ Радио Науэн сообщало 23 декабря: «Заседания съезда Советов вызвали большое колебание ценных бумаг на бирже, но назначение выборов в Учредительное собрание привело к общему успокоению». — См. «Правда», 25. XII. 1918.

Большинство местных рабочих и солдатских Советов довольно спокойно отнеслось к итогам съезда Советов, некоторые даже приветствовали решение о приближении срока выборов в Национальное собрание. Лишь немногие Советы осудили решения съезда. Среди них был рабочий и солдатский Совет Лейпцига. Он назвал эти решения «государственным переворотом Центрального Совета», потребовал от лидеров НСДПГ выхода из правительства, выразил недовольство отклонением резолюции о немедленном восстановлении дипломатических отношений с Советской Россией. Совет заявил, что сохранит политическую власть в Лейпциге в своих руках¹. Выступая на собрании Берлинского рабочего Совета, Р. Мюллер жаловался, что решения съезда ущемляют Советы, а без их участия невозможны никакие социалистические мероприятия².

Решения Всегерманского съезда Советов явились показателем того, как намерены были решить коренной вопрос германской революции — власть Советов или Учредительное собрание? — оказавшиеся во главе Советов шейдемановцы и каутскианцы. Однако действительное решение этого вопроса могло быть достигнуто не путем голосования на съезде с подтасованным составом делегатов, а лишь в процессе острой классовой борьбы. Поскольку пролетариат имел еще оружие и поддержку некоторой части революционных солдат, только силой мог окончательно решиться вопрос о власти. Контрреволюция усиленно готовилась к этой схватке.

«КРОВАВЫЙ СОЧЕЛЬНИК»

Еще во время работы съезда верховное командование заявило правительству решительный протест против требований солдат о демократизации армии. Гинденбург и Грёнер недвусмысленно дали понять Эберту, что, если эти требования будут приняты, офицеры откажутся от службы, будет нарушена демобилизация, поставлено под угрозу перемирие³. Принятие съездом «гамбургских пунктов» было встречено военщиной в штыки. Гинденбург

¹ «Die Rote Fahne», 24. XII. 1918.

² Там же.

³ См. «Darstellungen...», Bd. VI, S. 23.

разослал всем командующим армиями секретную телеграмму, в которой сообщал, что не признает решений съезда Советов¹.

Для обсуждения создавшегося положения Эберт 20 декабря созвал объединенное заседание кабинета и нового Центрального Совета. Генерал Грёнер и майор генерального штаба Шлейхер демонстративно явились в парадных мундирах со всеми регалиями. Ультиматум Грёнера, пригрозившего, что он уйдет в отставку вместе с Гинденбургом, произвел желаемое действие. Вопреки постановлению съезда здесь было решено, что «гамбургские пункты» вступят в силу для тыловых войск только после издания правительственных «разъяснений», а на фронтовые части вообще не будут распространяться².

Верховное командование торопило правительство использовать войска генерала Леки, собранные под Берлином, так как и среди них началось «разложение», проявившееся прежде всего в том, что солдаты, не дожидаясь обещанной демобилизации, попросту оставляли свои части и накануне рождества расходились по домам. На солдат оказывали большое влияние соприкосновение с рабочими столицы, а также революционная агитация спартаковцев. В результате от 9 дивизий через две недели осталось не более 1200 штыков, главным образом в частях гвардейской кавалерийской (стрелковой) дивизии³.

Чтобы создать повод для вооруженного выступления контрреволюционных войск, правительство и военная комендатура решили спровоцировать «беспорядки» со стороны Народной морской дивизии. После путча 6 декабря, когда выяснилось, что матросы тесно связаны с рабочими Берлина и все более активно выдвигают революционные требования, против них была развернута клеветническая кампания. Им предъявили обвинение в хищении ценностей чуть ли не на миллион марок во дворце, который они охраняли⁴. Им систематически задерживали выплату

¹ См. *H. Müller*, *Die Novemberrevolution*, S. 183; DR, S. 182.

² См. *H. Müller*, *Die Novemberrevolution*, S. 184—186.

³ См. «*Darstellungen...*», Bd. VI, S. 38—40.

⁴ Впоследствии специальная комиссия прусского ландтага, занимавшаяся расследованием событий в Берлине в декабре 1918 г. — январе 1919 г., должна была признать, что матросам нельзя было предъявить каких-либо обвинений. Напротив, комендантом Радтке было создано специальное уголовное отделение, сумевшее предотвра-

жалованья, а 23 декабря от них потребовали, чтобы они немедленно освободили дворец. Руководители дивизии готовы были пойти на известные уступки, в том числе и освободить дворец, чтобы достигнуть соглашения. Группа матросов во главе с Дорренбахом отправилась в имперскую канцелярию и передала ключи от дворца члену СНУ Барту. Но комендант Вельс, по приказу которого уже с утра все части комендатуры были приведены в боевую готовность, отказался выдать матросам жалованье. Дорренбах отправился к Эберту, но не нашел его. Тогда моряки, сопровождавшие Дорренбаха, вместе с караулами морской дивизии, несшими охрану имперской канцелярии, закрыли входы и выходы и прервали на несколько часов телефонную связь¹.

Ничего не добившись в правительстве, Дорренбах с группой матросов отправился для переговоров в комендатуру. Но Вельс по-прежнему отказывался выплатить матросам деньги. В это время сопровождавшие Дорренбаха матросы, терпеливо ожидавшие на улице результата переговоров, были неожиданно обстреляны войсками комендатуры из здания университета и из шодъехавшего броневика. Один матрос и один солдат «республиканской охраны» были убиты, трое тяжело ранены. Возмущенные моряки ворвались в комендатуру, арестовали Вельса и его заместителей и отвели их в манеж в качестве заложников.

Генерал Грёнер, военный министр Шейх и генерал Леки, которых Эберт и Вельс известили о событиях, сочли момент для выступления войск против матросов и рабочих Берлина очень удачным. Вечером войска Леки стали вступать в Берлин и окружать имперскую канцелярию, охраняемую матросами. Только когда Эберт пообещал матросам, что войска Леки вернутся на свои квартиры, моряки покинули здание правительства. Большая часть матросов оставила здания дворца и манежа. Так как дело происходило в канун рождества, многие разошлись по домам. В это время Эберт, нарушив только что

тить ряд хищений со стороны прислуги дворца. — См. «Verfassunggebende Preussische Landesversammlung 1919/1921. Untersuchungsausschuss. Niederschriftenband über die erhobenen Beweise zum Bericht über die Januarereignisse 1919 in Berlin» (в дальнейшем: «Untersuchungsausschuss»), S. 337—339.

¹ См. K. Wrobel, Die Volksmarinedivision, S. 91—92.

данное обещание, дал генералу Грёнеру согласие на ввод в Берлин главных сил войск Леки¹.

В ночь на 24 декабря в Берлин вошли части гвардейской кавалерийской (стрелковой) дивизии, усиленные некоторыми другими подразделениями. На рассвете войска, предъявив матросам ультимативное требование о капитуляции, начали артиллерийский обстрел дворца и манежа, в которых оставалось немногим более 100 матросов. Сильно повредив главный портал дворца, уланы предприняли штурм и заняли часть здания. Но матросы, обоюбившие манеж, не сдавались. Артиллерийский обстрел продолжался уже около полутора часов. Тогда матросы, выбросив белый флаг, освободили из-под ареста коменданта Вельса.

К этому времени весь город облетела весть о событиях у дворца и манежа. Гудели заводские гудки, к месту боя стекались матросы дивизии, а также большие массы рабочих, главным образом с северных окраин города; среди них были женщины и дети². Смешавшись с солдатами правительственных войск, они вынудили их отступить; многие солдаты были разоружены, с офицеров срывали погоны. Сюда же прибыли «отряды безопасности» полицей-президента Эйхгорна. Среди солдат «республиканской охраны» начались колебания. Правительство, убедившись в провале своей провокации, приказало войскам прекратить огонь³.

Войска Леки вынуждены были вернуться на свои квартиры, не выполнив задачи: им не удалось ни разоружить рабочих и матросов, ни занять главные стратегические пункты столицы. Правительство выразило войскам благодарность за их «верность» и надежду, что они ее сохраняют...⁴ Моряки и рабочие одержали победу, но не сумели ее использовать. В результате переговоров Народ-

¹ См. «Der Dolchstoß-Prozess», S. 224—225.

² Авторы «Darstellungen...» говорят о 100 тысячах человек. — «Darstellungen...», Bd. VI, S. 41.

³ Там же, стр. 42; K. Wrobel, Die Volksmarinedivision, S. 96—100.

⁴ «Darstellungen...», Bd. VI, S. 43. События этого дня серьезно подорвали моральный дух солдат. Майор Гарбу вечером телеграфировал верховному командованию: «Части войск группы Леки больше непригодны... Имеются только остатки боеспособных соединений... Рекомендую распустить группу...» — См. E. Volkman, Revolution über Deutschland, S. 163.

Ворота дворца после артиллерийского обстрела
правительственными войсками 24 декабря
1918 года

ная морская дивизия была включена в состав «республиканской охраны», обязавшись оставить дворец и не участвовать в будущем в выступлениях против правительства.

«Кровавый сочельник» вызвал всеобщее негодование берлинских рабочих; число жертв превышало 60 человек¹. На следующий день состоялась массовая демонстрация, на которой матросы братались с рабочими. Вельс вынужден был уйти с поста военного коменданта. Возвра-

¹ Опубликованные цифры о потерях противоречивы. «Illustrierte Geschichte», S. 257, указывает, что матросы потеряли 11 человек, а войска — 56. В «Darstellungen...», Bd. VI, S. 42, говорится, что войска потеряли убитыми 2 человека, а матросы и рабочие — 56. Последние цифры явно фальсифицированы.

щаяся с демонстрации, группа рабочих заняла здание типографии и редакции социал-демократической газеты «Vorwärts». Во дворе рабочие обнаружили броневик, а в помещениях станковые пулеметы и ящики с ручными гранатами. В типографии им на глаза попала погромная антисоветская листовка. Возмущенные рабочие прекратили на два дня выход газеты, выпустив несколько листовок под заглавием «Der rote Vorwärts»¹. В день похорон жертв провокации, 29 декабря, состоялась новая многотысячная демонстрация. Демонстранты несли плакат: «Убийцы матросов, проклятие вам: Эберт, Ландсберг и Шейдеман»². Рабочие заводов Даймлера, фирм Шток, Вернер, заводов «Дейче моторенверке» и других требовали создания Красной гвардии.

Неудачу рождественской провокации реакционные силы, стоявшие за спиной правительства, расценили как проявление его «слабости» и «нерешительности». Они стали открыто нажимать на него, требуя энергичных действий. «Если правительство сейчас не победит полностью, — писала «Deutsche Tageszeitung», — оно проиграло игру, оно окажется неспособным... *управлять*». Газета «Lokal-Anzeiger» требовала от правительства поставить «силу против силы»³. Очевидно с целью подстегнуть социал-демократов буржуазная печать распространила слух о выдвижении кандидатуры генерала Грёнера на пост будущего президента⁴. Газета «Vorwärts», оказавшаяся 27 декабря снова в руках шейдемановцев, еще активнее, чем прежде, развернула травлю спартаковцев.

Провал второго в декабре выступления контрреволюции вызвал *правительственный кризис*. Лидеры независимцев, после 6 декабря покрывшие преступление Эберта

¹ В «Der rote Vorwärts» было опубликовано воззвание к революционным рабочим. В нем между прочим говорилось: «Члены кабинета Эберт, Шейдеман и К⁰ должны освободить свои места. Их места должны занять действительно социалистические представители пролетариата». — Фонды Государственного музея революции СССР. № 16.937/110, Л 443—2Б. В листовке «Ultimatum an die Ebert—Regierung» от имени берлинских рабочих и солдат выражалось ультимативное требование немедленно осуществить принятое съездом Советов решение о командной власти в армии («гамбургские пункты»). — См. там же, № 7514/110, Л 443—2Б₁.

² R. Müller, Der Bürgerkrieg in Deutschland, Berlin 1925, S. 20.

³ См. «Die Rote Fahne», 25. XII. 1918.

⁴ См. «Der Syndikalist», 4. I. 1919.

и К⁰, теперь не могли уже этого сделать без риска окончательно потерять доверие своих сторонников. 29 декабря независимцы заявили о своем выходе из правительства¹. Кризис власти был показателем растущего недовольства народных масс политикой шейдемановцев, свидетельством начавшегося падения их авторитета.

Выход лидеров независимцев из правительственной коалиции с шейдемановцами не означал, однако, прекращения их фактического союза вне правительства. Каутскианцы жаловались, что их «выдворили» и продолжали, по меткому выражению Розы Люксембург, служить «фиговым листком» для Эберта — Шейдемана. В состав правительства были включены два правых социал-демократа — Виссель и Носке, являвшиеся ревностными сторонниками еще более полного подчинения социал-демократии монополистам и военщине². Дело явно шло к дальнейшему обострению пражданской войны, развязанной буржуазией против рабочих.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЭБЕРТА И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

Всеми средствами стараясь удержаться у власти и подавить растущее недовольство рабочих и революционных солдат, правительство Эберта и К⁰ одновременно прилагало максимум усилий, чтобы заручиться поддержкой и помощью со стороны наиболее реакционных сил международного империализма.

Не только для политиков и дипломатов кайзеровской школы, но и для руководящих деятелей социал-демократии как шейдемановского, так и каутскианского толка, не существовало дилеммы относительно «восточной» или «западной» ориентации. Они без колебаний стали на путь сближения с капиталистическим Западом против Совет-

¹ 3 января 1919 г. независимцы вышли также из прусского правительства.

² Р. Виссель был с 1908 г. членом Центрального рабочего секретариата СДПГ и одним из участников разработки «делового сотрудничества» с монополистами. Г. Носке, считаясь «специалистом» по вопросам армии и флота, во время войны был прикомандирован к генеральному штабу в качестве корреспондента военного прес-бюро. Очевидно в это время у него завязались те близкие связи с видными офицерами, которыми он впоследствии похвалялся.

ской России, которая самым фактом своего существования распатывала мировую капиталистическую систему и способствовала росту революционного самосознания трудящихся масс в странах капитала.

Германские политики понимали, что после четырехлетней разрушительной войны Германии не приходится рассчитывать на снисходительность со стороны Антанты, особенно Франции, тяжело пострадавшей от германского вторжения. Но тем большие надежды они возлагали на Соединенные Штаты Америки. Уже в ноябре 1918 г. правый социал-демократ Э. Гейльманн в статье «Революция на перепутье» откровенно провозгласил, что проамериканская ориентация должна быть определяющей не только для внешней, но также и для внутренней политики Германии. «Право окончательного решения вопроса о том, насколько далеко мы можем зайти в процессе социализации, — писал он, — принадлежит сейчас не ученой коллегии экономических экспертов, а президенту Вильсону...»¹

Раболепие перед заокеанскими миллиардерами и президентом Вильсоном стало общим для всех деятелей, стоявших на страже капиталистического строя, — от каутскианцев до консерваторов. Каутский в выпущенной им брошюре увидел «корни вильсоновской политики» как раз там, где их не было и быть не могло — в «независимости» Вильсона от империалистов своей страны². Видный идеолог либеральной буржуазии Макс Вебер писал 18 ноября 1918 г.: «Решающее сейчас, — удастся ли подавить... Либкнехта... Если дело пойдет плохо, тогда надо будет, желаем ли мы того или нет, предоставить американцам устать порядок...»³ Через неделю он столь же откровенно заявил, что «англосаксонское мировое господство является фактом», и внешняя политика Германии должна из этого исходить. В частности, он предлагал во что бы то ни стало добиваться получения американских кредитов⁴. Еще циничнее рассуждали о возможности иностранной

¹ «Die Glocke», Heft 34, November 1919.

² K. Kautsky, Die Wurzeln der Wilson-Politik, Berlin 1919.

³ Max Weber, Gesammelte politische Schriften, S. 482—484.

⁴ Там же, стр. 345, 378—379. Он писал при этом, что социал-демократы без буржуазии не получают американских кредитов, но их может получить «любой образованный крупный буржуазный организатор, даже с опустошенным портмоне; может быть в этом случае хорошо оплаченный агент американских капиталистов».

оккупации представители военщины. Пресловутый генерал Гофман записал в своем дневнике, что, если революционные рабочие придут к власти, то «Берлин займет Антанта. Такие перспективы не очень отрадны, но все же это страховка»¹.

В госдепартаменте США с первых дней германской революции самым тщательным образом собирали и изучали информацию о развитии событий в Германии. Во второй половине ноября в Вашингтоне было получено через Лондон сообщение, исходившее от статс-секретаря иностранных дел Зольфа: «Ситуация в Берлине не такова, какой ее изображают газеты. Позиция нынешнего правительства менее устойчива, в то время как радикальные элементы берут верх... Единственное, что может обеспечить восстановление порядка — это страх перед немедленным военным вторжением...»² Другие информаторы из Германии указывали, что для помощи правительству Эберта необходимо, чтобы Антанта обещала послать продовольствие и чтобы Вильсон прямо заявил об этом до выборов³. Наиболее рьяные германские «шатриоты» шли еще дальше и упрасивали Антанту... предъявить Германии ультиматум, требующий под угрозой прекращения перемирия и вступления американских войск, чтобы были устранены «революционные глупости»: красные кокарды, красные флаги, власть солдат над офицерами и т. п., а Национальное собрание было созвано немедленно⁴.

Эти сообщения падали на благоприятную почву, ибо в самом госдепартаменте имелись влиятельные лица, считавшие необходимым немедленное энергичное вмешательство правительства США во внутригерманские дела. Упомянувшийся выше Уильям Буллит 25 ноября передал через государственного секретаря Лансинга президенту Вильсону пространную докладную записку о положении в Германии. В настоящий момент, отмечал он, власть в Пруссии и Баварии находится в руках «наиболее приличных в Германии людей — умеренных социал-демократов

¹ *M. Hoffmann*, *Aufzeichnungen*, Bd. I, S. 223.

² PPS, v. II, p. 95. Сообщение британского поверенного в Вашингтоне Лансингу, 20. XI. 1918.

³ PPS, v. II, p. 97. Донесение посла США в Дании Грант-Смита, 21. XI. 1918.

⁴ PPS, v. II, p. 97. Донесение вице-консула США в Цюрихе Макнэлла, 21. XI. 1918.

и их близких союзников из других прогрессивных партий»¹. Но опасность, что это правительство не удержится, велика, и Буллит предлагал поэтому поддержать правительство Эберта, оказав ему экономическую и политическую помощь, ибо в противном случае «диктатура Либкнехта — Меринга, подобная петроградской, будет немедленно установлена в Берлине»². Буллит указывал на необходимость «улучшить определенные условия перемирия», послать в Германию продовольствие и предлагал, чтобы президент Вильсон сказал об этом «нужное слово в нужный момент». Он настоятельно рекомендовал «немедленно установить самые тесные неофициальные связи с правительством Эберта»³. Лансинг, целиком разделяя точку зрения Буллита, поддержал ее перед президентом⁴.

Международная обстановка не позволяла руководителям США завязать открытые сношения с правительством Германии⁵, но первые неофициальные контакты с правительством Эберта — Гаазе были установлены довольно скоро. Как раз в эти дни в Берлине появились первые корреспонденты американских газет⁶, выполнявшие, видимо,

¹ РРС, в. II, р. 97. Донсесние вице-консула США в Цюрихе Макнэлла, 21. XI. 1918.

² Буллит пытался провести параллель между революцией в России и революцией в Германии. Он сопоставлял правительство князя Львова и Макса Баденского, Керенского и Эберта, Ленина и Либкнехта. Любопытно, что падение Керенского Буллит объяснял отчасти тем, что союзники и США «недостаточно вмешались во внутренние дела России и мало помогли Керенскому». «Поэтому сейчас, — продолжал он, — наибольшая опасность заключается в том, что Эберт падет из-за того, что Антанта и США никак не хотят принять за чистую монету его призывы о материальной и моральной помощи». — Там же, стр. 99—100.

³ Там же, стр. 101.

⁴ РРС, в. II, р. 101—102. Лансинг — Вильсону, 25. XI. 1918.

⁵ Президент США не без основания опасался в этом случае резкого противодействия со стороны Франции и Англии (особенно первой), а также возмущения общественности в самой Америке, что могло привести к срыву мирной конференции, которой Вильсон придавал большое значение. Лансинг вынужден был снять свое предложение о посылке в Берлин Гувера. — См. РРС, в. II, р. 102. Телеграмма Лансинга Хаузу, 25. XI. 1918; там же, стр. 107. Записка французского посла в Вашингтоне Жюссера Лансингу, 1. XII. 1918 и др.

⁶ См. «Berliner Tageblatt», 26. XI. 1918. Американские корреспонденты появились в Берлине раньше других иностранных газетчиков. Один из них прилетел из Меца на самолете, другие приехали на автомобиле.

по совместительству еще и другие функции. Один из них имел доверительную беседу с Шейдеманом. Шейдеман сказал ему, что «оппозиция против Национального собрания исчезнет, если Вильсон заявит, что мир может быть заключен только с Национальным собранием или с правительством, которое опирается на него»¹. В таком же духе высказывались и некоторые лидеры независимцев. Так, О. Кон в секретной беседе с американскими дипломатическими агентами сказал, например, что в Германии «анархию(?) невозможно подавить военными средствами, как того хочет Фош, а до него хотел Людендорф... Она может быть предотвращена, если Америка поможет Германии, как обещал президент Вильсон в послании конгрессу...»² Так, «зависимые» и «независимые» социал-демократические главари в тайне от своего народа стоваривались с американскими душителями и жандармами Европы, призывая их, по сути дела, к интервенции против собственной страны.

Непосредственными проводниками проамериканского курса в правительстве были статс-секретарь иностранных дел Зольф и глава комиссии по перемирию М. Эрцбергер³. Когда в середине декабря Эберт вынужден был уступить требованиям рабочих и расстаться с Зольфом, его место занял граф Брокдорф-Рантцау, бывший посол в Копенгагене. Свою точку зрения на внутреннюю политику Брокдорф-Рантцау высказал в письме на имя Шейдемана 9 декабря. Излагая условия, на которых он соглашался принять пост статс-секретаря, Брокдорф-Рантцау писал, что считает «безусловно необходимыми решительные шаги против большевистских происков и их руководителей, вплоть до крайних мер., включая пролитие крови...»⁴ Это условие не смутило шейдемановцев.

О внешнеполитической позиции Брокдорфа ясно свидетельствовало конфиденциальное заявление, сделанное им американскому дипломату: «Германия и Америка, —

¹ PPS, v. II, p. 103. Донесение Грант-Смита Лансингу, 26. XI. 1918.

² PPS, v. II, p. 118. Донесение Грант-Смита Лансингу, 10. XII. 1918. О. Кон имел беседу с клерком американской миссии Ч. Вицлебеном и вторым секретарем миссии США в Дании Л. Осборном.

³ См. *M. Erzberger, Erlebnisse im Weltkrieg*, Stuttgart—Berlin 1920, S. 365—366.

⁴ См. *H. Müller, Die Novemberrevolution*, S. 159—160.

сказал он, — имеют общие интересы, они сродни друг другу и могут в будущем выгодно сотрудничать...»¹

Ведение переговоров о продлении перемирия, которые открылись 12 декабря 1918 г. в Трире, куда переехал штаб Фоса, было снова поручено Эрцбергеру. Опираясь на уже приобретенный опыт, Эрцбергер считал, что широкое использование жупела «большевистской опасности» поможет ему добиться дальнейшего смягчения условий перемирия, а затем и более благоприятных условий мира. Германская делегация вручила союзникам ноту, в которой Германия предлагала Антанте «совместно бороться против большевизма на Востоке»². Поскольку, однако, Антанта колебалась разрешить Германии использовать в Прибалтике два крейсера, Эрцбергер в поте от 27 декабря снова заверял: «Мы и наши войска тоже видим в большевизме чрезвычайно большую опасность» и «делаем все, что в наших силах, чтобы посредством призывов, разъяснительной работы и замены усталых частей свежими противодействовать... усталости наших войск...»³

Заискивая перед американцами и предлагая Антанте свои услуги в борьбе против Советской России, социал-демократические правители одновременно старались запугать свой собственный народ угрозой иностранного вторжения, к которому сами призывали. В газете «Vorwärts» и других чуть ли не каждый день появлялись устрашающие сообщения, что Антанта потребовала (или собирается потребовать) немедленной ликвидации всех Советов, что, если к власти придут «Ледебур или Либкнехт», вся страна будет немедленно оккупирована войсками Антанты, что в случае восстановления дипломатических отношений с Советской Россией Германия не получит обещанного продовольствия и т. д. и т. п.

В начале декабря в Берлине и других городах Германии стали появляться военные миссии западных держав: французская (во главе с генералом Ш. Дюпоном), английская (во главе с полковником Селуэллом), американская (во главе с бригадным генералом Дж. Херрисом) и другие.

¹ РРС, в. II, р. 163. Доклад Дрезела секретарю комиссии по мирным переговорам Грю. Париж, 10. I. 1919.

² «Verhandlungen der Verfassunggebenden deutschen Nationalversammlung. Stenographische Berichte» (в дальнейшем: VDNV), Bd. 326, S. 197, 528; *M. Erzberger, Erlebnisse im Weltkrieg*, S. 341—343.

³ VDNV, Bd. 327, S. 1063.

Кроме официальных военных миссий, которые должны были заниматься репатриацией союзных военнопленных и контролировать выполнение условий перемирия, Германию стали наводнять различные неофициальные военные и гражданские миссии, беззастенчиво занимавшиеся шпионажем и оказывавшие определенное давление на германские правящие круги и общественное мнение.

Особенно широкую деятельность развернули американцы. Атташе французской военной миссии в Берлине Амбруаз Гот в своих воспоминаниях рассказывает: «Англичане и итальянцы занимались мелкими делами, ...мы приехали, чтобы показать, что мы существуем¹, янки, более практичные, приехали, чтобы делать деньги, чтобы пащупать почву, расчистить ее, пробить новые пути для своих коммерсантов»².

27 декабря в Германию прибыла специальная секретная американская миссия во главе с доверенным лицом президента Вильсона Эллисом Дрезелом. Миссия, по-видимому, имела задачу установить тот «тесный неофициальный контакт» с правительством Эберта — Шейдемана, который рекомендовал еще в ноябре Буллит. Посетив Мюнхен, Берлин и другие города, члены комиссии встретились с многими видными политическими и общественными деятелями Германии³. Задача миссии не исчерпывалась осведомительными целями, и Дрезел оказал немалое давление на правящие круги Германии в желаемом для американцев направлении.

Дрезел в своем отчете с удовлетворением отметил, что как в социал-демократических кругах, так и в кругах промышленников и дипломатов он встретил желание установить дружественные связи с Америкой, причем многие

¹ Этой излишней «скромности» противоречит сообщение самого Гота, что, помимо миссии генерала Дюнона, в Германии находилась еще миссия генерала Гайярда, занимавшаяся вопросами возмещения, миссия генерала Сильвестра, неизвестно чем занимавшаяся, гражданская миссия («сугубо профессорская») во главе с Гагени (бывшим директором пресс-бюро в Берне), кроме того группы офицеров, посещавших лагерь для военнопленных, тюрьмы и т. д. — См. *A. Got, L'Allemagne après la débâcle. Impressions d'un attaché a la mission française a Berlin, Strasbourg 1920, p. 104.*

² Там же.

³ Меньше чем за неделю члены миссии получили интервью у 23-х немецких деятелей, не считая сотрудников министерства иностранных дел.

считали подходящей разменной монетой совместную эксплуатацию России. Дрезел выразил свою полную солидарность с точкой зрения германских «деловых кругов», которую он передавал следующим образом: «Очевидно, что нациями, которым предназначено навести порядок в России, являются Германия и Америка. Америка не сможет выполнить это дело одна, но и Германия не достигла до сих пор цели из-за недостатка опыта в обращении с русским народом и занятости войной в других местах... Теперь Германия имеет уже необходимый опыт, и вместе оба правительства в состоянии организовать всю страну и развить ее ресурсы...» Между «дельцами» подразумевалось без лишних слов, что под «наведением порядка», «организацией» и «развитием ресурсов» России следовало понимать ограбление и закабаление страны. На основании своих бесед Дрезел пришел к выводу, что Америка может получить «реальную выгоду» от союза с немецкими «деловыми людьми»¹.

Дрезел охотно поддержал перед президентом США пожелания германских деятелей о смягчении условий перемирия, сочувственно отнесся к просьбам о долларом займе, о посылке продовольствия и сырья. Дрезел просил также президента сделать политическое заявление, что Антанта не заключит мира и не даст продовольствия правительству, не опирающемуся на Национальное собрание. Такое заявление, представлявшее собой прямое вмешательство во внутренние дела Германии, Дрезел считал особенно целесообразным накануне выборов².

Дрезел с похвалой отзывался о социал-демократических лидерах, отметив, что они «имеют опыт в административных делах, являются практическими людьми здравого смысла и умеренных идей. Они не связывают своих взглядов с непременным социальным переустройством государства в соответствии с идеями К. Маркса и других социалистических писателей. Они понимают также необходимость сотрудничать... с другими (буржуазными. — Я. Д.) партиями для стабилизации правительства»³. В то же время Дрезел объявил главной слабостью правительства то, что оно якобы проявляет «нежелание

¹ РСС, т. II, р. 138. Доклад Дрезела секретарю комиссии по мирным переговорам Грю, Париж, 10. I. 1919.

² Там же, стр. 139, 144.

³ Там же, стр. 134.

проливать кровь, особенно перед выборами», и отметил «недостаток реальной военной организации в настоящий момент»¹. Считая, что, по сложившемуся у него впечатлению, серьезное столкновение с революционерами неизбежно еще до выборов, Дрезел высказал надежду, что правительство все же не допустит срыва выборов².

Из всех социал-демократических лидеров Дрезелу более всего импонировал Носке. «Носке энергичен, — записал Дрезел, — и мне, откровенно говоря, кажется, что у него достаточно сил, чтобы быть в состоянии подавить бунт или беспорядки, которые могут возникнуть и которые он ясно предвидит. Если это произойдет, сказал Носке, то правительство проявит твердость и сумеет провести свою линию, так как оно получило информацию от солдат из всех частей Германии, что они будут верно его поддерживать»³. Этой интимной беседой, показавшей полное единомыслие собеседников в вопросе об удушении революционного движения, Дрезел закончил 5 января свою миссию и в тот же день покинул Германию.

События в Германии с середины ноября до конца декабря 1918 г. развивались под знаком обострения борьбы между силами революции и контрреволюции.

Постепенно все более широкие слои рабочих, опьяненных в первые дни революции легкой победой над прогнившим монархическим режимом, начинали сознавать, что Ноябрьская революция пока не оправдала многих их надежд и чаяний. Война, правда, закончилась, но на страну надвигалась угроза *империалистического* мира. Были завоеваны республика и некоторые демократические свободы, но капиталистическая эксплуатация не прекратилась. Растущее недовольство масс стало проявляться на митингах и демонстрациях, в стихийно вспыхивавших стачках, в требованиях немедленного осуществления социализации. Рабочие оказывали активное противодействие попыткам контрреволюционных путчей.

¹ РРС, в. II, р. 135.

² Там же, стр. 140.

³ Там же, стр. 167—168.

«Союз Спартака» смело и мужественно говорил рабочим и солдатам, что только их собственная самоотверженная и решительная борьба за расширение и углубление революции может принести народу спасение от нужды и угнетения. Он призывал рабочие и солдатские Советы взять в свои руки всю власть в центре и на местах. Но программа спартаковцев не стала основой деятельности Советов. Берлинский Исполком постыдно капитулировал перед правительством. Широкие массы трудящихся лишь медленно и с трудом освобождались от реформистских иллюзий. Героическому революционному авангарду не хватало организации, которая могла бы закрепить его растущее идейное влияние в массах.

Политическую незрелость широких масс трудящихся, недостаточную организованность передовых революционных борцов использовали контрреволюционеры. «Социалистическое» правительство под прикрытием трескучей демагогии развернуло энергичную подготовку контрреволюционного заговора, целью которого было разгромить революционный авангард и сорвать дальнейшее развитие революции. Неудача декабрьских путчей не заставила заговорщиков отказаться от своих намерений. На Всегерманском съезде Советов шейдемановцам удалось добиться назначения выборов в Национальное собрание, побудить Советы отказаться от революционной борьбы за власть. Ведя сложную дипломатическую игру, Эберт и К^о сумели также заручиться поддержкой влиятельных деятелей США, которые были напуганы развитием революционного движения в Европе и готовы были всячески содействовать его удушению.

К концу 1918 г. борьба вокруг кардинального вопроса германской революции — власть Советов или Национальное собрание? — вступила в решающую стадию.

ОБРАЗОВАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ

НА ПУТИ К САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ПАРТИИ

Развитие революционных событий со все большей остротой ставило перед руководителями «Союза Спартака» вопрос о полном и окончательном разрыве с правыми лидерами независимцев и образовании самостоятельной революционной марксистской партии.

Необходимость создания такой партии назрела уже давно. Многолетняя мужественная борьба лучших представителей германского рабочего движения против империализма и оппортунизма, героические выступления Карла Либкнехта и его соратников против империалистической войны, пропагандистская деятельность группы «Спартак» подготовили идейную почву для создания боевой, подлинно революционной партии пролетариата. Но руководители спартаковцев долго не решались организационно порвать с оппортунистами. Здесь сказывались как свойственное им преклошение перед стихийностью революционного движения и недооценка значения партийной организации, так и иллюзия, что можно, оставаясь в одной партии с оппортунистами, изнутри разоблачить ее лидеров и отвоевать массы членов на свою сторону. Ошибочность этой позиции была осознана спартаковскими руководителями с большим опозданием, и к началу Ноябрьской революции самостоятельная партия не была создана.

Но уже в первые дни революции спартаковцами были сделаны важные шаги в этом направлении: пропагандистская группа «Спартак» была преобразована в организа-

цию с собственным центральным руководством — «Союз Спартака», был создан регулярный печатный орган — газета «Die Rote Fahne». 14 декабря, за два дня до открытия Всегерманского съезда Советов, газета опубликовала программное воззвание, озаглавленное: «Чего хочет Союз Спартака?» Тем самым был сделан решающий шаг к полному разрыву спартаковцев с НСДПГ. Воззвание, являвшееся фактически проектом программы новой, самостоятельной партии, указывало, что важнейшей предпосылкой для перехода к социализму является революционное завоевание диктатуры пролетариата. В возвании были также сформулированы ближайшие требования в политической, социальной и экономической областях, за которые должен был бороться рабочий класс¹.

Своевременность опубликования программного возвания «Спартака» станет особенно ясной, если учесть, что как раз в этот день орган НСДПГ — газета «Die Freiheit» выступила с передовой статьей под характерным заголовком: «Немецкая тактика для немецкой революции!» Вся статья, обильно уснащенная антисоветскими клеветническими выпадами, была посвящена «опровержению» курса спартаковцев на дальнейшее развитие революции. При помощи аргументов, заимствованных из арсенала буржуазии и шейдемановцев, авторы статьи пытались доказать, что диктатура пролетариата в Германии будто бы невозможна, а все вопросы революции могут быть решены при помощи... выборов в Национальное собрание². Сопоставление этих двух документов показывает, что революционеры-спартаковцы от «независимых» мещанских филистеров отделяла пропасть.

На следующий день, 15 декабря, состоялось собрание функционеров НСДПГ Берлина. Здесь противоположность взглядов спартаковцев и правых лидеров независимцев проявилась с крайней остротой. Оправдывая свое сотрудничество с шейдемановцами, докладчик Гаазе открыто заявил, что «Спартак» будто бы «мешает» партии, и «будет лучше, если мы разделимся». В своем содокладе Роза Люксембург потребовала немедленного выхода независимцев из правительства, отказа от созыва Национального собрания, передачи всей власти Советам

¹ «Die Rote Fahne», 14. XII. 1918.

² «Die Freiheit», 14. XII. 1918. Morgen-Ausgabe.

и срочного созыва съезда НСДПГ для определения политики партии. Разоблачая клевету на русских большевиков и утверждения, будто спартаковцы рабски копируют их тактику, Роза Люксембург указывала на необходимость учиться на опыте русских коммунистов. «Социализм, — заявила она, — не вопрос парламентских выборов, а вопрос власти. Грудь с грудью, лицом к лицу с буржуазией должен вести пролетариат классовую борьбу. К этому рабочий класс надо готовить». Но большинство участников собрания пошло за своими правыми лидерами. За проект резолюции, внесенный Р. Люксембург, было подано 195 голосов; за резолюцию Гильфердинга, объявлявшую «важнейшей политической задачей» партии — организацию выборов в Национальное собрание, — 485 голосов¹.

Среди рабочих — членов НСДПГ росло возмущение политикой правых партийных лидеров. Многим рабочим становилось ясно, что псевдореволюционные фразы «народных уполномоченных» Гаазе, Дитмана и Барта лишь прикрывают контрреволюционную деятельность Эберта и К⁰. Выступления Барта, разъезжавшего по стране и уговаривавшего рабочих отказаться от забастовочной борьбы против капиталистов, все чаще встречались насмешками. 21 декабря революционные старосты — представители берлинских предприятий — единогласно приняли резолюцию, требовавшую от правления НСДПГ созыва съезда партии не позднее конца декабря, разрыва с шейдеммановцами и ведения избирательной кампании в Национальное собрание в антипарламентском смысле². На следующий день Центральный секретариат «Союза Спартака» в письме за подписью Вильгельма Пика тоже потребовал немедленного созыва партийного съезда³. Однако правление НСДПГ отказалось созвать съезд до выборов в Национальное собрание, ссылаясь на... железнодорожные затруднения⁴.

Для преодоления кризиса в НСДПГ и решения вопроса о создании самостоятельной партии 29 декабря в Берлине собралась закрытая конференция левых групп. К этому времени «Союзу Спартака» удалось уже наладить связи почти со всеми областями Германии. Кроме Бер-

¹ «Die Freiheit», 16, 17. XII. 1918. Morgen-Ausgabe.

² «Die Rote Fahne», 23. XII. 1918.

³ «Die Rote Fahne», 24. XII. 1918.

⁴ «Die Freiheit», 24. XII. 1918. Abend-Ausgabe.

лина, спартаковские организации были созданы в Рурской области, Хемнице, на Нижнем Рейне, Побережье, Северо-Западе, в Гессене, Франкфурте, Штутгарте, Брауншвейге, Верхней Силезии, Лейпциге, Дрездене, Тюрингии, Восточной Пруссии, Магдебурге, Баварии¹. В конференции приняли участие также представители бременских и дрезденских левых радикалов, которые не входили в НСДПГ. В конце ноября леворадикалы приняли название «Интернациональные коммунисты Германии», а 24 декабря высказались за объединение со спартаковцами². После кратких дебатов конференция 80 голосами против трех приняла решение о создании Коммунистической партии Германии³.

УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ СЪЕЗД КПГ

30 декабря 1918 г. в парадном зале прусского ландтага в Берлине открылся Учредительный съезд Коммунистической партии Германии. В его работе участвовали 83 представителя от 46 местных организаций, 3 представителя Союза красных солдат, представитель молодежи и 16 гостей. Председателями съезда были избраны В. Пик (Берлин) и Вальхер (Штутгарт). Съезд послал приветственные телеграммы основателям группы «Спартак» — Ф. Мерингу и К. Цеткин.

¹ *W. Pieck, Die Gründung der KPD. -- Reden., Bd. I, S. 109—110.*

² Наиболее значительной из групп, создавших организацию «Интернациональные коммунисты Германии», была бременская во главе с Иоганном Книфом. Группы имелись также в Дрездене, Мюнхене и некоторых других городах. — См., например, листовку мюнхенской группы «Was wollen die Kommunisten». — Фонды Государственного музея революции СССР № 17.678/47. Л 443—2Б.

В декабре «Интернациональные коммунисты Германии» провели две конференции. В резолюции, принятой 24 декабря, отмечалось, что объединение всех революционных групп диктуется потребностями революции, а разногласия между ними утратили прежнюю остроту. — См. «Dokumente und Materialien», S. 612—615, 653.

³ «Bericht über den Gründungsparteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund)», S. 3. По вопросу о названии партии мнения разошлись. Роза Люксембург и Иогихес предлагали именовать ее «Социалистическая рабочая партия», но другие делегаты высказались за название «Коммунистическая партия Германии». В комиссии было принято последнее с добавлением в скобках «Союз Спартака». — См. *W. Pieck, Die Gründung der KPD. — Reden., Bd. I, S. 110.*

Карл Либкнехт

Роза Люксембург

Вильгельм Пик

Франц Меринг

Лео Йогихес

Фриц Геккерт

Герман Дункер

Основатели Коммунистической партии Германии

С докладом о кризисе НСДПГ выступил Карл Либкнехт. Он указал, что спартаковцы вошли в состав НСДПГ на основе полной самостоятельности, чтобы толкать ее вперед и извлечь из нее лучшие элементы. Это был сизифов труд, заметил Либкнехт. После начала революции беспринципность партийных лидеров превратилась в измену. «Дальнейшее пребывание в НСДПГ, — заявил оратор, — явилось бы солидаризацией с контрреволюцией. Отделение от нее диктуется верностью революции»¹. Съезд без прений постановил: «Союз Спартака» разрывает всякие организационные связи с НСДПГ и конституируется как самостоятельная политическая партия под названием «Коммунистическая партия Германии (Союз Спартака)»². Делегация бременской группы Интернациональных коммунистов Германии в своем заявлении о вступлении в КПП отметила, что «противоречия сейчас исчезли; оба направления («Спартак» и ИКГ. — Я. Д.) сплавлены друг с другом огнем революции»³.

Доклад о программе партии и политической обстановке сделала Роза Люксембург. В нем было дано обоснование необходимости разрыва с оппортунизмом и установления прямой преемственной связи с «Манифестом Коммунистической партии» Маркса и Энгельса. «Мы сегодня, товарищи, переживаем момент, — говорила Роза Люксембург, — когда мы можем сказать: мы снова с Марксом, под его знаменем. Когда мы сейчас в нашей программе заявляем: непосредственной задачей пролета-

¹ «Bericht über den Gründungsparteitag der KPD», S. 4—6.

² Там же, стр. 8. Во время работы съезда стало известно, что руководители берлинских революционных старост — левые независимцы Ледебур, Деймиг, Р. Мюллер — развернули агитацию за создание собственной партии, чтобы помешать рабочим влиться в коммунистическую партию. Переговоры, которые Либкнехт по поручению съезда вел с Ледебуром и др. о вступлении их в компартию, не увенчались успехом. Было, однако, условлено, что совместные действия КПП и левых независимцев будут продолжаться. В резолюции, принятой съездом, говорилось: «Партийный съезд приветствует тех революционных старост и доверенных, которые вместе со своими избирателями сплоченными рядами становятся под знамя... революции... Партийный съезд не сомневается в том, что массы революционного пролетариата Берлина, поставленные перед выбором между КПП и НСДПГ, решат в нашу пользу». — Там же, стр. 46—49; W. Pieck, Die Gründung der KPD. — Reden..., Bd. I, S. 111—112.

³ «Dokumente und Materialien», S. 690.

риата является не что иное, как — говоря кратко — превращение социализма в жизнь и выкорчевывание капитализма, мы становимся на почву, на которой стояли Маркс и Энгельс в 1848 г. и которую они принципиально никогда не покидали. Теперь ясно, что такое подлинный марксизм и чем был тот эрзац-марксизм, который так долго распространялся в германской социал-демократии в качестве официального марксизма»¹.

Анализируя сложившуюся в Германии обстановку и задачи партии, Роза Люксембург указала на недостаточность и слабость революции 9 ноября, подчеркнув в то же время огромное значение создания рабочих и солдатских Советов. «Мы никогда не должны забывать, — добавила она, — когда мы слышим клевету на русских большевиков, отвечать на это: где вы изучили азбуку нынешней революции? Вы взяли ее у русских — рабочие и солдатские Советы!»² Показав, что за прошедшие недели рассеялись многие иллюзии пролетариата и яснее стала истинная, контрреволюционная сущность правительства Эберта, Роза Люксембург подчеркнула неизбежность дальнейшего обострения борьбы, решающих столкновений между силами революции и контрреволюции.

Характеризуя политику правительства «народных уполномоченных», Роза Люксембург разоблачила преступный сговор шейдемановцев с иностранными империалистами с целью удушения Советской России. В это время германские войска, вынужденные оставить территории Советской страны, предпринимали отчаянные попытки, чтобы сохранить свои позиции в Прибалтике, где они поддерживали буржуазных националистов в Латвии и Литве. Когда в рижском порту появилась военная эскадра английских интервентов, германский правительственный комиссар в Прибалтике социал-демократ А. Винниг вступил в переговоры с представителями английского командования и договорился о совместных действиях против народов Прибалтики³. Прочитывая документы о дей-

¹ *R. Luxemburg, Rede zum Programm, gehalten auf dem Gründungsparteitag der KPD (Spartakusbund) 30. Dezember 1918. — Ausgewählte Reden., Bd. II, S. 664.*

² Там же, стр. 668.

³ Во время переговоров, происходивших 23 декабря на борту английского корабля «Принсес Маргрет», Винниг в ответ на требование английского представителя, чтобы немецкие войска удержива-

ствиях Виннига, Роза Люксембург отметила, что «всегда представляли дело так, будто бедные Эберт — Шейдеман являются жертвами Антанты», в действительности же они сами предлагают Антанте свои услуги, торгуют кровью немецких солдат¹. «В то время как эти негодяи в Германии разыгрывают комедию, будто у них руки полны забот о достижении мира, а мы (т. е. спартаковцы. — Я. Д.) являемся нарушителями спокойствия, вызывающими недовольство Антанты и задерживающими заключение мира, они собственными руками подготавливают новый военный взрыв, войну на Востоке, за которой последует война в Германии...»²

Съезд единодушно постановил одобрить опубликованное 14 декабря воззвание «Чего хочет Союз Спартака?» в качестве программы партии, поручив программной и организационной комиссии ее окончательную формулировку³. Программа подчеркивала, что «господство рабочего класса может быть достигнуто только путем вооруженной революции», передовыми борцами которой являются коммунисты. Программа разъясняла, что диктатура рабочего класса означает полновластие рабочих и солдатских Советов, в которые могут избираться только трудящиеся, ликвидацию собственности капиталистов на средства производства, преимущественное снабжение трудящихся продовольствием, конфискацию бумаги и типографий для обеспечения рабочему классу свободы печати, создание рабочей гвардии для защиты завоеваний революции от посягательств со стороны ее врагов.

Программа определяла также ближайшие требования партии в политической, социальной и экономической областях. Она требовала создания единой социалистической республики и устранения отдельных государств; уничтожения всех органов старой власти и передачи всей пол-

ли фронт, заявил, что «это наше искреннейшее желание». «Мы стараемся, — продолжал он, — создать добровольческие боееспособные соединения и частично нам это уже удалось». — См. *R. Luxemburg, Rede zum Programm... — Ausgewählte Reden...*, Bd. II, S. 680—681, а также *G. Noske, Von Kiel bis Kapp*, S. 176—177.

¹ *R. Luxemburg, Rede zum Programm... — Ausgewählte Reden...*, Bd. II, S. 679—680.

² Там же, стр. 683.

³ Комиссия должна была состоять из 25 человек, в том числе 5 членов ЦК. — «Bericht über den Gründungsparteitag der KPD», S. 43.

Die Rote Fahne

Zentralorgan der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund)

Verantwortlich: **W. Pieck** (Hrsg.), **W. Pieck** (Hrsg.), **W. Pieck** (Hrsg.)
 Redaktion: **W. Pieck** (Hrsg.), **W. Pieck** (Hrsg.), **W. Pieck** (Hrsg.)
 Druck: **W. Pieck** (Hrsg.), **W. Pieck** (Hrsg.), **W. Pieck** (Hrsg.)

Konstituierung der Kommunistischen Partei.

Die Wahl-Regelung für diese große Partei.
Der Berliner Soldatenrat.
 21. Dezember 1918

Газета «Die Rote Fahne» от 31 декабря 1918 года с сообщением об образовании Коммунистической партии Германии

поты власти в центре и на местах в руки рабочих и солдатских Советов; конфискации собственности и доходов династий; аннулирования государственных долгов и военных займов; отчуждения банков, шахт, крупных заводов, торговых и транспортных предприятий, а также крупных землевладений; создания революционного трибунала для осуждения главных виновников войны, в том числе Гогенцоллернов, Людендорфа, Гинденбурга и др., а также контрреволюционных заговорщиков; немедленного разоружения полиции, офицеров и всех представителей господствующих классов; вооружения пролетариата, создания рабочей милиции и ее активного ядра — Красной гвардии; немедленного установления связей с братскими зарубежными партиями для развития международной революции и т. п.¹

В решении по организационному вопросу, принятому по докладу Г. Эберлейна, съезд указал, что в отличие от социал-демократической партии, опиравшейся на избирательные объединения, коммунистическая партия должна строиться по производственному принципу, создавать ячейки на предприятиях. Однако съезд высказался за автономию местных парторганизаций², что

¹ «Bericht über den Gründungsparteitag der KPD», S. 49—65.

² Там же, стр. 43—44.

не могло не ослабить роли центрального руководства, столь необходимого партии, призванной быть боевым штабом организационной революционной армии пролетариата.

В специальной резолюции, предложенной Р. Люксембург, съезд заявил, что «совместные действия немецких войск, войск балтийских баронов и английских империалистов означают не только подлую измену по отношению к русским пролетариям и русской революции, они означают также закрепление мирового союза капиталистов всех стран против борющегося пролетариата всего мира¹. В приветственной телеграмме, посланной Советской республике, съезд писал: «Сознание, что у вас все сердца бьются в унисон с нашими, придает нам силу и мужество в нашей борьбе. Да здравствует социализм! Да здравствует мировая революция!»²

Съезд единодушно одобрил также резолюцию, отклонившую участие партии в международной конференции социал-шовинистов³. Он призвал всех действительных социалистов и революционеров во всех странах бороться против империализма, создавать рабочие и солдатские Советы и тем самым содействовать созданию нового Интернационала⁴.

Съезд избрал Центральный Комитет Коммунистической партии Германии из 12 членов. В него вошли Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Лео Йогихес, Вильгельм Пик, Герман и Кетэ Дункер и другие.

Выполнив важнейшую историческую задачу создания в Германии действительно революционной, коммунистической партии, Учредительный съезд в то же время показал, что германские революционеры еще не избавились от многих слабостей, свойственных немецким левым. Руководители молодой коммунистической партии и сами ощущали это, хотя некоторые ошибки не были ими в то время полностью осознаны. В передовой статье «Первый партийный съезд» центральный орган КПП писал 3 января:

¹ «Die Rote Fahne», 2. I. 1919.

² «Die Rote Fahne», 31. XII. 1918.

³ Речь шла о конференции, которая была созвана в Берне в феврале 1919 г. — См. о ней: *В. И. Ленин*, I Конгресс Коммунистического Интернационала. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта, Соч., т. 28, стр. 435, 444—445.

⁴ «Bericht über den Gründungsparteitag der KPD», S. 45.

«Следует открыто признать, что съезд смог осуществить стоявшие перед ним чрезвычайные задачи лишь отрывочно, лишь наметил их. Сам — фрагмент революции, он в том разделяет ее судьбу, что не может похвалиться достаточной основательностью, исчерпывающей работой...»¹

ТАКТИКА НЕМЕЦКИХ КОММУНИСТОВ

В докладе Розы Люксембург и в составленной в основном ею же программе был правильно определен основной курс развития революции: переход от буржуазно-демократического этапа к социалистическому, борьба за установление диктатуры пролетариата. Однако в теоретических и политических взглядах даже самых лучших представителей немецких левых оставалось немало пробелов и неясностей, связанных в значительной мере с тем, что у них долгое время не было, как отмечал В. И. Ленин, «нелегальной организации, привыкшей додумывать до конца революционные лозунги и систематически воспитывать массу в их духе»².

Так, Роза Люксембург, ошибочно представляя роль политической власти в социалистической революции, видела главную слабость первых недель Ноябрьской революции в том, что она «была исключительно *политической* революцией». Дальнейшее развитие революции представлялось ей так, что «это будет *экономическая* революция и тем самым социалистическая революция»³. Она считала, что начавшиеся забастовки «станут центром, решающим пунктом революции, оттесняя чисто политические вопросы», что завоевание власти пролетариатом будет не единовременным актом, а постепенным «вторжением в буржуазное государство, пока мы не захватим все позиции», что коммунисты «должны осуществить завоевание политической власти не сверху, а снизу»⁴. Та же мысль была выражена и в программе: «Из-за того только, что Шейдеман — Эберт окажутся неспособными управлять, а независимые попадут в тупик в результате сотрудниче-

¹ «Die Rote Fahne», 3. I. 1919.

² В. И. Ленин, О брошюре Юниуса, Соч., т. 22, стр. 305.

³ R. Luxemburg, Rede zum Programm... — Ausgewählte Reden..., Bd. II, S. 675—676. Курсив мой. — Я. Д.

⁴ Там же, стр. 677, 685—686, 687—688.

ства с ними, Союз Спартака не согласится прийти к власти. Союз Спартака никогда не возьмет власть иначе, как в результате ясной, недвусмысленной воли огромного большинства пролетарской массы во всей Германии»¹.

Таким образом, получалось, что в социалистической революции вопрос о политической власти отодвигался на задний план². Вместо всесторонней идеологической, политической и организационной подготовки партии и класса к решающему сражению за политическую власть делалась ставка на стихийное развитие экономической борьбы рабочего класса. Забастовки действительно являлись проявлением растущего недовольства пролетариата, они были средством раскачки масс, школой их революционного воспитания. Но привести к победе социалистической революции они могли только при условии, если бы имели ясную политическую цель и связывались с политической борьбой рабочего класса за власть.

В своей практической деятельности спартаковцы, однако, нередко впадали в другую крайность. Еще во время демонстраций в Берлине 8, 16 и 25 декабря спартаковцы выдвинули лозунг «Долой правительство Эберта — Шейдемана!» Такой лозунг, продиктованный, несомненно, искренней ненавистью к прислужникам контрреволюции, был тем не менее преждевременным в момент, когда истинное лицо правительства еще не было разоблачено в глазах широких народных масс, когда правительство еще пользовалось поддержкой большей части рабочих и солдатских Советов³.

¹ «Bericht über den Gründungsparteitag der KPD», S. 56.

² Ошибочное положение о роли политической власти было коммунистами вскоре пересмотрено. В принятых вторым съездом КПГ в Гейдельберге в октябре 1919 г. «Тезисах о коммунистических принципах и тактике» говорилось: «КПГ борется против мнения, что экономическая революция сменяет политическую». — «Bericht über den 2. Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund)», S. 4—5, 61.

³ Не только в декабре, но и в начале января 1919 г. лозунг свержения правительства Эберта—Шейдемана был преждевременным, о чем речь будет идти ниже. — См. об этом *R. Luxemburg, Rede zum Programm...* — *Ausgewählte Reden...*, Bd. II, S. 684; *W. Pieck, Gründung der KPD. — Reden...*, Bd. I, S. 115; *W. Ulbricht, Der Zusammenbruch Deutschlands im ersten Weltkrieg und die Novemberrevolution. — Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung*, Bd. I, Berlin 1953, S. 37.

В этой связи стоит вспомнить, что В. И. Ленин решительно осудил выдвижение лозунга «Долой Временное правительство!» во время апрельской демонстрации 1917 г. в Петрограде. Русские большевики, пользовавшиеся в то время, бесспорно, бóльшим влиянием в массах, чем германские спартаковцы в декабре 1918 г., считали, что первоочередной задачей партии в обстановке, когда сознательный пролетариат был захлестнут мелкобуржуазной волной и стихийно шел за соглашателями, является «работа критики, *разъяснение* ошибок мелкобуржуазных партий с.-р. и с.-д., подготовка и сплочение элементов *сознательно-пролетарской, коммунистической партии*». Возражая тем, кто считал такую деятельность партии недостаточно революционной, В. И. Ленин подчеркивал, что именно в этом заключалась в тот момент «самая *практическая революционная работа*» партии, ибо нельзя было иным путем «двигать вперед революцию, которая остановилась, захлебнулась фразой... *из-за доверчивой бессознательности масс*»¹.

Серьезная слабость спартаковцев-коммунистов именно в том и состояла, что, правильно определив главное направление борьбы за пролетарскую диктатуру и выдвинув лозунг «Вся власть Советам!», они не всегда умели ясно и четко наметить те конкретные пути, которые могли бы подвести народные массы к восприятию их требований и лозунгов. Тактика спартаковцев была нередко излишне прямолинейной, недостаточно гибкой.

Руководители спартаковцев-коммунистов, в частности Р. Люксембург, правильно видели одну из важных причин слабости германской революции в том, что она была только городской революцией, почти не затронувшей деревню. И в докладе Р. Люксембург на съезде², и в программе говорилось о необходимости нести революцию в деревню, создавать революционные организации крестьянской бедноты и сельскохозяйственного пролетариата. Но как в программе, так и в пропагандистской литературе спартаковцы не выдвигали конкретных требований, которые могли бы вовлечь эти слои в революционную

¹ В. И. Ленин, Задачи пролетариата в нашей революции, Соч., т. 24, стр. 42—43.

² R. Luxemburg, Rede zum Programm... — Ausgewählte Reden..., Bd. II, S. 684.

борьбу, например, требования о наделении бедноты и батраков землей, отобранной у юнкеров¹.

Более того, программа говорила о необходимости отчуждения земельной собственности не только крупных землевладельцев, что было, безусловно, правильно, но также и «средних сельскохозяйственных предприятий». В отношении мелких крестьянских хозяйств было сказано, что они «остаются в собственности их владельцев до их добровольного присоединения к социалистическим товариществам», которые надлежит создать «под единым центральным руководством по всей Германии»². Об отмене ипотеки и арендной платы, тяжелым бременем давивших на бедноту, или о повышении платы батракам не было и речи.

В докладе Р. Люксембург на съезде были и такие ошибочные положения, как безоговорочное объявление крестьянства «резервом контрреволюционной буржуазии» и призыв «мобилизовать против крестьянства безземельный пролетариат и мелкое крестьянство»³. Совершенно очевидно, что такая установка мешала спартаковцам-коммунистам добиться установления прочного союза рабочего класса с трудящимся крестьянством. Именно в слабом распространении Советов батраков и деревенской бедноты заключалась, по словам В. И. Ленина, «практическая и довольно большая опасность для достижения верной победы германским пролетариатом»⁴.

Руководители спартаковцев видели трагическое противоречие между задачами, которые призваны были ре-

¹ В. И. Ленин на втором конгрессе Коминтерна, полемицируя с независимцем Криспиным, специально подчеркивал, что и в Германии имеется немало латифундий и крупных землевладений, которые обрабатываются не крупнокапиталистическим, а полуфеодальным способом. Поэтому «можно сохранить крупное производство и притом все же дать мелким крестьянам нечто, весьма для них существенное». Иначе, говорил В. И. Ленин, — «мелкий крестьянин и не заметит разницы между тем, что было прежде, и советской диктатурой. Если пролетарская государственная власть не будет проводить этой политики, она не сможет удержаться». — *В. И. Ленин, II конгресс Коммунистического Интернационала. Речь об условиях приёма в Коммунистический Интернационал 30 июня, Соч., т. 31, стр. 224, 225.*

² «Bericht über den Gründungsparteitag der KPD», S. 55.

³ *R. Luxemburg, Rede zum Programm... — Ausgewählte Reden...*, Bd. II, S. 684—685.

⁴ *В. И. Ленин, I конгресс Коммунистического Интернационала. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта, Соч., т. 28, стр. 450.*

шить в ходе дальнейшей революционной борьбы рабочие и солдаты, и их политической незрелостью, их доверчивостью к предателям социализма. Реформистские иллюзии, слепое преклонение перед авторитетом государственной власти, в течение десятилетий внедрявшиеся социал-демократией в рабочий класс, мешали ему действовать решительно и целеустремленно. Лозунги «чистой демократии», «демократического пути к социализму», усиленно распространявшиеся шейдемановцами и каутскианцами, затрудняли прояснение сознания масс, отвлекали их от революционной борьбы. В этих условиях для завоевания масс на свою сторону спартаковцам следовало не игнорировать лозунги демократии, не пренебрегать, как они это нередко делали, демократическими завоеваниями революции, а ежедневно и ежечасно разъяснять массам ограниченность и недостаточность этих завоеваний, подчеркивать, что только социализм может обеспечить подлинную демократию для трудящихся¹.

Энергично требуя перехода всей власти в центре и на местах к рабочим и солдатским Советам, спартаковцы-коммунисты должны были считать первоочередной задачей завоевание для себя прочных позиций внутри самих Советов и изоляцию в них предателей и соглашателей, оказавшихся во главе большинства Советов и срывавших борьбу Советов за власть. Однако такая задача не была спартаковцами ясно поставлена ни до съезда, ни на самом съезде. Спартаковцы не создавали в Советах своих самостоятельных фракций или групп, а в ряде случаев даже отказывались работать в руководящих органах Советов².

¹ Правда, Р. Люксембург правильно выразила эту мысль в своей статье «Национальное собрание» («Die Rote Fahne», 20. XII. 1918), но она не получила дальнейшего развития в пропаганде спартаковцев.

На эту слабость тактики спартаковцев указывает В. Ульбрихт.— См. *W. Ulbricht, Der Zusammenbruch Deutschlands im ersten Weltkrieg und die Novemberrevolution. — Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. I, S. 34.*

² Так, в Дрездене О. Рюле и другие вышли 17 ноября из рабочего и солдатского Совета. Подобные действия находились в явном противоречии с лозунгом «Вся власть Советам!» и вряд ли могли быть правильно поняты массами.

Между тем русские большевики, даже когда ими после июльских событий 1917 г. был временно снят лозунг «Вся власть Советам!», не уходили из Советов, в том числе и из ВЦИК, а продолжали упорную борьбу внутри них за привлечение масс на свою сторону.

В этом сказывалось неизжитое преклонение спартаковцев перед стихийностью революционного движения, недооценка ими необходимости кропотливой работы критики и организации.

В выступлениях многих ораторов и в решениях съезда проявилась и другая слабость. Пришедшие в коммунистическую партию в разгар ожесточенных классовых боев некоторые искренние и честные, но недостаточно опытные революционеры давали ослепить себя чувству священной ненависти к социал-предателям и незаметно сползали на позиции сектантства или даже анархизма. Возмущение против позорного поведения правых профсоюзных лидеров толкало многих коммунистов на позиции пренебрежительного отношения к профсоюзам вообще, к ошибочному лозунгу «Вон из профсоюзов!»¹, к попыткам заменить профсоюзы производственными советами (фабзавкомами). Но массы рабочих в то время не могли воспринять эти лозунги, они видели в профсоюзах защитников своих интересов. Об этом свидетельствовало, в частности, то, что число членов профсоюзов быстро росло². В этих условиях отказ от работы в профсоюзах неизбежно обрекал коммунистов на самоизоляцию от рабочих масс.

Съезд занял неверную позицию и в вопросе об отношении к выборам в Национальное собрание. Руководители спартаковцев правильно разоблачали наивную веру пародных масс в Учредительное собрание, вскрывали контрреволюционный смысл его созыва. Но когда стало ясно, что выборы все же состоятся, Роза Люксембург и Карл Либкнехт, продолжая вскрывать роль Национального собрания, высказались за участие партии в избирательной кампании. «Национальное собрание, — писала Р. Люксембург 23 декабря, — есть контрреволюционная крепость, воздвигнутая *против* революционного пролетариата.

¹ Этот лозунг выдвигался, например, в упоминавшейся листовке мюнхенской группы «Интернациональных коммунистов Германии». — См. Фонды Государственного музея революции СССР. № 17.678/47, Л 443—2Б.

На съезде этот лозунг выдвинул П. Фрелих, впоследствии ставший ренегатом. Против него выступил Ф. Геккерт. — См. «Bericht über den Gründungsparteitag der KPD», S. 17—18.

² Число членов профсоюзов, составлявшее накануне революции около 1,6 млн., выросло к концу 1918 г. до 2,8 млн., а в 1919 г. достигло 5 млн.

Эту крепость, следовательно, надо взять штурмом и срыть. Для того, чтобы мобилизовать массы *против* Национального собрания и призвать их к ожесточеннейшей борьбе, должны быть использованы выборы и трибуна Национального собрания»¹.

Однако руководители не сумели провести эту точку зрения на съезде партии. В результате чрезвычайно бурной дискуссии, длившейся около пяти часов, в ходе которой за участие в выборах выступали Либкнехт, Люксембург, Дункер, Геккерт и другие, съезд все же отклонил это предложение большинством 62-х голосов против 23-х². Оценивая это решение съезда и тактику К. Либкнехта и Р. Люксембург, В. И. Ленин писал: «Роза Люксембург и Карл Либкнехт были, по-моему, правы, когда защищали участие в выборах в буржуазный немецкий парламент, в учредительное «Национальное собрание» на январской конференции 1919 года спартаковцев в Берлине *против* большинства этой конференции. Но, разумеется, они были еще более правы, предпочитая остаться вместе с коммунистической партией, делающей частную ошибку, чем идти с прямыми предателями социализма, вроде Шейдемана и его партии или с теми лакейскими душами, доктринерами, трусами, безвольными пособниками буржуазии и реформистами на деле, какими являются Каутский, Гаазе, Däumig и вся эта «партия» немецких «независимых»»³.

* *
*

Основание Коммунистической партии Германии, решительно разорвавшей с оппортунистами, имело огром-

¹ «Die Rote Fahne», 23. XII. 1918.

² «Bericht über den Gründungsparteitag der KPD», S. 9—13.

³ В. И. Ленин, Письмо Сильвии Панкхерст, Соч., т. 29, стр. 520.

Вопросы об участии в выборах, об отношении к профсоюзам, о централизованном руководстве партией вызвали наряду с некоторыми другими острую борьбу на втором съезде КПГ. Оппозиция, защищавшая синдикалистские взгляды, была исключена из партии. — См. «Bericht über den 2. Parteitag der KPD», S. 54—60 и др., а также В. И. Ленин: Письмо Центральному комитету Коммунистической партии Германии по поводу раскола, Соч., т. 30, стр. 67—68; Товарищам-коммунистам, входившим в общую «Коммунистическую партию Германии» и составившим теперь новую партию, там же, стр. 69—70.

ное значение не только для дальнейшего развития революции в Германии, но и для всего германского рабочего движения. Впервые после «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса германский рабочий класс получил революционную программу, нацеливавшую его на решительную борьбу за победу социалистической революции, за диктатуру пролетариата. Был заложен фундамент для преодоления раскола рабочего класса оппортунистами, для объединения рабочего движения на основе марксизма-ленинизма.

Создание в период революционного подъема, охватившего после Великой Октябрьской социалистической революции весь мир, Коммунистической партии Германии имело также выдающееся международное значение. «Когда германский «Союз Спартака».., — писал В. И. Ленин в своем письме к рабочим Европы и Америки, — порвал окончательно свою связь с социалистами вроде Шейдемана и Зюдекума, с этими социал-шовинистами.., навсегда опозорившими себя союзом с грабительской, империалистской буржуазией Германии и с Вильгельмом II, когда «Союз Спартака» назвал себя «коммунистической партией Германии», — тогда *основание* действительно пролетарского, действительно интернационалистского, действительно революционного III Интернационала, *Коммунистического Интернационала*, стало фактом»¹.

Многие слабости, неясности и ошибки, проявившиеся в момент образования Коммунистической партии Германии, были в той или иной мере свойственны и коммунистическим партиям других стран, складывавшимся в это время. Это были болезни роста, связанные с тем, что новые организации рождались в исключительно трудных условиях, проявления «детской болезни «левизны» в коммунизме», как назвал эти слабости несколько позднее В. И. Ленин.

Рядовые бойцы и руководители молодой Коммунистической партии Германии были полны самоотверженной решимости отдать все свои силы великому делу освобождения трудящихся своей страны и всего мира. Они смело смотрели вперед и мужественно готовились к решающим

¹ В. И. Ленин, Письмо к рабочим Европы и Америки, Соч., т. 28, стр. 408.

схваткам. В приветственной телеграмме Коммунистической партии Венгрии К. Либкнехт через два дня после съезда писал, что Германия находится на пороге новых боев и партии предстоит в ближайшие месяцы решать задачи огромной трудности. «Коммунистическая партия Германии, созданная 30 декабря 1918 г., — заверял он, — призвана образовать передовой отряд германской социальной революции»¹.

Серьезнейшие испытания обрушились на Компартию Германии даже раньше, чем предполагали ее руководители, уже через несколько дней после ее образования.

¹ *K. Liebknecht*, Begrüssungsschreiben an die KP Ungarns. — *Ausgewählte Reden..*, S. 525.

ЯНВАРСКИЕ БОИ В БЕРЛИНЕ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В СТРАНЕ

ПОДГОТОВКА ПРОВОКАЦИИ

Провал рождественской провокации против революционных матросов и рабочих Берлина, рост стачечного движения, создание Коммунистической партии Германии — все это свидетельствовало о том, что революционные силы постепенно сплачиваются и не намерены отказаться от борьбы за жизненные права народа.

Правда, рабочие и солдатские Советы, разложенные изнутри шейдемановцами и каутскианцами, были серьезно ослаблены самоубийственным решением съезда Советов. Лишь немногие Советы, в которых было сильным влияние левых элементов, открыто выразили несогласие с решениями съезда. Большинство Советов перестало в это время быть органами борьбы за дальнейшее развитие революции.

Но правительству Эберта — Шейдемана — Носке, стремившемуся укрепить свои позиции, этого было мало. Даже выхолощенные Советы были для него опасны, так как под влиянием масс они могли снова ожить. Правительство хотело продемонстрировать свою «силу», разгромить сторонников лозунга «Вся власть Советам!» в открытом бою, нанести удар по авангарду революционного пролетариата, разоружить рабочих и «ненадежных» солдат, запугать колеблющихся и таким образом расчистить почву для выборов и созыва Национального собрания.

Убедившись в полной непригодности для ведения гражданской войны против пролетариата даже отборных гвардейских частей группы генерала Леки, правительство и верховное командование окончательно пришли к вы-

воду, что эту задачу могут выполнить только новые формирования из тщательно отобранных и профильтрованных добровольцев под командованием «наиболее энергичных» офицеров.

Первые такие формирования стали создаваться еще в конце ноября в Прибалтике, где возникла «Железная дивизия». В войсках бывшего Западного фронта решение о создании добровольческих батальонов было принято 6 декабря на совещании в штабе 4-й армии в Падерборне¹. Генерал Грёнер в докладе правительству 14 декабря поддержал это решение², и военное министерство приказом от 15 декабря санкционировало его, распорядившись о создании вербовочных бюро при штабах округов, определив размер вознаграждения и т. п. Добровольческие батальоны («Freikorps») требовали от вступающих принесения присяги на верность «правительству рейхсканцлера (!) Эберта, пока Национальное собрание не примет конституцию»³. В своем большинстве батальоны представляли собой части смешанного типа со значительным количеством пулеметов, гранатометов и артиллерии, пригодные для ведения уличных боев.

При активном участии Носке формирование добровольческих батальонов было ускорено. Вся буржуазная печать, включая и «Vorwärts», была заполнена объявлениями о вербовке добровольцев. Денежные средства в изобилии потекли от магнатов капитала и юнкеров. В Бадене был создан «ландъегерский корпус» генерала Меркера, на Побережье — «морская бригада Эрхардта», вскоре появились батальоны, полки, бригады Лютцова, Росбаха, Лихтшлага и другие.

Среди добровольцев почти не было рабочих, так как рабочие бойкотировали эти формирования⁴. Они состояли главным образом из офицеров, фельдфебелей, унтер-офицеров, кадетов, студентов, гимназистов старших классов, безработных служащих, крестьянских сыновей, люмпен-пролетариев, уголовных элементов⁵.

¹ См. «Illustrierte Geschichte», S. 236.

² «Darstellungen...», Bd. VI, S. 11.

³ См. G. Maerker, Vom Kaiserheer zur Reichswehr, Leipzig 1922, S. 53—58.

⁴ Это признает и Носке в своих мемуарах. — См. G. Noske, Von Kiel bis Kapp, S. 91 и др.

⁵ См. G. Paul, Die soziale Struktur der Freikorps. — «ZfG», 1955, Heft 5, S. 685—704.

В конце декабря была проведена реорганизация войск, расположенных под Берлином. Неудачливого генерала Леки сменил генерал Лютвиц, бывший командующий III корпусом; начальником штаба вместо майора Гарбу стал майор Штокгаузен. Гвардейская кавалерийская (стрелковая) дивизия, являвшаяся «становым хребтом» группы, была размещена в районе Тельтова и пополнена добровольцами¹. В цоссенском лагере был размещен ландъегерский корпус Меркера, включенный в состав группы Лютвица лишь для того, чтобы скрыть масштабы сосредоточения войск². В Потсдаме формировались полк «Потсдам» и подразделения Гюльзена, неподалеку — батальон фон Редера и др. В самом Берлине из остатков 4-й гвардейской пехотной дивизии, унтер-офицерского батальона Зуппе и других частей был создан «добровольческий полк Рейнгарда», состоявший из двух батальонов и офицерской роты. Он насчитывал 2,5—3 тыс. штыков и расположился в казармах в Моабите³.

Таким образом, вооруженный кулак контрреволюции под Берлином был создан. Группа Лютвица насчитывала около 10 тыс. человек. 4 января Эберт и Носке смогли провести в цоссенском лагере смотр «своим» войскам. Как свидетельствуют очевидцы, впечатление, которое произвели командиры и войска на Эберта и Носке, «укрепило их уверенность в благоприятном исходе предстоящих боев»⁴.

Собирание военных сил было лишь одной стороной подготовки контрреволюции к разгрому революционных рабочих. Параллельно заговорщики вели также усилен-

¹ В нее влились отряд Кюнцеля и остатки других гвардейских дивизий. 9 января в Тельтов прибыла созданная по инициативе Носке Кильская морская бригада. — «Darstellungen...», Bd. VI, S. 46.

² См. *G. Maerker*, *Vom Kaiserheer...*, S. 60.

³ *W. Reinhard*, 1918/1919. *Die Wehen der Republik*, Berlin 1933, S. 68; «Darstellungen...», Bd. VI, S. 49. Рейнгард рассказывал, что большую финансовую помощь ему оказал берлинский «буржуазный совет».

⁴ См. *G. Maerker*, *Vom Kaiserheer...*, S. 64. Генерал Грёнер в последствии так описывал обстановку: «29 (декабря). — Я. Д.) Эберт призвал Носке, чтобы повести войска против спартаковцев. 29 собрались добровольческие отряды (в действительности, как показано выше, концентрация войск закончилась в начале января. — Я. Д.), теперь борьба могла начаться». — «Der Dolchstoß-Prozess», S. 225.

ную идеологическую подготовку. Начавшаяся еще задолго до революции погромная травля Карла Либкнехта и его соратников за их мужественные выступления против войны и империализма приобрела в поябре — декабре огромный размах. Чем более широкие массы трудящихся откликались на призывы спартаковцев и с восторгом приветствовали Карла Либкнехта и Розу Люксембург, тем бессовестнее становилась клевета по их адресу¹. Она тесно переплеталась с разнузданной аптисоветской кампанией, неизменно возраставшей в момент обострения классовых боев. Вся буржуазная пресса во главе с социал-демократической газетой «Vorwärts» изо дня в день внушала своим читателям, что спартаковцы — это путчисты, анархисты, террористы, враги мира, личной свободы, «агенты Москвы» и т. д. и т. п.

Еще в своем программном заявлении «Союз Спартака» вскрыл пружины этой гнусной травли: «Распните его! — кричат капиталисты, дрожащие за свои кассы и сейфы. Распните его! — кричат мелкие буржуа, офицеры, анти-семиты, лакеи буржуазной прессы, дрожащие за похлебку буржуазного классового господства. Распните его! — кричат шейдемановцы, которые, как Иуда Искариот, продали рабочих буржуазии и дрожат за сребреники своего политического господства. Распните его! — повторяют как эхо обманутые, одураченные, введенные в заблуждение слои рабочего класса и солдат, которые не знают, что, бушуя против Союза Спартака, они бушуют против своей собственной плоти и крови.

В ненависти, в клевете против Союза Спартака объединяется все, что есть контрреволюционного, враждебного народу, антисоциалистического, двусмысленного, бесчестного, неясного. Этим подтверждается, что именно в нем бьется сердце революции, что ему принадлежит будущее»².

В конце ноября 1918 г. в Берлине появилась организация, поставившая своей целью объединение всех антисоветских и контрреволюционных сил. Инициатором ее со-

¹ В конце ноября работница из Вильмерсдорфа с тревогой сообщала в письме Карлу Либкнехту, что в артиллерийском депо в Шпандау распространяются листовки, призывающие к убийству Либкнехта. Она слышала, что за убийство обещано вознаграждение в 20 тыс. марок. — ЦПА ИМЛ, фонд 210, оп. 1, д. № 1308. Письмо Анны Торман от 26. XI. 1918.

² «Die Rote Fahne», 14. XII. 1918.

здания был некий Эдуард Штадтлер, выходец из рядов католической интеллигенции, во время войны поавший в русский плен и ставший затем агентом немецкого посольства в Москве. Прожженный авантюрист, считавший себя «знатоком России», он вскоре по возвращении в Германию стал искать деятелей, готовых финансировать его план создания «антибольшевистского центра». Разыскать их было нетрудно. В течение 3—4 дней он нашел покровителей в лице бывшего вице-канцлера в правительстве Михаэлиса, а затем посла в Москве Гельфериха, директора Немецкого банка Манкиевитца, который немедленно вручил Штадтлеру 5 тысяч марок, лидера прогрессистов Ф. Наумана, который тоже передал ему 3 тысячи марок, барона фон Глейхена, впоследствии руководителя пресловутого «Клуба господ», руководителя берлинского «буржуазного совета» Маркса и других¹.

1 декабря был создан «Генеральный секретариат по изучению большевизма и борьбе с ним». Он организовал выпуск серии «научных» брошюр о большевизме и большого количества «антиспартаковских» листовок². Был проведен ряд собраний, основано «антибольшевистское пресс-бюро», взявшее на себя поставку соответствующей «информации» для газет³. Но «Генеральный секретариат» был только маскировкой для более широкой организации — так называемой «Антибольшевистской лиги». Она должна была, по плану ее создателей, стать «вместе с ядром старой армии» центром «фронтальной борьбы» против революции, основой «консервативно-социалистического» или «национал-социалистического» объединения, в котором предполагалось «переплавить» старые буржуазно-юнкерские партии⁴. Таким образом, даже по

¹ *E. Stadler, Als Antibolschewist 1918/1919, Düsseldorf 1935, S. 9—13.*

² Серии брошюр, выпускавшиеся тиражами от 10 до 100 тысяч экземпляров, носили заглавия: «*Revolutionäre Streitfragen*», «*Revolutionsflugschriften*», «*Sammlung von Quellen zum Studium des Bolschewismus*», «*Beiträge zu den Problemen der Zeit*» и т. п. Под этими «невинными» заголовками скрывались писания, проникнутые лютой злобой к Советской России и к революционному народу Германии.

³ Пресс-бюро было создано 15 декабря и 3—4 раза в неделю выпускало бюллетени «*Antibolschewistische Correspondenz*» («ABC»).

⁴ См. *E. Stadler, Als Antibolschewist...*, S. 9, 22, 28. Название «национал-социализм» Штадтлер впервые употребил в конце ноября в своем выступлении на собрании «буржуазного совета» Берлина. Он критиковал здесь правительство за «недостаток

своей фразеологии «Антибольшевистская лига» являлась предтечей гитлеровских фашистских организаций.

«Антибольшевистская лига» сразу же создала разветвленную шпионскую службу. Во главе ее был поставлен бывший летчик Зибель, о деятельности которого Штадтлер впоследствии писал: «Он организовывал охрану помещений во время наших собраний, охрану бюро и частных квартир... Он обеспечивал службу связи с политической полицией, с военным министерством, с офицерами связи воинских частей. И, кроме того, он руководил «охранной службой» в смысле активного антикоммунистического контршпионажа... У нас были «платные» информаторы, ежедневно сообщавшие нам о событиях в коммунистическом лагере,.. профессиональные шпионы и идеалисты...»¹

В начале января Штадтлер был представлен некоему английскому майору Гибсону, который, как он сам заявил, по заданию верховного совета Антанты «изучал в Берлине большевистско-революционную ситуацию». Особое впечатление произвел на Гибсона рассказ Штадтлера о шпионско-диверсионной деятельности Зибеля.

Так контрреволюционные заговорщики — социал-демократические лидеры, монархические генералы и офицеры, магнаты капитала и буржуазные дипломаты, агенты иностранных разведок и уполномоченные президента США — объединились для спасения капиталистического строя, для разгрома революционного пролетариата Германии. Это был тот «заговор международной Антанты», о котором впоследствии говорил В. И. Ленин².

ЯНВАРСКАЯ НЕДЕЛЯ В БЕРЛИНЕ

В начале января 1919 г. контрреволюционные заговорщики сочли момент благоприятным для нанесения подготовленного ими удара. Их план предусматривал прежде

мужества» и требовал вместо созыва Национального собрания установления «диктатуры национального социализма». — См. *E. Stadler, Bolschewismus. Vorträge, Berlin 1919, S. 33.*

¹ *E. Stadler, Als Antibolschewist 1918/1919, S. 31, 95—97.*

² В. И. Ленин не располагал в то время многими из приведенных выше материалов, но он ясно видел и неоднократно говорил о том, что Антанта и германская буржуазия пошли «на соглашение с германскими соглашателями, чтобы задушить германскую революцию». — См. *В. И. Ленин, IX съезд РКП(б). Доклад Центрального Комитета 29 марта, Соч., т. 30, стр. 419.*

всего смещение с поста берлинского полицей-президента левого независимца Э. Эйхгорна, который был назначен 11 ноября Берлинским Исполкомом. Эйхгорн, пользовавшийся большой популярностью среди рабочих, считал себя ответственным перед Исполкомом, а не перед правительством, и последнее прекрасно понимало, что его смещение будет воспринято берлинским пролетариатом как вызов. Правительство хотело вслед за этим распустить «отряды безопасности», созданные Эйхгорном, а затем приступить к разоружению рабочих и «ненадежных» частей берлинского гарнизона.

1 января 1919 г. социал-демократическая газета «Vorwärts» открыла статьей «Тайны полиции» клеветническую кампанию против Эйхгорна. Ему были предъявлены смехотворные обвинения в хищении мяса и муки, «незаконной» скупке оружия, получении «московских денег» и т. п. «Каждый день дальнейшего пребывания Эйхгорна на посту полицей-президента, — говорилось в статье, — означает угрозу общественному спокойствию и безопасности»¹. Эйхгорн потребовал предоставления ему возможности на страницах той же газеты опровергнуть клевету, но 4 января прусское правительство издало приказ о смещении Эйхгорна и замене его социал-демократом Эрнстом. Этот акт произвола был воспринят рабочими Берлина как провокация и вызвал большое беспокойство. Для обсуждения сложившегося положения в тот же день состоялось заседание революционных старост берлинских предприятий, на котором присутствовали также К. Либкнехт и В. Пик. Участники заседания, как коммунисты, так и левые независимцы, были единодушны в том, что Эйхгорн ни в коем случае не должен уходить со своего поста и необходимо решительно бороться против приказа о его смещении. Было решено призвать рабочих Берлина на следующий день к демонстрации протеста. Созданные на многих предприятиях вооруженные группы рабочих (так называемые «черные кошки») должны были взять на себя охрану демонстрантов от возможных нападений².

В воскресенье 5 января газета «Die Rote Fahne» опубликовала подписанное революционными старостами, берлинским правлением НСДПГ и ЦК КПГ обращение к

¹ «Vorwärts», 1. I. 1919.

² W. Pieck, Die Gründung der KPD. — Reden..., Bd. I, S. 113—114.

Демонстрация рабочих и солдат в Берлине 5 января 1919 года

берлинским рабочим с призывом выйти на улицы. «Дело идет не о личности Эйхгорна, — говорилось в нем, — а о том, что вас хотят насильственным образом лишить последних оставшихся завоеваний революции... Удар против берлинского полицей-президента — это удар против всего германского пролетариата, против всей германской революции»¹.

Действуя в соответствии с решением революционных старост, Эйхгорн утром 5 ноября отказался передать дела Эрнсту, явившемуся в полицей-президиум вместе с адъютантом военного коменданта А. Фишером. К двум часам дня в Тиргартене собралось много рабочих. Огромная демонстрация, во главе которой шел отряд «Союза красных солдат», под красными флагами двинулась через Бранденбургские ворота на Александерплац и дальше к зданию полицей-президиума. С балкона перед демонстрантами выступали Либкнехт, Эйхгорн, Ледебур, Деймиг и другие. Рабочие требовали оружия.

¹ «Die Rote Fahne», 5. 1. 1919.

Правительство не ожидало такого мощного и массового движения протеста. Опасаясь, что демонстранты захватят правительственные здания, члены правительства спешно покинули Вильгельмштрассе и собрались на совещание на частной квартире. Как вспоминал впоследствии Носке, «говорили много, но не пришли ни к какому результату, так как нельзя было предугадать, как будет выглядеть Берлин на следующее утро»¹.

Вышедшие на улицы массы берлинских пролетариев не имели иных целей, кроме поддержки требований об оставлении Эйхгорна на его посту, о вооружении рабочих и разоружении буржуазных банд. Подхваченный демонстрантами лозунг свержения правительства Эберта — Шейдемана не был воспринят ими как прямой призыв к захвату правительственных зданий и насильственному свержению правительства. Но к вечеру того же дня несколько небольших групп демонстрантов, подстрекаемых, как выяснилось позднее, шпионами военной комендатуры и провокаторами, захватили помещения газеты «Vorwärts», ряда буржуазных газет и агентства Вольфа².

В типографии «Vorwärts» была отпечатана на красной бумаге листовка, подписанная «Революционные рабочие Большого Берлина». «Рабочие! Товарищи! Солдаты! — говорилось в ней. — Пробил час, когда нужно довести революцию до победоносного конца. Либо мы установим диктатуру пролетариата, либо мы станем свидетелями того, как Эберт — Шейдеман, палачи революции, окончательно задушат ее... Они хотят устроить кровавую баню; лакеи капитала хотят ради капиталистических интересов пролить кровь рабочих. Этого не должно быть. Мы должны это предупредить»³.

Вечером 5 января состоялось заседание революционных старост. В нем приняли участие руководители берлинской организации НСДПГ, КППГ, представители воинских частей берлинского гарнизона. Дорренбах сообщил о боевом настроении Народной морской дивизии и других

¹ G. Noske, Von Kiel bis Kapp, S. 66—67.

² См. П. Манова, О январских боях в Берлине в 1919 году. — «Вопросы истории», 1949, № 1, а также «Illustrierte Geschichte», S. 280—281; E. Eichhorn, Über die Januarereignisse, S. 70—71; «Der Ledebour-Prozess», Berlin 1919, S. 83, 505—510, 515, 529, 577, 696, 746.

³ «An die Arbeiterschaft Berlins!» — Фонды Государственного музея революции СССР, № 7.514/104, Л 443—2В₁.

Выступление К. Либкнехта в Берлине в январские дни 1919 года

воинских частей. Как оказалось впоследствии, сведения о готовности войск гарнизона организованно выступить вместе с рабочими были преувеличенными. На заседании был образован Революционный комитет действия примерно из 70 человек во главе с левыми независимцами Ледебуром и Шольце и коммунистом Либкнехтом. Было принято решение объявить на следующий день всеобщую забастовку и провести новую демонстрацию.

«Товарищи! Рабочие! Солдаты! — говорилось в выпущенном утром 6 января воззвании. — С огромной мощью выразили вы в воскресенье свою решимость сорвать злобное покушение запятнанного кровью правительства Эберта — Шейдемана. Дело идет теперь о большем! Всем контрреволюционным махинациям должен быть положен конец... Вперед на борьбу за власть революционного пролетариата! Долой правительство Эберта — Шейдемана!»¹

Это воззвание, как и шаги, предпринятые 6 января², превращало лозунг «Долой правительство Эберта — Шей-

¹ «Arbeiter! Soldaten! Genossen!» — Фонды Государственного музея революции СССР, № 16.937/108, Л 443—2В₁.

² Как рассказывает в своих воспоминаниях В. Пик, 6 января многочисленные делегации от воинских частей, готовых присоединиться к рабочим, требовали документ о том, что правительство, которому они принесли присягу, больше не существует. Тогда на

демана!» из лозунга агитации в прямую директиву. Однако руководители ЦК КПГ правильно считали момент для открытой борьбы за свержение правительства и взятие власти пролетариатом неблагоприятным. Революционные силы в самом Берлине не были еще организованы и мобилизованы, в то время как реакция сосредоточила под городом значительные военные силы. Деревня не была затронута революцией. Революционные центры в провинции — в Рейнской области, на Побережье, в Брауншвейге, Саксонии и других местах — не были готовы немедленно поддержать берлинских рабочих¹.

Но возмущение провокацией шейдемановцев охватило массы берлинских рабочих и многих солдат берлинского гарнизона. Утром 6 января на большинстве предприятий Берлина работа была прекращена и до полумиллиона рабочих вышло на улицы.

Рабочие крупнейших предприятий — Шварцкопф, АЭГ и других — требовали оружия. Они шли с возгласами «Да здравствует Либкнехт! Да здравствует Эйхгорн!»² В этих условиях руководители молодой компартии, как подлинные революционеры, не считали возможным остаться в стороне. Они были в самой гуще событий, прилагая все старания, чтобы придать выступлению трудящихся Берлина организованный характер и побудить массы действовать решительно и целеустремленно.

6 января «Die Rote Fahne» писала: «Оставить без ответа удар правительства значило бы поощрить его на дальнейшие контрреволюционные шаги... Если оно провоцирует пробу сил, то долг революционных рабочих и солдат защитить дело революции своими телами... Надо спасти революцию, разоружить ее смертельных врагов»³.

В этот день Революционный комитет действия принял попытки вооружить рабочих. Некоторое количе-

пишущей машинке был отпечатан документ, подписанный Либкнехтом и Шольце, в котором говорилось, что правительство Эберта — Шейдемана смещено и правительственные дела временно принял на себя Революционный комитет. — См. *W. Pieck, Die Gründung der KPD. — Reden., Bd. I, S. 114—115.*

¹ См. *R. Luxemburg, Die Ordnung herrscht in Berlin. — Ausgewählte Reden., Bd II, S. 710.*

² См. *H. Rasmuss, Die Januarkämpfe 1919 in Berlin, Berlin 1956, S. 21, 23.*

³ «Die Rote Fahne», 6. I. 1919.

ство оружия было доставлено из Шпандау и Виттенау, со складов Народной морской дивизии и из полицей-президиума. В казармы были посланы агитаторы, которым было поручено разъяснить солдатам обстановку и побудить их примкнуть к рабочим. Но боевые дружины на предприятиях не создавались, наблюдение за действиями правительства не было организовано, никаких попыток занять стратегически важные пункты столицы и организовать их защиту не предпринималось. Оказалось, что никакого плана действий у руководителей, именовавших себя Революционным комитетом действия, не было. В то время как массы на улицах ждали ясных указаний, руководители лишь заседали. Левые независимцы, которых в комитете было большинство, испугались ответственности и стали колебаться. Либкнехт энергично требовал решительных действий, но ничего не мог сделать.

Спустя год газета «Die Rote Fahne», описывая события 6 января, отмечала, что рабочие были полны решимости действовать. «Но тут произошло неслыханное. Массы стояли с 9 часов утра на холоде, в тумане. А где-то сидели вожди и совещались. Туман поднялся, массы продолжали стоять. А вожди совещались. Наступил полдень, к холоду прибавился голод. А вожди совещались. Массы лихорадило от возбуждения: они хотели действия, хотя бы слова, которое утолило бы их возбуждение. Но никто не знал его. Потому что вожди совещались. Туман спустился снова, наступили сумерки. Печальные разошлись массы по домам: они хотели большого, но не сделали ничего. Так как вожди совещались... Они совещались, совещались, совещались...»¹

В это время берлинское правление социал-демократии, стремясь внести разлад и дезорганизацию в рабочий класс, призвало рабочих к забастовкам и демонстрациям протеста против спартаковцев. Центральное правление НСДПГ выступило в роли «честного маклера»: Дитман, Брейтшейд и Каутский отправились для переговоров с членами правительства, Оскар Кон и Луиза Цитц — в Революционный комитет действия, чтобы склонить его к переговорам с правительством. Это им удалось: комитет уже вечером 6 января большинством в 51 голос против 10 согласился начать переговоры.

¹ «Die Rote Fahne», 14. I. 1920.

Правые лидеры независимцев своими действиями вносили дезорганизацию в ряды борющегося пролетариата. Им удалось навязать рабочим ряда предприятий, в том числе и таких, как Шварцкопф и АЭГ, резолюции, требовавшие «единства» коммунистов и независимцев с шейдемановцами¹. Эти лидеры спекулировали на политической незрелости многих рабочих, не понявших глубокой правильности предостережения Либкнехта: «Не всякое «единство» усиливает, — говорил он еще в ноябре. — Единство между огнем и водой тушит огонь и испаряет воду; единство между волком и ягненком отдаст ягненка на съедение волку; единство между пролетариатом и господствующими классами приносит пролетариат в жертву; единство с изменниками приводит к поражению...»²

Между тем правительство довольно быстро оправилось от первой растерянности, вызванной столь массовым протестом берлинских трудящихся. Утром 6 января на совместном заседании правительства и Центрального Совета Эберт и Носке потребовали применения вооруженной силы для разгрома революционных рабочих. Возражений не последовало. Предложение возложить руководство военными действиями на командира гвардейской кавалерийской (стрелковой) дивизии генерала Гофмана было, однако, отклонено из опасения, что это усилит возмущение рабочих. Кто-то предложил кандидатуру Носке. «Пусть так, — сразу же согласился тот. — Кто-нибудь ведь должен стать кровавой собакой...»³

Носке, назначенный генерал-губернатором Берлина и главнокомандующим, немедленно принялся за осуществление давно подготовленного плана. Связавшись с офицерами генерального штаба, майорами Штокгаузенем, Гаммерштейном и Гильза, Носке перенес штаб-квартиру группы Лютвица в Далем, где она не могла подвергнуться нападению со стороны рабочих. Здесь, по совету Лютвица, было окончательно решено не спешить с вводом войск в Берлин, чтобы не подвергать их опасности «революционного разложения», мобилизовать прежде всего берлинские

¹ См. *E. Eichhorn*, Über die Januarereignisse, S. 79; *W. Pieck*, Die Gründung der KPD. — Reden..., Bd. I, S. 116—117.

² *K. Liebknecht*, Der neue Burgfrieden. — Ausgewählte Reden..., S. 469.

³ *G. Noske*, Von Kiel bis Kapp, S. 69; *H. Müller*, Die Novemberrevolution, S. 256.

Революционные рабочие и солдаты на улицах Берлина в дни январских боев 1949 года

контрреволюционные силы, а «добровольческие корпуса» сосредоточить в районе Гросс-Лихтерфельде и в благоприятный момент использовать для нанесения решающего удара¹.

Тем временем в разных частях Берлина то и дело возникали ожесточенные стычки революционных рабочих со сторонниками правительства. Обстановка в городе была крайне сложной и запутанной. В районе Силезского вокзала произошло спровоцированное комендатурой столкновение солдат саперной роты с рабочими. Последним удалось удержать вокзал в своих руках и ответным ударом занять саперную казарму и провиантское ведомство. Попытки рабочих захватить здания комендатуры и военного министерства не имели успеха. Однако телеграф, государственная типография, железнодорожная дирекция были заняты.

7 января выяснилось, что солдаты берлинского гарнизона и даже матросы не готовы поддержать рабочих в борьбе против правительства. Руководители Народной морской дивизии, которую в декабре рабочие спасли от

¹ «Darstellungen...», Bd. VI, S. 58—59.

разгрома, ссылались на данное ими тогда обещание не выступать против правительства. Они объявили о смещении члена комитета дивизии Дорренбаха и заявили, что будут соблюдать «нейтралитет». Революционному комитету действия пришлось покинуть манеж, где он находился, и перейти в здание полиции-президиума¹.

В это время полковник Рейнгард собрал под своим командованием самых отчаянных головорезов, которые вскоре стали расстреливать в Моабите рабочих из пулеметов². Редактор «Vorwärts» Куттнер сформировал из социал-демократических функционеров вооруженный отряд, названный полком «Рейхстаг». Буржуазные сынки и студенты создавали «отряды самообороны», из-за угла нападавшие на рабочих. «Буржуазный совет» Берлина в специальном воззвании «К оружию!» призывал добровольцев и сулил им крупное вознаграждение³.

8 января на заседании ЦК КПГ Роза Люксембург и Лео Йогихес резко осудили поведение независимцев и потребовали от К. Либкнехта и В. Пика, чтобы они вышли из Революционного комитета действия⁴. Но в ночь на 9 января, казалось, наступил перелом, и собрание революционных старост решилось, наконец, действовать. Убедившись в бесплодности переговоров, собрание решило прервать их и выпустило воззвание — «Кто всеобщей забастовке! К оружию!», — в котором говорилось: «Рабочие! Товарищи! Последний туман рассеян. Ситуация ясна! На карту поставлено все: все счастье, все будущее рабочего класса, вся социальная революция! Эберт — Шейдеман открыто призывают своих сторонников и буржуазию к оружию против вас, пролетарии... Выбора больше нет! Нужно бороться до конца!.. Вооружайтесь! Используйте оружие против ваших смертельных врагов Эберта — Шейдемана!..

¹ См. «Untersuchungsausschuss», S. 47—48; «Der Ledebour-Prozess», S. 65—66.

² Рейнгард хвастался впоследствии, что первый создал в центре Берлина воинскую часть, «которая стреляла и не вела переговоров», и что одна из созданных им офицерских рот за одну ночь израсходовала якобы 3 тысячи патронов. Он оспаривал на этом основании незаслуженно приписанную Носке «славу» и требовал для себя «лавров» главного палача. — См. *W. Reinhard, Die Wehen der Republik*, S. 68—69. В годы фашизма Рейнгард дослужился до чина обер-группенфюрера войск СС.

³ «Die Freiheit», 10. I. 1919.

⁴ *W. Pieck, Die Gründung der KPD. — Reden..*, Bd. I, S. 116.

К генеральной забастовке, к оружию! На улицы, для последнего боя, для победы!»¹

«Союз красных солдат» тоже призвал своих сторонников к борьбе. В его листовке было сказано: «Камень покатылся, отступление теперь невозможно! Реакция уже организовала вербовочные бюро, которые вооружают буржуазию и связанных с ней шейдемановцев, чтобы уничтожить революцию! Кровь наших братьев уже окрасила мостовые... Братья! Покидайте предприятия! Не дайте себя запугать! Оставайтесь на улицах!» Листовка предлагала вооруженным рабочим и солдатам собраться в 1 час дня в Гумбольдтхайне, на Бель-Альянсплац и Александерплац и ждать дальнейших указаний².

Однако в момент, когда уже началась вооруженная борьба, было недостаточно одних призывов к оружию. На первый план должна была быть выдвинута задача организационно-технического руководства восстанием. К. Маркс неоднократно указывал, что «восстание, как и война, есть искусство». В. И. Ленин, обобщая указания Маркса, подчеркивал, что нельзя «играть с восстанием», а, начав его, надо идти до конца. Необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент, стараться захватить врасплох неприятеля, пока его войска разбросаны, действовать с величайшей решительностью и безусловно переходить в наступление, ибо «оборона есть смерть вооруженного восстания». Крайне важно добиваться ежедневно и даже ежчасно хоть маленьких успехов, поддерживая, во что бы то ни стало, моральный перевес у восставших³.

Ни одно из этих указаний не было реализовано в январские дни в Берлине. Организация молодой компартии, насчитывавшая в Берлине едва 300 человек, была слишком слаба, чтобы самостоятельно решить эти задачи и организовать восстание. Что касается лидеров независимцев, в том числе и левых, то они уже 9 января вече-

¹ «Auf zum Generalstreik! Auf zu den Waffen!» — Фонды Государственного музея революции СССР. № 16.966/69. Л 443—2В₁. Воззвание подписали: революционные старосты и доверенные крупных предприятий Большого Берлина, Центральное правление социал-демократических избирательных округов Берлина и окрестностей НСДПГ, Центральный Комитет Коммунистической партии Германии (Союз Спартака).

² «Soldaten! Arbeiter!» — Там же, № 18.098/35, Л 443—2В₁.

³ См. В. И. Ленин, Советы постороннего, Соч., т. 26, стр. 152.

ром снова вступили в переговоры с правительством, бросив на произвол судьбы тех рабочих, которых они утром призывали к оружию. В этих условиях для коммунистов оставаться дольше в Революционном комитете действия означало бы брать на себя ответственность за его бездеятельность и обманывать рабочих. 10 января ЦК КПГ специальным письмом отозвал своих представителей¹. При этом ЦК подчеркнул, что его представители будут присутствовать на заседаниях революционных старост с целью информации и что, невзирая на разногласия, компартия будет бороться плечом к плечу с революционными старостами, когда они перейдут к решительным революционным действиям.

Между тем контрреволюция готовилась к нанесению удара по берлинским рабочим. Носке противился всякому компромиссу, который мог бы помешать осуществлению его кровавых планов. Еще 6 и 7 января войска получили предварительные приказы штаба Лютвица. В них ставилась задача разоружения всех, «не имеющих права носить оружие» и «не безусловно верных правительству». При этом командирам предписывалось в ходе боевых операций размещать свои войска изолированно от населения, чтобы они не могли подвергнуться воздействию «спартаковских агитаторов». В приказе специально подчеркивалось, что правительственные войска должны отличать спартаковцев от «независимых», ибо «только первых следует рассматривать как врагов». Чтобы не вызвать излишнего озлобления со стороны населения, войска не должны были насильно срывать красные флаги и кокарды, но в то же время они должны были применять оружие без промедления и колебаний и действовать «самым решительным образом»².

8 января правительство выпустило специальное воззвание, в котором, пытаясь запугать революционных рабочих, заявляло, что «час возмездия приближается». Первый удар был нанесен по Шпапдау, где находились крупные оружейные заводы, на которых было занято около 50 тыс. рабочих. Во главе рабочего Совета здесь стоял коммунист Пизер, во главе солдатского Совета — бывший редактор «*Leipziger Volkszeitung*» Лоевский³. Но и в

¹ См. *W. Pieck*, *Die Gründung der KPD., Reden...*, Bd. I, S. 117.

² «*Darstellungen...*», Bd. VI, S. 66—68.

³ «*Illustrierte Geschichte*», S. 285.

Шпандау рабочие придерживались оборонительной тактики и позволили окружить себя и изолировать. Недостаток бдительности привел к тому, что вечером 9 января два разведчика из гвардейских частей смогли проникнуть в ратушу, выяснить силы оборонявшихся, похитить замки от нескольких пулеметов, перерезать кабели освещения и т. п. Утром 10 января войска Носке взяли ратушу штурмом, разгромив немногочисленные вооруженные отряды рабочих. 63 человека были взяты в плен, в том числе 8 женщин. Несколько руководителей, среди них Пизер, были расстреляны на месте. Лоевский и другие были убиты по пути в Берлин «при попытке к бегству»¹.

10 января передовые отряды правительственных войск завязали бой в районе центральных боен. Вечером и ночью были произведены аресты. Среди арестованных были один из руководителей левых независимцев Г. Ледебур и коммунист Э. Мейер². Утром 11 января полк «Потсдам» под командованием майора Стефани начал с двух сторон штурм здания «Vorwärts». К этому времени здесь находилось 500—600 рабочих с заводов Шварцкопф, АЭГ, Кнорр-Бремзе и других берлинских и пейкельнских предприятий. Но против пулеметов, винтовок и разнокалиберных ружей оборонявшихся рабочих правительственные войска применили полевые гаубицы, выпустившие не менее 70 снарядов. Фасад здания был разрушен, в бумажном складе вспыхнул пожар. Попытки штурма были отбиты в ожесточенных рукопашных схватках. Когда дальнейшее сопротивление стало невозможным, рабочие направили делегацию из 7 безоружных парламентариев во главе с поэтом В. Меллером и редактором В. Фернбахом для переговоров о сдаче. Все они были по приказу майора Стефани зверски убиты³. Около 300 пленных, среди которых были и женщины, подверглись жестокому истязаниям. Вскоре войсками были заняты и другие здания газетного квартала.

Днем 11 января в город вступила трехтысячная колонна вооруженных войск, во главе которой рядом с полковником Детьеном шагал Носке. Населению было приказано не выходить на улицы. Пройдя через центр

¹ «Illustrierte Geschichte», S 285; «Darstellungen...», Bd. VI, S. 74—75.

² «Untersuchungsausschuss», S. 51—53, 342.

³ Там же, стр. 29—32; «Illustrierte Geschichte», S. 288; «Darstellungen...», Bd. VI, S. 62, 64; Убийцы были судом оправданы. — См. *E. Gumbel*, *Vier Jahre politischer Mord*, Berlin 1922, S. 9—10.

города, колонна вышла к имперской канцелярии. Этот церемониальный марш вооруженных карателей должен был запугать революционных рабочих, подбодрить обывателей, содействовать активизации буржуазных банд¹. С балкона имперской канцелярии Носке поблагодарил войска, и они снова вернулись в предместья.

В ночь на 12 января начался артиллерийский обстрел здания полицей-президиума. Большая часть солдат «службы безопасности» разошлась по домам, так как Эйхгорн не имел денег для выплаты им жалованья, многие были подкуплены комендатурой, располагавшей неограниченными средствами. Здание обороняло около 300 человек, главным образом рабочих. Здесь имелись значительные запасы оружия, были даже две пушки, но они не были использованы. Правительственные войска обстреляли здание из гаубиц и гранатометов. Высланные рабочими парламентареры были убиты. Утром 12 января солдаты ворвались в здание. Захваченные пленные были жестоко избиты, несколько человек было расстреляно на месте².

Спротивление героических борцов было сломлено. Силезский и Ангальтский вокзал были оставлены без боя, лишь кое-где на рабочих окраинах продолжались разрозненные стычки. 13 января Центральное правление НСДПГ и революционные старосты объявили об окончании забастовки и возобновлении работы³. На следующий день полк Рейнгарда и морская бригада фон Родена осуществили «расчистку» рабочего района Моабит. 3-й батальон Народной морской дивизии, несмотря на то что он не участвовал в боях, был разоружен. Обыски и облавы были проведены на заводах АЭГ, «Дейче ваффеунд муниционсфабрикен», Сименс-Шуккерта, «Кабельверке» и других⁴.

15 января в город со всех сторон вступили главные силы «добровольческих корпусов» — белой гвардии Носке. В центре и в правительственных кварталах разместились ландъегери Меркера, западные районы были заняты добровольцами Гюльзена, в Шарлоттенбурге и Вильмерсдорфе расположилась гвардейская кавалерийская (стрелковая) дивизия, в юго-восточных районах — войска 31 пе-

¹ «Darstellungen...», Bd. VI, S. 69.

² «Die Freiheit», 13. I. 1919; «Illustrierte Geschichte», S. 292.

³ E. Eichhorn, Über die Januarereignisse, S. 83.

⁴ «Darstellungen...», Bd. VI, S. 71—72.

Здание «Vorwärts» после обстрела его
правительственными войсками

хотной дивизии и батальона фон Редера¹. Наконец-то контрреволюционным заговорщикам удалось осуществить то, к чему они стремились: Берлин был в руках вооруженных карателей.

В воззвании к населению Берлина Носке лицемерно заявил, что находящиеся под его командованием дивизии «не являются инструментами контрреволюции, служат не угнетению, а освобождению...» После этого он потребовал обязательной сдачи населением оружия, угрожая не сдавшим тюремным заключением до 5 лет или штрафом до

¹ «Darstellungen...», Bd. VI, S. 70. Рабочие районы севернее р. Шпрее были признаны непригодными для расквартирования войск. Войска были введены туда только накануне выборов, 18 января.

100 тысяч марок. Изъятие оружия возлагалось на правительственные войска, причем было объявлено о предстоящих обысках в домах и квартирах. Запрещались всякие собрания, ограничивались передвижение по улицам, телефонная связь и т. д.¹ По официальным данным, число убитых в январские дни в Берлине составило 156 человек, но, по-видимому, оно было значительно большим².

14 января в передовой статье «Die Rote Fahne» Роза Люксембург писала: «Порядок царит в Берлине! — триумфируя, сообщает буржуазная пресса, провозглашают Эберт и Носке, заявляют офицеры «победоносных войск», которым мещанская толпа Берлина машет на улицах платочками и кричит ура! Слава и честь германского оружия спасены перед мировой историей... «Спартак» называется враг и Берлином место, где наши офицеры умеют побеждать; Носке, «рабочий», вот имя генерала, который умеет одерживать победы, в то время как Людендорф с этим не справился»³.

Стрельба на улицах города продолжалась. Генерал Меркер, хорошо знавший тот сброд, который составлял его войска, в письме Лютвицу признавался, что, по его убеждению, «стреляют не спартаковцы, а добровольцы. Отчасти из страха, отчасти из озорства..., стреляют, чтобы оправдать свое существование...»⁴

УБИЙСТВО КАРЛА ЛИБКНЕХТА И РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ

В эти кровавые дни «Антибольшевистская лига» во всю ширь развернула свою деятельность. 9 января Штадтлеру удалось установить личный контакт с Носке. Он

¹ DR, S. 412, 416.

² См. «Untersuchungsausschuss», S. 155.

³ R. Luxemburg, Die Ordnung herrscht in Berlin. — Ausgewählte Reden..., Bd. II, S. 708. В листовке «Союза красных солдат» говорилось: «Мы потерпели поражение... Чего нам не хватало, так это сплоченности». Далее указывалось на неуверенность руководства, на распыленность сил, на то, что переговоры с правительством сорвали единство действий пролетариата. Листовка призывала всех пролетариев, способных носить оружие, вступать в «Союз красных солдат». — «Arbeiter! Soldaten!» — Фонды Государственного музея революции СССР. № 19.880/98, Л 443—2В₁.

⁴ См. R. Müller, Der Bürgerkrieg..., S. 96.

призывал его к самым решительным действиям, настойчиво рекомендовал отбросить всякие колебания и установить свою неограниченную диктатуру.

10 января по приглашению Гельфериха в клубе летчиков состоялась встреча Штадтлера с 50 крупнейшими германскими промышленниками. Среди них были Гуго Стиннес, Альберт Фёглер, Эрнст Борзиг, Сименс, Дейч, Манкиевитц, Заламонзон, Рейхерт и другие «сливки промышленного, торгового и банковского мира». После доклада Штадтлера «Большевизм как мировая опасность» Стиннес заявил: «Я по всем пунктам разделяю мнение докладчика. Если германский промышленный, торговый, банковский мир не захочет и не в состоянии выделить для борьбы с обрисованной опасностью страховую премию в 500 миллионов марок, то он недостоин носить имя германской промышленности». Тут же на основе «самообложения» был создан полумиллиардный фонд и образован кураториум для заведывания им¹.

Огромные денежные средства, предоставленные в распоряжение «лиги», текли в самые разнообразные организации, готовые любыми средствами действовать в «антибольшевистском» духе. Среди них были «Генеральный секретариат», «буржуазные советы», вербовочные бюро «добровольческих корпусов», «организации самообороны», «студенческие отряды» и не в последнюю очередь также кассы социал-демократической партии. Чтобы оправдать доверие своих хозяев, «Антибольшевистская лига» усилила нажим на все контрреволюционные организации, требуя решительной расправы с революционными рабочими и особенно с виднейшими коммунистическими руководителями. Травля Карла Либкнехта и Розы Люксембург в январские дни достигла чудовищных масштабов. На афишных столбах был расклеен плакат, прямо призывавший к убийству революционных вождей. Вся буржуазная печать, включая «Vorwärts», твердила о том же. Среди солдат распространялась листовка, в которой убийцам

¹ *E. Stadler, Als Antibolschewist 1918/1919, S. 46—48.* Связь Штадтлера с магнатами капитала еще более упрочилась, когда он через несколько дней по приглашению Стиннеса выступил в Дюссельдорфе в доме Стального треста на собрании промышленников Рура, среди которых были также Тиссен, Кирдорф, Рейш, Шпрингорум. Гамбургские банкиры Варбург и Шинкель тоже присоединились к числу покровителей «Антибольшевистской лиги». — Там же, стр. 57, 62.

сулили крупное денежное вознаграждение¹. Сотни шпи-ков и ищеек были разосланы комендатурой, «Антибольше-вистской лигой» и карательными войсками в разные концы города.

12 января Штадтлер вместе с Зибелем получил «поли-тическую аудиенцию» у начальника штаба гвардейской кавалерийской (стрелковой) дивизии майора Пабста. Впоследствии Штадтлер так передавал содержание своего разговора с Пабстом: «Я сказал ему, что военное вступле-ние в Берлин лишь полдела... Если на нашей стороне нет пока вождей, то и другая сторона не должна иметь их... Роза Люксембург в высшей степени опасна... и с каждым днем растет ее популярность среди... пролетарских масс. Глаза майора Пабста блестели... Он встал, по-солдатски пожал мне руку и сказал только: «Я вам очень благода-рен, на меня вы можете положиться»...»²

Руководителям компартии лишь с большим трудом уда-лось убедить Карла Либкнехта и Розу Люксембург в не-обходимости укрыться от преследований. Но, согласив-шись переменить квартиру, они не захотели прекратить работу в газете «Die Rote Fahne». Два дня они прожили в Нейкёльне, а затем для них было найдено убежище на частной квартире в Вильмерсдорфе. Здесь они вечером 15 января были выслежены агентами «секции 14» социал-демократического полка «Рейхстаг». Вместе с пришедшим к ним на квартиру Вильгельмом Пиком они были аресто-ваны буржуазным «отрядом самообороны» и доставлены в отель Эден, у Зоологического сада, в штаб гвардейской кавалерийской (стрелковой) дивизии.

Здесь поздним вечером 15 января разыгралась страш-ная трагедия гибели лучших руководителей германского рабочего класса³. Арестованные были доставлены к май-ору Пабсту. Вскоре его адъютант капитан Пфлюгк-Гар-тунг вызвал из близлежащей части своего брата и других офицеров. Около 11 часов вечера Карл Либкнехт был вы-веден из здания отеля. По пути к машине к нему подско-чил егерь Рунге и нанес ему удар прикладом по голове.

¹ См. «Untersuchungsausschuss», S. 345.

² E. Stadtler, Als Antibolschewist 1918/1919, S. 52.

³ Этому вопросу посвящены диссертация К. Камснецкой «Убий-ство Карла Либкнехта и Розы Люксембург» и сообщение того же автора «Убийцы К. Либкнехта и Р. Люксембург перед судом Вей-марской республики» в журнале «Вопросы истории», 1949 г., № 1.

Либкнехта втащили в машину, где находились пять офицеров. При проезде через Тиргартен машина остановилась якобы из-за неисправности мотора. Либкнехта вывели и злодейски убили выстрелами из пистолета. Труп был через полчаса сдан убийцами в полицейский участок на Курфюрстендамм. Официальная версия гласила: «Карл Либкнехт убит при попытке к бегству».

Около 12 часов почти из отеля была выведена Роза Люксембург. Тот же егерь Рунге, выполняя полученное от капитана Петри приказание, нанес ей несколько ударов прикладом. Полуживая, она была внесена в автомашину. Не успела машина отъехать, как раздался выстрел: старший лейтенант Фогель застрелил Розу Люксембург. Машина подъехала к Лаудверканалу, и труп убитой был брошен в воду. Официальная версия гласила: «Роза Люксембург линчевана возмущенным народом, похитившим и ее труп».

Участь Карла Либкнехта и Розы Люксембург должен был разделить и Вильгельм Пик. Тому же егерю Рунге было поручено застрелить его в одном из коридоров отеля. В. Пик в критический момент проявил редкое самообладание. Он энергично потребовал от Рунге, чтобы его отвели к офицеру. Последний, не зная Пика, распорядился отправить его в тюрьму. По дороге Пик удалось бежать, и он немедленно вернулся к подпольной деятельности¹.

Известие о злодейской расправе контрреволюционеров с лучшими вождями рабочего класса Германии — Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург — вызвало волну негодования и возмущения во всей стране. Во многих городах, в том числе Гамбурге, Дюссельдорфе и других, состоялись митинги, демонстрации, кратковременные забастовки протеста. ЦК КПП квалифицировал это злодеяние как террористический акт правительства Эберта — Шейдемана. На многотысячном собрании в Гамборне оратор заявил, что пролетариат должен привлечь к ответу клику Эберта — Носке — Шейдемана, виновную в убийстве благороднейших руководителей пролетариата. Рабочие Нордгаузена, прекратив работу, собрались на митинг и единодушно приняли резолюцию, в которой выразили свое «отвраще-

¹ См. *F. Erpenbeck, Wilhelm Pieck. Ein Lebensbild*, Berlin 1951, S. 89—102.

ине правительству убийц и их военных ландскнехтов»¹. В адрес жены К. Либкнехта и друзей убитых поступали десятки телеграмм с выражением глубокого соболезнования².

Кровавое преступление в Берлине вызвало гнев и возмущение и далеко за пределами Германии. ЦК РКП(б) и ВЦИК в специальном обращении заклеямили убийц, по всей Советской России проходили демонстрации и митинги протеста. «Не найти слов для выражения всей мерзости и низости этого палачества, совершаемого якобы социалистами, — писал В. И. Ленин. — Очевидно, история избрала такой путь, на котором роль «рабочих лейтенантов капиталистического класса» должна быть доведена до «последней черты» зверства, низости и подлости»³. Ромен Роллан, поместивший в «L'Humanité» серию статей о «кровавом январе в Берлине», выразил протест передовой общественности всего мира. «Убийство Либкнехта и Розы Люксембург потрясло нас, — писал он. — История не забудет трагического ужаса этой катастрофы»⁴.

Похороны Либкнехта в Берлине 25 января 1919 г. превратились в мощную демонстрацию, в которой приняли участие многочисленные представители рабочих из разных городов Германии. Труп Розы Люксембург был обнаружен только 31 мая 1919 г. 13 июня она была похоронена рядом с другими бойцами революции на кладбище Фридрихсфельде. Злейшим надругательством над памятью убитых явилось поручение судебного следствия... военному суду той дивизии, офицерами которой было совершено преступление. Не удивительно, что убийцы остались почти безнаказанными⁵.

¹ ЦПА ИМЛ, фонд 210, оп. 1, д. № 1308. Телеграмма из Нордгаузена. 18. I. 1919.

² См. там же, д. № 1464, 1465, 1466 и др.

³ В. И. Ленин, Письмо к рабочим Европы и Америки, Соч., т. 28, стр. 412.

⁴ «L'Humanité», 16, 17, 18. II. 1919.

⁵ Егерь Рунге был присужден к двум годам тюрьмы, убийца Розы Люксембург, ст. лейтенант Фогель, — к 2 годам 4 мес., но он бежал в Голландию. Убийцы Либкнехта были оправданы. Зато следователь Иорнс, ведший дело, стал в 1927 г. имперским прокурором, а с приходом к власти Гитлера — президентом «народного суда». — См. W. Kaul, Justiz wird zum Verbrechen, Berlin 1953, S. 247, 255—280.

Похороны Карла Либкнехта 25 января 1919 года

Похороны Розы Люксембург 13 июня 1919 года

Берлинским рабочим, сражавшимся в январские дни на улицах своего города, не удалось установить непосредственного контакта с трудящимися других центров Германии. Но хотя январские бои были в основном результатом стихийного возмущения рабочих Берлина провокационными действиями шейдемановцев, они все же нашли живой отклик в разных частях страны, где, так же как и в Берлине, зрело недовольство правительством Эберта и К^о.

8 января рабочий и солдатский Совет Лейпцига обратился к Советам всей Германии с призывом требовать устранения правительства Эберта — Шейдемана¹. На следующий день в Лейпциге под Лейпцигом матросы и рабочие задержали три воинских эшелона, направлявшихся в Берлин. В завязавшихся боях было убито 4 и ранено 9 человек; правительственные войска были разоружены и вынуждены возвратиться в пункты формирования. 11 января в Лейпциге была проведена однодневная забастовка солидарности с берлинскими рабочими². В Дрездене 9 и 10 января проходили бурные собрания и демонстрации. Войска открыли огонь из пулеметов и гранатометов; 12 рабочих были убиты, 52 ранены. Несколько коммунистических руководителей было арестовано; шейдемановский рабочий и солдатский Совет запретил проведение коммунистических собраний³.

В Брауншвейге 7 января произошли демонстрации, сопровождавшиеся занятием рабочими помещений буржуазных газет. На следующий день отряды вооруженных рабочих пытались пробиться в Берлин, но были задержаны и разоружены⁴. Рабочий и солдатский Совет Брауншвейга заявил решительный протест против вербовки добровольцев для войны с Советской Россией, предупредив что не пропустит транспортов войск на Восток⁵.

В Штутгарте 8 января начались рабочие демонстрации против правительства Эберта — Шейдемана и вюртембергского правительства Блоса. Рабочие захватили типогра-

¹ См. «Freiheit», 3. II. 1919. Morgen-Ausgabe.

² DR, S. 445—446.

³ W. Fabian, Klassenkampf um Sachsen, S. 45.

⁴ «Darstellungen...», Bd. VI, S. 69.

⁵ DR, S. 469—472.

фию газеты «Neues Tageblatt». Контрреволюционные «войска безопасности» напали на рабочих и учинили кровавую расправу¹. 11 января Блос направил Эберту приветственную телеграмму, в которой выражал радость по поводу «успехов» берлинского правительства и сообщал о своей «победе» над рабочими и аресте коммунистических руководителей². Демонстрации и митинги, сопровождавшиеся вооруженными столкновениями, имели место в Верхней Силезии, в Мюнхене, Нюрнберге, Цвиккау, Шверине и других городах.

Выступления рабочих охватили также Рейнскую область и Рур. 11 января здесь бастовало более 80 тысяч рабочих. В Дюссельдорфе рабочие разоружили полицию, установили цензуру над буржуазной прессой. В Дуисбурге, Мюльгейме, Обергаузене, Гамборне, Нельзуме рабочие и солдатские Советы выдвинули революционные требования³. 9 января рабочий и солдатский Совет Эссена решил занять здание угольного синдиката и создать здесь «контрольную комиссию». 13 января в Эссене собралась конференция рабочих и солдатских Советов Рейнско-Вестфальского промышленного района с участием представителей всех профсоюзных организаций горняков. Она приняла решение «самим взять в руки дело немедленной социализации угледобычи»⁴. Мотивируя его, конференция записала: «В этих кратких словах заключен факт огромного значения. Социализация — это слово, которое не может каждый толковать по-своему. Она означает, что с эксплуатацией рабочих должно быть покончено, что крупные предприятия должны быть забраны у капиталистов и стать собственностью народа... Начало должно быть положено в отношении шахт и недр земли, которые больше, чем что-либо иное, по праву принадлежат всему народу, а не отдельным привилегированным лицам...»⁵

Для руководства социализацией шахт конференция избрала «народным комиссаром по подготовке социализации» судью Рубена и так называемую «комиссию девяти»,

¹ См. «Darstellungen...», Bd. V, Die Kämpfe in Südwestdeutschland 1919—1923, S. 16—19.

² DR, S. 453—454.

³ Там же, стр. 417; H. Spethmann, 12 Jahre Ruhrbergbau, Bd., I, S. 158, 161—162, 173.

⁴ «Die Rote Fahne», 3. II. 1919.

⁵ «Die Rote Fahne», 27. II. 1919.

в которую вошли по 3 представителя от коммунистов, независимцев и правых социал-демократов. Комиссия сформулировала требования горняков в форме проекта декрета об управлении угольным хозяйством. «Угольные копи, — говорилось в нем, — со всеми их сооружениями составляют народное достояние, заведывание которым поручается занятым в горном деле работникам как умственного, так и физического труда». Проект, предлагавший немедленно приступить к выборам участковых, шахтных и районных Советов горнорабочих, был с энтузиазмом встречен горняками Рура¹.

Конференция рабочих и солдатских Советов Рейнско-Вестфальской промышленной области, собравшаяся 16 января в Гельзенкирхене, в принятой резолюции заявила: «Если правительство будет опираться на своих наемников, оно должно быть свергнуто посредством всеобщей забастовки. Мы решительно отвергаем всякие попытки создать буржуазно-капиталистическую республику. Мы осуждаем действия правительства, которое вооружило буржуазные элементы, офицеров, унтер-офицеров и студентов против берлинского пролетариата и вызвало этим кровавую баню»².

СОВЕТСКИЕ РЕСПУБЛИКИ В БРЕМЕНЕ И КУКСГАФЕНЕ

Наиболее серьезный отклик бои в Берлине нашли в городах морского побережья, особенно в Бремене, где коммунистическая организация, возглавляемая Йоганном Книфом, пользовалась значительным влиянием. Еще в конце ноября рабочий и солдатский Совет Бремена принял решение о вооружении рабочих, но из-за саботажа социал-демократов и независимцев практически почти ничего не было сделано.

6 января 1919 г. в Бремене были проведены выборы нового рабочего Совета. Социал-демократы получили в

¹ См. Ю. Мархлевский (*Карский*), Что будет с Германией? — «Коммунистический Интернационал», 1919 г., № 5, стр. 624—625. Юлиан Мархлевский — видный польский коммунист — работал в январе—марте 1919 г. в Руре и вскоре стал признанным советником «комиссии девяти».

² См. Н. Spethmann, 12 Jahre Ruhrbergbau, Bd. I, S. 176.

Einwohner Bremens!

Die Entscheidung ist gefallen! Von nicht mit in den selbstmörderischen Zusammenbruch der kapitalistischen Weltwirtschaft hineingezogen zu werden, hat das wehrfähige Volk Bremens, das revolutionäre Proletariat, sein Schicksal in die eigene Hand genommen!

Ueber Bremen ist das Ständerecht verhängt!

Die gesamte wirtschaftliche und politische Macht liegt in den Händen der proletarischen Volksregierung.

Bremen ist eine selbständige sozialistische Republik.
Der Senat ist abgesetzt!

Alle im Besitz von Waffen befindlichen Bürger und Wehrere haben ihre sämtlichen Waffen bis vorabend, den 11. Januar 1919, nachmittags 3 Uhr, im armen Kolonnen abzugeben.

Nach diesem Termin in unerlösterem Besitz von Waffen betroffenen Personen verfallen dem Ständerecht!

Alle Rangabzeichen sind sofort abzulegen.

Diebstahl, Raub, Plünderung

sind Verbrechen gegen die sozialistische Gemeinwohl!

In Ausübung dieser Verbrechen betroffene Personen werden sofort erschossen!

Jeder gegenrevolutionäre Versuch wird als Hochverrat mit sofortigem Erschiessen geahndet!

Im Interesse der öffentlichen Sicherheit wird die Polizeistunde vorübergehend auf 9 Uhr abends festgesetzt, und der Absatz von Wein und Spirituosen verboten!

Einwohner Bremens!

Das gesamte revolutionäre Proletariat des Reichs hat sich verpflichtet, durch die Durchführung der beschriebenen Bestimmungen, sowie in der nächsten Zeit durch die Durchführung der in den nächsten Wochen durchgeführten Maßnahmen, den Revolutionären die Unterstützung zu leisten.

Bremen, den 11. Januar 1919.

Der Rat der Volkskommissionariate.

Плакат о провозглашении Советской
республики в Бремене 10 января 1919 года

нем 113 мест, независимцы — 64 и коммунисты — 62¹. Когда в Бремене стало известно о боях в Берлине, газета «Der Communist» 9 января призвала бременских рабочих не оставаться пассивными, а начать борьбу в поддержку берлинских пролетариев².

10 января на рыночной площади собрался 30-тысячный митинг. Выступавшие потребовали окончательной отставки сената, отстраненного в ноябре, исключения членов буржуазных партий и шейдемановцев из рабочего и солдатского Совета. Бремен был объявлен «социалистической республикой». Был создан Совет народных уполномо-

¹ «Illustrierte Geschichte», S. 338; P. Müller, W. Brewes, Bremen in der deutschen Revolution, S. 59—60. Здесь говорится, что независимцы получили 58 мест, коммунисты — 59.

² Там же, стр. 64.

моченных (СНУ), в состав которого были включены три коммуниста, три независимца и три солдата. И. Книф был избран заочно, но из-за болезни не принимал участия в его деятельности¹. Руководство оказалось фактически в руках независимцев Генке и Фразупкевица. Вместо распущенного сената были созданы народные комитеты просвещения, полиции, здравоохранения, продовольствия, финансов, пожарной охраны, прессы и пропаганды и др. Социал-демократы были исключены из рабочего и солдатского Совета, в который дополнительно были введены по 15 представителей от НСДПГ и КПГ².

На следующий день СНУ Бремена объявил о принятии чрезвычайных мер против контрреволюции, было введено военное положение, установлена цензура буржуазной печати³. СНУ направил приветственную телеграмму берлинским рабочим и опубликовал воззвание ко всем рабочим и солдатским Советам Германии. «Бременские пролетарии, — говорилось в нем, — возмущенные кровавым хозяйничаньем правительства Эберта, связанного с эксплуататорами, сегодня, 10 января... передали свою судьбу в руки собственного пролетарского народного правительства». В телеграмме, адресованной Эберту — Шейдеману, Бременский Совет потребовал их немедленной отставки. Было послано также приветствие Советской России, в котором выражалось пожелание успешного развития революции в России и Германии⁴.

11 января была провозглашена «социалистическая республика» также в небольшом портовом городке Кукогафене, вблизи Гамбурга. Чтобы предотвратить утечку капиталов, рабочими были запяты здесь все банки, сберегательные кассы и кредитные учреждения⁵. В Гамбурге имели место столкновения портовых рабочих с полицией.

¹ И. Книф умер в апреле 1919 г. от последствий неудачной операции.

² «Bremer Bürger-Zeitung», 11. I. 1919. Газета, бывшая прежде органом социал-демократии, 21 декабря 1918 г. была превращена в орган рабочего и солдатского Совета Бремена. Ее редактором стал лидер независимцев А. Генке. С 6 февраля 1919 г. она снова перешла в руки социал-демократов и стала выходить под названием «Bremer Volksblatt».

³ «Bremer Bürger-Zeitung», 13. I. 1919.

⁴ Там же; P. Müller, W. Brewes, Bremen..., S. 68.

⁵ «Bremer Bürger-Zeitung», 14. I. 1919.

Поражение берлинских рабочих немедленно сказалось на позиции бременских независимцев. 13 января рабочий и солдатский Совет Бремена 101 голосом против 88 принял решение об участии населения Бремена в выборах в Национальное собрание. Предложение коммунистов арестовать в связи с оживлением деятельности контрреволюционных элементов нескольких видных деятелей буржуазии в качестве заложников было отклонено¹.

14 января солдаты гарнизона, подстрекаемые социал-демократами, арестовали коменданта Экка, заняли ряд зданий и попытались разоружить рабочих. Но рабочие верфи «Везер» оказали решительное сопротивление и сами разоружили солдат. На следующий день состоялась массовая рабочая демонстрация. Рабочие требовали вооружения. Началось формирование рабочих батальонов. 17 января в Бремене прошли демонстрации и многолюдные митинги протеста против убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург, а 18 января была проведена забастовка.

Хотя Бременский Совет и СНУ раздирались противоречиями, а независимцы требовали отмены чрезвычайных мер, были проведены некоторые мероприятия по увеличению пособий безработным, разработана новая тарифная сетка, предусматривавшая повышение оплаты низкооплачиваемым категориям рабочих и служащих и устанавливавшая максимум для высокооплачиваемых². Банкиры немедленно ответили на это закрытием кредитов и потребовали назначения выборов в «бременское народное представительство». 21 января Совет капитулировал, назначив выборы на 9 марта. Одновременно была отменена цензура буржуазных газет, снято военное положение³.

Между тем Носке, одержав «победу» над берлинскими рабочими, готовился продемонстрировать свою «силу» и по отношению к Бремену. Под лживым предлогом, будто Советская республика в Бремене угрожает поставкам продовольствия из Америки, которое должно прибыть в

¹ «Bremer Bürger-Zeitung», 14.I.1919. P. Müller, W. Brewes, Bremen..., S. 77.

² См. «Bremer Bürger-Zeitung», 20., 21., 22. I 1919; P. Müller, W. Brewes, Bremen..., S. 189, 195.

³ P. Müller, W. Brewes, Bremen..., S. 90.

бременский порт¹, Носке 25 января поручил командованию Лютвица, «отличившемуся» в Берлине, подавить революционные очаги в Бремене и Куксгафене. Через 3 дня из Берлина в Бремен была двинута дивизия полковника Герстенберга, насчитывавшая около 3500 солдат с 24 орудиями. Ей были приданы кавалерийский эскадрон и авиационная эскадрилья. Герстенбергу было приказано занять Бремен, ввести там осадное положение, создать новое правительство, решительно сломить сопротивление и разоружить «враждебные правительству элементы»².

Отправляя карательные войска, Носке издал 28 января драконовский приказ о беспощадном применении оружия против рабочих. Он предоставлял военщине почти неограниченное «право» чинить произвол и расправу над мирным населением, производить аресты и обыски, расправляться с революционными руководителями³. В этот же день «Центральный Совет Германской социалистической республики», как он все еще себя лживо именовал, выпустил вместе с Носке воззвание «Ко всем мужчинам Германии». В нем говорилось о якобы угрожающем Германии «вторжении с Востока» и росте «большевистского движения» в стране. Запугивая население «ужасами большевизма», воззвание предлагало мужчинам вступить в «добровольческие корпуса», в том числе в гвардейскую кавалерийскую дивизию (только что совершившую чудовищные злодеяния в Берлине), в полк Рейнгарда, батальон Гюльзена и другие подобные формирования.

28 января белогвардейский отряд капитана Эрхардта силой оружия подавил выступление рабочих Вильгельмсгафена, которые за несколько дней до этого сделали попытку установить в городе Советскую власть и приступили к созданию Красной гвардии. С согласия лидеров независимцев и социал-демократов в городе было введено осадное положение и арестовано более 500 рабочих⁴.

29 января передовые отряды дивизии Герстенберга появились под Бременом. Независимцы в Советском правительстве потребовали открытия переговоров. Коммунисты

¹ В действительности кораблей, предназначенных для перевозки продовольствия, в Бремене не было и никто поставкам не угрожал. — См. R. Müller, *Der Bürgerkrieg...*, S. 117—118.

² «Darstellungen...», Bd. VI, S. 106—107.

³ См. «Der Syndikalist», 8. II. 1919.

⁴ «Bremer Bürger-Zeitung», 30. I. 1919; DR, S. 420—421.

призывали рабочих к организации обороны, но дело подвигалось медленно. Через два дня независимцы, ведшие переговоры, вынуждены были заявить, что не могут согласиться на разоружение рабочих, так как рабочие их все равно не послушают. Тем временем правительственные войска заняли верфи, перерезали железные дороги из Бремена в Ганновер и Оснабрюк. А независимцы все продолжали торговаться¹.

В Гамбурге солдатский Совет IX армейского корпуса принял резолюцию протеста против направления правительственных войск к Бремену, угрожая, в случае если они не будут немедленно отозваны, мобилизовать вооруженных рабочих и 40 тыс. солдат Гамбурга и направить их на защиту Бремена². В Куксгафене солдатский Совет выпустил листовку, в которой говорилось: «Солдаты, рабочие, защитники прав народа!.. Реакция намерена нанести решающий удар, чтобы уничтожить все завоевания революции... Время не терпит! Капиталисты и офицеры раскрыли свои позорные планы: солдатские и рабочие Советы должны быть ликвидированы! Борьба против Бремена должна закрепить решительное, полное поражение рабочего класса и освобожденных от милитаризма солдат... Если Бремен падет, во всех городах и селах Побережья по очереди, во всей Германии будут задушены солдатские Советы... Долой гнет капиталистического господства и военной диктатуры!» Совет сообщал об организации вооруженных отрядов из рабочих верфей и солдат, которые вскоре пойдут на штурм против «белогвардейских наемных войск, которыми командуют контрреволюционеры»³.

1 февраля пленум рабочего и солдатского Совета Гамбурга в своем решении, припятом 232 голосами против 206, осудил действия Носке, потребовал вооружения гамбургских рабочих в течение 48 часов, установления контроля Совета над гамбургским портом, поддержки Бремена всеми вооруженными силами⁴. Но социал-демократам удалось уговорить Совет предварительно «выяснить положение». На следующий день гамбургская делегация

¹ DR, S. 477—478; «Illustrierte Geschichte», S. 340.

² «Hamburger Echo», 1. II. 1919. Morgen-Ausgabe; 2. II. 1919.

³ См. «Der Syndikalist», 8. II. 1919.

⁴ «Hamburger Echo», 2. II. 1919.

прибыла в Берлин, требуя прекращения военного похода против Бремена.

Рабочие Дюссельдорфа прислали правительству Эберта телеграмму, в которой заявляли, что, если белогвардейцы будут спущены на пролетариев Бремена, 150 тыс. горняков Рура прекратят работу. Рабочие Кюля выразили свою солидарность с бременцами. Телеграммы и резолюции протеста поступили также из Лейпцига и других мест. Однако Носке решил не уступать. Правительство хотело во что бы то ни стало сохранить свой «авторитет», разумеется, не у рабочих, а у капиталистов и военщины, и готово было, по выражению Носке, «пойти на любой риск»¹. Оно ультимативно потребовало отставки Советского правительства Бремена и разоружения рабочих.

1 февраля СНУ Бремена опубликовал воззвание «К вооруженному пролетариату». Сообщая о переговорах с правительством Эберта и с командованием дивизии Герстенберга, СНУ предлагал «в сложившейся ситуации» сдать оружие на склады 75-го полка, входившего в состав бременского гарнизона. Воззвание ссылалось при этом на то, что рабочие верфи «Везер», завода «Атлас» и других предприятий якобы согласны с этим предложением². Однако в действительности рабочие отказались сложить оружие. Тем не менее в этот же день на собрании рабочего и солдатского Совета, на которое впервые после 10 января были по настоянию Генке допущены представители социал-демократов, было принято решение принять посредничество социал-демократов в переговорах с правительством Эберта и согласиться сдать оружие 75-му полку³.

3 февраля газета «Bremer Bürger-Zeitung» вышла с аншлагом: «На острие ножа. — Кровавая баня или соглашение?» Отвечая на этот вопрос, газета писала: «Кровавой бане следует предпочесть любое соглашение, которое может быть оправдано интересами революции». Ссылка на «интересы революции» призвана была лишь прикрыть полную капитуляцию Совета, который согласился на отставку СНУ, возвращение социал-демократов в рабочий Совет, сдачу рабочими оружия войскам, которые должны

¹ G. Noske, Von Kiel bis Kapp, S. 81—82.

² «Bremer Bürger-Zeitung», 1. II. 1919.

³ P. Müller, W. Brewes, Bremen., S. 103—104, 107—108, 111.

были быть присланы солдатским Советом IX корпуса из Гамбурга и Бремергафена. Бременский Совет настаивал лишь на том, чтобы дивизия Герстенберга не вступала в город¹. Но Герстенберг по приказу Носке прервал всякие переговоры и 4 февраля утром открыл боевые действия².

Рабочие Бремена оказывали карателям вооруженное сопротивление. В разгар боев СНУ выпустил листовку, объявлявшую продолжение борьбы невозможным и призывавшую рабочих сложить оружие. Но рабочие вопреки указаниям лидеров независимцев продолжали борьбу, а в одном из районов города сожгли целую кучу этих листовок³. В течение двух дней 500—600 бременских рабочих вместе с прибывшими к ним на помощь группами матросов и солдат из Куксгафена, Бремергафена, Вильгельмсгафена и с минных тральщиков героически сражались у верфи «Везер», на мостах и баррикадах против более чем трех тысяч белогвардейских наемников, пустивших в ход артиллерию, гранатометы, броневики, танки и самолеты. Силы были слишком неравными, и после тяжелых боев рабочие были разбиты. Бременская республика была потоплена в крови, Советы были распущены, начались обыски, аресты и расстрелы⁴. 5 февраля войска карателей заняли верфь «Везер», но на следующий день на заводской трубе вновь взвился красный флаг⁵. Рабочие верфью «Везер» и «Ганза-Ллойд» отказались приступить к работе, пока не будут восстановлены распущенные администрацией производственные Советы и выведены с предприятий войска. Эти требования были удовлетворены⁶.

Гамбургские социал-демократические лидеры сорвали отправку войск на помощь борющемуся Бремену. Тогда Эрнст Тельман, член Гамбургского Совета, обратился

¹ «Bremer Bürger-Zeitung», 3. II. 1919. Председатель СНУ Бремена А. Генке накануне покинул город, чтобы поспеть к открытию Национального собрания, депутатом которого он был избран.

² См. «Hamburger Echo», 4. II. 1919. Abend-Ausgabe; 5. II. 1919. Morgen-Ausgabe.

³ P. Müller, W. Brewes, Bremen..., S. 121.

⁴ Авторы «Darstellungen...» говорят о 300 убитых, раненых и пленных рабочих и моряках и о 26 убитых и 51 раненых солдатах и офицерах дивизии Герстенберга. — См. Bd. VI, S. 113.

⁵ См. «Illustrierte Geschichte», S. 344—346.

⁶ «Bremer Volksblatt», 7. II. 1919.

ГЛАВНЫЕ ЦЕНТРЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ БОЕВ ГЕРМАНСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1919 Г.

непосредственно к рабочим Гамбурга с призывом сформировать вооруженные отряды добровольцев. Этими отрядам пришлось двигаться в Бремен пешком, так как железнодорожники по распоряжению профсоюзных руководителей саботировали их перевозку. Отряды гамбургцев опоздали¹. Демонстрация рабочих Кюля, протестовавших против злодеяний в Бремене, была расстреляна по приказу социал-демократического губернатора. Белогвардейские войска, вступившие вслед за Бременом в Бремергафен, а затем и в Куксгафен, разоружили рабочих и моряков, разогнали Советы, установили террористический режим.

Революционные бои в городах Побережья свидетельствовали о том, что рабочие и солдаты были полны решимости бороться с оружием в руках за свои жизненные права. Но неравномерность движения, отсутствие централизованного руководства, предательство лидеров независимцев привели к новым тяжелым поражениям.

Реакционные буржуазно-юнкерские круги открыто выражали свое удовлетворение деятельностью палача Носке. Но они не хотели отдать все «лавры» социал-демократическим правителям. «То, что нынешнее правительство расправилось со спартаковцами, — писала, например, правая газета «Lokal-Anzeiger», — это не его заслуга, а заслуга потсдамских стрелков». В таком же духе высказывалась и «Kreuzzeitung», призывая правительство действовать еще более репрессивно².

Находившиеся в Германии американские представители³ тоже считали, что правительство Эберта — Шейдемана проявляет излишнюю «мягкость». Глава военной миссии США Герарди, например, в своем донесении объявил «слабостью» правительства то, что оно «ведет переговоры и идет на компромиссы с бунтовщиками-спартаковцами» в Бремене и Гамбурге, вместо того чтобы их расстреливать⁴.

¹ См. В. Бредель, Эрнст Тельман. Политическая биография, М. 1952, стр. 59—60.

² Цит. по «Die Freiheit», 9. II. 1919. Morgen-Ausgabe.

³ После отъезда миссии Дрезела и по его предложению 26 января 1919 г. в Германию была направлена военная миссия США во главе с капитаном флота Герарди. Ее официальной задачей было «общее исследование положения, особенно политической обстановки». — РРС, v. XII, p. 2. Телеграмма Герарди, 2. II. 1919.

⁴ РРС, v. XII, p. 4. Донесение Герарди, 4. II. 1919.

Один из прибывших в Берлин в начале февраля «влиятельных представителей общественного мнения США»¹ заявил корреспонденту консервативной газеты «Deutsche Tageszeitung»: «Все зависит от того, соберется ли Национальное собрание и создаст ли оно для Германии такое правительство, которое слова можно будет допустить в салоны. Это — главный вопрос, ответа на который ждут в Париже. Поэтому чрезвычайно необходимо, чтобы удалось урегулировать споры с рабочими и солдатскими Советами, т. е. устранить их и утвердить вместо них действительно демократическое (!?) правительство. От успешного выполнения этого главного условия будет зависеть то, как оценит положение находящаяся со вчерашнего дня в Берлине американская миссия по изучению хозяйственного и продовольственного вопроса в Германии. Рост большевизма в горнопромышленных районах Силезии вызывает серьезную озабоченность в кругах Антанты и особенно у американцев. Неотложной обязанностью правительства является покончить с этим большевизмом и заставить горняков снова приняться за работу. Без этого Германия ни в коем случае не может рассчитывать на помощь продовольствием со стороны Антанты. Если Национальному собранию в Веймаре не удастся радикальным образом устранить большевистское движение, порожденное революцией, и восстановить в стране порядок и спокойствие (!?) могут быть затруднены или даже поставлены под угрозу также и мирные переговоры»².

Это беспримерное по своей наглости вмешательство американских империалистов во внутренние дела немецкого народа, жандармский тон заявления вполне отвечали сокровенным желаниям организаторов контрреволюционного заговора. Как раз в это время Шейдеман в беседе с представителями крупных американских газет заявил: «Мы стоим за Национальное собрание, за него мы готовы умереть». В тон американским «наблюдателям» он утверждал, что «во многих местах рабочие и солдатские Советы развернули явную общественно опасную деятельность» и стали «лишь очень дорого стоящим тормозом всякой упорядоченной формы правления»³.

¹ В Германии в это время находились «экономические эксперты» президента США Тейлор и Келлог.

² «Deutsche Tageszeitung», 4. II. 1919. Morgen-Ausgabe.

³ «Die Freiheit», 3. II. 1919. Abend-Ausgabe.

Январские бои берлинских рабочих не были «спартаковским восстанием», как это пытались представить контрреволюционные заговорщики, чтобы оправдать свои кровавые злодеяния. Эти бои были результатом стихийного возмущения рабочих масс провокационными действиями шейдемановцев¹.

Руководители только что созданной Коммунистической партии Германии правильно считали, что момент для успешного восстания против контрреволюционного правительства Эберта — Шейдемана — Носке еще не назрел, но они не смогли удержать авангард, рвавшийся в бой, как это сделали, например, русские коммунисты в июле 1917 года². Как подлинные революционеры, руководители

¹ Назначенный вместо Эйхгорна полицей-президентом Берлина социал-демократ Э. Эрнст еще 5 января откровенно заявил итальянскому корреспонденту: «Успех спартаковцев был исключен с самого начала, так как мы вынудили их к преждевременному выступлению. Им пришлось взяться за оружие раньше, чем они сами хотели, а мы поэтому были в состоянии дать им отпор». — См. «Die Freiheit», 3. II. 1919. Morgen-Ausgabe; «Die Rote Fahne», 4. II. 1919.

² Многие в январе 1918 г. в Берлине напоминали обстановку июльских дней 1917 г. в Петрограде. Не случайно, письмо Я. М. Свердлова к германским коммунистам было озаглавлено: «Немецкий январь и русский июль».

В нем говорилось: «Накануне июльских событий тогдашнее русское правительство «средней линии», которое, точно так же как теперешнее немецкое правительство, направляло всю политику на соглашение с империалистами, а не на защиту революционных интересов пролетариата и крестьянства, сделало попытку обескровить красный Петроград. Оно решило послать на фронт весь революционный петроградский гарнизон точно так же, как теперешнее немецкое правительство решило ослабить революционный Берлин, подчинив себе красную полицию. Но массы правильно разгадали эти замыслы тогдашнего русского правительства: войска отказались подчиниться правительственному приказу... Разница заключается только в том, что русское Временное правительство не имело тогда ни мужества, ни силы, чтобы с оружием выступить против петроградского гарнизона... В июле петроградский пролетариат и гарнизон — хотя еще и не совсем сознательно — стремились к захвату власти. Однако в то время фронтовые части еще не потеряли веры в успех политики Керенского, им еще не было достаточно известно истинное лицо этих лакеев Антанты, которые изображали себя революционными борцами. Выступление в Петрограде было подавлено вызванными с фронта войсками...

И если теперь вы, подобно нам после июльских дней, можете быть уже вынуждены скрываться или брошены в тюрьмы, чтобы там ждать жестокого и несправедливого приговора, то, несмотря на это,

немецких коммунистов были в момент серьезного испытания в числе передовых бойцов. Карл Либкнехт и Роза Люксембург погибли на боевом посту.

Несмотря на то, что революционному авангарду был нанесен тяжелый удар, контрреволюционным заговорщикам не удалось добиться в январские дни своей главной цели. Они рассчитывали нанести пролетариату *решающий* удар, сорвать дальнейшее развитие германской революции, разгромить революционные организации трудящихся, превратить Германию в ослот реакции в Европе и ее руками удушить Советскую Россию. Но они смогли только на время ослабить революционный авангард. «Несмотря ни на что!» — пророчески озаглавил свою последнюю статью в «Die Rote Fahne» Карл Либкнехт. «Разбитые сегодня, — писал он, — будут завтрашними победителями. Ибо поражение — это для них урок!»¹

Этот урок был оплачен дорогой ценой. Еще раньше разложив изнутри большую часть рабочих и солдатских Советов, контрреволюционные заговорщики сумели теперь разоружить берлинских рабочих и солдат, выступавших за власть Советов. Тем самым коренной вопрос развития событий в Германии, поставленный Ноябрьской революцией, — власть Советов или Учредительное собрание? — был практически решен на данном этапе в пользу буржуазного парламента. Этим закончился *второй период* германской революции.

Движение народных масс в этот период революции довольно существенно отличалось от того, что было в ноябрьские дни. В нем гораздо сильнее и определеннее была видна пролетарская струя. В стачечном движении все громче звучали социальные требования рабочих, прежде всего требование немедленной социализации. Создание Коммунистической партии Германии было важнейшим шагом вперед в деле сплочения всех революционных сил. Все это свидетельствовало о дальнейшем углублении революционного движения.

В то же время во второй период еще яснее, чем в первый, проявились все слабые стороны германской рево-

вы уже сейчас сильнее, чем ваши торжествующие враги...» — См. «Die Rote Fahne», 11. II. 1919, русск. пер. см. «Новая и новейшая история», 1957, № 5.

¹ «Die Rote Fahne», 15.I. 1919; см. также *K. Liebknecht, Trotz alledem! — Ausgewählte Reden...*, S. 527.

люции. Рабочий класс лишь медленно, с большим трудом высвобождался из-под разлагающего влияния шейдемановцев и каутскианцев. Расколотый и дезорганизованный предательством правых и бесконечными колебаниями «независимых» вождей социал-демократии, рабочий класс не мог выполнить роль руководителя непролетарских масс трудящихся. В ходе борьбы за дальнейшее развитие революции пролетариат, поднявшийся в ноябрьские дни во главе широких народных масс, не сумел закрепить и углубить свою гегемонию. Его союз с революционными солдатами стал слабеть; городские мелкобуржуазные обыватели, убаюканные заверениями о наступающей «эре демократии», запуганные «ужасами спартакизма» и угрозой интервенции Антанты, отошли от революционного движения; деревня в него почти не была вовлечена.

Но январские бои в Берлине были не только концом второго периода. Они были одновременно началом нового, *третьего периода* революции. Отчасти в боях в Берлине, а еще в большей мере в Бремене и других городах морского побережья проявились новые черты в постановке пролетариатом вопроса о власти.

В листовке, подводившей итоги боям в Берлине и Бремене и озаглавленной «Против палачей революции», руководство КПП звало рабочих к продолжению борьбы. «Режим насилия и крови должен быть свергнут!» — говорилось в ней. Руководство партии призывало рабочих не поддаваться на провокации Эберта — Шейдемана — Носке, которые хотят разбить рабочий класс по частям, а упорно завоевывать на сторону коммунистов рабочие массы, еще идущие за шейдемановцами. Руководство КПП рекомендовало гневно протестовать против политики правительства, устраивать демонстрации и забастовки, поддерживать рабочие и солдатские Советы, изгоняя оттуда шейдемановцев и выбирая в них коммунистов. «Не отчаивайтесь! Час всеобщего возмездия близится!»¹

¹ «Gegen die Henker der Revolution». — Фонды Государственного музея революции СССР, № 17.578/58, Л 443—2В₁.

**ГЕРМАНСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ
НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ****«ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ МАСКАРАД»**

В бурные дни ноября 1918 г. германские монополисты и юнкеры — подлинные хозяева империи Гогенцоллернов — не смогли удержать народные массы в повиновении обычными методами насилия. Народ вырвался из цепей, низверг монархию. Но у господствующих классов оказался в запасе другой способ сохранения своего господства — способ обмана и лести, обещаний и грошовых подачек, уступок неважного ради сохранения важного. Воспользовавшись им и выдвинув на первый план социал-демократических лидеров, еще пользовавшихся влиянием в массах, монополисты и юнкеры сумели выиграть время. Это дало контрреволюционным заговорщикам возможность подготовить и осуществить, хотя и не в полной мере, свои коварные планы. Выборы и созыв Учредительного национального собрания должны были закрепить и упрочить январскую «победу» сил реакции.

Положение о выборах в Национальное собрание, опубликованное еще 30 ноября 1918 г., носило на себе печать глубокой внутренней противоречивости первых дней революции. С одной стороны, оно прокламировало самую передовую в истории Германии избирательную систему. Право выбирать предоставлялось всем мужчинам и женщинам, достигшим 20 лет, в том числе солдатам и матросам. Избранными могли быть все граждане того же возраста, состоявшие в течение года в германском подданстве. Депутатские мандаты распределялись между партиями

пропорционально количеству полученных голосов. Новая избирательная система, впервые предоставлявшая избирательное право женщинам и снижавшая на 5 лет возрастную ценз, значительно расширяла круг избирателей по сравнению с выборами в германский рейхстаг¹. Она была, бесспорно, важным демократическим завоеванием народных масс.

С другой стороны, введение всеобщего избирательного права в момент, когда рабочий класс поднимался на борьбу за власть Советов, являвшуюся высшим типом демократии для трудящихся масс, было в руках буржуазии и ее социал-демократических оруженосцев средством обмана масс, отвлечения их от борьбы за дальнейшее развитие и углубление революции. Шейдемановцы и каутскианцы прилагали все усилия, чтобы внушить народу мысль, будто избранное путем всеобщих «свободных» выборов Национальное собрание откроет «демократический путь» к социализму. Объявляя себя поборниками «чистой демократии», они старательно прикрывали и затушевывали тот факт, что «голосование в рамках, в учреждениях, в обычаях буржуазного парламентаризма есть часть буржуазного государственного аппарата, который должен быть разбит и сломан сверху донизу... для перехода от буржуазной демократии к демократии пролетарской»².

Болтовня о «чистой демократии» была на руку германской буржуазии, которая прекрасно понимала, что только возможно более быстрое проведение выборов в Национальное собрание поможет ей сохранить свои позиции. Как только она оправилась от своей растерянности, вызванной революцией, ее первым требованием был созыв Национального собрания. «Чего требует германская буржуазия?» — спрашивала 15 ноября «Kölnische Zeitung» и отвечала: «Учредительного национального собрания. Пока его нет, мы живем как бы в безвоздушном пространстве...»³ Отмечая, что буржуазия в первые дни революции «в значительной мере потеряла свое лицо и авторитет», что она, «недостойно и пугливо согнувшись, восприняла

¹ В 1912 г. число избирателей в рейхстаг составляло 14,4 млн. чел. На выборах в Национальное собрание оно должно было составить свыше 35 млн. чел.

² В. И. Ленин, О задачах III Интернационала, Соч., т. 29, стр. 472.

³ «Kölnische Zeitung», 15. XI. 1918.

события, как удары кнута». газета призывала ее «без оговорок и двусмысленностей высказаться за республику», потребовать равноправного участия в правительстве и выборов в Национальное собрание¹.

В таком же духе выступал на страницах либеральной «Frankfurter Zeitung» Макс Вебер. Он настойчиво призывал буржуазию создать «новую политическую идеологию», заверяя, что выборов опасаться не следует, ибо они не дадут социалистического большинства; кроме того, буржуазия может рассчитывать на поддержку со стороны Антанты. «Без добровольного сотрудничества буржуазии, — писал он, — правительство не получит мира и раньше или позже придет оккупация... Быстрый созыв конституанты и тем самым признание республики, следовательно, продиктованы нам иностранным господством, непосредственно угрожающим в противном случае»².

Первым стремлением определенных буржуазных кругов было создать для совместной борьбы против революционного пролетариата «объединенный картель всей буржуазии», в котором должны были раствориться прежние буржуазные и юнкерские партии³. Однако эти попытки не увенчались успехом. Противоречия внутри буржуазно-юнкерского лагеря оказались слишком сильными, и в то же время многопартийная система, как более гибкая, лучше обеспечивала обман масс. Поэтому вскоре главное внимание юнкерско-буржуазных кругов было обращено на приспособление к новым условиям старых политических партий.

В кайзеровской Германии наряду с множеством мелких и местных партий были четыре главные юнкерско-буржуазные партии, обладавшие определенной устойчивостью и влиянием, — немецко-консервативная, национал-либеральная, партия католического центра, прогрессивная. Банкротство монархического и антидемократического режима Гогенцоллернов было одновременно и их политическим банкротством. В новых условиях они могли рассчитывать на влияние только при условии срочной перестройки и перекраски.

Первыми зашевелились «левые» буржуазные группировки. Уже 16 ноября в печати появилось воззвание, под-

¹ «Kölnische Zeitung», 18. XI. 1918.

² М. Weber, Gesammelte politische Schriften, S. 346—347.

³ «Kölnische Zeitung», 13. XI. 1918.

писанное рядом известных буржуазных журналистов и профессоров, которое призывало к объединению всех, «признающих совершившиеся факты», в новую *«Немецкую демократическую партию»*. Свое официальное существование партия начала 20 ноября. В нее влились прогрессисты и часть левого крыла национал-либералов. Главную роль в ней играл банковский капитал и биржа, основные кадры партии составляли представители различных кругов промышленной и торговой буржуазии, буржуазной интеллигенции, чиновников и служащих.

Избирательная программа «демократической» партии исходила из признания республики и выдвигала требование проведения немедленных всеобщих выборов в Национальное собрание¹. Отдавая дань моменту, первое воззвание партии выражало готовность «принять идею социализации монополистически развитых отраслей хозяйства, разделить государственные имения и приступить к ограничению помещичьего землевладения»². Однако подобный «радикализм» продержался недолго. Уже в избирательном воззвании, выпущенном в начале декабря, «демократическая партия» отказалась от этих слов, а баварская организация партии в своем воззвании откровенно писала: «Мы пойдем с правыми, когда будет необходимо охранять буржуазное общество от опрометчивых социалистических экспериментов... Мы хотим защитить частную собственность и хозяйственную свободу против обобществления всего без разбора...»³

Сравнительно быстро осуществила свою «перестройку» и партия центра, издавна отличавшаяся умением приспособляться и лавировать. Партия эта состояла из разных элементов, но определяющее влияние на ее политику оказывали промышленники Рейнско-Вестфальского и Силезского районов и (в меньшей мере) вестфальские и баварские помещики. Как специфически католическая, клерикальная партия, партия центра не могла не быть реакционной.

В своей избирательной платформе партия центра, именовавшая себя *«Христианско-демократической народной партией»*, требовала сохранения «частной собственности

¹ DR, S. 363.

² Там же.

³ Там же, стр. 369.

также и на средства производства», «сознательного сотрудничества церкви, религиозной школы и государства»¹. В Рейнской области, в Баварии и в Силезии центр являлся носителем откровенно сепаратистских устремлений, а в Берлине выступал за федералистическую структуру Германии².

Сложнее обстояло дело с национал-либеральной партией. Только после длительных колебаний между стремлением некоторых организаций влиться в «демократическую партию» и желанием ряда влиятельных лидеров иметь самостоятельную партию центральное правление национал-либералов приняло 15 декабря решение о сохранении организации под новым названием — «Немецкая народная партия»³. Это была партия крупной буржуазии. В ней преобладали не идеологи буржуазного общества, а его непосредственные хозяева, буржуа-дельцы. Эта была партия Стиинеса, Рёхлинга, Фёглера и других магнатов тяжелой промышленности и финансов. Ее главным политическим лидером был Густав Штреземан, вынужденный, правда, в первое время держаться несколько в тени, так как еще свежи были у всех в памяти его аннексионистские призывы.

«Немецкая народная партия» объявила себя сторонницей «принципа частной собственности и права наследования», отстаивала «руководящую роль предпринимателя на его предприятии и в народном хозяйстве», резко выступала против «идеи обобществления средств производства». Она открыто требовала сохранения капиталистических монополий, отмены «бюрократического принудительного хозяйства военного времени», сохранения колоний, «свободы морей» и т. д.⁴

Нелегко было приспособиться к новым условиям крайне правым партиям — консерваторам и примыкавшим к ним имперской партии и более мелким группировкам. Но и они проявили значительную гибкость. 24 ноября в «Kreuzzeitung» было опубликовано воззвание, извещавшее о создании «новой» партии, назвавшей себя «Немецко-национальная народная партия».

¹ DR, S. 338—342.

² DNV, Bd. I, Einleitender Teil. S. 137—139.

³ DR, S. 354.

⁴ DNV, Bd. I, Einleitender Teil. S. 132—134.

Партия консерваторов была партией прусского юнкерства, крупных землевладельцев, кадрового офицерства и бюрократии. Она являлась верной опорой монархии, выразителем крайнего шовинизма, антисемитизма, милитаризма и агрессии. Этот характер сохранила и «новая» партия, считавшая необходимым внешне приспособиться, припрятать на время свои монархические симпатии и заявить о своей нежной любви к народу¹.

Националисты требовали охраны частной собственности, отмены государственного регулирования хозяйства, установления палоговой системы, которая учитывала бы интересы капитала; они выступали за сохранение в Германии гегемонии юнкерской Пруссии². Наряду с прусско-юнкерским крылом в партии складывалось все более влиятельное ядро из представителей монополистического капитала, опиравшихся на Рейнско-Вестфальскую промышленность, лидером которых стал Альфред Гугенберг, один из директоров концерна Круппа.

Сравнительно легкий переход партий буржуазно-юнкерского лагеря от монархизма к республиканизму объяснялся тем, что, как указывал В. И. Ленин, опираясь на русский опыт, «экономическое господство для буржуазии все, а форма политического господства — дело девятое, буржуазия может господствовать и при республике, даже господство ее вернее при республике в том смысле, что этот политический строй никакими переменами в составе правительства, в составе и группировке правящих партий не задвсает буржуазии»³. Разумеется, приверженность к республике была у буржуазии и юнкеров мнимой, показной, они были, как сами признавали, «республиканцами поневоле»⁴.

¹ Консервативные газеты «Deutsche Tageszeitung» и «Kreuzzeitung» уже в первые дни революции заменили в своих заголовках слова «за кайзера и империю» девизом «за немецкий народ». Журнал «Konservative Monatschrift» откровенно писал в ноябре 1918 г., что «партия, если она не хочет превратиться в музейный экспонат, должна повернуться решительно к новым формам государственного устройства и новым государственным методам, чтобы спасти национальное государство имущих и образованных».

² DNV, Bd. I, Einleitender Teil, S. 125—128.

³ В. И. Ленин, Из дневника публициста, Соч., т. 26, стр. 33.

⁴ См., например, W. Mommsen, Wie die Deutsche Republik wurde. В сборнике «Zehn Jahre Deutsche Republik». Berlin, 1928, S. 2.

Новые наименования партий были не менее лживыми, чем их республиканизм. «Но в том-то и суть, — писал Ленин еще в 1905 году, — что *нельзя* господам буржуа назвать себя теперь же своим настоящим именем. Это невозможно настолько же, насколько невозможно нагишом выйти на улицу»¹.

Описывая «избирательный маскарад» буржуазных партий, социал-демократическая газета «Vorwärts» хвастливо замечала: «Есть только одна единственная партия, которой не нужно стыдиться своего старого имени, которая не участвует в большом политическом маскараде, а открыто показывает свое лицо. Это — социал-демократия»². Однако в этом заявлении тоже не было ни слова правды, ибо на деле *Социал-демократическая партия Германии* давно уже перестала быть партией социалистической, революционной, превратившись в партию обмана рабочих масс, в «буржуазную рабочую партию». В своей избирательной пропаганде она приписывала себе все завоевания революции, клеветнически обвиняя подлинных революционеров в стремлении к «анархии», «диктатуре», «террору».

Предвыборная пропаганда *Независимой социал-демократической партии Германии* отражала двойственное лицо этой партии. С одной стороны, в ее рядах было немало революционных рабочих, готовых бороться за социализм, с другой стороны, во главе ее оказались центристы-каутскианцы, которые все время пытались сидеть на двух стульях: и с буржуазией не ссориться и от масс не оторваться. Отсюда непрерывная цепь колебаний и шатаний, характерная для политической линии этой партии, которая, однако, неизменно склонялась в конечном счете к соглашательству с шейдемановцами и буржуазией.

Единственная действительно народная, подлинно революционная партия — *Коммунистическая партия Германии* — в выборах в Национальное собрание участия не принимала.

Сравнительно короткий срок, отделявший опубликование положения о выборах от самих выборов (немногим более полутора месяцев), острейшая классовая борьба в стране, перераставшая в гражданскую войну, придавали избирательной кампании особенно напряженный харак-

¹ В. И. Ленин, Революционная борьба и либеральное маклерство, Соч., т. 8, стр. 455.

² «Vorwärts», 18. I. 1919.

тер. Избиратели были буквально засыпаны листовками различных партий, каждый забор, каждая витрина, каждый угол улицы были оклеены плакатами¹.

Условия ведения избирательной борьбы были для различных партий отнюдь не одинаковыми. Буржуазно-юнкерские партии располагали большими средствами, помещениями, огромным количеством газет и бумаги. Они пользовались поддержкой чиновников, школы и церкви. Союзы предпринимателей еще с 1908 года систематически создавали специальные «выборные фонды» путем ежегодного отчисления в них предпринимателями определенного процента с оборота². На избирательную кампанию в Национальное собрание только 4 крупнейших банка Германии отпустили не менее 30 миллионов марок, доставшихся разным партиям, в том числе и социал-демократической, по главным образом потекших в кассы немецких демократов³. Реакционные партии, бывшие прежде опорой кайзеровского режима, пользовались и после революции полнейшей свободой⁴. Они самым беззащитным образом пытались в своей пропаганде возложить ответственность за все трудности и лишения, порожденные войной, на левые партии. Правые социал-демократы в избирательной кампании широко использовали в интересах своей партии положение в правительстве⁵.

¹ Плакаты и листовки содержали самую беззащитную демагогию и саморекламу. Вот несколько образцов: «Кто спасет нас от гибели? — Немецкая национальная народная партия!», «Партия среднего сословия — Немецкая народная партия!», «Женщины и мужчины, если хотите счастья вашей семьи, ваших детей, тогда голосуйте за Центр!», «Демократия и женщина! За равные политические и гражданские свободы, за социальную справедливость — немецкие демократы!», «Рабочие, помогите строительству социалистической республики! Поэтому: самоограничение! Единство! Решимость! — СДПГ». — См. DNV, Bd. I, Einleitender Teil, S. 151—168.

² См. *J. Kuszinsky*, *Die Bewegung der deutschen Wirtschaft vom Jahre 1800 bis 1946*, Berlin—Leipzig 1947, S. 215—216.

³ См. «Die Freiheit», 11. III. 1919. Morgen-Ausgabe.

⁴ «Vorwärts» даже хвастался этим накануне выборов: «Прежние революции обращались с подобными господами совсем иначе... Мы горды, что наша революция великодушна. Ни у одного из этих виновных не был задет даже волосок. Они свободно действуют среди нас, марают свои газеты... Они чувствуют себя в нашей республике так бодро, как рыбы в воде, и широко используют свою свободу...» — «Vorwärts», 16. I. 1919.

⁵ «Die Freiheit» сообщала, что правительство за последние три недели перед выборами выпустило только в Берлине 30 млн. листовок и печатных изданий. — «Die Freiheit», 20. I. 1919. Abend-

Но политическая обстановка накануне выборов характеризовалась не только тем, что буржуазные партии и социал-демократия мобилизовали все свои возможности, чтобы оглушить, улестить или запугать избирателей. Кровавая расправа белогвардейских банд Носке с рабочими Берлина, расстрелы рабочих демонстраций во многих других городах создали обстановку террора во всей Германии. Реакционеры, ободренные «решительностью» правительства, стали открыто хвастаться своими «заслугами» в борьбе против революции.

Юнкерская газета «Tägliche Rundschau», осмелев, выступила даже с призывом к буржуазным партиям собраться с силами и избавиться от «опеки» со стороны социал-демократии. «Буржуазия, — писала она, — которая после революции в своего рода дурмане доверчиво положила свою голову на колени социал-демократии, надеясь, что голова здесь лучше сохранится, чем у большевиков и независимых, должна, наконец, проснуться и снова взять свое дело в собственные руки»¹.

Циничным издевательством над народом и его демократическими правами и свободами дышат воспоминания палача Носке о дне выборов в Берлине. «Утром я объехал большинство северных районов, Нейкёльн и др. Выборы повсюду протекали гладко. Правда, на многих перекрестках стояли орудия, площади контролировались пулеметами, патрулировали автомобили, наполненные солдатами, и танки, но нигде не раздавалось ни одного выстрела. День выборов прошел без всяких инцидентов...»²

ВЫБОРЫ В НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Выборы в Учредительное национальное собрание происходили по всей Германии 19 января 1919 г.³ Страна

Ausgabe. Социал-демократ Катценштейн признавал, что «в некоторых местах» социал-демократы использовали для партийных целей общественные помещения, военные или реквизированные автомобили и т. п. Он стыдливо объяснял это «наивной необдуманностью» действий местных организаций. — См. «Sozialistische Monatshefte», Bd. 52, 10. II. 1919, S. 108.

¹ Цит. по «Die Freiheit», 14. I. 1919. Morgen-Ausgabe.

² G. Noske, Von Kiel bis Kapp, S. 75.

³ Впоследствии распоряжением правительства от 21 января 1919 г. дополнительно два мандата были предоставлены войскам Восточного фронта, где выборы были проведены 2 февраля 1919 г.

была разделена на 36 округов, на каждый из них приходилось от 6 до 17 мандатов, в зависимости от количества избирателей. В выборах приняло участие около 83% от общего числа имевших право голоса. Активность избирателей по сравнению с предшествовавшими (да и с последующими) выборами в рейхстаг, была высокой; бойкот выборов коммунистической партией успеха не имел.

Основные итоги выборов и распределение мест в Национальном собрании видны из следующей таблицы (цифры округлены) ¹:

Название партии	Собрано голосов		Получено мест	
	в млн.	в %	количество	в %
Немецко-национальная партия	3.2	10.5	42	10
Немецкая народная партия	1.2	4.0	22	5
Христианско-демократическая народная партия (центр)	6.0	20.0	90	22
Немецкая демократическая партия	5.6	18.5	75	17
Прочие	0.4	1.0	7	2
Все буржуазные партии	16.4	54.0	236	56
Социал-демократическая партия	11.5	38.0	165	39
Независимая социал-демократическая партия	2.3	8.0	22	5
Социал-демократические партии	13.8	46.0	187	44
Всего	30.2	100.0	423	100

¹ См. DNV, Bd. I, Einleitender Teil, S. 169—209. Расхождение между процентом полученных голосов и процентом полученных мандатов объясняется тем, что по действовавшей системе распределения мандатов в округах некоторая часть голосов, особенно у мелких партий, неизбежно терялась при установлении пропорции. Буржуазные партии, чтобы избежать потери мандатов, почти повсеместно практиковали систему связанных (объединенных) списков. Правые партии заключили между собой так называемый «черно-бело-красный блок» (центр, националисты и «народная» партия), направленный против социал-демократов. Буржуазные партии выиграли на этом 6 мандатов, СДПГ получила на 4 мандата больше, чем было бы при точной пропорции, а независимцы — на 10 мандатов меньше. — См. W. Apelt, Geschichte der Weimarer Reichsverfassung, München 1946, S. 443.

Главным итогом выборов было то, что юнкерские и буржуазные партии получили в Национальном собрании абсолютное большинство, собрав вместе 16,4 миллиона голосов против 13,8 миллиона голосов, собранных обеими социал-демократическими партиями. Хвастливые прогнозы каутскианцев, которые, ратуя за созыв Национального собрания, неоднократно заявляли, что «социалистическое большинство» на выборах безусловно обеспечено¹, оказались ложными. Шейдемановцы публично тоже не прочь были поболтать о предстоящей «победе социализма» посредством избирательного бюллетеня. В действительности они, однако, вовсе не стремились к завоеванию «социалистического большинства» в Национальном собрании, ибо коалиции с независимцами, которая в этом случае могла оказаться неизбежной, они, безусловно, предпочитали коалицию с «солидными» буржуазными партиями. Они, собственно, ни на один день не прекращали этой коалиции, но вынуждены были стараться сохранить ее в тайне. Отсутствие «социалистического большинства» давало им «законное» право на *открытое* сотрудничество с буржуазией. Шейдеман даже не считал нужным скрывать свою радость: «Результаты выборов таковы, — заявил он одному из корреспондентов, — как их ожидали руководители социал-демократической партии»².

Поскольку «свободные» выборы в Национальное собрание проходили в обстановке белогвардейского террора, при сохранении в руках буржуазии и юнкеров их позиций в экономике, результаты голосования никак нельзя считать правильным отражением реального соотношения классовых сил в стране. Сравнивая выборы в Национальное собрание с выборами в рейхстаг в 1912 г., необходимо также учитывать, что почти $\frac{2}{3}$ избирателей участвовали в выборах впервые; 54% голосов принадлежало женщинам, ранее не пользовавшимся избирательным правом. Но все же такое сравнение позволяет увидеть некоторые

¹ «Неужели же кто-либо может думать о том, — заявлял в статье «Революционное доверие» Р. Гильфердинг, — что пролетариат в такой исторический момент, после катастрофической гибели господствующей власти, может быть побежден в избирательной борьбе? Только малодушное сомнение, только недостаток революционного доверия к силе пролетариата, только непонимание исторической необходимости может привести к такому ответу на этот вопрос». — «Die Freiheit», 18. XI. 1918. Morgen-Ausgabe.

² «Vorwärts», 23. I. 1919. Abend-Ausgabe.

классовые сдвиги, происшедшие в ходе Ноябрьской революции.

Военное поражение Германии и крах монархической системы довольно существенно ослабили политические позиции юнкерства. По сравнению с выборами 1912 г. удельный вес голосов, полученных националистами (консерваторами), упал с 17⁰/₀ до 10,5⁰/₀. Партия потеряла значительное количество голосов даже в Остэльбии — вотчине прусских юнкеров. Серьезные потери понесла также партия монополистов и юнкерства — немецкая народная партия (национал-либералы), не сумевшая скрыть свой реакционный характер. Процент полученных ею голосов снизился с 14⁰/₀ до 4⁰/₀¹.

Партия центра («Христианско-демократическая») сумела в католических районах в основном сохранить свои позиции. Общий процент полученных ею голосов составил около 20 против 22 в 1912 г. В Баварии, Пфальце и Рейнской области центр по-прежнему пользовался большим влиянием. Партии удалось использовать участие женщин в голосовании: влияние церкви оказалось немаловажным фактором в избирательной борьбе².

То, что правым юнкерско-буржуазным партиям и партии центра удалось получить вместе все же более трети голосов (34,5⁰/₀), объяснялось прежде всего тем, что деревня не была сколько-нибудь глубоко затронута революцией и крестьянство в большой степени оставалось духовно и политически поработанным полами и помещиками.

Некоторую часть голосов, потерянных правыми партиями, смогли перехватить немецкие демократы (прогрессисты). Они довольно заметно усилили свои позиции, собрав 18,5⁰/₀ голосов против 12,3⁰/₀ в 1912 г.³

Существенно выиграли на выборах социал-демократические партии. Хотя они не завоевали абсолютного боль-

¹ Полное сохранение экономических позиций юнкерства позволило ему в дальнейшем снова усилить и свое политическое влияние, что показали выборы 1920 г., а особенно 1924 г.

² См. подсчеты Кемпкенца («Neue Zeit», 1919, Nr. 25) и Шнейдера («Die Gesellschaft», 1927, Nr. 10).

³ Поскольку революция не подорвала экономических и политических позиций буржуазии, происшедшая «перекачка» голосов между буржуазными партиями имела лишь временный характер. Постепенно «демократическая» партия сошла на нет, а значение партии Штресемана снова возросло.

шинства, удельный вес поданных за них голосов возрос с 34,8% до 46% (СДПГ — 38%, НСДПГ — 8%). Впервые за социал-демократов голосовала часть сельского населения, в том числе в наиболее отсталых в промышленном отношении областях — Восточной и Западной Пруссии, Померании, сельских районах Верхней Силезии, Рейнской области, отчасти Баварии. Прирост голосов в промышленных районах, прежде всего в Средней Германии, целиком пошел на пользу НСДПГ. Так, в районе Мерзебург — Галле, где социал-демократы в 1912 г. имели 42,6% голосов, СДПГ получила 16,3%, НСДПГ — 44,1%, в Лейпциге соответственно — 55,2%, 20,7% и 38,6%, в Дюссельдорфе — 42%, 25,7% и 18,7%. Подобная же картина наблюдалась в Тюрингии, Саксонии и некоторых других местах. Особенно показателен результат выборов в Берлине. Здесь социал-демократы потеряли голоса по сравнению с выборами 1912 г., собрав 64% против 75,3%. СДПГ получила 36,4%, НСДПГ — 27,6% голосов. Несколько уменьшилось количество голосов, полученных социал-демократией также в Гамбурге (58% против 61,2%)¹.

Таким образом, правые социал-демократы, получив прирост за счет мелкобуржуазных масс деревни, стали терять влияние среди промышленных рабочих, которые повернули в сторону независимцев. Этот важный симптом был показателем того, что социальная база СДПГ становилась все более мелкобуржуазной. Несмотря, однако, на начавшийся процесс высвобождения рабочего класса из-под влияния шейдемановцев, за последними все еще шли очень значительные слои пролетариата не только в мелких городах, но и в крупных центрах².

«Дифференцировался ли германский пролетариат от буржуазии?» — спрашивал В. И. Ленин в марте 1919 г. и отвечал: «Нет! Ведь только о нескольких крупных городах сообщалось, что большинство рабочих в них против шейдемановцев»³. Но и те рабочие, которые распознали

¹ См. DNV, Bd. I, Einleitender Teil, S. 169—209.

² Соотношение голосов в крупных городах более ясно выявилось на выборах в городские собрания. В Берлине 23 февраля СДПГ получила 32% мест, НСДПГ — 33%; в Бремене 16 марта СДПГ получила 33%, НСДПГ — 20%, КПП — 7%; в Гамбурге 16 марта СДПГ получила 50%, НСДПГ — 8% мест.

³ В. И. Ленин, VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г. Доклад о партийной программе 19 марта, Соч., т. 29, стр. 149.

в правых социал-демократах врагов революции и социализма, все еще шли в большинстве на поводу у лидеров независимцев, которые умели ловко маскировать свое соглашательство с шейдемановцами и буржуазией революционными фразами. Вокруг молодой Коммунистической партии Германии спланировался лишь сравнительно небольшой авангард наиболее сознательных, передовых борцов. Это были, бесспорно, лучшие представители рабочего класса, самоотверженные, мужественные, готовые на жертвы. Но повести за собой действительно широкие массы рабочих и других трудящихся немецкие коммунисты еще не смогли. Они серьезно переоценивали возможность стихийной революционизации масс и недооценивали значение кропотливой и систематической организационной работы. Очень мешали им ошибочная тактика бойкота выборов в Национальное собрание, отказ от работы в реакционных профсоюзах, многочисленные проявления той «левой» детской болезни», на которую указывал В. И. Ленин¹.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ВЕЙМАРСКОГО СОБРАНИЯ

На следующий день после выборов правительство объявило, что Учредительное собрание откроется 6 февраля в Веймаре. Решение о том, что Национальное собрание должно заседать вне Берлина, было подготовлено уже давно².

Особенно остро встал вопрос о месте его созыва после январских боев. «У нас не было никакой уверенности, — писал палач германских рабочих Носке, — что Национальное собрание сможет беспрепятственно работать в Берлине, даже несмотря на наличие в нем значительного количества войск. Мы все чаще и серьезнее обсуждали вопрос о переселении в Веймар... Эберт руководствовался чисто практическими соображениями, что невозможно ме-

¹ См. В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч., т. 31, стр. 54—55.

² Еще во время Всегерманского съезда Советов газета «Vorwärts» писала: «Если Учредительное собрание в Берлине не сможет быть гарантировано от демонстраций и нападений толпы, то пусть оно соберется в Касселе, Эрфурте или другом каком-нибудь городе, где его примут с распростертыми объятиями». — См. «Vorwärts», 17. XII. 1918. Эта точка зрения социал-демократов целиком совпала с высказываниями буржуазных деятелей.

сяцами охранять при помощи оружия народное представительство от давления демонстраций»¹.

Это циничное заявление как нельзя лучше свидетельствовало об истинном характере этого собрания, которое необходимо было отгородить штыками от народных масс. Несмотря на разгром белогвардейскими бандами берлинских рабочих, Носке продолжал их бояться.

Но и тюрингские рабочие без восторга встретили сообщение, что Национальное собрание соберется на их земле. Первые подразделения правительственных войск, прибывшие в Веймар в качестве квартирьеров, были разоружены местным солдатским Советом при помощи рабочих. Тогда Носке дал приказ генералу Меркеру подавить силой оружия недовольство рабочих Веймара, Эйзенаха и Эрфурта. К Веймару было стянуто около 7 тысяч солдат, надежно отгородивших своими штыками место, где должны были собраться «народные представители». Веймар был наглухо отрезан от остальной Германии, наводнен шпиками и детективами, специально прибывшими из Берлина, вокзал был занят войсками, в город впускали только по специальным пропускам. Депутаты, прибывавшие к зданию национального театра, могли любоваться пулеметами, установленными на балконах и крышах близлежащих домов. Здесь же на площади они должны были удостоверить свою личность перед полицейскими². «Свобода» для вершителей судеб германского народа была полностью обеспечена...

«Учредительное собрание германской нации» торжественно открылось 6 февраля вступительной речью Эберта. Поскольку революция, возвестил он, обеспечила «право немецкого народа на самоопределение, ...он возвращается на путь законности». О том, чтобы эта «законность» была буржуазной, Эберт и его друзья немало позаботились. Обратившись к предпринимателям и рабочим, Эберт призвал первых ускорить оживление производства, а вторых — напрячь свои силы в труде. Сделав поклон в сторону держав Антанты, он заверил их, что «в Германии водворена демократия». Его речь венчал призыв осуществить в Веймаре «переход от империализма к идеализму, от мирового господства к духовному величию»³.

¹ G. Noske, Von Kiel bis Kapp, S. 85—86.

² См. DNV, Bd. I, Hauptteil... S. 522.

³ VDNV, Bd. 326, S. 1—3.

В этот день газета «Die Rote Fahne» в статье «Веймар» метко охарактеризовала обстановку, в которой было избрано и созвано Национальное собрание, и его роль: «Треск пулеметов, гром пушек и гранатометов на улицах Берлина, зверское убийство из-за угла Розы Люксембург и Карла Либкнехта, сотни революционеров в берлинских тюрьмах, господство сабли Лютвица, Меркера, Герстенберга..., палаческое дело в Бремене, занесенный кнут голода над безработными, холодно работающая в Моабите машина классовой юстиции, осадное положение без всяких правовых гарантий — вот операционные инструменты, с помощью которых появилось на свет Национальное собрание... Из центра революционного штурма, из Берлина, Национальное собрание бежало в провинцию. Это — не только бегство от революции, это — уже бегство к контрреволюции. Это — попытка мобилизовать провинцию против Берлина, деревню — против города. Национальное собрание окружает себя плотным строем своих контрреволюционных отрядов ландскнехтов. Генерал Меркер со своим фельдъегерским корпусом — герой январской недели в Берлине — его гений-храпитель... Однако не белогвардейские ландскнехты являются пешками Национального собрания, а наоборот, Национальное собрание является пешкой ландскнехтов...»¹

Второе заседание Национального собрания было почти целиком посвящено оглашению приветственных телеграмм. Среди них была и пространная декларация, уже накануне опубликованная в газетах, под которой стояла подпись «Центральный Совет германской социалистической республики». «В ожидании, что Национальное собрание осуществит свой полный суверенитет, — говорилось в ней, — Центральный Совет передает полученную им от Всегерманского съезда рабочих и солдатских Советов власть в руки Германского национального собрания и желает его работе всяческих успехов»². Эта декларация лишней раз свидетельствовала о формальной самоликвидации тех «советов», которые уже давно были превращены засевшими в них социал-предателями в органы борьбы против революции. Сообщение о бесславной кончине этих «советов» было встречено рукоплесканиями буржуазии

¹ «Die Rote Fahne», 6. II. 1919.

² VDNV, Bd. 326, S. 37.

и ее лакеев, но оно не могло обескуражить подлинных революционеров. Газета «Die Rote Fahne» в эти дни призывала рабочих немедленно приступить к избранию повых Советов, которые были бы действительными выразителями их революционной воли. «В Советах, — писала газета, — не должен сидеть ни один изменник, ни один единомышленник Эберта — Шейдемана. На их руках кровь рабочих»¹.

На третий день своей работы, 8 февраля, Национальное собрание приступило к обсуждению законопроекта «О временной государственной власти». Закон должен был определить функции и задачи Национального собрания и играть роль временной конституции.

Проект закона устанавливал, что задачей Национального собрания является создание новой конституции и принятие необходимых законов. Собрание должно было избрать временного президента империи и утвердить временное правительство. Однако суверенитет Национального собрания предполагалось существенно ограничить. Рядом с ним намечалось поставить так называемый Комитет государств (Staatenausschuss), состоящий из представителей правительств всех отдельных государств, входящих в состав Германии². Вносимые правительством в Национальное собрание законопроекты нуждались в предварительном одобрении Комитета государств. Законы должны были приниматься Национальным собранием только по согласованию с Комитетом.

Создание Комитета государств было по сути дела возрождением дореволюционного «бундесрата» (союзного совета)³, созданного в свое время Бисмарком в качестве партикуляристски-бюрократического противовеса рейхстагу. Образование Комитета было уступкой социал-демократического правительства консервативным кругам, стремившимся увековечить пережитки полуфеодальной

¹ «Die Rote Fahne», 7. II. 1919.

² Каждое из отдельных государств (Пруссия, Бавария, Саксония и т. д.) должно было иметь в Комитете по одному голосу от миллиона жителей, но не менее одного голоса и не более одной трети всех голосов.

³ В то время как кайзеровский рейхстаг был объявлен Советом народных уполномоченных распущенным, бундесрат продолжал существовать и после революции, о чем было официально заявлено еще в ноябре.

раздробленности Германии и помешать созданию действительно единого государства.

Поскольку основные положения компромиссного законопроекта о временной государственной власти были заранее согласованы за кулисами, его обсуждение в Национальном собрании не вызвало сколько-нибудь серьезных дебатов¹. Только фракция НСДПГ нарушила «гармонию», внося свой контрпроект закона. Его центральным пунктом было предложение вместо Комитета государств включить во временную конституцию рабочие и солдатские Советы, сделав их правомочным органом государственной власти наряду с Национальным собранием.

Как раз в этот день орган независимцев газета «Die Freiheit» напечатала передовую статью Р. Гильфердинга, который предлагал превратить Советы в государственную организацию, но не в полновластные органы власти, как этого требовали революционные рабочие во главе с коммунистами, а в органы, стоящие *рядом* с буржуазным Национальным собранием². Эта идея «сочетания» Советов и Национального собрания была впервые высказана Гаазе еще на Всегерманском съезде Советов в декабре 1918 г. Стремясь побудить съезд высказаться за созыв Национального собрания и замазать сущность коренного вопроса классовой борьбы в стране — власть Советов или Национальное собрание, — Гаазе заявил тогда, что «Советы сохраняют еще свое особое значение»³. Теперь Гильфердинг, по меткому выражению газеты «Die Rote Fahne», «расшифровал алгебраическую формулу Гаазе» и превратил ее в партийный лозунг⁴.

Но все попытки «независимых» депутатов убедить Национальное собрание в ценности их предложения, все их заверения, что закрепление Советов в конституции «умиротворит» рабочий класс, как и следовало ожидать, оказались напрасными. Как буржуазные партии, так и правые социал-демократы жаждали полного и безоговорочного уничтожения Советов. Они видели в Советах серьез-

¹ См. DR, S. 500.

² См. «Die Freiheit», 9. II. 1919. Morgen-Ausgabe.

³ См. «Allgemeiner Kongress..», S. 127.

⁴ «Die Rote Fahne», 14. II. 1919. Требование о включении Советов в конституцию было высказано и левым независимцем Деймигом на пленуме Берлинского Совета 31 января 1919 г. — См. «Der Arbeiterrat» Nr. 2, Februar 1919.

нейшую угрозу, способную подорвать основы их господства. Они надеялись, что предпринятые Носке кровавые экспедиции и бесславная капитуляция подорванных шейдемановцами изнутри Советов навсегда отвратили опасность, перед которой они дрожали в ноябре. Все поправки фракции НСДПГ были Национальным собранием отклонены, закон о временной государственной власти был принят без изменений.

Потерпев неудачу в Национальном собрании, фракция и партийное правление НСДПГ опубликовали 11 февраля обращение «К революционному пролетариату Германии». В нем они впервые назвали правительство Эберта *буржуазным*, умалчивая, однако, о том, что оно было таковым и тогда, когда во главе его рядом с Эбертом стоял Гаазе. Обращение призывало рабочих требовать (от *буржуазного* правительства и *буржуазного* Национального собрания!), чтобы они закрепили в конституции «носителей и хранителей революции» — Советы¹. При этом лидеры независимцев, разумеется, старательно обходили вопрос о том, как они сами своей соглашательской политикой содействовали изгнанию из Советов революционного духа.

Характеризуя это «замечательнейшее и комичнейшее воззвание», В. И. Ленин писал: «Помирить, объединить диктатуру буржуазии с диктатурой пролетариата! Как это просто! Какая это гениально-филистерская идея!

Жаль только, что ее уже испытали при Керенском в России объединенные меньшевики и социалисты-революционеры, эти мелкобуржуазные демократы, мнящие себя социалистами»².

ПРЕЗИДЕНТ ЭБЕРТ И РЕЙХСКАНЦЛЕР ШЕЙДЕМАН. ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА «ВЕЙМАРСКОЙ КОАЛИЦИИ»

11 февраля Национальное собрание провело выборы временного президента Германской империи. В соответствии с закулисным стовором президентом был избран Фридрих Эберт³. Причину того, что буржуазные партии

¹ «Die Freiheit», 11. II. 1919.

² В. И. Ленин, Третий Интернационал и его место в истории, Соч., т. 29, стр. 286.

³ Шейдеман, который в своих мемуарах дал волю своей неприязни к Эберту, пишет, что еще накануне открытия Националь-

так охотно отдали свои голоса социал-демократическому президенту, откровенно высказал в своем выступлении социал-демократ Давид: 9 ноября, сказал он, «в этот чрезвычайный опасностями час решения судеб германского народа, Эберт выдвинулся на первое место. То, что немецкая революция не последовала примеру русской.., — это в большой мере является заслугой человека, которого вы сегодня поставили во главе империи»¹.

Вся буржуазная и юнкерская печать, включая и крайнюю правую, приветствовала избрание Эберта. «*Berliner Tageblatt*» писала, что «заключилось революционное интермеццо», а юнкерская «*Deutsche Tageszeitung*» выражалась еще яснее: «Революция умерла. Ее место заступит государственный порядок... С сегодняшнего дня революционеров у нас нет, есть только бунтовщики»². Очень метко выразилась французская газета «*Figaro*», писавшая, что «у Эберта скоро можно будет снова увидеть зубы Гинденбурга»³.

13 февраля закулисный торг партий из-за замещения «теплых местечек» в правительстве, начавшийся еще до открытия Национального собрания⁴, завершился созданием коалиционного правительства. Уже анализируя первые итоги выборов, буржуазная печать с удовлетворением указывала на неизбежность открытой коалиции социал-демократии с немецкими демократами. Вскоре выяснилось, что лидеры социал-демократии готовы сотрудничать не только с немецкими демократами, но также и с партией центра. Лидеры социал-демократии при этом сознательно шли на ослабление позиций своей партии ради того, чтобы создать «широкое и устойчивое правитель-

ного собрания Эберт высказывал откровенное желание занять пост президента. Шейдман же якобы обращал внимание на то, что «радикальные рабочие будут направлять все нападки, если из социализации на первых порах ничего не выйдет, против социал-демократического президента». Эберт, однако, настоял на своем вопреки мнению части членов фракции. — *Ph. Scheidemann, Memoiren eines Sozialdemokraten, Bd. 2, S. 354.*

¹ VDNV, Bd. 326, S. 40.

² «*Deutsche Tageszeitung*», 12. II. 1919. Morgen-Ausgabe.

³ См. «*Die Freiheit*», 14. II. 1919. Abend-Ausgabe.

⁴ Американский «наблюдатель» Герарди уже 6 февраля сообщал, что решено сформировать кабинет из 7 социал-демократов и 7 демократов и представителей центра, хотя сотрудничество с последними еще не обеспечено. — См. PPS, v. XII, p. 6. Донесение Герарди, 6. II. 1919.

ство», которое могло бы обеспечить решительное подавление революционных выступлений пролетариата. Ссылка на «неуступчивость» партнеров давала социал-демократам широкую возможность маскировать свое нежелание хоть в чем-либо поколебать буржуазный строй.

Деятель и историк партии центра И. Бредт хорошо видел эту сторону политики социал-демократии. «Необходимость сотрудничать с другими партиями, — писал он, — означала для социал-демократов, пожалуй, скорее облегчение, чем затруднение. Было ясно, что центр и демократов нельзя было привлечь на сторону действительно коренных мер в смысле социализма; сотрудничество с центром должно было быть куплено даже ценой серьезных уступок в области церкви и школы. Но если это было так, тогда не могло служить упреком партии, что она не думала серьезно об осуществлении Эрфуртской программы. Очевидная невозможность (здесь следовало сказать — нежелание правых лидеров социал-демократии. — Я. Д.) выполнить теперь то, что они обещали массам в течение десятилетий, покрывалась в этом случае парламентским положением... Так партия пришла к единственно возможному выходу: вообще отказаться от теории и руководствоваться только практикой.. Формально это может быть нечто иное, фактически же во всяком случае почти то же самое, что и ранее отвергнутый ревизионизм. Это в основе своей даже почти то, чем была начатая Бисмарком политика охраны рабочих, лишь в значительно большем масштабе»¹.

Характеризуя новое правительство, «Die Rote Fahne» 7 февраля писала в статье «Реставрация»: «Снова возвращается старый империалистический блок — социал-демократы, свободомыслящие, центр. Только названия несколько изменились. Партии массовой бойни мировой войны выдают себя за новое революционное правительство»².

Новое правительство, получившее название правительства «веймарской коалиции», возглавил Шейдеман. В него вошли 7 социал-демократов, 3 немецких демократа, 3 представителя центра и 1 беспартийный. Носке

¹ J. Bredt, Der Geist der deutschen Reichsverfassung, Berlin 1924, S. 48—49.

² «Die Rote Fahne», 7. II. 1919.

получил в нем портфель военного и морского министра. Министром юстиции стал бывший член СНУ Ландсберг¹.

«Жизненным законом этого правительства, — писала «Die Rote Fahne», — будет уничтожение революции, восстановление всех утраченных позиций господства буржуазии»². Насколько верным был прогноз коммунистов, показала программа нового правительства.

13 февраля в Национальном собрании с обоснованием правительственной программы выступил Шейдеман. Он объявил, что величайшей ошибкой социал-демократии после 9 ноября была ее коалиция с «независимыми», и стал цинично похвалиться «успехами» в подавлении революционных выступлений рабочих. Высказываясь за заключение мира «на основе принципов Вильсона», Шейдеман в то же время протестовал против «аннексии германских территорий», в том числе против возвращения Франции Эльзаса и Лотарингии, требовал сохранения колоний, оправдывал вооруженные столкновения с Польшей в Познани и Силезии, хвастался, что Германия готова вести вооруженную борьбу против «общего врага всего цивилизованного мира», как он злобно и клеветнически именовал Советскую Россию³.

От имени партии центра выступил лидер ее парламентской фракции Грёбер. Он прежде всего указал, что, по его мнению, Ноябрьская революция была совершенно излишней, так как Германия, дескать, еще в начале октября 1918 г. получила от Макса Баденского демократическое устройство. Объясняя, почему его партия высказывается за республику, Грёбер заявил, что она видит в республике «единственную возможность выбраться из хаоса

¹ Социал-демократы получили также портфели министров хозяйства (Виссель), продовольствия (Шмидт) и труда (Бауэр). Немецкие демократы заняли посты: министра внутренних дел (Прейс) и финансов (Шиффер). По адресу последнего, который являлся также заместителем Шейдемана, «Die Rote Fahne» замечала: «Ключ от денежного шкафа буржуазии попадет в верные руки национал-либерала, регента тяжелой промышленности и финансового капитала». Партии центра достались портфели министра колоний (Белл), почты и телеграфа (Гизбертс). Министерство иностранных дел было поручено буржуазному дипломату графу Брокдорф-Ранцау. Кроме того, в состав кабинета вошли три министра без портфеля (Давид — СДПГ, Эрцбергер — центр, Готгейн — немецкий демократ).

² «Die Rote Fahne», 7. II. 1919.

³ VDNV, Bd. 326, S. 17.

революции». Грёбер подчеркивал, что программа правительства является не социалистической, а коалиционной программой: «Если в последние дни здесь в высоком собрании было употреблено выражение «социалистическая республика», то его нельзя будет больше употреблять в будущем»¹. Отвечая Грёберу, социал-демократ Кейль поспешил согласиться с ним, что Германию нельзя называть «социалистической республикой». Он усердно доказывал при этом, что социал-демократии и не снилось, что можно «сразу» превратить капиталистическую систему в социалистическую².

Немецкий демократ Науман, оправдывая перед правыми партиями сотрудничество своей партии с социал-демократией, указал на невозможность создания коалиции буржуазных партий *против* социал-демократии, несмотря на наличие в Национальном собрании буржуазного большинства. Дело в том, разъяснял он, что с этим «буржуазным большинством правых партий нельзя будет закончить революцию.., обеспечить спокойный ход дел в Германии». Нельзя будет также и заключить мир, так как за граница с недоверием отнесется к правому блоку, в который войдут и явные ашексионисты. Он таким образом откровенно сформулировал задачу, выполнение которой буржуазия возлагала на социал-демократию, доверяя ей руководство правительством, — добить революцию, палачом которой правые социалисты себя уже проявили, и вымолить у Антанты приемлемый мир, который позволил бы подготовить новую реваншистскую войну.

В речи, которую произнес в Национальном собрании министр иностранных дел Брокдорф-Рауптцау, настойчиво звучало желание произвести благоприятное впечатление на деятелей США³. Особенно старательно он подчеркивал, что Германия, «не имея ни договора, ни дипломатических отношений с Советской Россией, находится фактически в состоянии войны с ней»⁴. Это заявление действи-

¹ VDNV, Bd. 326, S. 52—54.

² Там же, стр. 76.

³ Показательно, что после своей речи Брокдорф через посредника (барона Мальцан) передал американскому посланнику в Гааге, что для определения будущей политики «считает чрезвычайно важным узнать мнение американцев относительно своей речи». — PPS, v. XII, p. 26—27. Гаррет — комиссии по ведению мирных переговоров, 16. II. 1919.

⁴ VDNV, Bd. 326, S. 70—71.

тельно не было только дипломатической формулой. К этому времени немецкие войска были вытеснены с большей части территории прибалтийских республик и сумели удержаться только в районах Лиенаи и Клайпеды. Германская военщина, однако, отнюдь не намерена была отказаться от своих агрессивных замыслов. Она разрабатывала далеко идущие планы «использования слабости Советской власти, чтобы вырвать у нее возможно большую часть страны»¹, считая, что «через Прибалтику ведет путь к Москве»². Для осуществления этих планов шла вербовка добровольцев в «Железную дивизию», формировались батальоны Росбаха, Плеве, Брандиса; немецкие бароны в Латвии создали так называемую «Балтийскую оборону». Советское правительство неоднократно выражало протесты против сосредоточения германских войск в Прибалтике, а 15 февраля Наркоминдел в специальной радиограмме решительно опроверг клеветнические утверждения, будто Советская Россия «хочет снова вовлечь германский народ в войну» или намерена «пасть на германскую территорию»³.

17 февраля в Национальном собрании выступил председатель комиссии по перемирию, получивший в новом правительстве пост министра без портфеля, М. Эрцбергер. Рассказывая о деятельности комиссии, он все время подчеркивал, что при переговорах с представителями Антанты ему удавалось выторговать то или иное смягчение условий прежде всего путем запугивания союзников «угрозой большевизма». Так, в середине января, когда маршал Фош потребовал от Германии передачи Франции большого количества сельскохозяйственных машин, Эрцбергер сумел ловко использовать для уменьшения поставок даже полученное им известие об убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург⁴. В ноте от 6 февраля Эрцбер-

¹ «Darstellungen...», Bd. II, Die Kämpfe im Baltikum bis zur zweiten Eroberung Rigas, S. 39.

² «Darstellungen...», Bd. III, Die Kämpfe im Baltikum nach der zweiten Einnahme von Riga, S. 151.

³ «Известия ВЦИК», 18. II. 1919.

⁴ В своих мемуарах Эрцбергер писал: «... В 11 часов я отправился к маршалу Фошу, где рассказал о только что полученном сообщении об убийстве Либкнехта и Розы Люксембург; известие произвело на всех присутствовавших глубокое впечатление. Поставки сельскохозяйственных материалов к 1 марта 1919 г. я тотчас объявил невозможными... Мы договорились по всем пунктам,

гер настаивал на использовании немецких войск в Прибалтике для борьбы с «большевизмом», доказывая, что, если Антанта не смягчит условий перемирия, не только Германия, но и вся Европа и даже Америка окажутся перед лицом революции¹. Выступая через неделю в комиссии по перемирию, Эрцбергер снова заявил, что, отказываясь поддержать немцев в Прибалтике, «союзники сами открывают путь большевизму, в то время как немецкий народ (?), напротив, упорно пытается отразить его»².

Однако, несмотря на всю изворотливость, Эрцбергеру не всегда удавалось добиться успеха, и он подвергся в Национальном собрании серьезным нападкам со стороны депутатов правых партий. Националисты выражали недовольство подписанным Эрцбергером соглашением о прекращении наступательных действий немецких войск в Познани и Силезии и установлении демаркационной линии между немецкими и польскими войсками. Представитель магнатов Рура, Л. Фёглер, потребовал даже отставки Эрцбергера за то, что тот якобы проявляет излишнюю уступчивость при защите экономических интересов Германии³. Эта «семейная ссора» интересна лишь тем, что в ходе словесных дуэлей раскрылись такие стороны политики правящих кругов, о которых обычно не говорили публично.

кроме требования союзников предоставить немецкий торговый флот для доставки продовольствия». — См. *M. Erzberger, Erlebnisse im Weltkrieg*, S. 354—355.

¹ VDNV, Bd. 326, S. 107.

² РСР, v. IV, p. 28—29. Декларация Эрцбергера в союзной комиссии по перемирию, 14 февраля 1919 г. Как рассказывает сам Эрцбергер, он старался внушить Фошу, что «отчаяние — мать большевизма». — *M. Erzberger, Erlebnisse im Weltkrieg*, S. 360.

³ Подоплекой нападок Фёглера на Эрцбергера был следующий эпизод. Представители монополистов Рейнско-Вестфальского промышленного района решили сами вмешаться в ход переговоров по экономическим вопросам, рассчитывая использовать при этом свои экономические связи с международным капиталом. Они потребовали от Эрцбергера допуска в Спа, где работала международная экономическая комиссия, своих экспертов, в том числе Стиннеса, Фёглера, Рейша и Пёнстена. Но Эрцбергер воспротивился этому, опасаясь, что промышленники испортят ему всю игру, и даже выдворил из Спа самозванно явившегося туда Стиннеса. Магнаты капитала не простили Эрцбергеру такой «дерзости» и впоследствии свели с ним счеты.

Подлинный смысл внутренней политики, которую намерено было проводить правительство «веймарской коалиции», раскрылся особенно ярко, когда Национальное собрание приступило к рассмотрению вопроса о дополнении к бюджету на 1918 год. «Национальное собрание достигло пункта, — писала по этому поводу газета «Die Rote Fahne», — где более не помогает никакая уловка, никакая маскировка, никакая уклончивость — вопроса о финансах»¹. Министр финансов Шиффер исчислил сумму государственного долга, состоявшего главным образом из военных расходов, примерно в 161 млрд. золотых марок, что на 15 млрд. превышало кредит, вотируемый ранее рейхстагом. Шиффер требовал предоставления правительству дополнительного кредита на сумму в 10 млрд. и утверждения дополнительного расхода в 25 млрд. золотых марок.

На кого же собиралось правительство возложить покрытие этих чрезвычайных государственных расходов? «Нам предлагают крайние меры, — говорил Шиффер, имея в виду требования коммунистов: — аннулировать военные займы, конфисковать банкские вложения и частное имущество. Мы не согласны идти по этому пути...» Решительно отвергнув какое-либо посягательство на «священную» частную собственность буржуазии, на капитал крупных держателей военных займов, Шиффер обещал «не убивать курицу, которая несет золотые яйца»².

Как раз в это время большинство германских газет поместило сообщение о том, что известная компания по производству моторов «Даймлер моторен АГ» должна получить от правительства возмещение за аннулированные заказы в сумме 57,8 млн. марок, из которых 18 млн. марок она уже получила. Эта компания, выплачивавшая до войны своим акционерам 8—14% дивидендов, а во время войны — от 16 до 35%, получила выгоду и от революции. С декабря 1918 г. по февраль 1919 г. курс ее акций поднялся со 130 до 233³. Аналогичное положение было и у

¹ «Die Rote Fahne», 17. II. 1919.

² VDNV, Bd. 326, S. 97.

³ «Die Freiheit», 14. II. 1919. Morgen-Ausgabe. Официальное «опровержение» лишь подтвердило сообщение, заявив, что и другие фирмы должны получить возмещение, только якобы не за сокращение военных прибылей, а за материал и выпущенную продукцию... — См. «Vorwärts», 15. II. 1919. Morgen-Ausgabe.

других крупных компаний, выполнявших правительственные военные заказы.

Шиффер даже и не пытался отрицать факт выплаты правительством Эберта — Шейдемана гигантских подачек капиталистам, нажившим на войне миллиардные прибыли. Война окончилась на Западе, но она продолжается на Востоке, цинично заявил он, имея в виду бандитские действия германской военины в Прибалтике. Военные заводы тоже остановились не сразу: «Мы производили полуфабрикаты, которые тут же уничтожались (!). Это была полностью непродуктивная работа, — признал он, — но она должна была быть выполнена... потому, что мы были связаны договорами, которые не могли просто разорвать без разорения участвовавших заводов»¹.

Проявляя такую трогательную и нежную заботу о сверхприбылях капиталистов, Шиффер не постеснялся объявить уровень зарплаты рабочих «фантастическим и гротескным». Он возмущался размерами пособий по безработице и измышлял нелепейшие цифры расходов, якобы вызванных деятельностью рабочих и солдатских Советов, назвав цифру в 800 млн. марок².

Программа, предложенная Шиффером, заключалась в увеличении косвенных налогов, особенно тяжело бьющих по беднейшим слоям населения, до 19 миллиардов марок против 5 миллиардов довоенного времени. В то же время программа лишь в туманной и общей форме говорила о «строгом охвате военных прибылей» и не предусматривала даже введения единого подоходного налога. «Республика Фрица Эберта, — писала «Die Rote Fahne», — перенимает и признает счет долгов, которые наделало государство Вильгельма Гогенцоллерна... Право капитала на свои проценты неприкосновенно. Тайна Национального собрания, его социальный характер и его политическая роль расшифрованы: это — капиталистическая прибыль»³.

¹ VDNV, Bd. 326, S. 93.

² Впоследствии Эрцбергер, ставший министром финансов, вынужден был опровергнуть эти нелепые слухи о «растратах», якобы учиненных Советами. 9 июля 1919 г. он заявил в Национальном собрании, что рабочим и солдатским Советам была выплачена «совершенно ничтожная сумма». — См. VDNV, Bd. 327, S. 1440.

³ «Die Rote Fahne», 17. II. 1919.

Одобрив правительственную программу и дополнение к бюджету, выразив доверие правительству, Национальное собрание приступило к обсуждению закона о временном рейхсвере. С обоснованием законопроекта выступил социал-демократ Шёпфлин, указавший, что рейхсвер необходим для «охраны границ» и «борьбы против террора и банд внутри страны»¹. Еще откровеннее были ораторы правых партий, одобрительно отзывавшиеся о решительности действий Носке при подавлении революционных выступлений рабочих и установлении белого террора в стране. «Этот законопроект, — заявил оратор националистов Береке, — является ясным признаком того, что социал-демократия переучилась...» Обращаясь к социал-демократам, он призвал их открыто признать, что нельзя обойтись без милитаризма: «Вы должны вернуться к старым, добрым принципам и методам старого государства...»² Другой оратор этой же партии, Лаверренц, выразил радость, что «со скамей правительства было так мужественно сказано: сила против силы». «Мы втихомолку, — продолжал он, — немного усмехались, что дух Веймара... должен, наконец, снова быть проникнут духом Потсдама, который вырастил нас...»³

Закон о временном рейхсвере, принятый голосами всех буржуазных партий и социал-демократии, давал возможность правительству объединить существовавшие и формировавшиеся «добровольческие батальоны» и влить их в регулярную армию. Так, корпус Меркера был вскоре преобразован в 16-ю бригаду рейхсвера, корпус Гюльзена — в 3-ю бригаду, полк Рейнгарда — в 29-й пехотный полк, батальон Росбаха — в 37-й егерский батальон и т. д. В частях рейхсвера окончательно упразднились солдатские Советы и полностью восстанавливалась командная власть офицеров.

В последние дни февраля Национальное собрание обсудило и приняло также так называемый «переходный закон», который призван был перекинуть юридический мостик через революционные события, установив полную преемственность учреждений и законов кайзеровской империи и новой республики. Вместе с тем этот закон, как

¹ VDNV, Bd. 326, S. 296.

² Там же, стр. 300—301.

³ Там же, стр. 330.

заметил один из депутатов, «устранил ярлык внебрачного рождения», который, по мнению правительства, был якобы приклеен к распоряжениям СНУ, и достойно принял их «в семью добропорядочных и законнорожденных германских законов»¹. Переходный закон переносил права прежнего рейхстага на Национальное собрание, права бундесрата — на Комитет государств, права кайзера — на президента империи, права рейхсканцлера — на правительство.

Приятием этого закона завершился первый этап деятельности Национального собрания, первый этап конституирования буржуазной республики в Германии.

* *
*

Уже самый факт созыва Национального собрания был результатом успеха контрреволюционных сил. Итоги выборов укрепили позиции буржуазии, в то же время продемонстрировав новую расстановку классовых сил, сложившуюся в результате Ноябрьской революции. Бегство Национального собрания в Веймар под защиту белогвардейских наемников наглядно показало его враждебность народу. «Пролетариату не приходится ждать от Национального собрания ничего, кроме новых цепей», — писала «Die Rote Fahne» на следующий день после его открытия², и эта оценка не замедлила подтвердиться. С каждым днем Национальное собрание все откровеннее выступало как орудие удушения революционного пролетариата. В то время как белогвардейские банды Носке терроризировали страну, расправляясь с революционными рабочими, веймарские парламентарии многословными разглагольствованиями о «демократии» и «свободе» прикрывали и санкционировали эти палаческие дела.

Законы, принятые Национальным собранием в первые недели его деятельности, камень за камнем ложились в фундамент государственного здания, которое ораторы торжественно называли «новым пародным государством». В действительности же оно было лишь обновленной формой буржуазно-юнкерского государства, в котором

¹ VDNV, Bd. 326, S. 356.

² «Die Rote Fahne», 7. II. 1919.

буржуазия, несколько потеснившая юнкерство, намерена была обеспечить себе решающие позиции.

Но на пути к окончательному конституированию буржуазной республики в Германии еще стоял революционный пролетариат, не прекративший борьбы за дальнейшее развитие революции, за последовательное решение всех демократических задач, за перерастание ее в революцию социалистическую. Эта борьба приобрела вскоре чрезвычайно острые формы.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ БОИ ГЕРМАНСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА В ФЕВРАЛЕ — АПРЕЛЕ 1919 г.

К середине февраля 1919 г. в Германии появились серьезные симптомы, свидетельствовавшие о нарастании новой волны революционного подъема рабочего класса. *Третий период* германской революции был не только периодом консолидации сил буржуазии, но и периодом усиления революционной борьбы широких пролетарских масс за свои жизненные права. В этот период, в отличие от второго, рабочему классу приходилось вести борьбу на почве уже укрепившейся власти буржуазии, опиравшейся на Национальное собрание и получившей возможность маскировать свою диктатуру лживыми ссылками на «народную волю».

Кровавые злодеяния палача берлинских и бременских рабочих Носке и его белогвардейских ландскнехтов все более раскрывали рабочим глаза на истинный смысл политики социал-демократической верхушки, вызывали все большее возмущение, толкали трудящихся к дальнейшей борьбе. Экономическое положение рабочих продолжало ухудшаться. В связи со свертыванием военного производства и демобилизацией армии росла безработица. В феврале число безработных превысило миллион, только в Берлине их насчитывалось свыше 300 тысяч ¹.

¹ По официальным данным, число безработных в Берлине составляло: 18 января — 189014, 1 февраля — 240972, 15 февраля — 271260 человек. — См. «Die Rote Fahne», 28. II. 1919.

Американский эмиссар Герарди, располагавший, видимо, более точной информацией, называл цифру в 325 тыс. человек. — См. PRC, v. XII, p. 35. Меморандум Герарди, 24. II. 1919.

Американские и английские «наблюдатели» и агенты, наводнявшие в это время Германию и зорко следившие за развитием событий, с нескрываемой тревогой доносили своим хозяевам о непрерывно нарастающей «радикализации масс». Их никак нельзя было заподозрить в симпатиях к трудящимся, но все они сходились в том, что главной причиной роста недовольства являлось тяжелое экономическое положение пролетариата, прежде всего в крупных промышленных центрах. «За 3 месяца ничего не сделано для улучшения экономического положения рабочих», — сообщал американский эmissар Ф. Дей¹. Массы «все больше отдают себе отчет в том, — вторил ему английский агент, — что крайняя пужда остается такой же, как раньше. Они голодны, недовольны, готовы на все. Они смутно надеялись, что перемирие и революция приведут к изменению положения. Раздражение, вызванное тем, что их надежды обмануты, повернулось... против нынешнего правительства»².

Массы рабочего класса учились на собственном опыте. понемногу прояснялось их классовое сознание, росла организованность. Молодая коммунистическая партия, фактически загнанная в подполье, преследуемая и травимая, потерявшая лучших своих вождей, продолжала быть глашатаем борьбы немецких рабочих за свое освобождение. Преодолевая огромные трудности, руководству КПГ удалось возобновить 3 февраля выход газеты «Die Rote Fahne», разгромленной в январские дни.

В передовой статье «Несмотря ни на что!» (такое же название носила последняя статья К. Либкнехта, напечатанная в день его гибели, 15 января 1919 г.) газета писала: «Германский пролетариат просыпается. Он потерял три месяца, поверив «социализму» Эберта — Шейдемана.

¹ РРС, т. XII, р. 30. Донесение Ф. Дея, 21.II. 1919. Сам Дей, безусловно одобряя антинародную политику правительства, считал, что оно и не могло ничего сделать, но большая беда заключалась в том, что... «очень трудно убедить в этом пролетариат». — Там же, стр. 30—31.

² Army, Reports by british officers on the economic conditions prevailing in Germany (Presented to both Houses of Parliament of His Majesty), London 1919 (в дальнейшем: R. br. off.), p. 6.

Фамилия офицера в докладе не указана. О нем сообщается только, что он находился в течение нескольких недель в Берлине, где был до этого «при особых обстоятельствах» в ноябре 1918 г. Доклад датирован 23. III. 1919.

Он был уже близок к тому, чтобы продать свое лучшее — рабочие и солдатские Советы — за чечевичную похлебку Национального собрания; теперь он приходит в себя...» Призывая пролетариат к борьбе, газета в то же время учила его остерегаться провокаций и не «предлагать добровольных жертв палачам»¹. Оценивая обстановку, орган ЦК КППГ не закрывал глаза на слабость и незрелость революции: пролетариату удалось создать «лишь отдельные, не связанные друг с другом, выдвинутые вперед революционные позиции; солдатская масса еще не развита, сельский пролетариат еще не пробудился...»²

ФЕВРАЛЬСКИЕ СТАЧКИ В РУРЕ И СРЕДНЕЙ ГЕРМАНИИ

Возмущение рабочих чаще всего прорывалось в форме стихийно возникавших стачек, быстро принимавших массовый характер. В середине февраля центром движения снова стал Рейнско-Вестфальский промышленный район, сердце германской тяжелой промышленности.

Осуществление принятого в январе на конференции горняков в Эссене решения о немедленной «социализации» шахт натолкнулось на серьезные препятствия. Члены «комиссии девяти», прибывшие для переговоров в Берлин, не нашли поддержки в правительственной «комиссии по социализации». Каутский и Эберт ясно дали им понять, что они «поспешили», а Гуго Стиннес, соблаговоливший их принять, прямо заявил, что «все рабочие — лентяи». 18 января для «урегулирования положения в Руре» были назначены три правительственных комиссара, имена которых ясно свидетельствовали о намерениях правительства. Это были: горный советник Рёриг, генерал-директор А. Фёглер, профсоюзный лидер О. Гуэ. Через несколько дней правительство предложило вместо Советов горняков создать «трудовые палаты» на основе паритетного представительства рабочих и предпринимателей.

В это же время правительство готовило вооруженную расправу с «бунтовщиками». В начале февраля Носке приказал командующему VII армейским корпусом генералу

¹ «Die Rote Fahne», 3. II. 1919.

² «Die Rote Fahne», 27. II. 1919.

Ваттеру ввести войска в Рурский промышленный район. Главный солдатский Совет в Мюнстере, выразивший свою солидарность с рабочими и заявивший протест против карательной экспедиции¹, был 11 февраля распущен, а его руководители арестованы.

События в Мюнстере вызвали всеобщее возмущение рабочих. Собравшаяся в Эссене 14 февраля конференция рабочих и солдатских Советов приняла решение предъявить правительству требования: немедленно освободить арестованных членов солдатского Совета, наказать генерала Ваттера и отозвать «добровольческие корпуса». В случае невыполнения этих требований конференция решила призвать рабочих к всеобщей забастовке. «Комиссия девяти» выехала в Веймар для переговоров, но правительство отказалось принять ее и отвергло все требования.

Между тем 14 февраля добровольческий корпус капитана Лихтшлага, усиленный отрядом студентов мюнстерского университета, вступил в Рур. Рабочие оказали карателям организованное сопротивление. В районе Гарвест-Дорстена между рабочими и войсками произошло крупное сражение. На помощь местным рабочим прибыли вооруженные отряды из Обергаузена, Мюльгейма, Штеркrade, Дуисбурга и других городов, но войскам после жестокого боя удалось овладеть городом. На многих шахтах горняки, не дожидаясь дальнейших указаний, прекратили работу. 16 февраля собравшаяся в Мюльгейме конференция рабочих и солдатских Советов Рура призвала рабочих к генеральной забастовке. В принятом воззвании говорилось: «Пролита кровь горняков! Правительственные войска напали на революционных горняков в Гарвест-Дорстене и намерены распространить свои атаки против всей промышленной области. Необузданные наемники стоят у ворот Рура! Последним средством для предотвращения кровопролития является генеральная забастовка!.. Силой оружия хотят помешать социализации шахт. Правитель-

¹ В подписанном членами главного солдатского Совета VII корпуса обращении к солдатам говорилось: «Не давайте склонить себя стрелять в бастующих рабочих, в товарищей по классу, борющихся за свои политические права. Помните, что задачи революции еще не решены, и не позволяйте превратить себя в войска врагов революции. Решительно смещайте своих командиров, если они дают приказ о контрреволюционных действиях». — *H. Spethmann*, 12 Jahre Ruhrbergbau, Bd. I, S. 199—201.

ственные войска состоят на содержании у капиталистов. Пролетарии, на карту поставлено все! Будущее ваше и ваших детей! Только солидарность рабочего класса обеспечит социалистическую революцию! Долой капиталистов! Да здравствует господство рабочего класса!»¹

На следующий день остановилась почти половина шахт, были прекращены выход буржуазных газет, уплата налогов, поставки угля. Все попытки правых социал-демократов и профсоюзных лидеров прекратить стачку терпели неудачу. В Штеркrade и Ботропе несколько тысяч рабочих, захвативших пулеметы, пушки и гранатометы, вели тяжелые бои с правительственными войсками. Им удалось занять ратушу в Ботропе и несколько дней они удерживали город в своих руках.

18 февраля в Эссене состоялась новая конференция представителей рабочих и солдатских Советов Рурской области. Было принято решение продолжать забастовку, пока «комиссия девяти» не будет признана, а белогвардейские войска не будут выведены из Рура. Было выдвинуто требование о вооружении рабочих. Социал-демократические и профсоюзные лидеры попытались сорвать конференцию, внося резолюцию о прекращении забастовки. Возмущенные рабочие освистали правых лидеров, и они ушли с конференции, которая слова подтвердила решение о продолжении забастовки под лозунгом «Победить или погибнуть!»² Забастовка вышла за пределы Рура, охватив Вупперталь, Эльберфельд, Дюссельдорф. В ряде мест происходили вооруженные столкновения рабочих с отрядами «гражданской обороны» и войсками.

Развитие событий в Руре вызвало серьезное беспокойство в правительственных кругах. Все средства пропаганды были мобилизованы на то, чтобы представить борьбу рабочих как дело рук «спартаковских подстрекателей»; против революционных руководителей стачки была развернута бешеная травля. Шейдеман, выступая 21 февраля в Национальном собрании, пазвал рабочих Рура преступниками и заявил: «Почва, на которой мы стоим, колеблется. Она может выскользнуть из-под наших ног очень скоро, если нам не удастся решительно покончить с безумием и преступлениями в Рурской обла-

¹ *H. Spethmann*, 12 Jahre Ruhrbergbau, Bd. I, S. 205.

² Там же, стр. 206—211; *R. Müller*, Bürgerkrieg..., S. 131—132.

сти»¹. Белогвардейские банды Носке, получив подкрепление, с новой силой обрушились на рабочих. Главнокомандующий войсками Антанты маршал Фош разрешил правительственным войскам вступить в Дюссельдорф, находившийся в нейтральной зоне.

В это время профсоюзная бюрократия всеми средствами дезорганизовывала руководство стачечной борьбой

рабочих. Ежедневно выпускались листовки и воззвания с призывами прекратить борьбу, а 20 февраля правления христианских и других профсоюзов обратились к правительству с едва замаскированным призывом ускорить введение войск в районы забастовок². За спиной рабочих профсоюзные лидеры вступили в переговоры с карателями и заключили с ними «соглашение», обязавшись прекратить стачку. Но как только борьба рабочих была дезорганизована, белогвардейские банды, отбросив «соглашение» прочь, продолжали свой карательный поход по про-

Generalstreik

Demokratie in den Betrieben
durch direkt und gemeinschaftlich gewählte Betriebsräte der Angestellten und Arbeiter!

Das ist die Forderung der Bergarbeiter, der Arbeiter der chemischen Großbetriebe, der Metallindustrie, der Überlandbahnen, der Eisenbahnen und Transportarbeiter.

Keine Arbeit und keine Steuern! Die Arbeiter wollen ihren Kampf gegen die Herrschaft der Profitgier und des Kapitalismus fortsetzen.

Die Herrschaft des Geldes und des Kapitals muss aufhören!

Die Arbeit ruht bis zur Anerkennung dieser Forderungen durch Regierung und Unternehmer!

Es streben in diesem Kampf nach Unterstützung und Solidarität: Reichsbannerliga, Arbeiterbewegung, Gewerkschaften.

Jede Gewalttätigkeit hat zu unterbleiben!

Keine Arbeit und keine Steuern! Die Arbeiter wollen ihren Kampf gegen die Herrschaft der Profitgier und des Kapitalismus fortsetzen.

Der Streik ist ein Recht!

Прокламация о всеобщей забастовке в Средней Германии в феврале 1919 года

мышленному району. Разрозненные, по упорные бои в Мюльгейме, Гамборне и других местах окончились поражением рабочих, разоружением их отрядов.

Новая волна забастовок поднялась и в Средней Германии (Саксонии, Тюрингии, прусской провинции Саксонии). Борьбу и здесь начали горняки, требовавшие признания производственных Советов и выполнения обещаний о проведении социализации. Переговоры с правитель-

¹ «Vorwärts», 22. II. 1919.

² См. Н. Spethmann, 12 Jahre Ruhrbergbau, Bd. I, S. 240—241.

ством не привели ни к чему. 22 февраля рабочие в Цейтце прекратили работу, их поддержали горняки других мест. К забастовке стали присоединяться железнодорожники, рабочие химической промышленности, электростанций, металлисты. 23 февраля в Галле собралась конференция горняков Средней Германии. В ней приняли участие также члены окружных рабочих и солдатских Советов Эрфурта и Мерзебурга, представители рабочих химической промышленности, электростанций и транспорта. Около половины делегатов принадлежало к НСДПГ, примерно по четверти к КППГ и СДПГ. Конференция единодушно приняла решение об объявлении генеральной забастовки¹.

24 февраля стачка рабочих Средней Германии стала всеобщей. Она охватила районы Лейпцига, Эрфурта, Мерзебурга, Галле, Иены и других крупных центров. Южная Германия была отрезана от Северной. Сократилась подача электроэнергии в Берлин, транспорт был парализован. Правительство и Национальное собрание в Веймаре оказались заблокированными. Известие о том, что в Мюнхене 21 февраля был убит реакционерами глава баварского правительства независимец Курт Эйсер, еще более накалило обстановку.

Экономические требования рабочих все больше переплетались с политическими, и это придавало движению большую силу. Однако в формулировке этих требований сказывалось отсутствие единого, зрелого политического руководства, ясного понимания задач и путей их достижения. Так, например, конференция в Галле вместо требования национализации шахт высказалась за «демократизацию предприятий». Это же расплывчатое требование, подсунутое рабочим правыми социал-демократами, выдвинул и Совет Эрфурта, прибавив к нему требование отмены указа о командной власти офицеров. Рабочие Лейпцига требовали предоставления производственным Советам права осуществлять социализацию, отставки Эберта и Шейдемана, но ничего не говорили о передаче всей политической власти Советам².

Анализируя развитие стачечного движения в Руре и в Средней Германии, «Die Rote Fahne» писала: «Здесь

¹ «Illustrierte Geschichte», S. 373.

² «Die Rote Fahne», 23. II. 1919.

и там горнопромышленный пролетариат не требовал экспроприации шахтовладельцев. Он требовал полного контроля над предприятиями со стороны избранных им органов — производственных и шахтных Советов. Но это требование было первым словом социализации, и лакеи капитала пемедленно ответили последним словом капитала: порохом и свинцом... В боях, которые один за другим вспыхивают в Рурском бассейне, Баварии, Мангейме, Саксонии, шаг за шагом преодолевается незрелость революции: местная раздробленность, колеблющееся руководство, недостаточная организация, идейная неясность. Пулеметы гвардии Носке... создают почву для местной связи и идейного единства»¹.

Февральские стачки отличались от декабрьских и январских тем, что в них участвовали и те слои рабочих, которые до этого послушно шли за своими социал-демократическими и профсоюзными руководителями. Это вызвало серьезную тревогу у социал-демократических лидеров, видевших, как массы ускользают из-под их влияния. «Революционные настроения в германском народе распространяются все шире, — с нескрываемым раздражением отмечал в журнале «Neue Zeit» Г. Кунов. — За военным психозом последовал стачечный психоз»².

Падение авторитета Национального собрания и правительства Шейдемана вызвало беспокойство также у иностранных «наблюдателей». Английский офицер сообщал из Берлина, что, по его впечатлению, «слабость правительства заключается в том, что его социалистические члены быстро и очевидно теряют доверие тех, кто их номинально поддерживает». Это приводит к тому, что «правительство может перебиваться со дня на день только путем уступок и при помощи пулеметов действительно верных ему войск, главным же образом благодаря отсутствию единства среди его противников»³.

Американский эmissар Ф. Дей в своем донесении писал: «Несомненно, что правительство потеряло почву даже внутри своей собственной партии. Национальное собрание обмануло надежды даже тех, кто являлся его приверженцем. Оно не осуществило обещаний о социаль-

¹ «Die Rote Fahne», 27. II. 1919.

² «Neue Zeit», Nr. 24, 14. III. 1919.

³ R. br. off., p. 2. Доклад 23. II. 1919.

ных реформах или, вернее, о социальной революции и отложило в долгий ящик социализацию крупной промышленности». Отмечая, что правительство вызывает к себе все бóльшую ненависть у рабочих и что оно «стало казаться многим его сторонникам буржуазным», Дей вынужден признать, что «широкие массы народа враждебно относятся к старому режиму и считают, что Национальное собрание предлагает им только разжиженный либерализм вместо революционных преобразований...» При этом Дей настойчиво внушал представителям германских правительственных кругов мысль о необходимости принятия «решительных» мер. Он всеми силами стремился поддержать существующее правительство, выражая опасение, что «общий крах правительства Эберта — Шейдемана... позволит захватить власть большевистскому движению...»¹

ЗАКОН О «СОЦИАЛИЗАЦИИ»

Наученные опытом предыдущих месяцев и ободренные «советами» иностранных «наблюдателей», социал-демократические партийные и профсоюзные руководители и правительство Шейдемана решили действовать сразу двумя испытанными методами: демагогией и оружием.

Прежде всего газеты «Vorwärts» и «Die Freiheit» открыли «предохранительные клапаны», дав на своих страницах место для критических статей. 28 февраля «Vorwärts» поместил передовую статью, озаглавленную «Грозное настроение». «Растущее разочарование охватывает массы, — говорилось в ней, — оно создает высокое напряжение, требующее быстрой разрядки... Рабочий не может быть доволен ходом развития революции и достигнутыми до сих пор результатами в разрешении рабочих вопросов... Надежда рабочих на Национальное собрание быстро угасла, и распространился непоправимый пессимизм... Раз наши товарищи в правительстве, несмотря на демократическое большинство, не смогли за истекшие недели даже просто провозгласить ясно сформулированные демократические требования, то пришло время открыто сказать, что... члены правительства должны безусловно уйти

¹ РСР, v. XII, p. 45—46. Донесение Ф. Дея, 1. III. 1919.

в отставку»¹. Содержавшиеся здесь признания весьма симптоматичны, хотя не следует, разумеется, думать, что газета действительно всерьез поднимала вопрос об отставке правительства Шейдемана, рупором которого она являлась.

Орган независимцев «Die Freiheit» также допустил на свои полосы критические заметки. В одной из них Брейтшейд был подвергнут критике за изобретенный им «магический рецепт смешения огня Советской системы с водой капиталистической демократии», Рихард Мюллер и Деймиг — за декламации и бездействие, Гильфердинг — за проповедь единства с шейдемановцами. «Разве можно увлечь массы лозунгом «экономического совета» или «палаты советов», покоящейся на Национальном собрании? — писал автор статьи. — Только лозунг «Вся власть Советам!» найдет отклик в народе»². Однако уже на следующий день газета в передовой статье вернулась к старым песням, заявив, что Советы должны быть основой власти, но... их нужно «сочетать» с политической демократией³.

Как раз в эти дни Национальное собрание начало обсуждение проекта конституции. Но этот проект был непригоден для того, чтобы успокоить рабочих, требовавших немедленного осуществления социализации. Поэтому правительство решило осуществить демагогический маневр более крупного масштаба. 28 февраля «Vorwärts» поместил собственную информацию из Веймара, говорившую о том, что правительство считает возникновение забастовок «недоразумением», так как оно, дескать, вовсе не против производственных Советов, готово обсудить этот вопрос и т. п. «Может быть здесь, — говорилось в сообщении, — появится мост, по которому можно будет вернуться из нынешнего хаоса к упорядоченным отношениям»⁴.

1 марта правительство выпустило специальное обращение под широковещательным заголовком: «Социализация марширует!» В нем говорилось, что правительство думает лишь о том, как бы завершить поскорее создание демократической конституции, работает над подготовкой

¹ «Vorwärts», 28. II. 1919. Abend-Ausgabe.

² «Die Freiheit», 1. III. 1919. Abend-Ausgabe.

³ «Die Freiheit», 2. III. 1919. Morgen-Ausgabe.

⁴ «Vorwärts», 28. II. 1919. Abend-Ausgabe.

«свода законов о хозяйственной демократии» и проведения социализации созревших отраслей. Обещания сопровождались неприкрытой угрозой, что «дикие попытки социализации» правительство намерено жестоко подавлять. В этот же день оно внесло в Национальное собрание проекты двух законов о социализации горной промышленности. Сообщая об этом, «Vorwärts» возвещал: «Должен быть положен конец эксплуатации человека человеком! Социализация должна явиться средством на пути к этой цели»¹.

Выступивший в Национальном собрании с обоснованием законопроектов о «социализации» и о «регулировании угольного хозяйства» социал-демократический министр хозяйства Виссель заявил, что «дикие судороги сотрясают тело народа», его лихорадит, и задача правительства, не останавливаясь перед суровыми репрессивными мерами против «бунтовщиков», прописать в то же время «успокаивающее средство», направить мощное стремление рабочего класса к социализации в «упорядоченные рамки»². Еще яснее смысл законопроектов выразил представитель партии центра Гизбертс, который сказал, что они специально направлены «*против* той дикой социализации», которую требуют рабочие Рейнско-Вестфальского угольного бассейна. Оратор решительно отверг тот «сумасшедший», как он выразился, метод социализации, при котором рабочие стремятся «забрать у генеральных директоров их тантъемы и жалованье, у капиталистов их дивиденды, чтобы за их счет улучшить зарплату»³.

Законопроект о «социализации» вовсе не предлагал каких-либо конкретных мер в отношении обобществления, а должен был лишь служить своего рода «рамой» для дальнейших законодательных актов⁴. В нем говорилось только о том, что государство *может* (не должно!) перевести в «общественное хозяйство» («*Gemeinwirtschaft*») пригодные для обобществления хозяйственные

¹ «Vorwärts», 2. III. 1919.

² VDNV, Bd. 326, S. 541—542.

³ Там же, стр. 593.

⁴ Националист Вейдт иронически отметил, что правительство, «видимо, заинтересовано в том, чтобы на социализации лежал некоторый сумрак, какой-то туман, и чтобы нельзя было совсем ясно понять, что же оно собственно хочет...» — VDNV, Bd. 326, S. 707.

предприятия, особенно горнопромышленные и энергетические, и «в случае настоятельной необходимости» регулировать производство и распределение продукции. Во время обсуждения законопроекта в Национальном собрании был прежде всего сформулирован § 2, устанавливавший, что всякое отчуждение может быть произведено только за «соответствующее вознаграждение», что исключало возможность конфискации.

Хотя законопроект ничуть не посягал на неприкосновенность капиталистической собственности, ораторы правых партий, особенно представители магнатов тяжелой промышленности — Гугенберг и Фёглер, — метали против него громы и молнии, не соглашались ни на самое малейшее ущемление прав и привилегий «свободных предпринимателей», решительно протестовали против всякого вмешательства государства в их дела. Успокаивая разгневанных монополистов, социал-демократ Молькенбург поспешил заверить их, что «никто и не думает разрушить капитализм таким образом, как это делают большевики в России. Поскольку мы говорим, что именно капиталистическое крупное предприятие является настоящим эмбрионом социалистического устройства, постольку мы не можем никуда уйти от положения, что капиталистическое развитие должно идти вперед»¹. Так, в «спорах друзей» проявлялся откровенно капиталистический характер законопроекта, тщательно скрывавшийся от народных масс, расплачивавшихся своей кровью за попытку стряхнуть с себя оковы капиталистической эксплуатации.

Второй законопроект говорил о «регулировании угольного хозяйства» и должен был быть первым из законов, которые призваны были заполнить собой пустую «раму» закона о «социализации». Выступая в Национальном собрании, правый лидер профсоюза горняков О. Гуэ пространно доказывал, что правительственный проект — не «тотальный прыжок в темноту», как выразилась одна из газет магнатов капитала, а лишь продолжение и дальнейшее развитие деятельности созданного еще в 1910 г.

¹ VDNV, Bd. 326, S. 580. Министр хозяйства Виссель также заявил, что «опасения некоторых господ, что из § 2 могут вырасти невыносимые путы для промышленности, необоснованы. § 2 содержит в основном лишь действующее право, он лишь обобщает то, что уже существует». — Там же, стр. 749.

Угольного синдиката¹. Проект вовсе не затрагивал вопроса о *собственности* на средства производства, выражая намерение лишь установить «общественно-хозяйственное влияние в области сбыта продукции»². Таким образом, шахты оставались в руках старых владельцев, и, как заявил «демократ» Пашнике, «населению должно быть ясно, что и в будущем, согласно этому закону, собственность должна быть неприкосновенной»³. Создавалась лишь верхушечная организация — «Имперский угольный совет» из представителей от предпринимателей, рабочих и «потребителей» под контролем правительства. Этот «совет» призван был «регулировать в интересах общества» вопросы угледобычи, сбыта, цен, условий заработной платы и труда. Преобладание капиталистов в этом «совете» и приданном ему «совете экспертов» было абсолютным⁴. Тем самым новая организация по сути дела ничем не отличалась от существовавших до войны торговых монополий (калийной, спиртовой и т. п.) и означала лишь усиление ограбления трудящихся объединенными и организованными монополистами⁵.

Сущность этих законов ясно видна из секретной инструкции, данной печати социал-демократическим руководством: не критиковать законопроекты, а всячески содействовать их скорейшему принятию Национальным собранием. «Нужно дать массе успокоительное сред-

¹ VDNV, Bd. 326, S. 548—549.

² Там, же стр. 544.

³ Там, же стр. 706.

⁴ В августе 1919 г. Национальное собрание обсуждало вопрос о расширении состава Угольного совета. О. Гуэ вынужден был признать, что «социализация» так и не началась, а Гугенберг и Фёглер воспользовались поводом, чтобы потребовать увеличения рабочего дня и прекращения всяких разговоров о «социализации», которые «нервируют» предпринимателей. — См. VDNV, Bd. 329, S. 2470—2489.

⁵ В апреле 1919 года Национальным собранием был принят аналогичный закон о «регулировании калийного хозяйства». — См. VDNV, Bd. 326, S. 991. В августе 1919 г. при обсуждении подобного же закона о «регулировании электрохозяйства» представитель промышленников Вейдтман указывал, что правительственный законопроект не представляет собой ничего нового: «Идею объединения электростанций уже 20 лет осуществляет Гуго Стайннес вопреки сопротивлению государства... Руководимые им Рейнско-Вестфальские электростанции обеспечивают электроэнергией почти весь Рурский бассейн и даже левый берег Рейна до Бонна...» — VDNV, Bd. 329, S. 2289.

ство — говорилось в ней. — Закон о социализации собираются применять только сейчас, пока не нашли ничего лучшего. При помощи инструкции относительно его практического осуществления можно будет легко избежать несправедливостей...»¹

МАРТОВСКИЕ БОИ В БЕРЛИНЕ

Между тем волна стачечного движения докатилась и до Берлина. Пленум Берлинского рабочего Совета, состоявшийся 28 февраля, был показателем того, как накалилась атмосфера. Р. Мюллер вынужден был признать, что рабочие не позволяют больше кормить себя речами, а хотят видеть дела. «От Национального собрания нечего ждать, что оно удовлетворит справедливые требования рабочего класса., — заявил он. — Правительство, которое может держаться лишь путем применения вооруженной силы, должно уйти». Делегация рабочих АЭГ потребовала создания центрального стачечного комитета, объявления генеральной забастовки и провозглашения Советской республики. Тем не менее правым и «левым» социал-демократам удалось провалить предложение КПГ о немедленном созыве общегерманского съезда Советов, который должен распустить Национальное собрание и взять в свои руки власть. Пленум принял вместо этого беззубую резолюцию протеста против «попыток устранить» рабочие и солдатские Советы, а стачку решил отложить до 5 марта².

Правительство решило использовать забастовку, если она начнется, в качестве повода для нанесения берлинским рабочим еще более тяжелого удара, чем в январе.

¹ «Die Freiheit», 20. III. 1919. Morgen-Ausgabe; 21. III. 1919. Abend-Ausgabe. Буржуазный «демократ» Петерсен впоследствии откровенно заявил: «Принятый закон о социализации состоит из заключенной в параграфы болтовни. Но что-то ведь нужно было сделать, чтобы успокоить настроения...» — См. «Schulthess' Europäischer Geschichtskalender», 1919, т. 1, S. 309.

² «Die Freiheit», 28. II. 1919. Abend-Ausgabe; «Die Rote Fahne», 1. III. 1919. Проведенное поименное голосование показало следующее распределение мест на пленуме: социал-демократы — 274, независимцы — 305, коммунисты — 99, буржуазные партии — 95. — См. R. Müller, Der Bürgerkrieg., S. 152.

В эти планы был посвящен и американский «наблюдатель» Ф. Дей. «Меня уверили, — писал он в своем донесении от 1 марта, — что военные средства для сохранения порядка в Берлине, находящиеся в распоряжении правительства, достаточны, чтобы предотвратить новый спартакизм(?)». Он пояснил далее, что правительство «готово объявить войну радикальным элементам» и сейчас занято тем, чтобы предварительно внести раскол в среду рабочих, оторвать независимцев от коммунистов. «Совершенно ясно, — заключал Дей, — что в ближайшие дни произойдет изменение политики правительства»¹.

Военная операция против рабочих Берлина готовилась обстоятельно. Еще 31 января командование Лютваца издало так называемый «предварительный приказ». Он предусматривал разбивку Берлина на 7 секторов, в которые с разных сторон должны были вступить сконцентрированные под городом войска. В центре города должны были вначале действовать войска берлинской военной комендатуры — добровольческая бригада Рейнгарда, части «республиканской охраны», так как они, по мнению Носке, были для берлинцев «менее одиозны», чем гвардейские дивизии. Вся операция должна была проходить под видом «обороны» против нападения «спартакистов»². В феврале войска получили многочисленные дополнительные указания, уточнявшие отдельные детали плана разгрома берлинских рабочих³. Офицеры запаса, студенты, буржуазные сынки организовывали отряды «гражданского ополчения», получали оружие, проходили военную подготовку.

28 февраля военный комендант Берлина Клаунде запретил демонстрации и собрания под открытым небом. На следующий день несколько подразделений «республиканской охраны» были введены в район Вайсензее. В Берлин

¹ PRC, v. XII, p. 45—46. Донесение Ф. Дей, 1. III. 1919. В то же время Дей отмечал мирное настроение берлинских рабочих. «Генеральная забастовка, — писал он, — объявленная за 5 дней, не кажется мне чем-либо большим, чем простой угрозой». — Там же.

² См. «Darstellungen...», Bd. VI, S. 81—82; A. Fischer, *Revolutionskommandantur*, S. 78, 81.

³ См. документы, опубликованные в «Die Rote Fahne», 13. IV. 1919; K. Fischer, *Die Berliner Abwehrkämpfe 1918/1919*, Berlin 1956, S. 39—40.

торжественным маршем вступил африканский корпус генерала Леттов-Форбека; у Бранденбургских ворот ему была устроена почетная встреча¹. 2 марта комендатура ознакомила части гарнизона с секретным приказом командования Лютвица о плане военных действий². В этот же день «буржуазный совет» Берлина на специальном заседании принял решение, что в случае забастовки рабочих должна быть объявлена «контрзабастовка буржуазии». Как уже показали события в Вильгельмстафене и Лейпциге, «контрзабастовка» была одним из наиболее варварских и бесчеловечных методов борьбы: врачи должны были отказывать рабочим в медицинской помощи, аптеки прекратить выдачу лекарств, продовольственные лавки — продажу продуктов питания, почтовые конторы — выдачу пособий и т. п.³

Утром 3 марта берлинское правление СДПГ, стремясь внести раскол в среду берлинских рабочих, опубликовало в «Vorwärts» обращение. Оно сообщало в нем, что направило в Веймар для переговоров с правительством специальную комиссию, и поэтому забастовка больше не нужна⁴.

Однако берлинские рабочие на этот раз не дали обмануть себя пустыми обещаниями. «Die Rote Fahne» вышла утром 3 марта с призывом к забастовке. Орган ЦК КПП призвал берлинский пролетариат добиваться передачи всей власти Советам и осуществления следующих основных требований: 1) немедленных выборов на всех предприятиях производственных Советов, которые вместе с рабочими Советами должны осуществлять контроль над

¹ Атташе французской военной миссии в Берлине Амбруаз Гот описывает любопытный эпизод, характеризующий поведение американских «наблюдателей» в момент вступления войск Леттов-Форбека. Французский генерал распорядился, чтобы офицеры миссии не появлялись в этот день на улицах в мундирах, дабы не возбуждать шовинистических настроений немцев. Американцы этого не сделали; более того, «выйдя на балкон гостиницы Адлон, они решили воздать должное (немцам. — Я. Д.) колониальным войскам, которые наделали столько хлопот англичанам, и, когда проходил кортеж, раздавшийся свист заставил всех поднять головы. Это были американцы в форме, которые таким образом выражали свое неуместное восхищение...» — См. А. Got, L'Allemagne après la débâcle, p. 99.

² См. А. Fischer, Revolutionskommandantur, S. 81—82.

³ «Die Freiheit», 3. III. 1919. Abend-Ausgabe.

⁴ «Vorwärts», 3. III. 1919. Morgen-Ausgabe.

производством, чтобы затем взять управление производством полностью в свои руки; 2) устранения произвола наемников, восстановления полной свободы союзов и собраний, передачи полицейской власти в руки рабочих Советов; 3) роспуска белогвардейских добровольческих формирований, разоружения офицеров, студентов и буржуазии, образования Красной гвардии; 4) освобождения политзаключенных, создания революционного трибунала для суда над Гогенцоллернами и другими виновниками войны, а также над предателями революции Эбертом, Шейдеманом, Носке, над убийцами Либкнехта и Люксембург; 5) немедленного прекращения военных провокаций против России и восстановления дипломатических и экономических отношений с Советской республикой¹.

Собравшийся в этот день пленум Берлинского рабочего Совета одобрил тремя четвертями голосов, следовательно, и голосами части социал-демократических рабочих, уже начавшуюся на ряде предприятий забастовку.

Были приняты в несколько ослабленной форме основные требования, выдвинутые коммунистами. Но предложению солдат было включено также требование немедленного осуществления «7 гамбургских пунктов» (об ограничении командной власти офицеров), принятых в свое время Всегерманским съездом Советов.

Руководство начавшейся генеральной забастовкой принял на себя Исполком². Коммунисты — члены Исполкома потребовали от независимцев исключения социал-демократов и буржуазных представителей из стачечного комитета. Так как независимцы отказались выполнить это условие, коммунисты остались в комитете только с целью информации, создав собственный центр. 4 марта ЦК КПГ в своем воззвании подчеркивал: «Не позволяйте толкнуть себя на путь военных путчей, но в мирных рамках ведите борьбу со всей энергией и решимостью... Пролетарии! Опасайтесь провокаторов и путчистов! Придерживайтесь лозунгов, которые мы даем!»³

¹ «Die Rote Fahne», 3. III. 1919.

² В состав Исполкома, избранного 28 февраля, входили 6 социал-демократов, 6 независимцев, 2 коммуниста, 3 представителя буржуазных партий.

³ «Die Rote Fahne», 4. III. 1919.

Несмотря на мирное начало забастовки, Носке в соответствии с заранее намеченным планом был уже 3 марта облечен чрезвычайными полномочиями. Он немедленно объявил в Берлине и округе осадное положение, запретил все собрания, демонстрации, о чем было сообщено в расклеенном на улицах приказе за подписями всех членов прусского правительства. Создавались военные суды, по всему городу патрулировали усиленные наряды войск комендатуры, вызывая возмущение рабочих и провоцируя столкновения. Командование Лютовца получило приказ о введении войск в Берлин¹.

Вечером и ночью неизвестными людьми было совершено несколько нападений на полицейские участки; нападавшие захватили оружие. Ночью имели место грабежи. По-видимому, и здесь дело не обошлось без провокаторов².

Утром 4 марта значительные силы гвардейской кавалерийской (стрелковой) дивизии достигли города и окружили вторым кольцом уже занятые войсками комендатуры правительственные кварталы. Вслед за гвардейской дивизией в город вступили 31-я стрелковая дивизия, корпус Гюльзена, соединение Невилля из Котбуса и другие части. В «операции» участвовало более 40 тыс. войск, не считая частей комендатуры³.

Днем 4 марта подразделения бригады Рейнгарда, занимавшие здание полицей-президиума, выпустили против рабочих, собравшихся на Александерплац, броневики и расстреляли безоружных демонстрантов из пулеметов. Столкновения войск с рабочими произошли и в районе Бюловплац. В этот же день войска Гюльзена заняли район Шпалдау⁴. По приказанию Носке, 3-й батальон бригады Рейнгарда совершил налет на помещение газеты «Die Rote Fahne», арестовал 120 человек, разогнал собрание рабочих на Бейсельштрассе.

¹ «Darstellungen...», Bd. VI, S. 83.

² См. приведенное выше предостережение «Die Rote Fahne». О провокаторах говорил также на заседании прусского собрания (ландтага) лидер независимцев А. Гофман. — См. «Die Berliner Pu'sche, Standrecht und Belagerungszustand». Stenographische Berichte. 14., 15., 17 und 19. März, Berlin 1919, S. 37—38. См. также «Illustrierte Geschichte», S. 361—362.

³ «Darstellungen...», Bd. VI, S. 80—81.

⁴ Там же, стр. 83.

Провокаторские действия войск переполнили чашу терпения рабочих. 5 марта утром толпы народа снова заполнили Александерплац. 800 матросов из Народной морской дивизии с двумя броневиками по приказу комендантуры пытались очистить площадь. В это время из здания полиции-президиума войска бригады Рейнгарда открыли огонь по морякам и демонстрантам¹. Возмущенные матросы вместе с рабочими, большинство которых были безоружными, предприняли попытку взять здание полиции-президиума штурмом. Штурм не удался, но здание было блокировано. Рабочие на Штраусбергерплаце, Нейе Фридрихштрассе и других магистралях центра сооружали баррикады, вооружаясь чем попало.

Тогда Носке двинул против рабочих и матросов стоявшую наготове гвардейскую дивизию. 6 марта дивизия развернула наступление тремя колоннами. После артиллерийского обстрела и подрыва ворот войска карателей ворвались в манеж, где завязались ожесточенные рукопашные схватки с матросами и рабочими. В районе Александерплац сопротивление рабочих и матросов было особенно упорным. Войска, используя артиллерию и танки, броневики и огнеметы, постепенно овладевали баррикадами. Казармы Народной морской дивизии были взяты без боя, были разоружены части «республиканской охраны», которые отказались стрелять в рабочих. Морская бригада Родена после боя овладела гимназией на Элизабетштрассе. 7 марта в центре города еще продолжались отдельные схватки, войска проводили обыски, хватали «подозрительных» и расстреливали их на месте².

Американский разведчик Томас М. Джонсон впоследствии хвастливо сообщал о роли американской военной миссии в расправе над рабочими. «Солдаты Носке, — писал он, — могли подавить мятеж (!) на Александерплац, безжалостно расстреливая многочисленных красных, спрятавшихся в подвалах, благодаря сведениям, которые дал Носке американский штаб, помещавшийся в отеле Адлон»³.

¹ Противоречивые сообщения не позволяют с полной достоверностью установить, был ли обстрел матросов войсками преднамеренной провокацией или «недоразумением».

² R. Müller, *Der Bürgerkrieg...*, S. 173—174; A. Fischer, *Revolutionskommandantur*, S. 85; «Darstellungen...», Bd. VI, S. 83—85.

³ Томас М. Джонсон, *Американская разведка во время мировой войны*, М. 1938, стр. 190.

Навязанные рабочим бои переместились на окраины Берлина, где рабочие наспех вооружались, создавали дружины, строили баррикады и старались задержать наступавшие из центра банды белогвардейских наемников, применявших тяжелые гаубицы и гранатометы, танки и авиацию¹. Особенно упорное сопротивление оказывали рабочие оружейных заводов в Шпандау, завода Риббе в Вайсензее, АЭГ в Геннигсдорфе, «Даймлер» в Мариендорфе².

В то время как рабочие были втянуты в кровопролитные бои, социал-демократические лидеры пытались за их спиной договориться с правительством. Независимцы еще 4 марта провели на пленуме Берлинского Совета решение о посылке в Веймар делегации для переговоров. Однако делегация Совета просто не была принята, так как правительство предпочло договориться с прибывшей раньше делегацией берлинских правых социал-демократов. Достигнутое между ними «соглашение» открывалось перечислением «уже закрепленных Национальным собранием демократических завоеваний».

Злой насмешкой звучали здесь слова о свободе собраний и печати, когда войска расстреливали безоружных рабочих, когда Носке дал приказ об аресте всех редакторов «Die Rote Fahne», когда были запрещены газеты независимцев «Die Freiheit» и «Republik». «Уступки» правительства сводились к обещанию, что «рабочие Советы, как представительства *экономических* интересов, признаются в принципе и будут закреплены конституцией», что будет разработано новое трудовое право и ускорено начало «социализации». Правительство обещало также отменить военные суды и улучшить дело продовольственного снабжения³.

Профсоюзная комиссия Берлина поспешила принять 6 марта решение о прекращении «дикой генеральной забастовки», социал-демократы демонстративно вышли из стачечного комитета. Снова появились в городе буржуаз-

¹ «Darstellungen...», Bd. VI, S. 83. Для поддержания «морального духа» карателей солдатам дополнительно выплачивалось за каждый день боев по 2 марки. Семьям погибших или пропавших без вести солдат гвардейская дивизия выплачивала по 1000 марок, тяжело раненым — по 800 марок.

² Там же. Здесь говорится о 15 тысячах вооруженных рабочих, моряков и солдат некоторых подразделений «республиканской охраны», но эта цифра, видимо, сильно преувеличена.

³ «Vorwärts», 5. III. 1919. Abend-Ausgabe.

ные газеты. Многочисленные листовки и плакаты призывали к прекращению стачки. Захватив в западной части города водопровод и электростанцию, правительственные войска дали свет и воду в буржуазные районы, в то время как рабочие окраины, где забастовка продолжалась, оставались без воды, света и газа. Пленум рабочего и солдатского Совета отклонил предложение коммунистов о том, чтобы Совет принял на себя командную власть над всеми войсками гарнизона¹. Независимцы решили начать прямые переговоры с Носке и его подручными об условиях капитуляции. Однако Носке вовсе не хотел прекращения боев, пока революционные рабочие не будут окончательно разгромлены.

Буржуазные и социал-демократические газеты распространяли самые дикие вымыслы о будто бы созданных спартаковцами укрепленных позициях и «крепостях», а особенно о «зверствах спартаковцев». Так, 9 марта газета «*Berliner Zeitung am Mittag*» сообщила, ссылаясь на официальное уведомление военных органов, о «зверском убийстве спартакистами» 67 полицейских в Берлине-Лихтенберге. На следующий день печать сообщала уже о «150 жертвах терроризма», приводила «показания очевидцев» и т. п. Только спустя несколько дней «*Vorwärts*» и другие газеты вынуждены были признать, что это сообщение было вымышленным от пачала до конца. Но цель, поставленная его авторами, была уже достигнута. Ссылаясь на него, Носке издал 9 марта приказ о расстреле на месте всех задержанных с оружием в руках².

¹ R. Müller, *Der Bürgerkrieg.*, S. 158.

² Ничто не характеризует лучше контрреволюционную сущность Национального собрания, чем тот факт, что, когда Носке 13 марта сделал сообщение о своем приказе, Национальное собрание ответило ему «бурным одобрением на скамьях правительственных и правых партий». — См. VDNV, Bd. 327, S. 742. Конференция СДПГ в Веймаре 22—23 марта выразила Носке благодарность за его палаческое дело. 10 марта командир гвардейской кавалерийской (стрелковой) дивизии генерал Гофман издал приказ № 20.950. Не ограничиваясь указанием расстреливать на месте всех задержанных с оружием в руках, приказ предписывал: «Из домов, из которых велась стрельба по войскам, должны выводиться на улицу *все жители*, независимо от того, признают ли они свою вину или нет. В их отсутствие в квартирах должны быть произведены обыски. *Подозрительные лица*, у которых действительно будет найдено оружие, должны быть расстреляны». — См. «*Der Syndikalist*», 22. III. 1919; VDNV, Bd. 327, S. 844.

Действие этого приказа не замедлило проявиться в кровавых расправах над рабочими и матросами. 11 марта около 300 матросов из Народной морской дивизии собрались в здании на Францёзшештрассе, чтобы получить причитавшееся им денежное содержание. Здесь для них была устроена ловушка. Безоружные матросы были окружены солдатами и арестованы. 29 из них по распоряжению лейтенанта Марло были тут же во дворе расстреляны¹. В эти же дни белогвардейские банды убили 34 рабочих в Кёпенике и совершили множество других кровавых преступлений. Коммунистическая партия понесла новую тяжелую утрату. 10 марта в Моабитской тюрьме был убит «при попытке к бегству» арестованный накануне один из создателей и руководителей КПГ Лео Йогихес.

12 марта на собрании Берлинского Совета обсуждался вопрос о ходе переговоров, затеянных независимцами с офицерами штаба Носке. Было сообщено, что офицеры издевательски отклонили все предложения о прекращении огня. Майор фон Гаммерштейн цинично заявил при этом: «На этот раз дело будет доведено до конца. Мы подавим всех. Нам безразлично, пострадают ли при этом невинные». Адъютант Носке майор Гильза, впоследствии за свои заслуги перед буржуазией получивший пост директора у Крупна, тоже подтвердил: «Пощады больше никому не будет, теперь мы будем действовать решительно»². Во время заседания Берлинского Совета, на котором было сообщено об этих ответах, в зал ворвались солдаты Носке и, заняв все выходы, в течение нескольких часов терроризировали пленум.

К этому времени белогвардейские банды уже захватили в свои руки большую часть Берлина. Только в рабочих районах Вайсензее, Панков и Лихтенберг продолжалось сопротивление рабочих. Особенно ожесточенными и упорными были бои в Лихтенберге. Предложение обер-бургомистра Цитена пачать переговоры было отклонено командованием Лютвица³, которое отдало приказ провести 12 марта концентрическое наступление на этот район.

¹ Об обстоятельствах этого преступления и об оправдании убийц судом Веймарской республики см. *J. Gumbel, Vier Jahre politischer Mord*, S. 17—29; *F. Kaul, Justiz wird zum Verbrechen*, S. 31—37.

² «Die Freiheit», 13. III. 1919. Morgen-Ausgabe.

³ «Berliner Putsche», S. 56.

С трех сторон наступали части Рёдера, Гюльзена, Овена, Эрхардта и другие; бригада Рейнгарда прошла через север Берлина, чтобы отрезать Лихтенберг от центра¹. Сопротивление героических защитников было в конце концов сломлено. Началась кровавая расправа.

Английский «наблюдатель» майор Берти в своем дописании писал, что правительственные войска насчитывали 15 тыс. штыков в гвардейских частях и 6 тыс. в бригаде Рейнгарда. «Применявшаяся тактика, — писал он, — кратко следующая: район, занятый спартаковцами, атаковывался с трех сторон, артиллерия и гранатометы использовались для обстрела зданий... Применялись также танки, аэропланы для разведки и колючая проволока для закрепления захваченных позиций. Атакованный район на следующий день очищался от противника». О том, как проводилось это «очищение», позволяет судить следующее заявление английского майора. Указывая, что потери революционных рабочих (спартаковцев) составили около 1000 человек убитыми, майор Берти заметил, что это были главным образом «расстрелянные за то, что имели оружие вопреки приказам». Он писал также: «Ущерб, причиненный артиллерией и гранатометами, был значительным и, я должен сказать, не всецело необходимым...»²

Во время мартовских боев в Берлине было убито не менее 1200 человек³. Несколько тысяч человек было брошено в тюрьмы; командованием было приказано арестовывать всех коммунистов⁴. Внесенное 14 марта независимцами в прусское собрание предложение о снятии в Берлине осадного положения было отклонено⁵.

¹ *Reinhard, Die Wehen der Republik*, S. 103—104; «Darstellungen...», Bd. VI, S. 97—98.

² R. fr. off., p. 13—14. Доклад майора А. Берти (Bertie).

³ «Darstellungen...», Bd. VI, S. 102—103. Здесь говорится о 1200 убитых «бунтовщиках». Потери правительственных войск исчисляются в 75 человек убитых (в том числе 6 офицеров), 38 пропавших без вести, 150 раненых.

⁴ Полковник Рейнгард вспоминал впоследствии, что в Моабитской тюрьме сидело «неслыханное число» — 4.500 человек. В некоторых одиночных камерах сидело по 7 человек, которые из-за тесноты едва могли двигаться, пока я не отказался принимать новых пленных, а заполнил... тюрьму Моабитского уголовного суда и тюрьму Плётцензее. Немало заключенных было при этом застрелено охраной. — *Reinhard, Die Wehen der Republik*, S. 94.

⁵ «Berliner Putsche», S. 182—183.

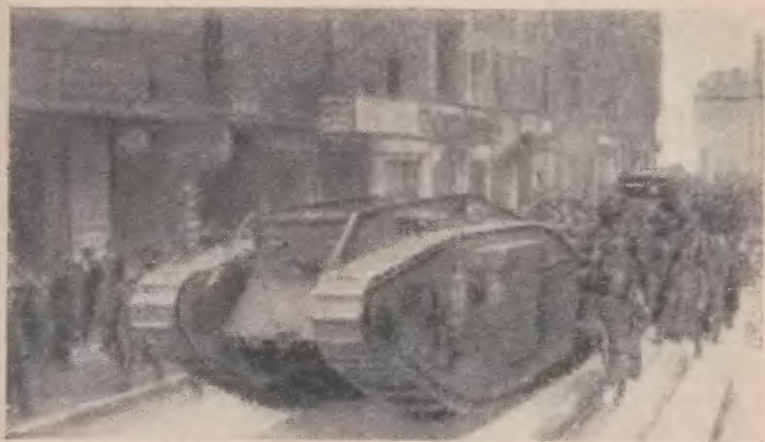
В мартовских боях Коммунистическая партия Германии впервые выступила самостоятельно, выдвинув четкую программу революционных требований. Однако и в это время компартия не сумела еще стать подлинным вождем и организатором революционной борьбы рабочего класса. Она все еще слабо была связана с массами, ее берлинская организация, насчитывавшая к этому времени несколько тысяч членов, не сумела обеспечить централизованного руководства боями¹. Руководство партии допустило также серьезную тактическую ошибку. Против правительства 4—5 марта выступила часть солдат берлинского гарнизона — Народная морская дивизия и подразделения «республиканской охраны», которые Носке намерен был разоружить и распустить. Но коммунисты, вслед за лидерами независимцев, заявили, что «не имеют ничего общего» с борьбой солдат. В результате Носке получил возможность разбить сначала матросов, а затем и рабочих.

Мартовские бои в Берлине окончились поражением рабочих. Вместе с тем февральско-мартовские бои свидетельствовали о большем размахе революционного подъема по сравнению с январскими боями, о большей организованности их участников. Они обладали, по выражению Клары Цеткин, «общей осью кристаллизации», были проникнуты «одной и той же волей: социализация, Советы, Советская власть — таковы лозунги движения»². Однако и февральско-мартовские бои оказались слишком слабыми, чтобы существенно повлиять на общий ход событий, и не привели к кризису власти.

Несмотря на неблагоприятный исход боев, и после них революционное движение в стране продолжало развиваться. В конце марта — начале апреля с новой силой развернулось стачечное движение в Рурской области, Вюртемберге, Средней Германии, Верхней Силезии и других промышленных центрах. Экономической подоплекой роста недовольства масс было прогрессирующее ухудшение их положения. Британская экономическая миссия под

¹ Когда была разгромлена газета «Die Rote Fabrik», партия не смогла создать регулярного нелегального органа и в решающий момент боев была практически лишена возможности общения с рабочими.

² К. Цеткин, Революционные бои 1919 года и борцы революции. — «Коммунистический Интернационал» № 9, 1920 г., стр. 1209.

Танк на улицах Берлина во время мартовских боев 1919 года

руководством майора Найветта, посетившая в конце марта Силезию и Берлин, в донесении от 30 марта признавала: «Массы дошли до грани голода и болезней на почве недоедания. Доверие трудящихся классов к правительству Эберта подорвано. Чиновники и образованные классы бессильны отратить развал и гибель социального строя, которые происходят на их глазах...»¹ Выступая в Совете четырех в Париже, Ллойд-Джордж указал на серьезность внутреннего положения в Германии и сослался на донесение английского агента, который сообщил, что правительство и Национальное собрание «потеряли доверие страны», забастовки и волнения носят все более «ярко выраженный политический, то есть антишейдемановский характер», идея Советов распространяется все шире².

Между тем реакционеры все более наглели, требуя от правительства еще более решительной расправы с рабочими, еще более кровавой диктатуры. 24 марта в Берлине состоялась монархическая демонстрация офицеров, в которой приняли участие генерал Людендорф, вернувшийся из Швеции, куда он укрылся в ноябрьские дни, и ряд членов правительства. В Прусском учредительном собрании

¹ R. br. off., p. 17—18. Доклад майора Найвета (Knyvett), 24—27. III. 1919.

² PPS, v. V, p. 102. Выступление Ллойд-Джорджа в Совете четырех, 20. IV. 1919. Донесение английского агента от 17. IV. 1919, см. стр. 102—105.

остальбский юнкер Кардорф выступил с провокационным заявлением, в котором объявил революцию «величайшим преступлением»¹. Паангерманская печать предлагала установить открытую военную диктатуру, провозгласив диктатором Носке². Аграрии усиленно создавали в своих имениях контрреволюционные вооруженные отряды.

От юнкеров не отставала и буржуазия. 30 марта в Берлине состоялся общегерманский съезд «буржуазных советов», на котором один из докладчиков заявил: «Настроения буржуазии теперь стали более решительными. Поклоны налево и заверения, что мы, дескать, не реакционеры, нас вперед не приведут...» Выдвинув требование борьбы «против социализма», т. е., иными словами, против рабочего класса, съезд заявил, что она должна вестись «всеми методами», в том числе и путем «буржуазной генеральной забастовки»³.

Обострение классовой борьбы и пражданской войны в стране делало положение правительства неустойчивым. Американское радио с тревогой отмечало, что каждая новая стачка, каждое новое восстание подавляются правительством со все большим трудом. Войска Носке принуждены находиться все время в движении, и, в случае одновременного выступления рабочих в разных местах, они могут не справиться⁴. Большое революционизирующее влияние на германский пролетариат оказали победы советского народа над внутренней контрреволюцией и иностранными интервентами, а также провозглашение 21 марта 1919 года Венгерской Советской Республики. «Из России, святого очага пролетарской революции, искра перескочила в Венгрию», — писала «Die Rote Fahne», после длительного перерыва возобновившая свой выход в Лейпциге. — Настал час, который в любой момент может стать поворотным пунктом германской революции...»⁵

ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА В РУРЕ

Новая революционная волна, более мощная, чем все предыдущие, охватила промышленный Рур. Еще 5 марта

¹ «Die Freiheit», 27. III. 1919. Morgen-Ausgabe.

² «Tägliche Rundschau», 31. III. 1919.

³ «Die Freiheit», 31. III. 1919. Abend-Ausgabe.

⁴ «Правда», 5. IV. 1919.

⁵ «Die Rote Fahne», 11. IV. 1919.

«комиссия девяти», из которой вышли представители правых социал-демократов, созвала в Эссене собрание «делегатов революционных рабочих Рурской области». С докладом «Социализация горной промышленности» выступил Ю. Мархлевский (Карский). Он подчеркнул, что важнейшей предпосылкой перехода от капитализма к социализму является установление диктатуры пролетариата. Говоря о принятом Национальным собранием законе о «социализации» и пропагандистских ухищрениях правительства, Мархлевский указал, что «действительная социализация основывается на отчуждении частной собственности, переводе горных предприятий в общественную собственность и управлении этими предприятиями со стороны рабочих¹».

Конференция, в которой приняли участие представители 65 шахт, единодушно одобрила предложенную Мархлевским резолюцию. «Воля революционных горняков, — говорилось в ней, — состоит в том, чтобы социализация горной промышленности была проведена посредством отчуждения частного капитала, перехода угольных запасов и средств производства в общественную собственность и передачи управления горной промышленностью горнякам»². Была избрана комиссия из пяти человек, которая вместе с шестью членами «комиссии девяти» должна была созвать конференцию представителей всех шахт для обсуждения вопроса о социализации.

На многих шахтах горняки явочным порядком стали вводить сокращенный рабочий день на подземных работах — 7½, 6½, а кое-где и 6-часовые смены. На шахтах в районе Виттена вспыхивали забастовки; в Дортмунде на собрании горняков было решено требовать переизбрания рабочего и солдатского Совета³. Здесь был сорван доклад редактора «Vorwärts» Э. Кутнера «о большевизме»; в то же время прочитанный 12 марта в Эссене Мархлевским доклад «Советская система» нашел широкий отклик. Рассказав о роли Советов в России, Мархлевский охарактеризовал попытки германского правительства «запрячь рабо-

¹ J. Marchlewski (Karski), Die Sozialisierung des Bergbaues, Essen 1919, S. 27.

² Там же, стр. 30—31.

³ См. H. Spethmann, 12 Jahre Ruhrbergbau, Bd. I, S. 258—265.

чие Советы в систему управления капиталистического государства» как обман и шарлатанство¹.

В конце марта «комиссия девяти» в воззвании к рабочим решительно разоблачила политику правительства. «Вам говорят, — писала она, — «Социализация пришла!» И многие из вас слепо верят этому, не посмотрев даже на то, что вам предлагают». Воззвание характеризовало принятые в марте Национальным собранием под давлением рабочих законы о «социализации» как «документы преданности капитализму». Указывая, что правительство Шейдемана вовсе и не думает о действительном отчуждении капиталистической собственности на недра и средства производства, комиссия призывала горняков со всей энергией добиваться осуществления этого кардинального требования рабочего класса².

30 марта в Эссене собралась конференция шахтеров Рейнско-Вестфальской промышленной области, в которой участвовало 475 делегатов от 195 шахт. Конференция приняла решение о создании единой организации горняков — «Всеобщего союза горнорабочих» и об объявлении с 1 апреля генеральной забастовки. Горняки требовали 6-часового рабочего дня с сохранением прежней оплаты, 25-процентной прибавки к зарплате, признания Советов, освобождения политзаключенных, разоружения полиции, роспуска «добровольческих корпусов» и создания рабочей охраны, немедленного установления политических и экономических сношений с Россией и Венгрией, осуществления «гамбургских пунктов», оплаты стачечных дней.

В решении конференции требование национализации шахт и предприятий не было сформулировано. Политические требования горняков тоже были расплывчатыми; они все еще надеялись, что правительство пойдет им навстречу³. Но правительство само поспешило развеять эти иллюзии. Уже 31 марта оно объявило о введении в Руре осадного положения — «для спасения, — как говорилось в официальном заявлении, — рабочих и оборудования от

¹ *J. Marchlewski (Karski)*, *Das Rätesystem*, Essen 1919, S. 15. Через несколько дней после этого доклада Мархлевский вынужден был уехать из Германии.

² «*Der Syndikalist*», 29. III. 1919.

³ Только на шахтах Лобберг было выдвинуто требование «смещения правительства Эберта—Шейдемана». — См. *H. Spethmann*. *12 Jahre Ruhrbergbau*, Bd. I, S. 271.

герроризма». Правительство ввело «добровольческие корпуса» в районы Дортмунда и Виттена, заявило о прекращении ввоза в Рур продовольствия, предупредило, что дни забастовки не будут оплачены, в то время как штрейкбрехеры получают специальную дотацию¹. Руководители профсоюзов горняков осудили забастовку и призывали рабочих возобновить работу.

Угрозы и меры правительства лишь обострили гнев рабочих. По данным избранной на конференции в Эссене новой «комиссии девяти», принявшей наименование Центральный шахтерский Совет, 4 апреля из 251 шахты бассейна прекратили работу 215, число бастовавших шахтеров составляло 345 тысяч. Из солидарности с горняками к забастовке присоединились 10 тыс. рабочих заводов Круппа в Эссене². 5 апреля забастовали рабочие Дюссельдорфа и сталелитейного завода в Бохуме. 7 апреля работы велись только на трех шахтах, бастовали все электропредприятия, рабочие заводов Тиссена в Мюльгейме; количество бастующих достигло 410 тыс.³

4 апреля в Эссене состоялась новая конференция бастующих горняков, в которой участвовало около 540 представителей от 207 шахт. Конференция подчеркнула, что руководство стачкой находится исключительно в руках Центрального стачечного комитета, а право ведения переговоров принадлежит не профсоюзам, а только Центральному шахтерскому Совету. Конференция постановила, что, если требования горняков не будут удовлетворены, с 9 апреля будут прекращены работы по поддержанию шахт. Призвав горняков Средней Германии к солидарности, конференция выразила свое презрение к тем, кто позволил завербовать себя для службы в правительственных войсках⁴.

В этот же день Центральный шахтерский Совет писал в своей листовке: «Дело идет о спасении рабочего класса от катастрофы, в которой виновны капиталисты, о содействии победе социальной революции. Нам, горнякам, выпала доля быть передовыми борцами. Только мы в состоянии разгромить голову капиталистическому чудовищу. Это знают эксплуататоры и их наемные писаки. Отсюда

¹ «Die Freiheit», 1. IV. 1919. Morgen-Ausgabe.

² «Die Freiheit», 5. IV. 1919. Abend-Ausgabe.

³ *H. Spethmann*, 12 Jahre Ruhrbergbau, Bd. I, S. 281, 284.

⁴ «Die Freiheit», 5. IV. 1919. Morgen-Ausgabe.

травля против забастовки, лживые, вводящие в заблуждение, сообщения. Не позволяйте обманывать себя, товарищи! Мы скоро будем у цели, правительство и капитал скоро будут нами одолены, если вы этого захотите!»¹

Забастовки и демонстрации происходили и в других частях Германии. 31

марта началась всеобщая забастовка рабочих Штутгарта, которая вскоре перекинулась на другие города Вюртемберга. Рабочие требовали освобождения политзаключенных, отмены запрещения собраний и демонстраций, перевыборов рабочих Советов. Вюртембергские правитель

ство ввело осадное положение и отдало приказ о приведении войск в боевую готовность. В Эслингене произошли вооруженные столкновения. 1 апреля войска расстреляли демонстрацию в Штутгарте. Бесчинства белогвардейцев вызвали отпор. Правительство бежало из города, а войска начали артилле

Плакат о всеобщей забастовке в Рейнско-Вестфальском промышленном районе в апреле 1919 года

рийский обстрел рабочих кварталов, убив и ранив десятки людей².

31 марта во Франкфурте-на-Майне произошла голодная демонстрация, сопровождавшаяся разгромом нескольких магазинов и освобождением политзаключенных. Произошли столкновения с войсками, в результате которых было убито и ранено несколько десятков человек, в том числе женщин³. 7 апреля в ответ на провокационный

¹ H. Spethmann, 12 Jahre Ruhrbergbau, Bd. I, S. 284.

² «Darstellungen...», Bd. V, S. 33—41.

³ Там же, стр. 133—134.

Der Generalstreik

der Bergarbeiter von Rheinland-Westfalen

Bis heute, d. h. 4. April, stehen schon auf 215 Schachtanlagen 345 000 Mann im Streik!!

Es geht um Großes!

Wir führen den Generalstreik durch

weil wir

kein die Streikenden nicht!

weil die Arbeit

Der Zentral-Zechenrat

(Zentral-Kommission)

Bestand: 1. April 1919, 10 Uhr 15 Min. in der Zechenrat, Bergbau, S. 10.

Kampf mit den Arbeitern... (Zechenrat) Teil der Arbeiter des Kapitalismus sind!

Alle Macht den Räten!

арест руководителя солдатского Совета объявили генеральную забастовку рабочие Магдебурга. Они арестовали случайно оказавшегося в городе министра юстиции Ландсберга. Через два дня в город ворвались войска генерала Меркера и корпуса Гёрлица. Выступление было потоплено в крови.

8 апреля под лозунгами «Вся власть Советам!» и «Долой правительство Эберта — Шейдеман!» поднялись рабочие Брауншвейга. Была объявлена всеобщая забастовка. Рабочие выражали солидарность с борьбой горняков Рура и рабочих Магдебурга. Брауншвейг был провозглашен Советской республикой, началось вооружение рабочих. Буржуазия объявила «контрзабастовку». 10 апреля пачалась забастовка в Цвиккау, сопровождавшаяся мощной политической демонстрацией, в которой участвовали солдаты гарнизона. Демонстранты приветствовали Советскую Россию и Советскую Венгрию. Выдвинув ряд экономических требований, в Берлине прекратили работу почти 40 тыс. металлистов. Объявили генеральную забастовку банковские служащие Берлина, требуя повышения заработной платы и права участия в решении вопросов найма и увольнения. В знак солидарности прекратили работу также банковские служащие Гамбурга, Дрездена, Франкфурта и других городов. Начали борьбу за свои права служащие Лейпцига.

«В Германии идет могучая волна стихийного стачечного движения», — отмечал в это время В. И. Ленин, указывая на «неслыханный подъем и рост пролетарской борьбы»¹. В борьбе против этой волны социал-демократические лидеры и правительство прибегли снова к испытанному методу сочетания демагогии и открытого насилия. Они развернули кампанию лжи, клеветы и обещаний, стремясь разобщить и дезорганизовать рабочих, оклеветать революционных вождей. В конце марта — начале апреля газеты «Vorwärts» и «Die Freiheit» опять опубликовали серию «разоблачительных» статей и выдвинули даже лозунг об «опасности справа»². Бешеная клеветническая кампания против Советской России и Советской

¹ В. И. Ленин, Герои Бернского Интернационала, Соч., т. 29, стр. 365.

² См. «Vorwärts», 25., 27., 29. III. 1919; «Die Freiheit», 26., 28. III. 1919 и др.

Венгрии сочеталась с гнусными инсинуациями в адрес организаторов политических забастовок. Разжигание шовинистических настроений переплеталось с широковетательными обещаниями мнимых «уступок» требованиям рабочих.

6 апреля правительство опубликовало законопроект о Советах, который должен был быть включен в конституцию. Смысл его сводился к тому, чтобы, ограничив функции рабочих Советов узко профессиональными задачами, растворить их в так называемых «экономических советах», где рабочие должны были сидеть за одним столом с капиталистами. «Добрые старые трудовые камеры, — писала об этом проекте «Die Rote Fahne», — превращаются в гордые рабочие Советы, и вот «советская конституция» готова! Родили эту идею Гильфердинг и Брейтшейд, Р. Мюллер и Деймиг ее поддержали, а «социалистическое» правительство благополучно оказалось там же, где и империалист Ллойд-Джордж: у паритетной арбитражной и экспертной комиссии. Паритет означает единовластие господствующего класса, как собственника средств производства, присваивающего прибавочную стоимость... Все красивые слова о «социализации» становятся пустой болтовней»¹.

Для отвлечения внимания рабочих от революционной борьбы был использован также открывшийся 8 апреля в Берлине II Всегерманский съезд Советов. Выборы делегатов на съезд были проведены с грубым нарушением всех принципов. В результате на съезде Советов было, как писал в день его открытия независимец Рихард Мюллер, «враждебное Советам большинство»². Коммунисты правильно разоблачали фальсификацию съездом воли и интересов рабочего класса, но сомнительно, чтобы принятое ими решение о бойкоте съезда было все же правильным.

Доклады о деятельности Центрального Совета, о «советской системе» (Коэн) и о «социализации» (Каутский)³ свидетельствовали о правильности замечания, что

¹ «Die Rote Fahne», 12. IV. 1919.

² «Die Freiheit», 8. IV. 1919. Morgen-Ausgabe. Среди делегатов съезда было 138 пфейсмановцев, 55 независимцев, 21 солдат, 18 представителей буржуазных партий (в том числе также немецких националистов, «народной» партии, партии центра и т. п.). — «Die Freiheit», 9. IV. 1919. Morgen-Ausgabe.

³ Накануне съезда бесславно скончалась возглавлявшаяся Каутским правительственная «комиссия по социализации». В открытом письме комиссия заявила, что «пришла к выводу о невозмож-

съезд представляет собой лишь «ярмарочное представление режиссеров контрреволюции»¹. Одобренная съездом «советская система» была не чем иным, как слегка замаскированным пресловутым соглашением о «деловом сотрудничестве» капиталистов и рабочих. Не иначе обстояло дело и с «социализацией». Съезд потребовал от горняков Рура прекращения забастовки и отклонил предложение добиваться от правительства отмены осадного положения.

8 апреля в Дортмунд прибыл социал-демократ К. Зеверинг, назначенный правительством государственным комиссаром Рейнско-Вестфальского промышленного района. На него была возложена задача принимать и осуществлять совместно с командиром VII армейского корпуса любые «военные и политические меры». В обращении к рабочим Зеверинг заявил о своем желании говорить с ними не только как представитель правительства, но и как «доверенное лицо рабочих». Он обещал смягчить осадное положение, вывести войска из некоторых городов и т. п. Но одновременно он издал распоряжение о полном запрещении собраний НСДПГ и коммунистической партии и приказ о всеобщей принудительной мобилизации мужчин в возрасте от 17 до 50 лет для выполнения работ по поддержанию шахт. За уклонение от мобилизации предусматривался штраф в 1500 марок или тюремное заключение на один год².

9 апреля в Эссен для переговоров с промышленниками и профсоюзами приехал министр труда социал-демократ Бауэр. Он обещал рабочим введение 7-часового рабочего дня, а промышленникам — усиление правительственных войск. В этот же день в Эссене были арестованы члены Центрального шахтерского Совета. Крупные силы правительственных войск вступили в Бохум. В обоих городах произошли столкновения войск с рабочими, в ходе которых было убито и ранено более ста человек.

ности сотрудничать с министерством хозяйства и правительством», которые лишили комиссию даже свободы публикации ее материалов и не пожелали считаться с ее мнением, проталкивая в Веймаре свои «фальсификаторские проекты». — «Vorwärts», 9. IV. 1919.

¹ См. «Die Rote Fahne», 14. IV. 1919.

² Зеверинг сам впоследствии писал, что приказ был издан с целью «устрашения», ибо для его осуществления не было реальных средств. — См. C. Severing, Mein Lebensweg, Bd. I, Köln 1950, S. 241—243.

Корпус Лихтшлага занял заводы Круппа в Эссене, а затем вступил в Мюльгейм. В течение двух дней было арестовано более тысячи горняков. Карательные войска непрерывно провоцировали рабочих, нападая на пикеты и разгоняя собрания. 15 апреля стачечный комитет решил провести конференцию делегатов бастующих. Поскольку в Эссене собрания были запрещены, участники конференции собрались в Кетвиге, но подверглись здесь нападению войск. 1 делегат был убит, несколько ранено, около 400 человек арестовано.

Положение забастовщиков становилось все более тяжелым. Стачечных пособий не хватало. В то же время правительство, чтобы поддержать «боевой дух» белогвардейских банд, выплачивало каждому солдату специальную дотацию в размере 30 марок за каждый «боевой день»¹. Но, несмотря на трудности и лишения, конференция горняков, собравшаяся 17 апреля в Дортмунде, вопреки усилиям присутствовавшего на ней Зеверинга единодушно приняла решение о продолжении забастовки, пока не будет освобожден и признан Центральный шахтерский Совет и не будут выполнены остальные требования рабочих.

Рабочим Дюссельдорфа удалось добиться вывода из города правительственных войск и отмены осадного положения. Но горнякам Рура в целом не удалось осуществить свои требования. Движение было задушено, и во второй половине апреля стачечная волна стала постепенно спадать. 23 апреля еще бастовала половина шахтеров, а к концу месяца эта продолжавшаяся свыше четырех недель небывалая дотеле в Германии массовая стачка повсеместно прекратилась. По официальным данным, было потеряно свыше 5 млн. человеко-дней. Несколько сот рабочих было убито и замучено белогвардейцами, более 3500 человек брошено в тюрьмы. «Порядок» в Руре был восстановлен.

В эти дни войска генерала Меркера ворвались в Брауншвейг. Они немедленно установили здесь свою «конституцию»: специальным приказом Меркер распустил Советское правительство и рабочий Совет, создал чрезвычайные военные суды, самолично назначил новое «правительство»².

¹ «Die Freiheit», 14. IV. 1919. Morgen-Ausgabe.

² «Der Syndikalist», 26. IV. 1919. Показательно, что в назначенное им «правительство» Меркер включил также двух «надежных» независимцев. — См. «Die Freiheit», 18. IV. 1919. Morgen-Ausgabe.

БОРЬБА НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ ПРОТИВ АНТИСОВЕТСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В ПРИБАЛТИКЕ

Ведя революционную борьбу за свои жизненные права, немецкие рабочие в разных концах страны неизменно протестовали против авантюристической, антинародной политики, которую германское правительство проводило в Прибалтике, выступали за установление дружественных отношений с Советской Россией.

В последние дни февраля 1919 г., в разгар первого похода Антанты против Советской России, войска фон дер Гольца неожиданным ударом с суши и с моря захватили Вилдаву (Вентспилс). 3 марта они начали наступление и вскоре оккупировали западную часть Латвии и Литвы. 16 апреля фон дер Гольцем был совершен государственный переворот в Латвии: правительство Ульманиса было заменено кабинетом, в котором решающую роль играли немецко-балтийские бароны. Вскоре к фон дер Гольцу в Либаву приехал Носке поздравить его с «успехом»¹. Носке активно содействовал организации и финансированию банд русских белогвардейцев во главе с неким Аваловым-Бермонтом, который именовал себя полковником и графом, не будучи ни тем ни другим. Путем насилия и обмана он вербовал русских военнопленных, задержанных в германских лагерях, и создавал при помощи немецких офицеров в Латвии русско-белогвардейские части, во главе с которыми намеревался «освободить Россию»².

В начале апреля в Прибалтику прибыла американская военная миссия подполковника Уорвина Грина. Уже в своих первых донесениях в Париж Грин выразил полное удовлетворение «успехами» фон дер Гольца. Он считал необходимым обеспечить снабжение германских войск морским путем продовольствием, одеждой, боеприпасами и пополнениями, «чтобы они могли сохранить свои силы, оперирующие сейчас против большевизма»³. Американские «наблюдатели» не могли не отметить, что вторжением немецких войск в Прибалтику «затронута честь

¹ РСС, v. XII, p. 177. Донесение Грина, 3. V. 1919; *G. Noske, Von Kiel bis Kapp*, S. 178.

² *G. Noske, Von Kiel bis Kapp*, S. 179—180.

³ РСС, v. XII, p. 139—140. Телеграммы Грина из Либавы в Париж, 11 и 12. IV. 1919.

Антанты» и что местное население относится к оккупантам с неприкрытой враждебностью, но они тем не менее решительно возражали против отзыва немецких войск, так как это, по их признанию, немедленно привело бы к установлению в этих странах революционной власти. Между тем, как цинично писал Грин, странам Прибалтики надлежало сыграть роль «барьера против большевизма.., буферных государств между Россией и Германией.., военного и торгового ключа к русскому хинтерланду», стратегического плацдарма для «активного и агрессивного военного похода с целью разгрома большевизма и восстановления (?) России»¹. В секретных донесениях американские эмиссары не считали нужным скрывать истинные планы империалистов. Член американской миссии подполковник Даули предлагал Антанте точно определить для Германии ее место «в поддержке агрессии против большевизма»². Грин указывал, что «с Германией надо считаться в вопросе о будущем России», причем Германии следует предоставить «долю участия, но не монополию»³.

На заседаниях Парижской мирной конференции руководители британской и американской политики согласились с мнением своих агентов. Так, английский министр Бальфур заявил, что «союзники используют немцев для подавления большевизма», а Лансинг добавил, что «отзыв немцев из Латвии приведет к тому, что большевизм одержит верх во всей стране». Через некоторое время Лансинг снова выступил в защиту действий фон дер Гольца и настаивал на совместных действиях немецких войск с английским флотом, призывая французского министра Пишона отбросить свои колебания⁴.

Наиболее рьяные глашатаи антисоветской интервенции, вроде У. Черчилля, не только на секретных совещаниях, но и во всеуслышание призывали поддерживать немецкую агрессию в Прибалтике. В апреле английское радио сообщило о заявлении Черчилля, что «Германии открыты все пути к искуплению, если она станет

¹ РРС, v. XII, p. 207—208. Меморандум Грина, Париж 30. V. 1919.

² РРС, v. XII, p. 191. Доклад Даули, Каунас, 15. VI. 1919.

³ РРС, v. XII, p. 240. Меморандум Грина.

⁴ См. РРС, v. IV, p. 591—592. Заседание Совета министров иностранных дел 19. IV. 1919. Там же, стр. 691—693. Заседание Совета министров иностранных дел 9. V. 1919.

сражаться с большевизмом», и что в этом случае британская армия охотно станет снабжать Германию продовольствием¹.

В мае 1919 г. фон дер Гольц начал новое наступление. При помощи английской эскадры его армия прорвала фронт Красной Армии и 22 мая захватила Ригу. Оккупанты учинили в городах Латвии чудовищные кровавые расправы. Только в Риге было расстреляно без всякого суда и следствия не менее 6—7 тысяч человек². Совместные действия немцев, англичан и американцев в Прибалтике позволили им задушить здесь Советскую власть, которую, по признаниям самих оккупантов, поддерживало большинство населения³.

Однако, несмотря на достигнутый «успех», прибалтийская авантюра наглядно показала, что Германия не в состоянии оправдать надежды, возлагавшиеся на нее американскими и английскими империалистами. Правители Германии всеми силами старались превратить свою страну в «защитный вал на Востоке», в аванпост «борьбы против большевизма». Но на пути к осуществлению этих гнусных планов встал германский рабочий класс.

Протесты рабочих и солдат и их активные выступления против антисоветской интервенции существенно отражались как на количестве добровольцев, отправлявшихся в Прибалтику, несмотря на щедрые посулы, так и на их моральном состоянии⁴. Во многих местах рабочие бойкотировали участников «добровольческих батальонов», пытавшихся вернуться на прежнюю работу, и Носке приходилось энергично брать их под защиту. 5 мая 1919 г. правительство даже вынуждено было официально запретить вербовку добровольцев, но она продолжалась тайно, о чем правительство, разумеется, было хорошо осведомлено⁵.

¹ «Известия ВЦИК», 15. IV. 1919.

² См. «Die Freiheit», 6. VII. 1919.

³ Майор Бишоф, правая рука фон дер Гольца, в своих мемуарах рассказывает, что в разговоре с Грином и Даули он заявил им: «население Латвии само на две трети настроено большевистски». — Цит. по А. Norden, Zwischen Berlin und Moskau, S. 278.

⁴ Добровольцам обещали не только высокую плату, хорошее снабжение и обмундирование, но также и землю для поселения. — См. G. Noske, Erlebtes aus Aufstieg und Niedergang einer Demokratie, S. 122—123; A. Winnig, Am Ausgang der deutschen Ostpolitik, Berlin 1921, S. 97.

⁵ G. Noske, Von Kiel bis Kapp, S. 179, 183—185.

Рабочие кильских верфей отказывались ремонтировать военные суда, железнодорожники Восточной Пруссии срывали подвоз боеприпасов и т. п.¹

Так, революционный авангард германского пролетариата, сам истекая кровью, выполнял свой великий интернациональный долг.

* * *

*

Революционные бои германского пролетариата в феврале — апреле 1919 г. по своему масштабу и упорству значительно превосходили все, что было до тех пор. Массовые стачки, в которых принимали участие сотни тысяч рабочих, нередко перерастали в вооруженные столкновения с белогвардейскими войсками. Главными требованиями рабочих были: немедленное осуществление социализации предприятий и установление контроля над производством со стороны рабочих Советов, которые оставались на предприятиях организующими центрами борьбы рабочих.

Однако движение оставалось и в этот период стихийным и развивалось крайне неравномерно. Рабочие, десятилетиями подвергавшиеся влиянию оппортунистического крыла профсоюзных и социал-демократических лидеров, лишь с трудом изживали реформистские иллюзии. Массы молодых рабочих, прошедших кровавую школу войны, горели желанием к действию, а почти миллион безработных составлял внушительный революционный резерв, но и эти слои рабочих туманно представляли себе пути достижения целей, к которым стремились. Требования о социализации были объективно направлены против капиталистической собственности на средства производства, но очень часто рабочие поддавались на удочку демагогических заявлений социал-демократических главарей о том, что «социализация марширует». Выдвигая требования о контроле Советов над производством, рабочие не понимали необходимости сосредоточения в руках Советов прежде всего всей *политической* власти в стране. Они нередко не замечали обмана, когда шейдемановцы и каутскианцы ловко подсовывали им вместо полновластных рабочих Советов урезанные производственные Советы (фабзавкомы).

¹ См. А. Norden, Zwischen Berlin und Moskau, S. 297—299.

Этими слабостями движения, лишенного централизованного руководства, широко пользовалось буржуазное правительство. Искусно маневрируя своими военными ресурсами, оно разбивало передовые отряды революционеров по частям, провоцируя столкновения, сочетая террор с обещаниями и лживыми посулами.

Но кровь лучших сынов германского рабочего класса, обильно пролитая в эти месяцы острейшей гражданской войны, не пропала даром. Революционные бои германского пролетариата сорвали планы международного империализма во главе с США, рассчитанные на использование Германии в качестве ударной силы в осуществлявшейся ими вооруженной интервенции против Советской России. Эти бои помешали силам реакции лишить рабочий класс демократических завоеваний революции и полностью реставрировать режим политического бесправия трудящихся в городе и деревне. Они способствовали созданию боевых революционных традиций у германского пролетариата.

Медленно, но неуклонно шел процесс высвобождения немецкого пролетариата из-под влияния социал-демократических лакеев буржуазии. «Разрыв немецких рабочих с предателями социализма, Шейдеманами и их партией... — писал В. И. Ленин в мае 1919 года, — с дряблостью, половинчатостью, безидейностью, бесхарактерностью так называемых «независимых»... неизбежен. Буржуазия может перебить сотни вождей и тысячи рабочих, но она не в силах помешать этому разрыву»¹.

¹ В. И. Ленин, Дополнение к проекту обращения к германским рабочим и не эксплуатирующим чужого труда крестьянам, Соч., т. 29, стр. 354.

БАВАРСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА. БОРЬБА НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ В МАЕ — ИЮЛЕ 1919 ГОДА

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В БАВАРИИ

В апреле 1919 г., когда движение горняков Рура шло уже на убыль и был разгромлен революционный Брауншвейг, на юге Германии возник новый революционный центр — в Мюнхене была провозглашена Баварская Советская республика.

В ноябрьские дни 1918 г. в Баварии было создано правительство во главе с независимцем Куртом Эйснером. Эйснер был одним из наиболее страстных пацифистов и враждебно относился к монархии и социал-шовинистам. Но его социалистические воззрения были ярко окрашены мелкобуржуазным утопизмом и даже баварским партикуляризмом. В правительство Эйснера наряду с независимцами входили социал-демократы Гофман, Ауэр, Тимм, Росгауштер, враждебно относившиеся к революции и мечтавшие о сотрудничестве с буржуазией. По сути дела это было буржуазное правительство, считавшее революцию законченной. Весь чиновничий аппарат остался на местах.

Под давлением буржуазии и правых социал-демократов в Баварии уже 12 января были проведены выборы в ландтаг. Они дали буржуазным партиям 116 мест, в то время как социал-демократы получили 61 место, а независимцы — всего 3 места. Но этот результат, как показали дальнейшие события, ни в коей мере не отражал действительных настроений народных масс. 16 февраля в Мюнхене состоялась массовая демонстрация, участники кото-

рой требовали передачи всей власти Советам, отставки социал-демократических министров Ауэра, Тимма и Росгауптера. Правительство, видя настроение трудящихся, не решалось созвать ландтаг, хотя съезд Советов Баварии 19 февраля принял под давлением социал-демократических лидеров решение о передаче власти ландтагу¹.

В это время реакционные силы Баварии, ободренные успехами контрреволюции во всей Германии — кровавыми расправами белогвардейских банд Носке над рабочими Берлина и Бремена, созывом Национального собрания и созданием правительства «веймарской коалиции», — решили, что настало и их время. Эйсер в качестве главы правительства вполне устраивал буржуазию в первые дни революции, когда она стремилась любой ценой удержать массы от революционной борьбы за социализм. Но для выполнения роли Эберта или Носке Эйсер не годился: для этого он был слишком «идеалистом». Хотя Центральный рабочий, солдатский и крестьянский Совет Баварии не был действительно революционным органом, самый факт его существования внушал опасения буржуазии, и она стремилась его разогнать.

Правосоциалистические министры — Ауэр, Тимм и Росгауптер — в тесном сотрудничестве с лидером «Баварской народной партии» Геймом готовили контрреволюционный заговор. Из унгер-офицеров, студентов, кулацких сынков спешно сколачивались «добровольческие отряды» для «борьбы с большевизмом». 19 февраля в Мюнхене произошел реакционный путч, организатором которого был так называемый «комитет по охране ландтага». По его заданию матрос Лоттер сделал попытку вооруженным путем захватить правительственные здания. Но отряд Лоттера был разогнан рабочими, и путч провалился².

На 21 февраля было назначено открытие ландтага. Когда Эйсер подходил к зданию, на него было совершено покушение. Монархист лейтенант граф Арко-Валей убил его тремя выстрелами из пистолета. Убийство Эйсера вызвало опромное возмущение рабочих. Несколько человек ворвались в здание ландтага. Рабочий Линднер, видя

¹ См. *H. Beyer, Von der Novemberrevolution zur Räterepublik in München*, Berlin 1957, S. 31, 38.

² См. «*Darstellungen...*», Bd. IV, *Die Niederwerfung der Räte in Bayern*, S. 6, 10—11.

в Ауэре организатора убийства, выстрелом из револьвера ранил его.

В обстановке всенародного возмущения ландтаг не мог продолжать свою работу. В этот же день был создан новый комитет Советов из представителей СДПГ, НСДПГ и КПП. Комитет объявил в Баварии трехдневную всеобщую забастовку. Вечером из представителей трех партий был образован новый Центральный Совет, который принял решение о запрещении буржуазной печати, вооружении пролетариата, аресте 50 заложников¹. Однако запрещение буржуазных газет было вскоре отменено, заложники освобождены, а вооружение рабочих сорвано. Зато реакционные отряды «гражданской обороны», официально распущенные, продолжали существовать и расти, сменив лишь названия.

25 февраля собрался съезд рабочих, солдатских и крестьянских Советов Баварии. Большинство рабочих Советов находилось под влиянием социал-демократических лидеров. Что касается крестьянских Советов, то они состояли главным образом из зажиточных крестьян, сельскохозяйственных рабочих в них насчитывалось не более 1—4%, а руководство ими находилось почти безраздельно в руках «Баварского крестьянского союза», который, включая и его левое крыло, шел в фарватере буржуазной политики².

Съезд Советов Баварии после долгих и бесплодных дискуссий отказался взять в свои руки всю власть. Лидеры СДПГ в сотрудничестве с буржуазными партиями, используя колеблющуюся позицию независимцев и слабость КПП, провели в конце концов решение о созыве ландтага.

Собравшийся 17 марта ландтаг поручил образование правительства социал-демократу Гофману. Наряду с социал-демократами в правительство вошли два независимца и два беспартийных «специалиста». Положение правительства Гофмана не было прочным. В одном только Мюнхене насчитывалось около 30 тысяч безработных, продовольственное положение оставалось тяжелым. Рабочие Мюнхена, Аугсбурга, Нюрнберга все решительнее требовали перехода всей власти к Советам. Пример Вен-

¹ См. *H. Beyer, Von der Novemberrevolution zur Räterepublik...*, S. 44.

² О составе крестьянских Советов в Баварии см. *W. Mattes, Die bayerischen Bauernräte*, S. 103, 114.

рии, где было создано Советское правительство, еще более усилил боевые настроения рабочих.

Влияние коммунистической партии, особенно в Мюнхене, росло. В начале марта по решению ЦК КПП в Мюнхен прибыл Евгений Левине — один из ближайших соратников К. Либкнехта и Р. Люксембург, выполнявший до этого ответственные партийные поручения в Берлине и Рейнской области. Он стал редактором коммунистической газеты «Münchener Rote Fahne» и активно занялся созданием производственных ячеек партии на предприятиях.

МНИМАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Социал-демократические лидеры, подталкиваемые буржуазией, недовольной «пассивностью» правительства Гофмана, решили осуществить ловкий маневр, который позволил бы им обмануть рабочих, дискредитировать в их глазах идею власти Советов и выиграть время для подготовки вооруженного разгрома пролетарского авангарда. Душой провокационного плана был военный министр правительства Гофмана социал-демократ Шнеппенгорст. В ночь на 5 апреля в военном министерстве было созвано совещание, в котором участвовали лидеры СДПГ, НСДПГ, Крестьянского союза, анархистов. Здесь было решено провозгласить в Баварии «Советскую республику». Но представители мюнхенского Совета потребовали участия в переговорах также руководителей КПП. Через несколько часов на совещание прибыла делегация КПП во главе с Евгением Левине.

Е. Левине сразу же разгадал замысел провокаторов¹. От имени организации КПП он решительно отклонил всякое сотрудничество коммунистов с правыми социал-демократами. «Мы, коммунисты, — заявил он, — не питаем никакого доверия к Советской республике, создателями которой выступают социал-демократические министры Шнеппенгорст и Дюрр, все время всеми средствами борющиеся против идеи Советов. Мы видим в этом либо попытку обанкротившихся вождей посредством мнимого революционного действия получить поддержку масс, либо сознательную провокацию... Советская республика не

¹ Rosa Leviné, Aus der Münchener Rätezeit, Berlin, 1925, S. 13.

провозглашается за зеленым столом, она должна быть результатом серьезных боев пролетариата и его победы»¹. Коммунисты считали, что обстановка для провозглашения Советской республики в Баварии еще не созрела.

Отказ коммунистов участвовать в затее Шнеппенгорста вызвал некоторое замешательство. Один из наиболее горячих независимцев — студент Эрнст Толлер бросил Е. Левине даже упрек в трусости, но тот спокойно возразил: «Чего ты хочешь? Социал-демократы большинства начнут, а потом побегут предавать нас; независимые попадутся на удочку, примут участие, потом перевернутся; а нас, коммунистов, поставят к стенке»².

6 апреля «Münchener Rote Fahne» опубликовала заявление Баварской организации КПГ, в котором говорилось: «Запланированная Советская республика является не диктатурой пролетариата, а диктатурой Центрального Совета, который решил, так как коммунистическое движение переросло его, провозгласить эту Советскую республику. Она является не делом классово сознательного пролетариата, а продуктом замешательства вождей, потерявших доверие масс... Борьба за подлинную, коммунистическую Советскую республику лишь начинается!»³

Несмотря на предостережения коммунистов, утром 7 апреля Центральный Совет выпустил воззвание, в котором объявил: «Решение принято. Бавария является Советской республикой... Диктатура пролетариата стала фактом... Ландтаг распущен..., назначенное им правительство ушло в отставку»⁴. Фактическими руководителями республики были Эрнст Толлер и анархист Ландауэр. Первым актом деятельности правительства было объявление 7 апреля народным праздником. На улицах был расклеен ярко-красный плакат «Диктатура пролетариата!» Но для создания действительной власти рабочего класса ничего не предпринималось. Собрание Советов для утверждения самозванного правительства не было создано. Чиновники остались на своих местах, полицейские продолжали «нести службу», воинские подразделения во главе с офи-

¹ *Rosa Leviné*, *Aus der Münchener Rätezeit*, S. 14—15.

² См. *E. Leviné*, *Skizzen, Rede vor Gericht u. a.* 2. Aufl., Berlin 1925, S. 45—46.

³ Цит. по *H. Beyer*, *Von der Novemberrevolution zur Räterepublik..*, S. 150. Anhang.

⁴ См. там же, стр. 77—78.

Preis 10 Pfennig.

Extra-Ausgabe

Preis 10 Pfennig.

Proletarier aller Länder vereinigt Euch!

MÜNCHNER ROTE FAHNE

Organ für das werktätige Volk in Stadt und Land.

Druckbetriebsleitung: Otto von Guericke, Leipzig
 Druckbetriebsleitung: Otto von Guericke, Leipzig
 Druckbetriebsleitung: Otto von Guericke, Leipzig

Berlin, den 6. April 1919.
 (Spartakus) Landeskommunisten Bayern

Verantwortlicher Redakteur: Otto von Guericke
 Verantwortlicher Redakteur: Otto von Guericke
 Verantwortlicher Redakteur: Otto von Guericke

Nummer 20.

Sonntag, den 6. April 1919.

! Jahrgang

**Abhängige und Unabhängige wollen eine Käserrepublik proklamieren.
 Die Kommunisten lehnen die Beteiligung an einer Schein-Käserrepublik ab.
 Arbeit. bewegung in Preussland.**

Redaktion:
 Otto von Guericke, Leipzig
 Otto von Guericke, Leipzig

Erklärung
 der kommunistischen Partei (Kommunistenbund)
 Deutschlands Bayern.

Auch eine Käserrepublik!
 Otto von Guericke, Leipzig
 Otto von Guericke, Leipzig

Газета «Мюнхнер Роте Fahne» накануне провозглашения
 мнимой Советской республики в Баварии

церами были просто переименованы в «Красную армию». Зато была провозглашена «социализация» печати и Мюнхенского университета.

Провозглашение Советской республики в Мюнхене нашло отклик в других городах Баварии. В Вюрцбурге, Регенсбурге, Швейнфурте, Гофе и других Советы объявили, что берут в свои руки власть. Но в Нюрнберге командованию III армейского корпуса удалось быстро подавить революционное движение в городе и окрестностях, а через несколько дней войсками были заняты также Вюрцбург, Ингольштадт, Регенсбург. Только в нескольких городах Южной Баварии — Аугсбурге, Розенгейме и других — Советам удалось удержать власть¹.

Правительство Гофмана вовсе не ушло в отставку, а в соответствии с коварным планом заговорщиков перене-

¹ См. «Darstellungen...», Bd. IV, S. 21—22.

сло свою резиденцию на север Баварии, в Бамберг. Здесь же оказался и вдохновитель провокации Шнеппенгорст, который немедленно занялся сколачиванием вооруженных сил для похода на Мюнхен. Командование II и III армейских корпусов приступило к созданию отрядов «военной сельской полиции» и добровольческого «фольксвера», поощряя также создание буржуазных ополчений в разных городах. Правительство Гофмана связалось с полковником фон Эппом, который формировал в Тюрингии из реакционных офицеров и унтер-офицеров «Баварский стрелковый корпус»¹. В самом Мюнхене реакционно-монархическая организация «Туле» при поддержке правых социал-демократов готовила вооруженный мятеж. Она организовывала диверсии и вела разведывательную работу, информируя Бамберг обо всем, что происходило в Мюнхене².

В этих условиях руководство КПГ старалось разъяснить массам подлинный смысл провозглашения этой Советской республики и в то же время призывало к сплочению революционного пролетариата для решительной борьбы с контрреволюцией. 11 апреля «Münchener Rote Fahne» опубликовала заявление, в котором писала, что белая гвардия, наступающая из Бамберга, угрожает не только «мнимой республике Советов», но и самому пролетариату. «В этой ужасной ситуации КП не может взять на себя ответственность за усиление разброда среди рабочих масс Мюнхена, не может допустить, чтобы разгорелась борьба между мнимой и подлинной диктатурой в момент, когда Ганнибал стоит у ворот. В этот страшный момент соединенные силы революционного пролетариата должны

¹ Поскольку создание «добровольческих отрядов» наталкивалось в Баварии на сопротивление рабочих, фон Эпп по указанию и при помощи Носке создал свой сборный пункт в Ордруфе (Тюрингия). К середине апреля в корпусе насчитывалось 326 офицеров, 197 унтер-офицеров и 360 солдат. — См. «Darstellungen...» Bd. IV, S. 13—14, 47—48; G. Noske, *Erlebtes aus Aufstieg und Niedergang einer Demokratie*, Offenbach, 1947, S. 314. В 1933 г. фон Эпп стал гитлеровским заместителем в Баварии.

² «Общество Туле» возникло летом 1918 г. как ответвление тайного шовинистического «ордена германцев». Его газета «Münchener Beobachter» была впоследствии признана гитлеровцами предшественником их «Völkischer Beobachter». — См. P. Werner, *Die Bayerische Räte-Republik*. 2. Aufl., Leipzig 1920, S. 30; «Darstellungen...», Bd. IV, S. 7, 17, 23.

идти на бой против опасного врага, против белой гвардии»¹.

Организация компартии приняла решение, не участвуя в правительстве, послать своих представителей с совещательным голосом в Центральный Совет, чтобы помочь ему в организации пролетарской обороны.

Предостережения коммунистов не были напрасны. Контрреволюционным заговорщикам в Мюнхене, тесно связанным с Бамбергом, удалось привлечь на свою сторону часть войск гарнизона, в том числе «республиканскую охрану» во главе с Зейферицем и социал-демократом Ашенбрэннером. В ночь на 13 апреля контрреволюционные мятежники захватили дворец Виттельсбахов, где помещался Центральный Совет, и ряд других зданий. Утром 13 апреля в Мюнхене были расклеены плакаты, извещавшие от имени «всего мюнхенского гарнизона» о том, что Центральный Совет смещен, и призывавшие к поддержке правительства Гофмана².

Но заговорщики поспешили с объявлением о своей победе. Немедленно вооружившиеся рабочие вместе с частью солдат выступили против мятежников. Заговорщики были разбиты и разоружены. Вокзал был занят после упорного боя, длившегося несколько часов. Организаторы мятежа не успели получить из Бамберга обещанных подкреплений.

СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА ВО ГЛАВЕ С КОММУНИСТАМИ

Активное выступление вооруженных рабочих в защиту своих завоеваний создало новую обстановку. Почувствовавшие свою силу рабочие — коммунисты, члены СДПГ и НСДПГ, беспартийные — требовали не восстановления «мнимой Советской республики», а создания подлинно революционного Советского правительства. Хотя обстановка для установления Советской власти продолжала оставаться мало благоприятной, у коммунистов не было иного пути, как стать во главе масс и попытаться создать действительно революционную власть. Мюнхенские ком-

¹ Цит. по *H. Beyer, Von der Novemberrevolution zur Räterepublik...*, S. 90.

² *P. Werner, Die Bayrische Räte-Republic*, S. 29.

мунисты понимали, что победа Советской власти возможна только в масштабе всей Германии, но они справедливо считали, что пример Баварии может явиться стимулом для усиления революционной борьбы пролетариата других областей.

В своем воззвании, опубликованном 14 апреля, компартия писала: «Рабочие! Час борьбы настал! Измена

Евгений Левине

идет из Бамберга... Возьмитесь за оружие! Объединяйтесь с солдатами, которые борются за свободу... Присоединяйтесь к всеобщей забастовке!.. Вы боретесь за весь немецкий рабочий класс, за мировую революцию. Долой изменников и врагов! Долой правительство Гофмана! Да здравствует Советская республика! Да здравствует борьба!»¹

На общегородском собрании производственных и солдатских Советов был избран Комитет действия, которому была вручена законодательная и исполнительная власть. Во главе Исполкома встал коммунист Евгений Левине².

Были созданы также комиссии: военная во главе с матросом Рудольфом Эгельгофером, активным участником революционного выступления моряков в 1917 г.; по борьбе с контрреволюцией; по вопросам пропаганды, экономики, транспорта.

В этот же день была передана радиограмма: «Исполнительный комитет новой, истинно пролетарской советской республики приветствует российский и венгерский рабочий класс и их советские республики. Мюнхенский

¹ См. *H. Beyer, Von der Novemberrevolution zur Räterepublik...*, S. 97.

² В Исполком, кроме Е. Левине, вошли также коммунисты М. Левин и Дитрих, независимцы Меннер и Дуске.

пролетариат отдаст все свои силы на службу великой исторической задаче, первыми застрельщиками которой явились храбрые русские и венгерские братья»¹.

Буквально с первых же часов своего существования Баварской Советской республике пришлось уделять главное внимание обороне. Войска правительства Гофмана, не успевшие оказать помощь мятежникам, сконцентрировались в нескольких десятках километров к северу от Мюнхена. С целью мобилизации рабочего класса Исполком немедленно объявил в Мюнхене 10-дневную всеобщую забастовку². Был издан приказ о разоружении буржуазии, была распущена полиция, а все рабочие, способные носить оружие, призывались встать на защиту своей власти. На предприятиях проводилось военное обучение.

Уже первые рабочие отряды, высланные навстречу белогвардейским войскам, двинувшимся на Мюнхен с севера, одержали серьезные победы. 15—16 апреля в районе Дахау мюнхенцам вместе с местными рабочими и солдатами удалось отбить все атаки, освободить Дахау и взять в плен 150 солдат. Однако наступление не было продолжено, хотя оно имело серьезные шансы на успех и могло бы при поддержке рабочих и солдат городов Северной Баварии значительно расширить авторитет и власть Советской республики. Вина за это ложится прежде всего на независимцев Толлера и Клингельгофера, заявивших после падения мнимой Советской республики о своей готовности сражаться за дело пролетариата и назначенных руководителями Дахауского фронта. Вместо преследования и уничтожения противника они завязали с ним переговоры, дав ему возможность выиграть время³.

Между тем военное положение бамбергского правительства было трудным, так как его войска отказывались воевать против мюнхенских рабочих. Так, у Фрейзинга 1200 солдат, мобилизованных контрреволюцией, потребовали от своих командиров возвращения назад. Они отдали мюнхенцам свое оружие, а сами разошлись по домам. Так

¹ Цит. по *Н. Застенкер*, Баварская советская республика, М. 1934, стр. 112.

² Забастовка не распространялась на предприятия и учреждения, необходимые для обслуживания населения.

³ За эти действия Толлер был по распоряжению правительства и с санкции Советов арестован, но вскоре освобожден и даже вновь послан командующим на тот же фронт. — См. *H. Beyer*, *Von der Novemberrevolution zur Räterepublik...*, S. 118.

Arbeiter!

Die Stunde des Kampfes hat geschlagen!

Dererrat fordert von Damborn Dererrat ist schon in guten Händen. Winkler des Zentralrats hat verdrängt. Sie sind noch immer verdrängt. Die Berater haben die Regierung der Hauptkassen, die Regierung hat immer proklamiert. Sie können sich jetzt schon Ihre Rechte, Sie werden alle Maßnahmen zum Kampf übernehmen. Sie werden sich alle unterstützen.

Tas werden Sie sein, wenn Sie nicht zu den Weissen gehen.

Rehnt Euch die Weissen! Bekämpft Euch mit den Soldaten, die für die Freiheit kämpfen.

Gehet in die Holzkern und gewinnt die Soldaten, die Euch noch fernsehen, für die Sache des Proletariats.

Tretet ein in den Generalkampf!

Arbeiter! Jetzt soll es. Wenn Sie jetzt nicht zu kämpfen will, dann ist die Revolution verloren. Dann stehen Sie Ihre Rechte auf dem Boden. Dann steht ewige Gefährdung vor Euch. Dann wartet Sie um Euren Kindern.

Es geht um Eure Zukunft.

Ihr kämpft für die ganze deutsche Arbeiterklasse, für die Weltrevolution.

Wieder mit den Arbeitern und Gefährten der Arbeiterklasse!

Wieder mit der Regierung zusammen!

Es lebe die Räterepublik!

Es lebe der Kampf!

Die Kommunistische Partei
(Spartakusbund).

Воззвание баварской организации КПГ от 13 апреля 1919 года против контрреволюционного мятежа в Мюнхене

же поступил и нюрнбергерский полк. Правительственные войска вынуждены были отойти в район Пфафенгофена (50 км к северу от Мюнхена). 15 апреля отряды мюнхенских рабочих помогли рабочим Розенгейма подавить контрреволюционный путч и восстановить здесь Советскую власть¹.

¹ См. P. Werner, Die Bayrische Räte-Republik, S. 45; «Darstellungen...», Bd. IV, S. 45—47.

Несколько свидетельств контрреволюционеров, признававших, что правительство Гофмана чрезвычайно опасалось дальнейшего наступления мюнхенских революционных войск, приводит Н. Застенкер в своей книге «Баварская советская республика», стр. 131.

Выиграв некоторую передышку, Исполком сразу же приступил к осуществлению целого ряда важных мероприятий по установлению рабочего контроля над производством и распределением. Были национализированы банки, вскрыта часть сейфов и реквизированы ценности; вкладчикам разрешалось выплачивать не более 100 марок в день. Производственные Советы (фабзавкомы) должны были осуществлять контроль над производственной деятельностью, включая ревизию бухгалтерских отчетов. Предприниматели обязаны были продолжать выплату зарплаты рабочим, привлеченным на работу в органы управления или вступившим в вооруженные формирования. Выплата дивидендов и паев была прекращена, но мелким предпринимателям предоставлялся государственный кредит. Вводился контроль за распределением продовольствия, проводились конфискации запасов, имевшихся у буржуазии, реквизировались автомашины и т. п. При этом были приняты меры для предотвращения мародерства и хищений. За незаконные реквизиции и грабежи была установлена смертная казнь.

С первых же дней образования Советской республики правительство Гофмана блокировало Мюнхен, перекрыв пути снабжения города и не пропуская транспортов с продовольствием и углем. Резко сократился подвоз молока, так что его приходилось распределять только среди детей и больных. Исполком принимал меры для установления контакта с крестьянами. 16 и 17 апреля были опубликованы обращения «К крестьянству баварской земли», распространявшиеся в окрестных деревнях при помощи самолетов. В них говорилось, что Советская республика не угрожает собственности трудящихся крестьян, и содержался призыв продолжать снабжение Мюнхена продовольствием. Однако в обращениях не делалось попыток дифференцированного подхода к различным слоям крестьянства, в частности не предусматривалось проведение каких-либо реальных мероприятий для улучшения положения батраков и бедноты¹. В то же время правительство

¹ Е. Левине в одном из выступлений говорил: «Мелкие крестьяне боятся, что у них все отнимут. Вашей задачей является разъяснить Вашим друзьям и родственникам в деревне истинное положение дел. Мы хотим отобрать у крупных крестьян излишки земли, которые они сами не обрабатывают. Но мелкие крестьяне и батраки получают лишь выгоду от пролетарского правительства». — *R. Leviné, Aus*

Гофмана буквально засыпало крестьян листовками, содержащими злобную клевету на Советскую республику, и всячески натравливало крестьян против рабочих. Руководство Баварского крестьянского союза выехало из Мюнхена в Бамберг, и руководители крестьянских Советов деятельно помогали контрреволюции¹.

В связи с забастовкой буржуазные газеты в Мюнхене не выходили. Выпускались только «Известия Исполкома производственных и солдатских Советов» («Mitteilungen des Vollzugsrates der Betriebs- und Soldatenräte Münchens»), которые раздавались бесплатно. Ежедневно на многолюдных собраниях в саду дворца Виттельсбахов один из членов Исполкома выступал перед народом с сообщением о событиях за день, рассказывал о мероприятиях и планах Исполкома².

17 апреля Е. Левине на таком собрании призывал трудящихся проявить максимум инициативы и энергии. «То, что сделано до сих пор, — говорил он, — это лишь первый сантиметр к первой ступени лестницы, ведущей пролетариат к господству. Чтобы взять эту лестницу штурмом, необходима ваша помощь. Мы просим вас назвать имена товарищей, которые способны взять на себя руководство какой-либо отрасли работы. Пролетариат должен все делать сам... Вы сами должны работать так же, как вы боролись с оружием в руках»³.

22 апреля забастовка была закончена. В этот день состоялась массовая рабочая демонстрация. По улицам Мюнхена прошли не менее 12—15 тысяч вооруженных рабочих. Но необходимо было создать регулярную армию, и 25 апреля военная комиссия и Исполком выпустили воззвание к рабочим, крестьянам, солдатам и безработным с призывом вступать в Красную Армию. В армию принимались только члены социалистических и профсоюзных

der Münchener Rätezeit, S. 42. Однако конкретной программы помощи бедноте и батракам баварские коммунисты не имели, а некоторые из них, в том числе П. Фрелих (выступавший под именем П. Вернера), откровенно заявляли, что считают все баварское крестьянство «реакционной массой». — См. P. Werner, Die Bayerische Räte-Republik, S. 16.

¹ См. W. Mattes, Die bayerischen Bauernräte, S. 190—195.

² «Die Freiheit», 29. IV. 1919. Morgen-Ausgabe. Beilage.

³ R. Leviné, Aus der Münchener Rätezeit, S. 46.

Парад частей Красной Армии в Мюнхене.
В накидке главнокомандующий Красной Армии Р. Эгельгофер

организаций. Солдаты обязывались добровольно подчиняться командирам и соблюдать железную дисциплину. Главнокомандующим был назначен Рудольф Эгельгофер. Ядро Красной Армии составляли рабочие мюнхенских предприятий и заводов Круппа в Фреймане, солдаты и матросы гарнизона, железнодорожники. В нее влилась также небольшая группа русских военнопленных, освобожденных из лагеря Пухгейм близ Мюнхена. Численность Красной Армии вскоре достигла 30 тысяч человек.

О том, насколько важным было создание Красной Армии, свидетельствовали военные приготовления и действия правительства Гофмана. Убедившись, что его собственных сил, включая «добровольцев» фон Эппа и отряды баварской «гражданской обороны» Эшериха, недостаточно для разгрома революционных рабочих, бамбергское правительство обратилось за помощью к правительству соседнего Вюртемберга и к Носке. 17 апреля прусское правительство предложило и свои войска. Хотя использование прусских войск должно было вызвать не только

возмущение трудящихся, но и недовольство партикуляристски настроенных кругов баварской буржуазии, правительство Гофмана пошло на это. Чтобы подсластить пилюлю, помощником главнокомандующего был назначен баварский генерал фон Мель¹.

Все силы общегерманской реакции, забыв о своих внутренних распрях, единодушно призывали к удушению Баварской Советской республики. Шейдеман в Национальном собрании истерически требовал единения всех партий в борьбе против общего врага. Печать распространяла самые нелепые измышления о «хозяйничанье коммунистов» в Мюнхене. Так, например, одна из берлинских газет со всей серьезностью сообщала, что в Мюнхене узаконена «коммунализация женщин, включая замужних...»² Буржуазия организовала сбор пожертвований, давший в короткий срок почти 700 тысяч марок.

Уже 19 апреля белогвардейские войска начали с разных сторон концентрическое наступление против революционных центров Южной Баварии. С севера двигались основные силы Носке — прусские войска под командованием генерала Овена, из района Ульма — вюртембергские части, с других сторон — «Баварский стрелковый корпус» фон Эппа и прочие баварские формирования. В ночь на 20 апреля войска начали внезапное наступление на Аугсбург с двух направлений. Связь города с Мюнхеном была прервана. Завязались ожесточенные, упорные бои рабочих против значительно превосходивших их правительственных войск. Особенно горячие схватки происходили в пригородах Пфферзее, Обергаузен, Лехгаузен. 22 апреля Аугсбург пал³.

Войска карателей все туже сжимали кольцо вокруг Мюнхена. 26 апреля им удалось захватить Ландсгут, на следующий день — Моосбург. На некоторых направлениях они значительно приблизились к городу и находились от него в 30—35 км. Чтобы блокировать Мюнхен и с юга, в горные районы засылались диверсанты-подрывники⁴. Положение Советской республики, отрезанной от всего мира, становилось все более критическим.

¹ См. «Darstellungen...», Bd. IV, S. 42—43.

² См. об этом «Die Freiheit», 27. IV. 1919. Morgen-Ausgabe.

³ См. «Darstellungen...», Bd. IV, S. 65—70.

⁴ Там же, стр. 71.

Между тем в самом Мюнхене контрреволюционные элементы усилили свою подрывную деятельность. Шпионы пныряли повсюду, предупреждая заговорщиков о готовящихся обысках и арестах, диверсанты орудовали в автопарке, повредили самолеты на аэродроме в Шлейсгейме¹.

Комиссия по борьбе с контрреволюцией раскрыла планы нового заговора организации «Туле», обнаружила запасы оружия, фальшивые факсимиле с подписью Эгельгофера, печать Исполкома и железнодорожные штемпели. Были арестованы несколько видных представителей буржуазии в качестве заложников². Однако вопреки буржуазной клевете революционный трибунал проявлял не жестокость, а скорее опасное великодушие по отношению к контрреволюционным заговорщикам. В городе все время распространялись провокационные слухи, самолеты бамбергского правительства систематически сбрасывали листовки.

27 апреля В. И. Ленин, отвечая на приветствие Баварской Советской республики и желая ей успеха, поставил в своей радиোগрамме ряд вопросов, являвшихся по сути дела целой программой революционных действий. Ленин советовал баварским коммунистам провести поголовную мобилизацию и вооружение рабочих, разоружить буржуазию и взять заложников, экспроприировать фабрики и богатства капиталистов и взять в свои руки все банки, удвоить или утроить зарплату чернорабочим и батракам, обложить буржуазию чрезвычайным налогом, ввести 6-часовой рабочий день и более высокий продовольственный паек для рабочих, немедленно вселить рабочих в квартиры богачей и т. п. Ленин предлагал обратить особое внимание на работу в окрестных деревнях, экспроприировать капиталистические земледельческие хозяйства, отменить ипотеки и арендную плату для мелких крестьян, чтобы дать не только рабочим, но также батракам и мелким крестьянам сразу ощутить фактическое улучшение их положения³.

¹ См. «Darstellungen...», Bd. IV, S. 88.

² Случайно избежал ареста член организации «Туле», а впоследствии один из руководителей гитлеровской партии Р. Гесс. Гитлер тоже служил в это время в Мюнхене во 2-м пехотном полку. — См. там же, стр. 109—110.

³ В. И. Ленин, Приветствие Баварской Советской республике, Соч., т. 29, стр. 298—299.

Однако приветствие В. И. Ленина, по-видимому, не дошло до баварских коммунистов. За время своей деятельности во главе Советской республики коммунисты сумели осуществить лишь небольшую часть остро необходимых мероприятий. Как раз в этот день, 27 апреля, в Мюнхене, осажденном со всех сторон белогвардейцами, произошли события, определившие судьбу Советской республики.

Еще 26 апреля на очередном пленарном собрании производственных Советов, на котором присутствовало более тысячи человек, лидеры независимцев — Толлер, Меннер и Клингельгофер, охваченные паникой, повели бешеную атаку против руководимого коммунистами Исполкома. Меннер, ведавший в Исполкоме финансами, заявил протест против конфискации ценностей, хранившихся в сейфах буржуазии. Толлер заявил, что уходит в отставку с поста командующего фронтом в Дахау, так как считает правительство «бедствием для трудящихся Баварии». Лидеры независимцев потребовали отмены запрещения буржуазной прессы и восстановления буржуазной полиции.

Атака лидеров независимцев встретила сочувственный отклик среди значительной части собрания производственных Советов. Роковым образом сказывалось то, что коммунисты не добились проведения перевыборов и создания подлинно пролетарских рабочих и солдатских Советов. Среди членов производственных Советов преобладали рабочие мелких предприятий, было немало представителей мелкой буржуазии, литераторов и даже предпринимателей и бывших полицейских. В результате бурных многочасовых дебатов, в ходе которых независимцы спекулировали и на тяжелом продовольственном положении населения, коммунисты заявили о своей отставке. Дважды собрание требовало, чтобы они остались в правительстве. Лишь тогда, когда Е. Левине потребовал решительного очищения производственных Советов от буржуазных элементов и ареста главных контрреволюционеров, собрание приняло отставку Комитета действия¹.

В ночь на 27 апреля был создан новый Комитет действия без коммунистов. Формально он состоял из одних рабочих, но его фактическими руководителями были Толлер,

¹ См. *R. Leviné*, *Aus der Münchener Rätezeit*, S. 53—55; *H. Bey-er*, *Von der Novemberrevolution zur Räterepublik..*, S. 123—124.

Меннер, Клингельгофер. Немедленно было отменено за-
прещение буржуазной печати, была восстановлена старая
полиция. Новое правительство Советской республики
фактически стало на путь капитуляции перед буржуа-
зией, предпринимая попытки завязать переговоры с пра-
вительством Гофмана¹.

БОИ МЮНХЕНСКИХ РАБОЧИХ ПРОТИВ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ

Руководители баварских коммунистов, выйдя из пра-
вительства, вовсе не намерены были отказаться от руко-
водства борьбой мюнхенского пролетариата против насту-
павших белогвардейских орд. В своем воззвании к рабо-
чим и бойцам Красной Армии компартия писала: «От вас
зависит теперь спасение положения. Пусть правительство
Толлера работает по-своему. Но вашим долгом является
забота о том, чтобы республике не был нанесен непопра-
вимый ущерб... У революционного пролетариата теперь
одна великая задача: защита революции, защита рабочего
класса от белогвардейцев и буржуазных заговорщиков...
Вступайте поэтому в ряды Красной Армии!.. Да здрав-
ствует Советская республика! Да здравствует комму-
низм!»²

Командование Красной Армии, находившееся в руках
коммунистов, приняло решительные меры для организа-
ции обороны. 29 апреля оно заявило производственным
Советам, что «революционный пролетариат любой ценой
будет обороняться против белогвардейцев и не позволит
никому, в том числе и производственным Советам, заста-
вить его вступить на путь измены делу социалистической
революции». На следующий день была объявлена все-
общая забастовка и отменено собрание производственных
Советов³. Рабочие — коммунисты, члены СДПГ, НСДПГ
и беспартийные — были полны решимости. Но предатели
успели уже дезорганизовать с таким трудом созданную
коммунистами оборону Мюнхена.

К 30 апреля баварские и вюртембергские белогвардей-
ские войска подошли с запада и юго-запада к пригоро-

¹ См. «Die Freiheit», 6. VI. 1919. Morgen-Ausgabe. Beilage.

² *H. Beyer*, Von der Novemberrevolution zur Räterepublik, S. 125—126.

³ Там же, стр. 127; приложения, стр. 170.

дам Мюнхена. Но на севере от города части Красной Армии еще удерживали в своих руках сильно укрепленный район Дахау, препятствуя продвижению главных сил карателей. Здесь были сосредоточены основные силы Красной Армии. Однако утром 30 апреля Клингельгофер отдал приказ об оставлении укрепленного района и отводе войск к Мюнхену. Этим немедленно воспользовались белогвардейцы и нанесли по отступавшим частям Красной Армии удар. Ожесточенные бои развернулись у Фёрринга, в районе заводов Круппа у Фреймана, но закрепиться части Красной Армии уже не смогли. Вечером для усиления белогвардейских войск прибыл бронепоезд, а за ним эшелоны с корпусом Лютвица. С севера и востока каратели подошли вплотную к городу, с юга и запада кольцо было чуть свободнее, только на юго-востоке Мюнхен имел еще связь с Розенгеймом¹.

Правительство Гофмана отклонило все предложения Толлера о переговорах: «Сложите оружие, всякое сопротивление бесполезно», — гласил ответ. В ночь на 1 мая фон Эпп тайком послал в Мюнхен своего лазутчика, чтобы поднять мятеж среди солдат лейб-полка. Мятежникам удалось собрать около 200 человек и вместе с группой студентов неожиданно захватить дворец, ратушу и несколько других зданий. В этот критический момент производственные Советы призвали рабочих и солдат Мюнхена к... мирной первомайской демонстрации.

В городе развернулись ожесточенные вооруженные бои. В районе главного вокзала подразделения Красной Армии во главе с Эгельгофером нанесли противнику тяжелые потери, был убит генерал фон Нагель. Но в это время в Мюнхен с разных сторон уже вступали белогвардейские войска Гофмана и Носке, поддерживаемые танками, броневиками и артиллерией. Они захватили центр, но на окраинах бои продолжались еще 2 и 3 мая. Особенно упорными были схватки в районе вокзалов, на Карлс-плац. Рабочий район Гизинг был подвергнут жестокому артиллерийскому обстрелу. Здесь бои шли за каждый дом, войска подвергались неожиданным нападениям небольших отрядов, стрелявших с крыш. В глубь района не могли пробиться и танки. Только подтянув подкрепления и ведя «очистку» дома за домом, квартала за кварталом,

¹ См. «Darstellungen...», Bd. IV, S. 113—119.

войска к концу дня 3 мая смогли овладеть положением¹. Были заняты также Розенгейм и Кёльбермоор.

Началась зверская расправа с рабочими. Обыски, аресты и расстрелы продолжались целую неделю. По официальным данным, в Мюнхене за время с 30 апреля по 8 мая были расстреляны озверелыми белобандитами и убиты в боях 557 человек². Среди замученных и убитых были коммунисты Эгельгофер, анархист Ландауэр, десятки рабочих. Несколько тысяч человек были ранены, более 5 тысяч — арестованы. За полгода 25 судов рассмотрели 5233 дела: были осуждены 2209 человек, из них 65 человек приговорены к каторжным работам, 1737 — к тюремному заключению, 407 — к заключению в крепости³.

12 мая был выслежен и арестован Евгений Левине. Перед военным судом в Мюнхене 2 июня Левине заявил: «Я хорошо знаю, что все мы, коммунисты, являемся смертниками в отпуске. Мне неизвестно, продлите ли вы мне еще мой отпуск или мне придется присоединиться к Карлу Либкнехту и Розе Люксембург. Вы можете меня убить, но мои идеи будут продолжать жить!»⁴ Суд приговорил Левине к расстрелу. В день приведения приговора в исполнение в Мюнхене были арестованы 150 рабочих⁵, так как правительство боялось массовых выступлений. 5 июня Е. Левине был казнен.

Баварская Советская республика в силу многих неблагоприятных обстоятельств оказалась изолированной, не была в достаточной мере поддержана активными выступлениями трудящихся остальной Германии. ЦК КПГ, правда, призвал рабочих других областей к солидарности,

¹ «Darstellungen...», Bd. IV, S. 120—168.

² Среди убитых насчитывалось 107 солдат и командиров Красной Армии, 186 расстрелянных, 184 погибших от «несчастных случаев» и т. д. — См. *E. Gumbel*, Vier Jahre politischer Mord, S. 31—50; «Darstellungen...», Bd. IV, S. 209—212.

³ *R. Müller*, Der Bürgerkrieg in Deutschland, S. 201.

⁴ «Die Freiheit», 6. VI. 1919. Morgen-Ausgabe. Beilage. В сборнике работ Е. Левине окончание речи Левине передано следующим образом: «Я во всяком случае приму ваш приговор спокойно... События задержать невозможно... Исчезновение того или другого руководителя не сможет остановить движение... Мы сделали все, что было в наших силах и возможностях, чтобы выполнить наш долг по отношению к Интернационалу и мировой коммунистической революции». — *E. Leviné*, Skizzen, Rede vor Gericht u. a., S. 46.

⁵ См. *R. Leviné*, Aus der Münchener Rätezeit, S. 67.

по его тогдашний руководитель Пауль Леви, впоследствии оказавшийся ренегатом, сам считал борьбу баварских коммунистов «путчистской»¹. А центральный орган независимцев «Die Freiheit» в передовой статье «После баварской трагедии» клеветнически утверждал, что поведение мюнхенских рабочих было «ошибочным и по своим последствиям вредным для дела революции...»²

В действительности же выросшая из оборонительных боев смелая атака мюнхенских рабочих против основ буржуазного общества была наиболее значительной попыткой установления в Германии подлинной власти рабочего класса, диктатуры пролетариата. Несмотря на короткий срок своего существования, Баварская Советская республика сделала гораздо больше шагов к социализму, чем, например, Советская республика в Бремене. По справедливому выражению Клары Цеткин, Баварская Советская республика была «кульминационной точкой схватки между буржуазией и рабочим классом» в революционном движении 1918—1919 годов в Германии³.

Однако и *третий период* германской революции, начавшийся январскими боями в Берлине, провозглашением Советской республики в Бремене и завершившийся Баварской Советской республикой, не стал периодом пролетарской революции в Германии, так как попытки установления пролетарской диктатуры носили слишком ограниченный, разрозненный, локальный характер. Они не привели к пролетарской постановке вопроса о власти в масштабе всей страны, не вызвали острого кризиса общегерманской буржуазной власти и были жестоко подавлены.

БОРЬБА НЕМЕЦКИХ ТРУДЯЩИХСЯ В МАЕ — ИЮЛЕ 1919 г. НАЧАЛО СПАДА РЕВОЛЮЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ МАСС

После поражения баварского пролетариата и разгрома других революционных центров борьба трудящихся за

¹ П. Леви даже послал в Мюнхен двух членов ЦК с заданием «ликвидировать путч». — См. *Н. Застенкер*, Баварская советская республика, стр. 148—149.

² «Die Freiheit», 8. V. 1919. Morgen-Ausgabe.

³ *К. Цеткин*, Революционные бои 1919 года и борцы революции. — «Коммунистический Интернационал» № 9, 1920 г., стр. 1217.

свои жизненные права не прекращалась. В конце апреля крупные забастовки охватили Верхнюю Силезию. Здесь рабочие изгоняли директоров и делали попытки взять управление шахтами в свои руки, причем, как отмечали промышленники в своем меморандуме правительству, рабочие действовали организованно, стремясь подражать «русскому образцу»¹. В эти же дни произошли забастовки в Бремене и Гамбурге. В начале мая в ответ на протест рабочего Совета Лейпцига против осадного положения в город вступили карательные войска генерала Меркера. В конце мая вспыхнула генеральная забастовка рабочих в Кёнигсберге, буржуазия объявила «контрзабастовку».

В июне серьезные столкновения рабочих с войсками произошли в Мангейме². В Гамбурге вооруженные отряды буржуазии, возникшие при покровительстве социал-демократического коменданта Лампля, 24 июня внезапно захватили ратушу, но трудящиеся города, взявшись за оружие, после упорных боев разоружили их и заставили капитулировать. Шейдемановское правительство бросило против рабочих 9-ю бригаду рейхсвера, однако рабочие окружили войска и заставили их сложить оружие. Тогда Носке поручил операцию «африканскому» корпусу Леттов-Форбека, потребовав от него быстрых и решительных действий. 1 июля войска, насчитывавшие около 10 тыс. солдат при 30 орудиях, окружили Гамбург и, используя бронепоезда, броневики и танки, вступили в город. Было введено осадное положение, начались массовые обыски и аресты³.

24 июня начали забастовку, выдвинув ряд экономических требований, 25 тыс. железнодорожников берлинского узла. К ним присоединились, несмотря на угрозы Носке, железнодорожники Средней Германии и других областей. Для подавления забастовки были использованы войска гвардейского кавалерийского (стрелкового) корпуса, занявшие ряд станций и принудившие железнодорожников возобновить работу⁴. В июле бастовали металлурги в

¹ См. *C. Severing. Im Wetter- und Watterwinkel. Bielefeld 1927, S. 49.* Палач рурских рабочих Зеверинг специально выезжал в Катовицы для «инструктажа» своего коллеги социал-демократа Гёрзинга относительно методов удушения стачечного движения.

² «Darstellungen...», Bd. V, S. 101.

³ См. «Die Freiheit», 26., 27., 28, 30. VI. 1919; «Darstellungen...», Bd. VI, S. 132—133.

⁴ Там же, стр. 125.

Бреслау, по крупным городам прокатилась волна голодных бунтов. Борьбу за свои права вели чиновники, банковские и торговые служащие.

Под влиянием борьбы промышленного пролетариата начала постепенно просыпаться и деревня. Среди части сельскохозяйственных рабочих округа Магдебург, Западной Пруссии и других областей развернулось движение за повышение зарплаты. В некоторых районах Вюртемберга и Верхней Силезии мелкие крестьяне выдвинули требования передачи общинам крупных имений дворянства, но, не получив поддержки со стороны рабочих, эти требования заглохли¹. Правда, компартия создала в Силезии «Коммунистический союз сельхозрабочих, мелких крестьян и садоводов», но этого было недостаточно².

В то же время юнкерская реакция все более нагнала. Еще в марте лидер аграриев Ольденбург-Янушау выступил с требованием «права забастовок» для помещиков, что даже «Vorwärts» не мог охарактеризовать иначе, как перспективу «голодной блокады» со стороны юнкеров³. В середине мая войска генерала фон дер Липпа ворвались в Штеттин, ввели осадное положение, провели аресты и обыски. Осадное положение было вскоре распространено на Штаргард, сельские районы Рандов, Грейфенгаген, Наугард, Уккермюнде и другие⁴. Убедившись в своей полной безнаказанности, померанские юнкеры в июле начали наступление против сельскохозяйственного пролетариата. В ответ на весьма скромные требования батраков о повышении зарплаты «герой» Мюнхена — генерал Овен, по сговору с юнкерами, ввел осадное положение в Померании и объявил принудительную трудовую повинность.

¹ «Die Rote Fahne», 20. IV. 1919.

² В июле 1919 г. в журнале «Die Internationale» была опубликована аграрная программа КППГ, которая, однако, все еще имела ряд серьезных недостатков. Она, правда, не говорила уже об отчуждении собственности средних крестьян, но и не предусматривала наделения земель мелких крестьян. — «Die Internationale», 1919, Nr. 7-8, S. 10—15. В. И. Ленин на полях брошюры с текстом аграрной программы, в том месте, где давалась характеристика крупных и мелких сельскохозяйственных предприятий, сделал пометку: «Крестьянин-середняк? отсутствует». — Ленинский сборник XXIV, стр. 214—215.

³ «Vorwärts», 10. III. 1919. Abend-Ausgabe.

⁴ «Darstellungen...», Bd. VI, S. 127—128.

Только генеральная забастовка рабочих Штеттина, Штральзунда и других городов заставила отменить этот провокационный приказ¹.

* *
*

Борьба немецких трудящихся летом 1919 г. после падения Баварской Советской республики, несмотря на ожесточенность отдельных столкновений, свидетельствовала в целом о начавшемся спаде революционной активности масс.

В кровавых боях первой половины 1919 г. контрреволюции удалось в разных частях Германии нанести революционному авангарду пролетариата тяжелые удары. Коммунистическая партия, потеряв своих лучших вождей и тысячи передовых борцов, загнанная в подполье и подвергшаяся жестоким репрессиям, не смогла еще в это время стать организующим центром массовой революционной борьбы². Руководители партии независимцев, в том числе и левые, не скупясь на революционные фразы, на деле на каждом шагу предавали рабочих, вступали в переговоры с палачами и душителями, чтобы после очередного поражения фарисейски воскликнуть: «Не следовало братья за оружие!»

Правым социал-демократическим лидерам удалось расколоть и дезорганизовать ряды пролетариата, сгруппировать вокруг себя все силы реакции, объединенные ненавистью к народу. Американские и английские агенты, безусловно компетентные в этом вопросе, в один голос утверждали, что социал-демократия смогла удержать в своих руках государственную власть лишь «с помощью твердой военной организации», перебив на улицах городов несколько тысяч рабочих. Эти агенты в свою очередь усиленно рекомендовали перенести в Германию американ-

¹ «Der Syndikalist», 26. VII. 1919.

² Коммунистическая партия в 1919 г. насчитывала несколько десятков тысяч членов. Многие ее партийные организации были неоформленными, членские взносы не собирались. В то же время, несмотря на труднейшие условия, партия вела большую пропагандистскую работу: за период с ноября 1918 г. по июнь 1919 г. только Центральным Комитетом было выпущено почти 5,5 млн. экземпляров листовок, около 1 млн. экземпляров брошюр и т. д. — См. «Bericht über den 2. Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschland (Spartakusbund)», S. 27—28.

ский опыт линчевания революционеров и применять, как цинично выражались Дрезел и Осборн, «последовательное устранение («the gradual elimination»)» революционных вождей¹.

Наряду с кровавым террором, провокациями и убийствами германская буржуазия и ее социал-демократическая агентура сумели использовать в это время для противодействия революционному движению также и экономические факторы.

Над германскими рабочими со времени окончания войны все время висели две угрозы: голод и безработица. Отвергнув братскую помощь продовольствием, предложенную трудящимися Советской России, правительство Эберта и К^о, по меткому выражению газеты «Die Rote Fahne», «вручило американским империалистам бич голода для борьбы против революции»².

Только после мартовского разгрома берлинских рабочих, удушения стачек в Средней Германии и в Руре стало прибывать в Германию американское продовольствие. За пять месяцев, с конца марта до конца августа 1919 года, было поставлено несколько более 1 млн. т продовольствия³. Эта цифра может показаться значительной, если не учитывать, что в 1913 году Германия при вдвое большем собственном урожае ввезла из-за границы более 30 млн. т продовольствия, в том числе 28,6 млн. т зерна. Даже американские эмиссары признавали, что американское продовольствие, несмотря на поднятую вокруг него огромную шумиху, могло «лишь содействовать поддержанию до осени нынешних голодных рационов» и, трудно сказать, насколько оно явится «стабилизирующим фактором в

¹ PPS, v. XII, p. 107, 109. Совместный отчет Дрезела и Литгоу Осборна, Париж 10. V. 1919.

² «Die Rote Fahne», 28. XI. 1918.

Президент Вильсон и Ллойд-Джордж говорили об этом открыто. Так, Вильсон в январе 1919 года указывал в послании конгрессу: «Большевизм все более распространяется к западу и отравил Германию. Не вооруженной силой, а продовольственной помощью можно предотвратить его дальнейший рост». — «Известия ВЦИК», 25. I. 1919. Ллойд-Джордж и Гувер 8 марта на заседании Высшего военного совета в Париже настаивали на посылке продовольствия в Германию как средстве предотвращения революционной опасности. — PPS, v. IV, p. 279—281.

³ См. R. Lutz, The German Revolution 1918/1919, California 1922, p. 117—118; Bane & Lutz, Organisation of American Relief in Europe 1918—1919, Stanford 1943, p. 714.

политической ситуации». Дрезел отмечал одновременно, что американские поставки вызвали общий рост цен и усиление спекуляции¹.

Цены, установленные на американское продовольствие, были в 3—4 раза, а па сало и жир даже в 10 раз выше внутригерманских². Немецкий экономист социал-демократ Г. Кунов еще в ноябре 1918 года, указывая на возможность получения продовольствия из Америки, отмечал, что цены на зерно в Нью-Йорке значительно выше довоенных. «Даже, если для Германии будет возможно получить американский хлеб, — писал он, — ей придется платить за него огромные цены, гораздо более высокие, чем нынешние максимальные германские цены. Именно эта цель (сохранение высоких цен в Америке. — Я. Д.), а не человеколюбие или этические соображения, побуждает известные капиталистические круги с удовлетворением воспринять обещание Вильсона... В этих деловых кругах надеются... избежать снижения цен, а возможно, даже достичь повышения их...»³ Эти соображения целиком подтвердились. Член американской миссии в Париже Г. Уайт в письме министру финансов в январе 1919 года указывал: «Кроме того, что это остановит большевизм, я считаю, что в США имеются значительные излишки продовольствия... Необходимо... предотвратить серьезное падение цен и острый торговый кризис...»⁴

Германские аграрии немедленно воспользовались «благоприятной ситуацией» и в свою очередь также стали вздувать цены на продовольствие, что привело к общему и весьма значительному удорожанию жизни. Рост дороговизны вызвал такое возмущение трудящихся, что правительство оказалось вынужденным выплачивать дотацию для частичного удешевления заокеанских продуктов. Выделенные для этой цели 1,5 млрд. марок, разумеется, в свою очередь извлекались из карманов трудящихся посредством налогов⁵. Если добавить к этому, что в обмен на продовольственные поставки Германии пришлось

¹ PRC, v. XII, p. 93. Записка Дрезела, 2. V. 1919; p. 115. Совместный отчет Дрезела и Осборна, 10. V. 1919.

² См. «Die Freiheit», 5. IV. 1919. Morgen-Ausgabe.

³ «Neue Zeit», Nr. 9. 29. XI. 1918.

⁴ PRC, v. II, p. 711. Уайт—Лоджу. 8. I. 1919.

⁵ «Die Freiheit», 17. III. 1919. Morgen-Ausgabe; 5. IV. 1919. Morgen-Ausgabe; 28. VI. 1919. Abend-Ausgabe.

выдать союзникам большую часть своего торгового флота и внести вперед значительную сумму золота, то станет очевидным, что широко разрекламированная американская «помощь» обошлась немецкому народу недешево.

Отвлечению трудящихся Германии от продолжения революционной борьбы в значительной мере способствовал также начавшийся в середине 1919 г. некоторый экономический подъем. Промышленность почти целиком поглотила демобилизованных солдат, количество безработных стало снижаться и вскоре достигло «нормальной» довоенной нормы¹. Заработная плата, хотя и не могла догнать цены на предметы потребления, все же поднималась вверх, создавая мираж экономических завоеваний². Лишь позднее выяснилось, что экономический подъем носил иллюзорный и спекулятивный характер. В 1920 г. он сменился острым кризисом и чудовищной инфляцией, тяжело поразившей германскую экономику.

В том, что германским правящим классам удалось в середине 1919 г. добиться ослабления революционной активности масс, известную роль сыграла и та разнузданная пропаганда, разжигавшая шовинизм и реваншистские настроения, которая была развернута буржуазными партиями и социал-демократией в связи с вопросом о подписании Германией Версальского мирного договора. Определенное значение имело и широкое распространение конституционных иллюзий, связанное с обсуждением и принятием Национальным собранием Веймарской конституции.

¹ Количество безработных, получавших пособие, составляло в июне 1919 г. 620 тыс. против 1 076 тыс. на 1 февраля 1919 г. Это снижение было достигнуто в значительной мере путем установления принудительного труда для демобилизованных. — См. *R. Seidel, Die Gewerkschaftsbewegung in Deutschland, Amsterdam 1927, S. 140—141.*

² Номинальная средняя зарплата, например, рурского горняка составляла в 1919 году 340% довоенной, но цены на важнейшие продукты выросли за это время не менее, чем в 4 раза. — См. *Ю. Кучинский, История условий труда в Германии, стр. 247.*

**ГЕРМАНИЯ И ВЕРСАЛЬСКИЙ
МИРНЫЙ ДОГОВОР**

ПАРИЖСКАЯ МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Накануне того дня, когда в Германии были проведены выборы в Национальное собрание, 18 января 1919 г., в Париже в торжественной обстановке начала свою работу мирная конференция. 27 держав-победительниц были представлены на конференции более чем тысячью делегатов. Конференция открылась в Зеркальном зале Версальского дворца, где за 48 лет до этого, после победы Пруссии и ее союзников над Францией, было провозглашено создание Германской империи.

На Парижской мирной конференции отсутствовали не только страны, потерпевшие поражение в войне, но и Советские республики, против которых державы Антанты и США развернули вооруженную интервенцию. И хотя официально главной целью конференции была выработка условий мирного договора с Германией и ее союзниками в войне, так называемый «русский вопрос» нередко отодвигал на второй план другие вопросы.

Страх перед мощной волной революционного подъема, охватившего страны Европы после Великого Октября, все время витал над головами делегатов империалистических держав, задавшихся целью перекроить послевоенный мир в соответствии со своими интересами. Разрабатывая условия мира с Германией, империалистические державы прежде всего стремились превратить Германию в оплот борьбы против «большевизма» в центре Европы. Недаром Ллойд-Джордж видел главную опасность для капитали-

стического мира в том, что революционная Россия и революционная Германия могут объединить свои силы. В так называемом «Меморандуме из Фонтенбло», адресованном Парижской мирной конференции, Ллойд-Джордж писал в марте 1919 г.: «Величайшая опасность, которую я вижу в настоящей ситуации, заключается в том, что Германия может соединить свою судьбу с судьбой большевиков, предоставить свои материальные ресурсы, свои умственные и организаторские способности в распоряжение этих революционных фанатиков... Если это случится, вся Европа будет ввергнута в водоворот большевистской революции»¹.

Но «социалистические» правители Германии, придя к власти, сделали все от них зависящее, чтобы сорвать сближение с Советской Россией. Подавляя революционное движение в своей стране и участвуя в империалистической интервенции против народов Прибалтики, руководители германской политики сами способствовали тому, что главный козырь их дипломатии — «угроза большевизма», — широко использованный ими в первые месяцы Ноябрьской революции, утрачивал свое значение, хотя и продолжал еще играть немаловажную роль. Чем дальше, тем больше германские дипломаты уповали на обострение противоречий в лагере победителей, рассчитывая добиться улучшения условий мира прежде всего при помощи США. Еще в конце ноября 1918 г. посланник США в Голландии Гаррет доносил Лансингу, что «цель германской пропаганды — вбить клин между США и союзниками. Печать доказывает, что США и Германия — единственные поборники свободы морей, и особенно, что США будут в меньшинстве на мирной конференции...»² Вальтер Ратенау в интимной беседе с Дрезелом в начале января 1919 г. внушал ему, что в интересах Америки — сохранение в центре Европы экономически сильной Германии. «Будущая Германия, — говорил он, — это единственная страна, на чью дружбу Америка может положиться. Англия может быть другом на время, а дружественные отношения с Францией не могут быть постоянными...» Он призывал Америку проявить настойчивость

¹ D. Lloyd George, *The Truth about the Peace Treaties*, v. I, London 1938, p. 407—408.

² PFC, v. II, p. 105. Гаррет — Лансингу, 30. XI. 1918.

и решительность, чтобы помешать «уничтожению Германии»¹.

Хотя переговоры в Париже были окружены большой тайной, германские правители и дипломаты были хорошо осведомлены о всех спорах и разногласиях среди держав-победительниц.

Наиболее суровые требования в отношении Германии выдвигала Франция, войска которой стояли на Рейне. Она настаивала на установлении границы по Рейну, отторжении от Германии всего левобережья и длительной оккупации предместных укреплений на правом берегу Рейна. Путем союза с восточными соседями Германии — Польшей и Чехословакией — и со странами Юго-Восточной Европы Франция стремилась установить свое господство на континенте Европы. Под лозунгом «боши за все заплатят» Франция пыталась не только получить возмещение за нанесенный ей войной ущерб, но и обеспечить себе контроль над экономикой Германии.

Претензии Франции, однако, встречали серьезные возражения в Англии. Добившись сокрушения германского морского могущества, Англия хотела ослабить и экономические позиции Германии, как своего конкурента. Но чрезмерное ослабление Германии и усиление Франции не входило в ее расчеты. Англо-французские интересы сталкивались и в вопросе о дележе германских колоний в Африке и турецких владений на Ближнем Востоке.

Позиция США на мирной конференции определялась их стремлением к установлению своего мирового господства. Превратившись из страны-должника в мирового кредитора, США больше всех выиграли от войны и теперь хотели закрепить и расширить свое влияние. Уже в конце войны Соединенные Штаты активно вмешались в европейскую политику, а президент Вильсон, выдвинув свои пресловутые «14 пунктов», претендовал на роль международного арбитра. США, так же как и Англия, не хотели допустить гегемонии Франции в Европе, но в то же время они старались ослабить и английские позиции, прежде всего подорвать английское морское могущество. Считая, что их растущая экономическая мощь позволит им подчинить Германию своему влиянию, США выступали против ее полного разгрома.

¹ PRC, v. II. p. 157—158. Доклад Дрезела — Грю, 10. I. 1919.

В ходе ожесточенной борьбы, развернувшейся на Парижской конференции между главными державами при обсуждении условий мирного договора, президент Вильсон и государственный секретарь Лансинг энергично возражали против стремления Франции расчленить Германию. Они пытались разрешить присоединение Австрии к Германии, оставить Германии польскую Силезию, отдать Германии Судетскую область. В вопросе о военных ограничениях американские представители отстаивали «возможность самообороны» Германии, стремясь под этим предлогом возродить и укрепить германский милитаризм. Они возражали против привлечения к судебной ответственности виновников войны и военных преступников. При обсуждении вопроса о репарациях американские дипломаты старались добиться уменьшения суммы платежей, предназначенных для их союзников, не забывая, однако, при этом о своих собственных претензиях¹.

В апреле 1919 г. делегация США в Париже решила направить в Германию новую секретную миссию, которая должна была выяснить отношение правящих кругов и населения Германии к условиям мирного договора. Американская миссия, во главе которой был снова поставлен Эллис Дрезел, получила инструкции непосредственно от президента Вильсона.

Появление миссии Дрезела в Берлине вызвало серьезное волнение в германском министерстве иностранных дел. Распространился слух, что разработанные в Париже, но еще не опубликованные условия мира будут столь тяжелыми для Германии, что миссия специально послана вперед для смягчения удара². Пробыв в Берлине с 18 апреля по 3 мая 1919 г., члены миссии имели большое количество неофициальных встреч с влиятельными политическими деятелями и видными промышленниками, в том числе с Носке и почти со всеми лидерами независимцев — Каутским, Бернштейном, Гаазе, Копом, Деймигом и другими³.

¹ См. об этом в работах: *М. Восленский*, Из истории политики США в германском вопросе; *А. Кунина*, Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. Изд. 2-е, М. 1954.

² См. PRC, v. XII, p. 84. Телеграмма Харриса делегации США в Париже. 26. IV. 1919.

³ Тексты интервью с этими лицами в публикации госдепартамента США опущены.

Миссия отнюдь не ограничила свою деятельность только сбором информации. В одной из телеграмм Дрезел прямо писал: «Я всегда считал, что настоящая миссия должна быть чем-то бóльшим, чем простое информационное бюро». Он настаивал на присылке исчерпывающих указаний, в частности по вопросу о том, «какого курса следует придерживаться в дальнейших переговорах»¹. Уже во время своей первой встречи с Брокдорфом-Рантцау Дрезел изложил ему американскую точку зрения. «На протяжении всего разговора, — доносил Дрезел, — я подчеркивал мою уверенность в том, что весь мир заинтересован в экономическом восстановлении Германии и что... мы со своей стороны будем всемерно этому содействовать»².

28 апреля из Берлина в Париж выехала делегация, возглавлявшаяся министром иностранных дел Брокдорфом-Рантцау³. Накануне отъезда Брокдорфа посетил генерал Грёнер и от имени верховного командования настоятельно потребовал, чтобы делегация ни в коем случае не соглашалась на признание Германии виновницей войны и на судебное преследование ответственных военных деятелей, ибо это затруднило бы сохранение армии. Когда поезд делегации следовал через Дуисбург, Брокдорфа посетил представитель военной разведки американских оккупационных войск в Германии полковник Конджер⁴. По-видимому, выражая точку зрения американских руководителей, Конджер советовал Брокдорфу не отвергать на конференции мирного договора.

¹ РРС, в. XII, р. 84. Телеграмма Дрезела Хаузу и Грю, 28.VI. 1919.

² Там же, стр. 83.

³ В числе ее членов и советников были: министр юстиции Ландсберг, министр труда Гизбертс, б. статс-секретарь Симонс, гамбургский банкир Мельхиор, профсоюзный лидер Легин, генерал фон Сект и др.

⁴ О свидании Брокдорфа с Конджером см. *К. Новак*, Версаль. М.—Л. 1930, стр. 129—130. Выяснению роли полковника Конджера, которая была очень значительной, посвящена статья Ф. Эпштейна, бывшего в 1946—1948 годах членом американской группы по изучению трофейных германских документов. Статья написана на основе документов, частично опубликованных в РРС, в. XII, а отчасти до настоящего времени не публиковавшихся. — *F. Epstein, Zwischen Compiègne und Versailles. Geheime amerikanische Militärdiplomatie in der Periode des Waffenstillstandes 1918/19. Die Rolle des Obersten Arthur L. Conger.* — «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1955, Nr. 4.

Германская делегация прибыла в Версаль 30 апреля, но оказалось, что было еще слишком рано. Ей пришлось дожидаться целую неделю, пока участники конференции заканчивали согласование текста мирного договора. Тем временем в Германии, где белогвардейские банды Носке топили в крови Баварскую Советскую республику, вся буржуазная и социал-демократическая печать развернула кампанию против подписания «насильственного мира». При этом с явной целью шапталжа Антанты даже злейшие враги Советской России стали охотно разглаживать о возможности союза с ней.

Так, например, главный редактор «Vorwärts» Ф. Штампфер в передовой статье, озаглавленной «Последнее средство», еще в конце марта писал: «Со времени событий в Венгрии у нас на всех углах и перекрестках говорят: в Германии это тоже еще предстоит..., социал-демократы сговорятся со своими врагами...» И дальше: «Это — крайнее средство, с которым Антанта должна считаться, навязывая нам мир»¹. Лидер партии центра Шпан, выступая 14 апреля в Национальном собрании, говорил: «Совет четырех, обсуждающий сейчас в Париже то бремя, которое будет возложено на нас, не должен забывать, что, чем сильнее будет придавлен немецкий народ, тем сильнее будет проявляться общность интересов между нами и Россией (оживленное одобрение на скамьях центра). В конечном счете в этой коалиции может возродиться для наших врагов серьезный противник»².

Тайный смысл этой шовинистической кампании метко определил буржуазный журналист Максимилиан Гарден

¹ «Vorwärts», 24. III. 1919. Abend-Ausgabe.

² VDNV, Bd. 326, S. 681. Смысл этой политики не был тайной для иностранных наблюдателей. Американский эмиссар Герарди писал еще в феврале: «Козырная карта, которую это правительство рассчитывает использовать в своих отношениях с мирной конференцией, та, что, если их требования не будут приняты во внимание, страну получают большевики. На это обстоятельство я уже раньше ссылался, но большевизм не имеет ничего общего с вопросом о колониях или с требованием о границах... Возбуждение некоторыми вождями волнений среди масс в связи с территориальными вопросами и их заявления, что, если эти требования не будут выполнены, страна пойдет к большевизму, представляют собой неоправданную и опасную игру. Это отзывается довосными и военными методами Германии». — PPS, v. XII, p. 13. Донесение Герарди, 11. II. 1919.

в журнале «Die Zukunft». Буржуазия боится коммунизма, отмечал он, и ищет выхода в национализме. Социал-демократы тоже надеются, что «ветер нового национализма» спасет их от гнева революционных рабочих: «Национализм должен спасти их от коммунизма..., создать народное возбуждение, которое позволит им и дальше, еще очень долго удерживать выгодные и льстящие самолюбию позиции власти при помощи грубых средств осадного положения и пулеметов... Искусственное бешенство, с которым вопят о проекте мирного договора, должно... заострить меч контрреволюции»¹.

Дрезел и член миссии Осборн, как раз в это время изучавшие реакцию германской общественности на условия мира, в своем отчете президенту Вильсону отмечали, что германское правительство своими выступлениями против подписания мира преследует только агитационные цели. Они указывали, что, как им было строго конфиденциально сообщено авторитетными лицами, дальше демонстраций дело не пойдет и «отклонение условий мира ни в коем случае не будет сопровождаться военным восстанием. Более вероятно, что будет объявлена серия забастовок...»²

Только националистически-юнкерские и военные круги и некоторая часть крестьянства, зараженная шовинистическими идеями, сообщали Дрезел и Осборн, действительно настроены против подписания мира. Рабочие, а также балкиры и «капитаны промышленности» требуют принятия условий. Возможно при этом, что «финансовые и экономические советники правительства, действуя в контакте с капитанами промышленности и крупными финансистами, могут рекомендовать подписание, исходя из соображений, что условия практически приемлемы для экономического восстановления Германии и что эти соображения перевесят все другие, включая и территориальные потери»³.

¹ Цит. по «Die Freiheit», 24. V. 1919. Abend-Ausgabe.

² PPS, v. XII, p. 112. Совместный отчет Дрезела и Осборна, 10. V. 1919.

³ PPS, v. XII, p. 111, 105. Дрезел писал 3 мая: «Сомнительно, чтобы шум был серьезным, и наверно правительство в конечном счете подпишет, особенно, если ему удастся спасти свое «лицо». — Там же, стр. 89.

Американские эмиссары, отмечая растущую непопулярность правительства в народе, указывали на то, что оно держится главным образом на штыках Носке и обязательно падет, если откажется подписать мир. Характеризуя его, они, не стесняясь в выражениях, называли его «совершенно бесчестным», слабым, оппортунистическим, состоящим из «пассивных псевдосоциалистов, еще более пассивных псевдодемократов и из лиц, претендующих основывать свой демократизм на католицизме»; указывали, что оно скомпрометировало себя в глазах народа недостаточной социалистической направленностью, что оно «зависит от милитаристов старого мира и от финансовой помощи крупной промышленности» и т. д. и т. п.¹

В то же время Дрезел и Осборн объявляли правительство веймарской коалиции «меньшим злом» и, пренебрегая всякой логикой, тут же называли его «серьезно демократическим», призывая оказать ему самую серьезную поддержку. Они утверждали, что в противном случае к власти может прийти левое правительство, состоящее из лидеров «независимых», возможно, и с участием коммунистов. Осборн, настаивая на оказании существующему правительству всесторонней помощи займами, сырьем, продовольствием, моральной поддержкой, писал: «Социалистическое правительство, повернувшись к России, получая от нее моральную поддержку и имея надежду на большевистскую материальную помощь, могло бы существовать и без активного сотрудничества с нами. Однако никакое несоциалистическое правительство не может существовать здесь без нашей поддержки»². Это красноречивое признание не нуждается в дополнительных комментариях.

Американские эмиссары, проинструктированные президентом Вильсоном, рекомендовали германскому правительству подписать мирный договор. Они давали ясно понять, что подписание не означает еще выполнения, и обещали помощь США в возрождении военно-экономической мощи Германии и в последующей ревизии мирных условий³. Эта поддержка американцев ободряла германских

¹ PPS, v. XII, p. 96, 97, 101, 122—123.

² Там же, стр. 101. Меморандум Осборна, 30. IV. 1919.

³ Осборн писал в своем меморандуме, что наиболее вероятным является следующее развитие событий: «Принятие ныншним правительством мирных условий без проведения народного опроса

правителей как в их поведении на Парижской конференции, так и в стремлении еще больше накалить атмосферу в стране и разжечь шовинистические настроения.

7 мая германская делегация была, наконец, вызвана в Трианонский дворец. В краткой вступительной речи Клемансо заявил: «Час расплаты настал. Вы просили нас о мире. Мы согласны предоставить его вам. Мы передаем вам книгу мира»¹. Брокдорфу-Раптцау был вручен текст мирного договора. В своей ответной речи, которую глава германской делегации демонстративно произнес сидя, Брокдорф-Раптцау заявил: «Мы не обманываемся относительно масштаба нашего поражения, степени нашего бессилия... От нас требуют, чтобы мы признали себя единственными виновниками войны. Подобное признание в моих устах было бы ложью»². Соглашаясь на восстановление разрушений в Бельгии и Северной Франции, Брокдорф-Раптцау протестовал против чрезмерных репараций, угрожая, что в этом случае неизбежен «невообразимый хаос во всей экономической жизни Европы»³.

Для подготовки письменного ответа немцам было предоставлено 15 дней. Немедленно развернулась «ночная война». Уже через два дня Брокдорф-Раптцау в ноте, адресованной Клемансо, заявил, что проект союзников не соответствует «14 пунктам» президента Вильсона, содержит невыносимые и просто невыполнимые требования. Клемансо лаконично ответил, что союзники отвергают обсуждение принципов и согласны принять во внимание только «практические замечания».

Когда в Германии стали известны условия договора, здесь были организованы выступления протеста. Депутатов Национального собрания вызвали из Веймара в Берлин на чрезвычайное заседание. 12 мая в актовом зале Берлинского университета пленум Национального собрания демонстративно отклонил условия мирного договора. «Пусть отсохнет рука, которая подпишет такой

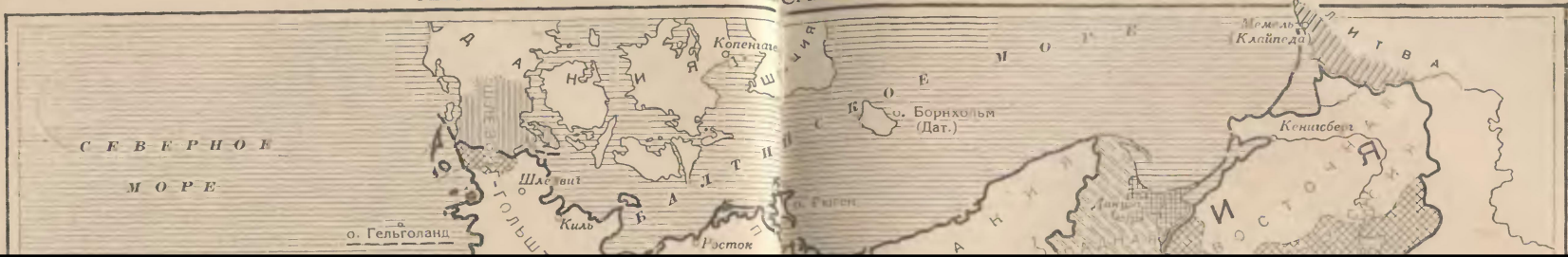
с тайным намерением не выполнять их; союз правительства с националистическими элементами на основе политики реванша при растущей оппозиции слева». — РРС, v. XII, p. 101. В таком же духе высказывался в своих беседах с немецкими деятелями и полковник Коенджер. — См. *F. Epstein, Zwischen Compiègne und Versailles*, S. 426—427.

¹ *К. Новак*, Версаль, стр. 153.

² Там же, стр. 156.

³ Там же, стр. 157—158.

ТЕРРИТОРИЯ ГЕРМАНИИ ПО ВЕССАЛЬСКОМУ МИРНОМУ ДОГОВОРУ

договор», — провозгласил с трибуны премьер Шейдеман¹. В этот же день состоялась демонстрация, на которой с речами выступили президент Эберт, Шейдеман и другие члены правительства. В стране была объявлена неделя национального траура, на несколько дней закрылась биржа.

То, что Германия оказалась перед необходимостью подписать тяжелые условия мира, разработанные державами-победительницами, было прямым следствием того политического курса на соглашение с империалистами против революционного народа своей страны и против сближения с Советской Россией, который был принят правительством Эберта — Шейдемана при поддержке Гаазе — Каутского уже с первых дней Ноябрьской революции. Коммунистическая партия Германии неизменно подчеркивала, что это правительство может рассчитывать только на империалистический мир, подобный навязанному самими немецкими империалистами Советской России Брестскому миру. «Капиталисты Антанты, — писала «Die Rote Fahne», — не знают сентиментальностей. Они используют одержанную победу до последнего... Они хотят опрабить капиталистическую Германию до рубашки и сделают это». Разоблачая гибельность для Германии антисоветского курса Эберта — Шейдемана, газета отмечала: «Они надеялись, что благодаря этому будут приняты милостиво в лагере мировой реакции, мирового капитализма, Антанты. И они проделали опыт, который однажды проделал уже Иуда, когда он после совершенной им измены снова вернулся к фарисеям: он получил заслуженный пинок...»²

Характеризуя ожесточенные споры — подписать или нет, — «Die Rote Fahne» указывала, что «отказ от подписи под пактом победоносного империализма Антанты лишь тогда имел бы смысл, если бы он одновременно был подписью под договором о дружбе с пролетарской революцией на Востоке». Отказ от подписи должен означать революционную оборону страны, но такая оборона

¹ VDNV, Bd. 326, S. 100. На заседании правительства было заранее обусловлено, что в речи Шейдемана слово «неприемлем» будет относиться не к договору вообще, а только к данному варианту договора. Однако этот «нюанс» остался незамеченным. — *M. Erzberger*, *Erlebnisse im Weltkrieg*, S. 368—369, 374.

² «Die Rote Fahne», 13. II. 1919.

была бы возможна лишь в том случае, если бы у власти стояло действительно народное правительство. Со стороны же правительства кровавых палачей немецких рабочих и принятие мира и отказ от него имеют одинаково роковое значение для германского народа. «Отказ эбертовского правительства от подписи выдаст безоружную и лишенную друзей нацию безграничной мести буржуазии Антанты. Подпись, поставленная им, обречет народ на более медленную, но тем более мучительную гибель под двойным гнетом эксплуатации своего собственного и иностранного капитала»¹.

Демонстративно заявив об отказе подписать условия мира, германские правящие круги развернули за кулисами энергичную деятельность, рассчитанную на смягчение отдельных положений договора. Особенно кипучую активность проявлял Эрцбергер. В середине мая он пригласил в Берлин американского полковника Конджера и во время беседы, состоявшейся 17 мая, старательно выспрашивал его о позиции президента Вильсона, о намерениях французов и т. п. Очевидно, чтобы оказать известное давление на американцев, Эрцбергер сообщил Конджеру, что установил контакт также с английскими и французскими офицерами. Конджер указал Эрцбергеру, что без помощи Вильсона Германия не получила бы левого берега Рейна, на отторжении которого настаивали французы. Вместе с тем он подчеркивал, что Германия может рассчитывать на то, что в дальнейшем мирный договор будет получать все более «либеральное толкование»².

Во время своего пребывания в Берлине Конджер и его спутники имели встречи также с видными немецкими дипломатами — Бернсторфом, Лапгвертом и Г. Дельбрюком, которые немедленно сообщили о своих беседах Брокдорфу-Рантцау в Париж. Американский майор Хинротин откровенно объяснил Лапгверту, почему Германия может рассчитывать на то, что в последующем условия мирного договора будут смягчены. «Во Франции, — сказал он, — очень озабочены Россией. Думают о трех армиях, кото-

¹ «Die Rote Fahne», 30. IV. 1919. В таком же духе характеризовали Версальский мир и задачи рабочего класса опубликованные в мае 1919 г. тезисы КПГ — «Leitsätze über den Frieden».

² РРС, v. XII, p. 125—126. Меморандум полковника Конджера, 20. V. 1919; F. Epstein, Zwischen Compiègne und Versailles, S. 430—433.

рые могут ей противостоять: Америка находится, однако, очень далеко; Польша является только занавесом; зато Германия может сыграть важнейшую роль. Поэтому и Франция вынуждена будет при осуществлении условий мира влить много воды в свое вино, чтобы Германия была в состоянии служить защитным валом против России»¹.

19 мая состоялось второе свидание Эрцбергера с Конджером и Хинротингом. Эрцбергер, являвшийся сторонником подписания мира, заявил американским офицерам, что «выкладывает все карты на стол», и просил содействия американцев в смягчении ряда условий договора. Так, он настаивал, чтобы Германии была сохранена армия по крайней мере в 350 тысяч, предлагал Франции взамен Саара поставки 20 млн. т угля в год, просил оставить Германии хоть часть колоний и торгового флота и т. п. Вместе с тем он откровенно дал понять, что Германия готова подписать мирный договор, однако «это потребует определенной маскировки»².

20 мая в штаб американских оккупационных войск в Трире прибыл специальный посланец генерала Грэнера майор Крёгер. В беседе с Конджером Крёгер старался убедить американца, что 100-тысячная армия недостаточна в нынешнем положении даже для того, чтобы справиться с «внутренними врагами». Для «восстановления порядка» в Мюнхене, говорил он, понадобилось 40 тыс. войск, 60 тыс. — для «сохранения порядка» в Берлине. Он сообщил, что, по подсчетам Рейшгардта, Носке и других заинтересованных лиц, количество необходимых боевых войск всех родов (не считая вспомогательных) колеблется между 200 и 300 тысячами. Эти утверждения встретили сочувствие у американских офицеров³.

29 мая Брокдорф-Рантцау передал Клемансо германские контрпредложения. В нем указывалось, что требования договора «обрекают германский народ на длительное рабство... Целый народ должен подписать свое

¹ Ф. Эпштейн приводит тексты телеграммы Бернсторфа и двух писем Лангверта Брокдорфу, а также запись Г. Дельбрюка. — *F. Epstein, Zwischen Compiègne und Versailles*, S. 436, 438.

² PRC, v. XII, стр. 133—134. Меморандум майора Хинротина, 20. V. 1919.

³ PRC, v. XII, р. 130—131. Меморандум полковника Конджера, 20. V. 1919.

собственное объявление вне закона, свой смертный приговор». Правительство соглашалось теперь на 100-тысячную армию, но требовало приятия Германии в Лигу наций. Оно требовало плебисцита в Эльзасе и Лотарингии, в Шлезвиге, а также в Австрии и Богемии. Оно выражало готовность передать Польше часть Познани и предоставить ей выход к морю. Германия принимала передачу своих колоний Лиге наций при условии предоставления и ей также права на получение мандатов. Она была согласна отдать часть торгового флота, поставлять уголь и другие материалы, но настаивала на ограничении репараций¹.

В это время в Рейнской области и в Пфальце снова подняли голову сепаратисты. 1 июня в Кёльне была провозглашена «Рейпская республика». За ней последовала попытка провозгласить «независимость» Пфальца. Сепаратистское движение состояло не из одних деклассированных элементов, подкупленных на иностранные деньги, как это пыталась изобразить официальная пресса. Это движение вдохновляли и поддерживали не только французские генералы Манжен и Жерард, но и весьма влиятельные представители крупнейших германских монополий и банков, к числу которых принадлежали банкиры фон Штейн, Луи Гаген, а также Стиннес и Тиссен².

Магнаты Рейнско-Вестфальской области готовы были перейти под покровительство Франции, чтобы спасти свою собственность от посягательств со стороны революционного народа и уклониться от ограничений, налагавшихся Версальским договором. Германский капитал снова показал, что не признает национальных интересов и что истинное его «отечество» там, где он имеет возможность получить максимальную прибыль. Однако рейнским и пфальцским сепаратистам и их покровителям не удалось осуществить своих планов национальной измены. Против них решительно поднялся рабочий класс. Массовые забастовки и митинги протеста показали сепаратистам, что народ глубоко враждебен их планам и готов сорвать все их происки. Франция также не смогла оказать им обещан-

¹ См. *F. Stampfer*, *Die ersten 14 Jahre.*, S. 121.

² Среди видных сепаратистов, тесно связанных с французскими империалистами, был и тогдашний обер-бургомистр Кёльна Конрад Аденауэр, нынешний канцлер Федеративной Республики Германии.

ной помощи, так как США и Англия, не желавшие содействовать усилению ее позиций за счет Германии, заставили Францию прекратить открытую поддержку германских сепаратистов.

Показательно, что правительство Германии и Национальное собрание, всячески разжигавшие в это время националистические настроения в стране, не подумали о привлечении рейнских сепаратистов и их вдохновителей к ответственности за национальную и государственную измену, а ограничили лишь принятием общей декларации против «раскольников»¹. Зато вовлечение в активную политическую борьбу широких народных масс не на шутку встревожило правящие круги. План проведения референдума по вопросу о подписании условий мира был окончательно отброшен. Шовинистическая пропаганда была заметно ослаблена².

В начале июня американское бюро печати в сообщении по Лионскому радио отмечало, что германское правительство изменило курс, заменив резкое «не подпишем» более умеренным «мы желаем подписать, если вы дадите нам эту возможность путем надлежащих уступок». «Очевидно, — добавляло американское сообщение, — что правительство страстно надеется склонить Антанту хоть на небольшие дальнейшие уступки, чтобы получить возможность подписать договор и избежать мятежа, который иначе является неотвратимым»³.

16 июня Германии был вручен окончательный текст мирного договора. Он содержал лишь незначительные изменения по сравнению с первоначальным. В ноте Антанты подчеркивалось, что договор «должен быть принят или отвергнут в том виде, в каком он изложен сегодня». Брокдорф-Рантцау вернулся в Берлин. Последовавшая

¹ Правительству было известно, что и гамбургские промышленники и коммерсанты раздумывали в это время над тем, не следует ли им поставить Гамбург под английский протекторат. — *M. Erzberger, Erlebnisse im Weltkrieg, S. 377.*

² В конце мая Эрцбергер представил членам кабинета меморандум, в котором обосновывал свою точку зрения о необходимости подписания договора. Среди аргументов, которые он выдвигал, было и указание на то, что в противном случае грозит «свержение правительства и замена его правительством независимых и коммунистов». — Там же, стр. 371—373.

³ См. «Правда», 13. VI. 1919.

борьба в правительстве, прессе и Национальном собрании вокруг вопроса подписать или не подписывать носила весьма бурный характер. Однако по сути дела вопрос был уже решен, тем более что верховное командование заявило о неспособности армии сопротивляться. Дело шло, таким образом, лишь о том, кто согласится принять на себя ответственность за подписание и связанные с ним последствия.

Ввиду разногласий в кабинете правительство Шейдемана 20 июня подало в отставку. Но социал-демократические лидеры вовсе не намерены были выпустить из своих рук правительственную власть. Они хотели лишь как-нибудь прикрыть посредством смены лиц свою политику предательства национальных интересов немецкого народа, приведшую к тяжелейшим последствиям для трудящихся масс. Новое правительство, состоявшее из социал-демократов и представителей партии центра, возглавил социал-демократ Бауэр¹.

22 июня Национальное собрание в Веймаре высказалось за подписание договора при условии исключения из него статей о виновности Германии за мировую войну и выдаче военных преступников международному трибуналу. За это решение было подано 237 голосов против 138, воздержалось 5. Как раз в это время были получены сообщения о потоплении офицерами кораблей германского флота у Скапа-Флоу и о сожжении в Берлине захваченных Пруссией в 1870—1871 гг. у Франции боевых знамен. От Клемансо была получена телеграмма: срок ответа истекает менее чем через 24 часа; время обсуждения прошло. На следующий день Национальное собрание голосами социал-демократов, независимцев, части партии центра и немецких демократов согласилось на подписание мира без всяких оговорок. 28 июня в Зеркальном зале Версальского дворца министр иностранных дел Герман Мюллер и министр юстиции Белл поставили под Версальским мирным договором свои подписи².

¹ Министром иностранных дел стал социал-демократ Герман Мюллер, внутренних дел — социал-демократ Давид. Носке и Виссель остались на своих постах. Эрцбергеру достался портфель министра финансов.

² Ратификация мирного договора Национальным собранием состоялась 9 июля 1919 г.

Версальский мирный договор состоял из 440 статей, сгруппированных в 15 разделов. Территориальные статьи договора предусматривали возвращение Германией Франции Эльзаса и Лотарингии, отторгнутых в результате франко-прусской войны 1870—1871 гг. Саарская область на 15 лет передавалась под управление Лиги наций, после чего ее дальнейшую судьбу должен был решить плебисцит. К Бельгии отходили округа Эйпен, Мальмёди и Моренэ. В Шлезвиге был проведен плебисцит, в результате которого северная часть Шлезвига вошла в состав Дании.

На Востоке наиболее сложным был вопрос о польско-германской границе. Державы-победительницы стремились отнюдь не к восстановлению исторической справедливости и возвращению Польше ее исконных земель. Они прежде всего были озабочены тем, чтобы превратить Польшу в государство-буфер между Германией и Советской Россией, в «защитный вал против коммунизма». В состав Польши были включены на западе только некоторые районы Померании и Познани, небольшие части Западной и Восточной Пруссии и Верхней Силезии. При этом по проведенным в 1920—1921 гг. плебисцитам большая часть Верхней Силезии и области Восточной Пруссии были снова возвращены Германии. Чтобы дать Польше выход к морю, был создан так называемый «польский коридор», отделивший Восточную Пруссию от остальной Германии. При этом город Гданьск (Данциг) не был передан Польше, а объявлен «вольным городом» под охраной Лиги наций. Необоснованное проведение польско-германской границы, в результате которого Германия сохранила свыше 100 тыс. кв. км исконных польских земель, было источником неизбежных трений и конфликтов между обеими странами. При этом восточная граница Польши не была определена, что позволило ей захватить непольские земли — Западную Украину и Западную Белоруссию.

Чехословакии были переданы части округов Ратибор и Леобшюц. Область Клайпеды (Мемеля) была поставлена под контроль Лиги наций и лишь в 1923 г. возвращена Литве.

Территориальные положения Версальского договора уменьшили территорию Германии примерно на $\frac{1}{8}$, а на-

селение — почти на $\frac{1}{10}$ часть. Специальной статьей договора было запрещено присоединение к Германии Австрии (так называемый «аншлюс»), посредством которого германские империалисты хотели укрепить свои позиции в Центральной и Юго-Восточной Европе и компенсировать свои территориальные потери¹. Лишив Германию ее колоний, страны-победительницы вовсе не думали о предоставлении колониальным народам свободы. Они рассматривали германские колонии как свою военную добычу и поделили их между собой.

Военные статьи Версальского договора ограничивали вооруженные силы Германии 100-тысячным добровольческим рейхсвером, срок службы в котором был определен в 12 лет для солдат и 25 лет для офицеров. Число офицеров не должно было превышать 4 тыс. Были установлены ограничения для производства ряда видов оружия и военных материалов. Германии запрещалось иметь подводные лодки и авиацию, производить отравляющие вещества. Количество кораблей морского флота было ограничено. Все германские укрепления на западе уничтожались, но сохранялись на юге и востоке. Левый берег Рейна оккупировался войсками Антанты сроком на 15 лет, на правом берегу Рейна создавалась демилитаризованная зона шириной в 50 км. Для наблюдения за выполнением военных условий были образованы межсоюзные контрольные комиссии.

Версальский договор предусматривал привлечение к судебной ответственности лиц, виновных в совершении военных преступлений, а также предание международному трибуналу бывшего кайзера Вильгельма II, виновного «в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров». Эти статьи, однако, никогда не были реализованы.

Экономические условия мирного договора заключались прежде всего в обязанности Германии возместить убытки, понесенные в войне странами Антанты. Общая сумма репараций не была установлена договором. В 1921 г. она была определена в 132 млрд. золотых марок, но впоследствии неоднократно снижалась, и Германия фактически

¹ «Die Rote Fahne» характеризовала «аншлюс» как попытку «подлатать разгромленный австро-венгерский империализм». — См. «Die Rote Fahne», 28. II. 1919.

уплатила лишь небольшую ее часть. В порядке реституций Германия обязана была передать союзникам почти весь торговый флот, часть паровозов и вагонов, поставлять значительное количество угля, красящих веществ и химикатов, сдать большое количество скота. Вся германская собственность и патенты за границей подлежали конфискации. Державы Антанты получали контроль над железно-подорожным и речным транспортом, их авиации предоставлялось право свободы полетов и посадки на территории Германии. Устанавливался режим наибольшего благоприятствования в Германии для судоходства и торговли держав-победительниц, разумеется, без взаимности.

Система репараций, финансовых и экономических обязательств ставила Германию в очень тяжелое положение. Версальский договор был, по выражению В. И. Ленина, договором хищников и разбойников. Это был «неслыханный, грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе самых цивилизованных, ставит в положение рабов»¹.

В то же время Версальская система несколько не затрагивала господствующего положения капиталистических монополий в экономической жизни страны. Магнаты промышленности и банков имели возможность, с одной стороны, в сравнительно короткий срок восстановить военно-экономический потенциал Германии². С другой стороны, ссылаясь на бремя международных обязательств, вытекавших из Версальского договора, они могли перекладывать всю тяжесть платежей на трудящиеся массы.

Версальский мир, будучи миром империалистическим, не только не устранил противоречий между Германией и странами-победительницами и в лагере самих победителей, но еще более обострил их. Он не только не покончил с войной, а превратил ее в постоянную угрозу, висевшую над миром.

¹ В. И. Ленин, Речь на совещании председателей уездных, волостных и сельских Исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г., Соч., т. 31, стр. 301.

² Важную роль в этом играли займы США. Уже в июле 1919 г. Мартин Нордегг по поручению «Дейче банк» заключил в Нью-Йорке соглашение об американском займе на сумму 100 млн. долларов. — См. «Vorwärts», 24. VII. 1919. Morgen-Ausgabe. Через некоторое время в германскую промышленность потекли миллиарды долларов.

Версальский мир являлся одним из источников внутренней борьбы и в самой Германии. Партии веймарской коалиции под предлогом проведения «политики выполнения» санкционировали безудержный грабеж и угнетение капиталистами трудящихся масс, поддерживали наступление предпринимателей и юнкеров на жизненные права народа. В то же время недовольство народных масс и их протесты против двойного бремени — своих и чужеземных капиталистов — ловко использовались империалистическими кругами для систематического саботажа тех положений Версальского договора, которые тормозили восстановление военно-экономического потенциала Германии и подготовку ею реваншистской войны.

ВЕЙМАРСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Уже с первых дней Ноябрьской революции буржуазные и социал-демократические лидеры, ратуя за скорейший созыв Учредительного собрания, объявляли его главной задачей создание новой конституции. Революция смела монархию Гогенцоллернов, а с ней еще более двух десятков королей, князей и герцогов; народ завоевал ряд демократических прав и свобод. Старая конституция перестала существовать. Всеми силами стараясь помешать революционному народу сделать следующий шаг и посягнуть на основы капиталистического строя, социал-демократические правители Германии хотели поскорее покончить с состоянием «бесзакопия» и «анархии» революционных дней. Новая конституция, юридически оформляющая результаты первого этапа революции, должна была, по их мнению, явиться плотиной, способной сдержать дальнейший напор революционных волн.

Прошло, однако, три с половиной месяца, пока Национальное собрание смогло приступить к обсуждению проекта новой конституции, и еще пять с половиной месяцев, пока проект стал законом. Объяснялось это тем, что основное содержание новой конституции определялось не в правительственных кабинетах и Национальном собрании, где шли словесные дуэли между буржуазными политиками и юристами, а на улицах германских городов, где развертывались ожесточенные вооруженные бои ме-

жду силами революции и контрреволюции. Только обесилив созданные революцией рабочие и солдатские Советы, только перебив тысячи революционных борцов, буржуазия смогла закрепить юридически свое потрясенное народной революцией господство.

РАЗРАБОТКА КОНСТИТУЦИИ

В девятимесячной истории создания новой конституции Германии, получившей название Веймарской конституции, отразился трудный и противоречивый путь развития германской революции.

«Социалистическое» правительство Эберта — Гаазе не сделало даже попытки самостоятельно сформулировать свои конституционные предложения. Уже 15 ноября оно поручило разработку проекта конституции буржуазному юристу Гуго Прейсу, который был специально для этой цели включен в состав правительства в качестве статс-секретаря внутренних дел¹.

Свое политическое «кредо» Гуго Прейс сформулировал накануне своего назначения на страницах газеты «Berliner Tageblatt». Отмечая, что революция произошла в «поразительном порядке», он заявил в своей статье, что место старого авторитарного государства заняла будто бы «перевернутая авторитарная система» в виде Советов, ссылающаяся не на «милость божью», а на «столь же неуловимую милость народа». Выразив таким образом свое отношение к революционному народу, Прейс решительно требовал полного устранения Советов и протестовал против «лишения буржуазии ее политических прав». Он откровенно поставил дилемму, которую старались всячески прикрыть лидеры социал-демократии, — диктатура буржуазии или диктатура пролетариата. «Здесь безусловно расходятся дороги, — писал он. — Здесь речь идет о вопросе — восточная или западная ориентация — в новом, роковом смысле». Разъясняя свою мысль, он указывал,

¹ Гуго Прейс был профессором права Высшего коммерческого училища в Берлине. В 1915 г. он выпустил книгу «Германский народ и политика», в которой с позиций робкого буржуазного либерализма критиковал бисмарковско-гогендоллернскую государственную систему, не поднимаясь при этом до критики монархической системы как таковой.

что нужно выбирать между буржуазной «демократией, развитой американской республикой» и «русской системой». При этом он не оставлял ни малейшего сомнения относительно своих проамериканских симпатий¹.

Первоначальные конституционные планы Прейса, исходившие из признания незыблемости капиталистического строя, шли довольно далеко в стремлении реорганизовать территориальное устройство Германии и усилить парламентарно-демократическую организацию государственной власти. Прейс считал, например, что новая конституция должна преодолеть остатки феодальной раздробленности, сохранившиеся в Германии в виде 25 отдельных государств с их причудливыми границами. Он предлагал заново разделить Германию на 14 республик («Freistaaten»), расчленив при этом Пруссию и объединив карликовые государства Южной и Юго-Западной Германии. Высшим органом власти должен был стать общегерманский парламент, состоящий из двух палат: народной палаты и палаты государств. Депутаты первой должны были избираться путем всеобщих прямых выборов, депутаты второй — ландтагами республик. Президент должен был избираться парламентом.

Однако эти планы, хотя и отвечали объективным интересам буржуазного развития Германии, показались не только буржуазным кругам, но и «социалистическим» правителям слишком «радикальными». И те и другие стремились сохранить возможно больше остатков старины, чтобы опереться на них в своей борьбе против пролетариата, ломать поменьше, чтобы внушить поднявшимся на революцию массам мысль о «незыблемости устоев». Правительство предложило Прейсу согласовать свои планы с другими буржуазными профессорами, прежде всего с Максом Вебером².

¹ «Berliner Tageblatt», 14. XI. 1918; см. также *H. Preuss, Staat, Recht und Freiheit*. Tübingen 1926, S. 365—367.

² Макс Вебер, как и Прейс, видел противоречие бисмарковской конституции в слабости парламента перед лицом централизованного бюрократического государственного аппарата. Однако он боялся ослабления бюрократии, видя в ней защитницу капиталистической экономики. Революция лишь укрепила в нем это убеждение. Уже в первые дни революции он энергично выступал за участие буржуазии в руководстве государством и являлся ярким глашатаем проамериканской ориентации. — См. *M. Weber, Gesammelte politische Schriften*, S. 346, 378—379.

Макс Вебер стремился прежде всего сохранить в неприкосновенности бюрократический государственный аппарат, независимый от парламента, и настаивал на том, чтобы поставить рядом с парламентом самостоятельного президента. Сильный президент-диктатор, вроде американского, должен был противостоять «всесилию парламента» и явиться, по выражению Вебера, «стражем подлинной демократии»¹. Одновременно Вебер доказывал, что расчленение Пруссии трудно и опасно, а капиталистическая экономика вполне может развиваться и в условиях федералистического государственного устройства².

9—12 декабря составленный Прейсом с учетом предложений Вебера «Проект общей части будущей имперской конституции» обсуждался на специальном совещании членов правительства с буржуазными юристами. По предложению Эберта, проект был дополнен специальным разделом об основных правах граждан. Переработанный так называемый второй проект был опубликован правительством на следующий день после выборов, 20 января, вместе с объяснительной запиской Прейса³.

Проект конституции был встречен партиями по-разному. Еще до войны и во время нее в ходе длительной борьбы за реформу прусского избирательного права определилось отношение различных партий к вопросам демократизации политической жизни Германии⁴. Упорное сопротивление юнкерства любому нововведению, которое могло бы поколебать его привилегированное положение, колебания, трусость и нерешительность буржуазных партий, капитуляция социал-демократии перед силами реакции из боязни революционизации масс проявились уже в ходе этой борьбы по частному вопросу. Ноябрьская революция создала новую политическую обстановку; партии вынуждены были считаться с фактами, в той или иной мере приспособляясь к ним. Однако в своей основе их позиции почти не изменились.

Юнкерские партии и их печать резко обрушились на проект Прейса за его якобы «радикализм» и прежде всего за его стремление расчленить Пруссию. Партия

¹ *M. Weber*, *Gesammelte politische Schriften*, S. 393.

² Там же, стр. 354.

³ «*Reichsanzeiger*», 20. I. 1919.

⁴ См. по этому вопросу: *З. К. Эггерт*, *Борьба классов и партий в Германии*, гл. III, VII, VIII.

центра выражала недовольство слишком сильно проявившимся, по ее мнению, централизмом и унитаризмом. Даже бóльшая часть «демократической» печати присоединилась к хору правых партий, высказываясь против территориального переустройства Германии. Прусское правительство, которое, так же как и общегерманское, именovalo себя «социалистическим», заявило формальный протест против расчленения Пруссии. Баварское правительство, возглавлявшееся в то время независимцем Эйснером, подняло голос против «преувеличенного унитаризма». Партия немецких демократов, членом которой был Прейс, отреклась от него¹. В этих условиях и правительство Эберта — Гаазе сочло для себя наилучшим трусливо уйти от ответственности и объявить проект «частным делом автора». Независимцы, путаясь в гильфердинговской идее «сочетания» Советов и Национального собрания, не сформулировали собственной конституционной программы.

Единственной партией, последовательно борющейся за революционное переустройство всего общества и государства на основах пролетарской демократии, как демократии высшего типа, была молодая коммунистическая партия. Она энергично отстаивала требование установления диктатуры рабочего класса, считая в конкретных условиях того времени форму Советской власти, проверенную опытом России и нашедшую признание у германских рабочих и солдат, наиболее целесообразной формой для государства нового типа. Коммунистическая партия в своих программных документах требовала решительного слома всей буржуазной государственной машины, уничтожения старого бюрократического государственного аппарата, подрыва экономических и политических позиций капиталистов и юнкеров путем конфискации их собственности на средства производства, разоружения буржуазии и вооружения пролетариата, ликвидации всех отдельных государств и создания единой социалистической республики. На страницах газеты «Die Rote Fahne» компартия систематически разоблачала предательство социал-демократическими лидерами интересов и чаяний народа. Она

¹ Руководство немецкой демократической партии, выдвинувшее Прейса кандидатом в депутаты Национального собрания, еще до опубликования второго проекта настояло на снятии Прейсом своей кандидатуры.

охарактеризовала проект конституции как «жалкое произведение даже с точки зрения буржуазной демократии» и клеймила неспособность правящих кругов «вымести вон даже самый жалкий хлам германского буржуазного убожества»¹. Газета показывала, что провозглашенные проектом демократические права «ставят свободу рядом с виселицей» и представляют из себя «каучук, который администрация и суды долго будут растягивать»².

С 18 по 21 февраля проект Прейса, подвергшийся новой переработке, обсуждался Комитетом государств, созданным на основании закона Национального собрания «О временной государственной власти». Комитет, состоявший почти целиком из столпов вильгельмовской бюрократии — бывших членов бундесрата, — сделал все, что мог, чтобы сохранить в конституции побольше остатков старины.

23 февраля согласованный проект конституции (так называемый третий проект) был роздан депутатам Национального собрания. Правительство спешило открыть конституционные дебаты, надеясь, что они в какой-то мере будут способствовать «успокоению умов». Как раз в это время огромная волна стачечного движения захлестнула Среднюю Германию, и Веймар оказался отрезанным от остальной страны. Однако проект конституции был мало пригоден для отвлечения внимания трудящихся от революционной борьбы за свои права. По сравнению с первыми вариантами он делал значительные уступки федерализму и в большей степени отражал влияние реакционных сил.

Выступая 24 февраля с устным обоснованием проекта конституции в Национальном собрании (письменное обоснование из-за спешки составлено не было), Прейс вынужден был отметить, что в нем имеется много «изломов», «исключений», «вещей, которые нам тоже не нравятся»³. Он признал, что все они так или иначе связаны с наследием, перенятым из старой конституции кайзеровской империи. Но ни он, ни ораторы различных партий не умели или не хотели вскрыть истинные причины того, почему эти пережитки старины так сильно воздействовали на новую конституцию.

¹ «Die Rote Fahne», 26. II. 1919.

² «Die Rote Fahne», 24. II. 1919.

³ VDNV, Bd. 326, S. 284.

Только газета ЦК КПГ «Die Rote Fahne» правильно оценила в эти дни сложившееся соотношение классовых сил. Она указывала, что невозможно «перелицевать старую государственную форму, даже и на буржуазный лад, пока не исчезнет старый штаб вильгельмовской руководящей бюрократии. Но республика Эберта цепляется дрожащими руками за эту правительственную и административную машину, ибо без нее она не в состоянии подавить революционный пролетариат...»¹ Союз буржуазно-юнкерской реакции с социал-демократической верхушкой, направленный против революционного пролетариата, не мог быть носителем сколько-нибудь последовательного демократизма.

Национальное собрание вовсе не намерено было привлечь широкие народные массы к действительному обсуждению конституционных вопросов. После краткой и невыразительной дискуссии на пленуме Национальное собрание 5 марта передало проект в специальную конституционную комиссию, созданную из представителей всех фракций. В комиссию вошли 11 социал-демократов, 1 независимец, 5 немецких демократов, 7 членов партии центра, 2 представителя немецкой народной партии и 3 националиста. Председателем комиссии был избран немецкий демократ К. Гаусман. Большую часть ее членов составляли буржуазные профессора-юристы, к которым вполне относились слова А. Бебеля, сказавшего однажды, что юристы — «самые реакционные люди на свете».

Работа конституционной комиссии продолжалась в течение трех с половиной месяцев (с начала марта до середины июня 1919 г.). Первые 35 заседаний были посвящены обсуждению проекта по разделам (первое чтение). С 3 по 18 июня комиссия провела второе чтение, после чего специальная подкомиссия занималась редактированием текста².

Сложность задачи, которую должна была решить комиссия, заключалась в том, что конституция создавалась в условиях, когда в стране продолжались острые классовые бои, принимавшие нередко формы открытой гражданской войны. Поэтому конституция, призванная закрепить основы капиталистического общественного строя,

¹ «Die Rote Fahne», 26. II. 1919.

² Протоколы конституционной комиссии опубликованы в стенограммах Национального собрания. — VDNV, Bd. 326.

должна была так завуалировать их, чтобы можно было ввести в заблуждение массы трудящихся, боровшихся за свою свободу. «Без выборов в наш век нельзя, — писал В. И. Ленин, раскрывая механику буржуазной демократии, — без масс не обойтись, а массы в эпоху книгопечатания и парламентаризма *нельзя* вести за собой без широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглерства модными и популярными словечками.., — лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии»¹.

Своеобразие обстановки, в которой работала комиссия, состояло еще и в том, что она не могла не считаться с фактом существования Советской Конституции РСФСР, созданной годом раньше и закреплявшей завоевания трудового народа, впервые в мировой истории пришедшего к власти. Значение этого факта вынуждены были признать и самые злейшие враги рабочего класса. «Новейшая конституция современности — говорил в конституционной комиссии лидер немецких демократов Фридрих Науман, — большевистско-русская конституция от 5 июля 1918 года², является, так сказать, прямой конкуренцией конституции, которую мы сейчас составляем». Заявив, что те, кто пытается пренебрежительно третировать Советскую конституцию, совершают такую же ошибку, как и те, кто в свое время подобным образом относился к французским революционным конституциям 1791 и 1793 гг., Науман указывал, что «русскую конституцию безусловно необходимо иметь в виду при нашем обсуждении как пункт для сравнения», ибо «нельзя устранить того, что уже сейчас эта конституция и заложенное в ней политическое мировоззрение имеют большую агитационную силу в нашем собственном парде и отечестве»³.

¹ В. И. Ленин, Империализм и раскол социализма, Соч., т. 23, стр. 106.

² В действительности Конституция РСФСР была принята V Всероссийским съездом Советов не 5, а 10 июля 1918 года. 5 июля в газете «Известия ВЦИК» был опубликован проект конституции, представленный съезду Советов.

³ VDNV, Bd. 336, S. 180—181. В социал-демократической печати еще до Ноябрьской революции приводились выдержки из Конституции РСФСР. См., например, «Vorwärts», 20. VII. 1918; «Neue Zeit», 16. VIII. 1918. В начале 1919 г. полный текст Конституции РСФСР был издан КПГ.

Злейший враг Советской России, один из организаторов «Антибольшевистской лиги» и заядлый империалист, Науман стремился, конечно, всячески опорочить и оклеветать Советскую конституцию. Призывая создать в Веймарской конституции противовес Советской конституции, он вынужден был, однако, признать, что, если в Веймаре не удастся разработать конституцию, которая могла бы, «исходя из другой основной идеи», противостоять конституции Советской России, «это будет означать, что государство, для которого мы здесь создаем конституцию, имеет слишком слабые внутренние связи...»¹

Разумеется, Науман не мог открыто признать, что эта «другая основная идея» есть не что иное, как старая капиталистическая идея эксплуатации человека человеком, господства капиталистов в обществе и государстве. «Состав Национального собрания показывает, — говорил он, — что невозможно создать чисто социалистическое государственное право, но невозможно и сохранить старое индивидуалистическое (т. е. капиталистическое. — Я. Д.) государственное право. Нужно создать что-то вроде мира по соглашению между капитализмом и социализмом»².

Эту «идею» тотчас подхватил социал-демократ Катценштейн, заявивший, что конституция может «иметь сейчас только смешанный характер, в известном смысле представлять собой среднюю стадию между буржуазными и социалистическими воззрениями. Чрезмерную остроту и решительность Советской конституции, мы, социал-демократы, отвергаем...»³ Несостоятельность этого «промежуточного» положения чувствовал, однако, и сам Науман. «Политический вопрос, — заявлял он, — состоит для нас сейчас в следующем: либо мы будем втянуты в русскую, советскую точку зрения, либо мы присоединимся к западноевропейско-американской форме... Наше политическое решение — в пользу западных стран»⁴.

Так в вынужденных признаниях самих авторов Веймарской конституции проявлялась ее буржуазно-капиталистическая классовая природа и направленность, ее глубокая враждебность к подлинно народной пролетарской

¹ VDNV, Bd. 336, S. 180—181.

² Там же, стр. 182.

³ Там же, стр. 186.

⁴ Там же, стр. 180.

конституции Советской России, о которой В. И. Ленин говорил, что «она не выдумана какой-нибудь комиссией, не сочинена юристами, не списана с других конституций. В мире не бывало таких конституций... В ней записан опыт борьбы и организации пролетарских масс против эксплуататоров и внутри страны, и во всем мире»¹.

Проект германской конституции, вышедший из конституционной комиссии и в конце июня 1919 года розданный депутатам Национального собрания (четвертый проект), существенно отличался от первых проектов. Он состоял теперь из двух частей: 1) Структура и задачи империи и 2) Основные права и основные обязанности немцев. В семи разделах первой части рассматривались вопросы государственного устройства, организации высших органов власти, законодательства, администрации, судопроизводства. Пять разделов второй части были посвящены правам и обязанностям граждан, вопросам общественной жизни, положения школы и церкви, экономической жизни.

Второе чтение проекта конституции на пленуме началось 2 июля и длилось с небольшими перерывами до 22 июля. Больше всего времени заняли дискуссии по второй части конституции, где затрагивались проблемы социально-экономического строя. Торг между партиями по отдельным вопросам не закончился и здесь и привел к закулисным переговорам и сделкам. Третье чтение на пленуме Национального собрания состоялось 29—31 июля 1919 года.

Открывая генеральную дискуссию, правительственный комиссар по вопросам конституции, автор первого проекта Гуго Прейс выразил глубокое удовлетворение буржуазии тем, что происшедшая в Германии революция проявила редкую «умеренность и самоограничение», сравнительно мало нарушила «порядок». Он особенно подчеркнул «заслуги» в этом социал-демократических правителей, проявивших «сдержанность и самообладание»². Сменивший его на трибуне социал-демократ Давид под одобрительные возгласы буржуазных депутатов восхвалял компромиссное творение как непревзойденный образец осущест-

¹ В. И. Ленин, VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов. Речь о годовщине революции 6 ноября, Соч., т. 28, стр. 126.

² VDNV, Bd. 328, S. 2071.

ствления «политической», «экономической» и «социальной демократии» и объявил, что «Германская республика является с этих пор самой демократической демократией в мире»¹.

В противовес хвастливому славословию социал-демократов и буржуазно-либеральных партий националисты и депутаты немецкой народной партии предприняли организованный демарш против конституции. До этого активно участвуя в ее обсуждении и изо всех сил стараясь придать ей возможно более реакционные формы, они в предпоследний день обсуждения конституции на пленуме Национального собрания заявили, что будут голосовать против нее. Лидер националистов Дюрингер откровенно объявил, что его партия отклоняет конституцию, как недостаточно консервативную и противоречащую монархическим убеждениям партии². Вслед за ним лидер немецкой народной партии Гейнце также выразил свои монархические симпатии и выступил против «духа крайней демократии», против якобы «декоративного положения президента», против народного голосования, «грозящего сбросить с рельсов государственную колесницу», и т. д. и т. п.³

По команде, исходившей, очевидно, от влиятельных кругов монополистов и аграриев, вслед за парламентскими лидерами вся правая печать обрушилась на будто бы «чрезмерную демократию» конституции. Газета прусских консерваторов «*Kreuzzeitung*» писала, что конституция в определениях, якобы «открывающих дорогу социализму», содержит в себе зародыши хозяйственного и политического распада Германии. А газета «*Dresdner Nachrichten*» с сожалением отмечала, что новая конституция не привела к «консолидации внутривластных отношений», и предвещала, что она «неизбежно приведет к новым битвам»⁴.

Эта политическая демонстрация заядлых реакционеров свидетельствовала о том, что за истекшие месяцы монархисты и откровенные милитаристы почувствовали себя окрепшими. Осуществление контрреволюционного

¹ VDNV, Bd. 328, S. 2194—2195.

² Там же, стр. 2088—2089.

³ Там же, стр. 2093—2096.

⁴ RV, S. 352.

заговора, в котором социал-демократ Носке «сотрудничал» с монархическими генералами и офицерами, придало последним силы и возбудило в них новые надежды. Монополисты и юнкеры, уверовав в то, что им уже удалось спасти капиталистический строй от революции, стали поворачивать от поддержки своих спасителей — социал-демократов к поддержке старых испытанных слуг — правых буржуазных партий. Не случайно, как раз в это время за кулисами развернулась деятельная подготовка к осуществлению монархического военного путча Каппа — Лютвица.

Переход правых партий в «оппозицию» привел к тому, что при голосовании 31 июля 1919 года в Национальном собрании за конституцию было подано всего 262 голоса. Более 80-ти депутатов отсутствовало, против конституции голосовали 75 депутатов.

Кроме правых партий, против конституции голосовали также независимцы. Все их попытки «органическим» участием в конституционной комиссии и в обсуждении на пленуме «исправить» и «улучшить» конституцию, как и следовало ожидать, с треском провалились. Не умея и не желая использовать парламентскую трибуну для непримиримого разоблачения буржуазной демократии, для содействия изжитию массами парламентских иллюзий и для организации их революционных сил, независимцы оказались в конце концов у разбитого корыта. «Конституция стала списком убытков демократии и социализма», — вот и все, что оставалось сказать одному из лидеров независимцев О. Кону при подведении жалких итогов политики партии в конституционном вопросе¹.

Газета независимцев «Die Freiheit», вынужденная считаться с настроениями революционных рабочих, дала конституции более резкую оценку: «Конституция — это пушки. Этим лапидарным определением все сказано. Эта конституция, созданная в Веймаре, стала возможной лишь потому, что пушки и пулеметы контрреволюции сдерживали возмущение рабочего класса. Она является выражением как этого факта, так и облаченного в юридическую форму желания увековечить это состояние...» Эта конституция, продолжала газета, которая «должна означать конец германской революции, является одно-

¹ VDNV, Bd. 328, S. 2100.

временно увековечением позора правосоциалистической партии»¹. Для справедливости следует добавить: и «левых», «независимых» социал-демократических главарей, которые тоже внесли свой немалый вклад в дело предательства интересов рабочего класса Германии.

11 августа конституция была подписана президентом Эбертом. 14 августа 1919 года она была опубликована и вступила в силу. Этим завершился процесс создания буржуазной Веймарской республики, пачавшийся в революционные дни ноября 1918 года.

ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ РЕСПУБЛИКИ

Может показаться парадоксальным, что для того, чтобы найти в Веймарской конституции положения, формулирующие основы общественного строя республики, конституцию следует читать не с начала, а с конца. Между тем это действительно так.

Как в конституционных дискуссиях, так и в тексте конституции буржуазные политиканы и юристы неизменно выдвигали на первый план вопросы государственного устройства, вопросы о «компетенциях» тех или иных органов власти и т. п. Вопросы же экономического строя они старательно «задвигали» подальше, и в конституции они оказались буквально «на задворках», в последнем разделе ее второй части. Но и здесь эти положения сформулированы так, что понять их подлинный классовый смысл можно, только читая между строк, распутывая искусно сплетенные юристами-крючковторами формулы.

В ходе борьбы классов и партий в Германии за конституционные основы республики вопрос о *собственности* на средства производства играл решающую роль. Поскольку конституция, по мысли ее авторов, призвана была закрепить капиталистический общественный строй, они заботились прежде всего о сохранении и укреплении *буржуазной собственности*. Но в революционных боях 1918—1919 гг. германский пролетариат выдвигал требование уничтожения буржуазных отношений собственности, замены их новыми отношениями, основанными на *общественной, народной собственности*. В этом коренном

¹ «Die Freiheit», 5. VIII. 1919. Abend-Ausgabe.

вопросе не могло быть средней линии, невозможен был никакой компромисс.

Когда весной 1919 г. рабочие массы в ходе мощного забастовочного движения требовали немедленной социализации, социал-демократическим руководителям удалось при помощи фиктивных законов о «социализации» обмануть и дезориентировать многих рабочих, желавших действительной экспроприации экспроприаторов, но не знавших, как к этому приступить. Руководители социал-демократии проводили эту же демагогическую линию и в ходе обсуждения конституции. По их предложению во вторую часть конституции был включен специальный раздел из 15 статей, озаглавленный «Хозяйственная жизнь». В этом разделе ярче, чем в других положениях Веймарской конституции, выразились, с одной стороны, буржуазный классовый характер конституции, с другой стороны, влияние классовых боев пролетариата. Это относится прежде всего к группе статей, трактующих вопросы о собственности.

После долгих дебатов на пленуме и в комиссии статья 153 конституции¹ устанавливала: «Собственность гарантируется конституцией. Ее содержание и границы вытекают из законов». Буржуазные юристы-комментаторы не могли не отметить, что это положение «означает политически прежде всего принципиальное отклонение социалистического экономического строя»². Но чтобы замаскировать классовую сущность этой формулировки, авторы конституции немало потрудились над различными украшениями и звонкими фразами, со всех сторон окружающими этот основной капиталистический принцип и как бы прикрывающими его наготу. Так, статья 151 громкогласно возвещала, что «строй хозяйственной жизни должен соответствовать началам справедливости и цели обеспечения для всех существования, достойного человека». Следующие статьи декларировали свободу договоров, запрещали ростовщичество, объявляли недействительными «сделки, противоречащие добрым нравам», утверждали, что «собственность обязывает» и «пользо-

¹ Нумерация статей Веймарской конституции здесь и дальше дается по окончательному тексту конституции, опубликованному в «Reichsgesetzblatt» Nr. 52, 14. VIII. 1919, S. 1383 ff.

² L. Gebhard, Die Verfassung des Deutschen Reichs vom 11. August 1919, München /Berlin/ Leipzig 1932, S. 541.

ние ею должно быть одновременно служением общему благу» и т. п. Даже буржуазные юристы признавали, что «для этих определений отсутствуют всякие объективные масштабы»¹.

Статья 153 содержала также положение об отчуждении собственности. «Отчуждение собственности, — говорилось в ней, — может быть проведено только для блага общества, на законном основании. Оно происходит за соответствующее вознаграждение, если имперский закон не установит иного»². Специально этому вопросу и «социализации» была посвящена также статья 156, о которой социал-демократические писакки заявили, будто она «открывает рабочему классу путь к социализму»³. Эта статья, однако, лишь устанавливала, что государство может (но, отнюдь, не обязано!) посредством закона «переводить в общественную собственность пригодные для обобществления частные хозяйственные предприятия»⁴. Среди возможных форм «обобществления» назывались такие государственно-капиталистические формы, как участие государства в управлении, принудительное синдицирование, но даже не упоминалась национализация.

¹ См. *F. Stier-Somlo*, Die Verfassung des Deutschen Reichs vom 11. August 1919. 2. Aufl., Bonn 1920, S. 131; *L. Gebhard*, Die Verfassung., S. 539—540.

² В вопросе о вознаграждении при отчуждении особенно ярко проявилось лицемерие социал-демократических вожаков. В феврале, когда нарастала мощная волна стачечного движения, социал-демократический оратор демагогически «протестовал» в Национальном собрании против установления принципа возмещения «без всяких ограничений» и указывал, что «это значило бы проводить социализацию во многих случаях прямо в интересах капиталистов..., рабочие понимают социализацию иначе...» — *VDNV*, Bd. 326, S. 375.

При обсуждении этого вопроса в комиссии в конце мая, уже после разгрома революционных рабочих, социал-демократический докладчик откровенно заявил: «И мы также требуем принципиально возмещения при экспроприации». — *VDNV*, Bd. 336, S. 386.

³ *F. Stampfer*, Verfassung, Arbeiterklasse und Sozialismus, Berlin 1919, S. 16.

⁴ «Что империя может провести все указанные в ст. 156 мероприятия, — отмечал в своем комментарии Л. Гебхард, — разумеется юридически само собой; что она должна или обязана их провести, статья 156 не предписывает. Это определение, следовательно, даже не является программой для законодательства, а... лишь декларацией о признании общественно-хозяйственной идеи и перечислением возможностей ее осуществления, бродивших в умах создателей конституции». — *L. Gebhard*, Die Verfassung., S. 549.

Столь же предупредительно, как к капиталистической собственности в промышленности, отнеслись творцы конституции и к юнкерской собственности на обширные латифундии, являвшейся экономической основой влияния прусских юнкеров-милитаристов в Германии. В первом проекте конституции, создававшемся в момент подъема революционного движения, была сделана, хотя и очень робкая, попытка поставить вопрос о земельной реформе. В нем говорилось о необходимости «изменить путем широкой политики внутренних поселений существующее распределение земельной собственности в тех областях, где еще не существует здоровой (?!) смеси крупной, средней и мелкой собственности. Бесхозяйственно используемая крупная собственность, особенно связанная (т. е. феодальная. — Я. Д.), должна быть разделена для основания сельских поселений, если необходимо, путем ее отчуждения»¹. Хотя эти предложения имели очевидно демагогический характер, в них содержалось все же некоторое антиюнкерское острие. В ходе дальнейшего обсуждения это острие было старательно притуплено, и в результате от проектов земельной реформы остались одни пустые фразы, не имевшие ровно никакого реального значения.

В окончательной редакции статья 155 говорила, например, что государство должно наблюдать за распределением и использованием земли, чтобы «предотвращать злоупотребления» и стремиться обеспечить каждому немцу здоровое жилье. «Земельная собственность, приобретение которой необходимо для содействия поселениям, распашки пустошей и для подъема сельского хозяйства, может быть отчуждена». Ни о какой обязательности отчуждения здесь тоже не было речи². Не говорилось в статье и об отчуждении феодальных наслед-

¹ RV, S. 7.

² 11 августа 1919 г. Национальное собрание приняло «имперский закон о поселениях». Его главной целью было отвлечь внимание трудящихся крестьян и сельскохозяйственных рабочих от борьбы против юнкерского землевладения. Закон не предусматривал принудительного отчуждения юнкерских земель, а говорил о покупке земель на выгодных для юнкеров условиях. Практический результат закона был ничтожен. За 13 лет его действия был создан земельный фонд размером менее 600 тысяч га, из которого получили участки на кабальных условиях немногим более 50 тыс. хозяйств. — См. VDNV, Bd. 337, Nr. 1178, а также Г. Харахашьян, Аграрные преобразования в Германской Демократической Республике, стр. 62.

ственных владений, так называемых фидеикомиссов. В ней указывалось только, что фидеикомиссы должны быть превращены в обычную буржуазную земельную собственность их прежних владельцев¹.

Подобным же образом статья 155 «разрешала» также и выдвигавшийся рабочими вопрос о национализации ископаемых богатств и передаче государству всех прав на их использование (так называемых регалий). Вместо национализации конституция говорила о «надзоре государства»; предложение о немедленной передаче регалий государству было отклонено голосами буржуазных партий и поручено дальнейшему законодательству².

Таким образом, Веймарская конституция не внесла фактически никаких изменений в отношения собственности, существовавшие в Германии до Ноябрьской революции. Экономические позиции монополистов и юнкеров не только не были подорваны, они не были даже поколеблены. В качестве экономической основы общества, его базиса конституция закрепила и оформила капиталистическо-юнкерский строй.

Сохранение экономических основ капиталистического строя обуславливало и сохранение прежней классовой структуры общества. В результате буржуазной революции, совершенной рабочим классом и солдатами вопреки воле и желанию буржуазии, произошла лишь передвижка классовых сил в правящем лагере. Переход от полуабсолютистской монархии к парламентарной республике означал усиление влияния на политическую жизнь непосредственно банкиров и магнатов промышленности за счет ослабления влияния юнкеров-дворян. Тем самым диктатура капитала могла быть осуществлена уже не косвенно, а прямо, и политическая власть была приведена в соответствие с давно сложившейся экономической ролью каждого из двух эксплуататорских классов. *Юнкерско-буржуазный* германский империализм, отличавшийся особой реакционностью и агрессивностью, пре-

¹ Фидеикомиссы составляли в Пруссии в 1914 году более 7% земельной собственности — около 2,5 млн. га, причем их количество и размеры росли из года в год. 90% фидеикомиссов составляли владения, более чем 1000 га каждое, а почти половина превышала 5000 га каждое. — См. VDNV, Bd. 328, S. 1761—1762, 1768.

² См. там же, стр. 1768, 2177—2178, 2182.

вращался в *буржуазно-юнкерский*, что, однако, нисколько не умаляло его отрицательных черт.

Закрепление своей диктатуры буржуазия всячески старалась замаскировать и прикрыть, искусно жонглируя фразами о «народовластии». Конституция торжественно провозглашала «суверенитет народа»: «Германский народ... дал себе эту конституцию», — заявляла преамбула. «Государственная власть исходит от народа», — говорилось в первой статье. Буржуазные политиканы и социал-демократические лидеры, выступая в Национальном собрании, наперебой расхваливали парламентарную форму правления как «лучшую форму выражения демократии», как исторически проверенную и «наиболее плодотворную» форму выражения «воли народа».

Однако всеобщая «воля народа» в буржуазном обществе была такой же иллюзией, как и «единый народ», в действительности разделенный на классы с противоположными, противоречивыми интересами. Буржуазия пользовалась фразой о «народной воле» исключительно для того, чтобы прикрыть свое господство над массами трудящихся и эксплуатируемых и иметь возможность навязывать им свою волю.

* *
*

Экономический строй, закрепленный Веймарской конституцией, требовал создания соответствующей ему надстройки. Решение коренного вопроса развития германской революции — власть Советов или Учредительное собрание? — в пользу последнего предопределило не только социальное содержание, но и основные формы этой надстройки как буржуазной парламентской республики. Однако то, что конституция создавалась в период волнообразного развития гражданской войны в стране, наложило на конституцию свой отпечаток.

Показательно, что ни в проекте конституции, ни в его обосновании не было ни разу употреблено не только слово *революция*, но и слово *республика*. После долгих дебатов Национальное собрание решительно отклонило предложение назвать конституцию — «конституцией Германской республики», сохранив прежнее монархическое название — «Конституция Германской империи» («Verfassung des Deutschen Reichs»). В результате статья 1

получила парадоксально звучащую формулировку: «Германская империя является республикой». Настойчивую борьбу всех буржуазных партий за сохранение названия «империя» («рейх») автор проекта Прейс пытался на пленуме Национального собрания объяснить не «боязнью признать республику», а ссылками на «традиции» немецкого народа. «Я знаю, — говорил он, — что по отношению к загранице это представляет известные трудности, так как на все еще французский язык дипломатов слово «рейх» можно перевести только как «Empire» (т. е. империя. — Я. Д.), а на английский как «empire»¹. Гораздо откровеннее действительную причину он высказал в конституционной комиссии: «Новая империя не только является юридическим наследником старой, она с ней *идентична*. Только конституционная форма иная»².

Долгие споры в Национальном собрании вызвал вопрос о государственном флаге («имперских цветах»). В то время как правые партии настаивали на сохранении старого черно-бело-красного флага, бывшего символом бисмарковского малогерманского объединения³, немецкие демократы решили возродить цвета черно-красно-золотого флага, бывшего символом демократии 1848 года и «великогерманской идеи»⁴. Предложение независимцев об установлении красного флага было отвергнуто, причем социал-демократ Катценштейн в комиссии заявил, что «сейчас красный национальный флаг был бы демонстрацией, которая не соответствовала бы фактам»⁵. Приветствуя голосование социал-демократии за черно-красно-

¹ VDNV, Bd. 326, S. 285. Об этом говорили также и другие ораторы. — См. VDNV, Bd. 327, S. 1209; Bd. 336, S. 24 и. а.

² VDNV, Bd. 336, S. 24. Курсив мой. — Я. Д.

³ Черно-бело-красный флаг был созданием самого Бисмарка, соединившего черно-белый прусский флаг с бело-красным бранденбургским.

⁴ Черно-красно-золотой флаг был когда-то флагом буршей, затем «Тугендбунда», а в революции 1848 года стал символом буржуазной демократии, требовавшей германского единства. Поэт-демократ Фрейлиграт, расшифровывая его цвета, писал: «Черен порох, красна кровь, золотом отликает пламя...». В 1849 г. Франкфуртское Национальное собрание в принятой им конституции объявило черно-красно-золотой флаг общегерманским (имперским) флагом.

⁵ VDNV, Bd. 336, S. 404. Предложение одного из социал-демократов принять «красный флаг с белыми звездами» (очевидно, как символ «единения» немецкой революции с американской демократией!) тоже было отвергнуто.

золотой флаг, немецкий демократ Квидде торжественно провозгласил в Национальном собрании, что новый флаг является «символом соглашения между буржуазией и социал-демократией»¹.

Веймарская конституция, декларируя, что «государственная власть исходит от народа», не давала конкретного определения того, как должно практически осуществляться это «народовластие».

Авторы и апологеты конституции для подтверждения того, что Германия будто бы стала «народным государством», прежде всего указывали на «самое свободное в мире» всеобщее избирательное право. Всеобщее избирательное право действительно было серьезным завоеванием германского пролетариата, боровшегося за него в течение ряда десятилетий. Веймарская конституция не могла не закрепить это право, уже завоеванное пролетариатом в первые дни революции. «Депутаты избираются, — указывала статья 22, — всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов на началах пропорционального представительства мужчинами и женщинами, достигшими 20-летнего возраста». Правые буржуазные партии сделали лишь робкие попытки повысить возрастной ценз до 24 лет, но их поправка была отвергнута². В накаленной политической обстановке они смогли добиться только включения в эту статью определения, что «дальнейшее установит имперский избирательный закон»³.

¹ VDNV, Bd. 327, S. 1235.

Однако соглашательство на этом не кончилось. Во время третьего чтения на пленуме Национального собрания правые партии добились сохранения в качестве торгового флага старого черно-белокрасного флага с «имперскими цветами» в левом верхнем углу (статья 3). Это своеобразное «двоефлажие» явилось символическим выражением половинчатости и компромиссного характера всей Веймарской конституции и послужило впоследствии поводом для новых преипратств.

² См. там же, стр. 1266—1267.

³ Эта вполне безобидная на вид «оговорка» позволила буржуазным партиям осуществить в 1920 году то, на что они не смогли решиться в 1919 году. Поддержанные социал-демократией, они исключили из числа избирателей солдат и ограничили пассивное избирательное право повышением возрастного ценза до 25 лет и пребыванием в немецком гражданстве не менее 1 года. Социал-демократ Катценштейн, выступая в защиту § 2 закона, заявил, что «участие солдат в избирательной кампании будет иметь результатом нежелательное политизирование армии». — См. VDNV, Bd. 333, S. 5340, 5375, 5389.

Однако уже Маркс и Энгельс, подчеркивая прогрессивное значение всеобщего избирательного права, настойчиво предостерегали рабочий класс против его фетишизации. Шейдемановцы и каутскианцы, объявляя всеобщее избирательное право панацеей от всех бед, старательно скрывали от народа марксистское положение, гласящее, что избирателям в условиях капитализма предоставляется лишь право раз в несколько лет «решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять (*ver- und zertreten*) народ в парламенте»¹.

Конституция провозглашала также «свободу и тайну выборов» (ст. 125). Что представляла собой в действительности эта «свобода», показали уже выборы в Национальное собрание, проходившие «под охраной» броневиков и пулеметов белогвардейских банд Носке.

Наряду с всеобщим избирательным правом фикцию «народовластия» должны были поддерживать также положения конституции, говорившие о «прямом народном законодательстве» в форме «народной законодательной инициативы» и народного голосования (референдума). Социал-демократы лезли из кожи вон, чтобы возвеличить «истинный демократизм» этих конституционных формул. Они сознательно замалчивали при этом указание Энгельса, что «прямое народное законодательство» является просто предметом моды, а осуществление его в Швейцарии «приносит там больше вреда, чем пользы, если вообще что-нибудь приносит»². Позднее Энгельс снова напоминал партийному правлению СДПГ, что, «помимо прямого народного законодательства», без которого «мы в конце концов... как-нибудь проживем, существуют еще и другие важные политические вопросы»³. Однако именно желание отвлечь внимание рабочих от гораздо более важных политических вопросов побуждало социал-демократических лидеров с пеной у рта отстаивать включение этих положений в Веймарскую конституцию.

¹ Цит. по В. И. Ленин, Государство и революция, Соч., т. 25, стр. 393.

² Ф. Энгельс, Письмо Августу Бебелю, 18 (28) марта 1875 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 386.

³ Ф. Энгельс, К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 111.

Согласно конституции «народная инициатива» могла заключаться во внесении какого-либо законопроекта или в требовании проведения народного голосования против принятого рейхстагом закона. В этом случае народное голосование проводилось по требованию $\frac{1}{10}$ избирателей и в его основу должен был быть положен разработанный инициаторами законопроект (ст. 73). Конституция, однако, оговаривала, что по вопросам бюджета, налогов и оплаты чиновников, т. е. по важнейшим вопросам, непосредственно затрагивающим интересы буржуазии, «народное голосование может быть проведено только по инициативе президента»¹.

Таким образом, Веймарская конституция закрепила в Германии режим буржуазного парламентаризма со всеобщим избирательным правом, референдумом и прочими атрибутами, поддерживающими фикцию «народной власти». За этой ширмой удобно скрывались избегающие света и гласности различные организации монополистов, департаменты, канцелярии, военные штабы и т. п., которые, как это обычно бывает в буржуазных республиках, являлись на деле реальной политической основой всевластия капитала.

В то же время на Веймарской конституции не могло не отразиться то, что она создавалась в период, когда рабочий класс создал свои органы революционной инициативы — Советы. Правда, рабочие и солдатские Советы в результате подрывной работы социал-демократических лидеров не смогли стать в Германии органами революционной диктатуры. Но, когда в феврале — марте 1919 г. рабочие во время массовых забастовок выдвинули требование предоставления рабочим Советам права контроля над производством и руководства осуществлением социализации, правительство оказалось вынужденным дать обещание «закрепить» эти Советы в конституции.

Конституционная комиссия начала рассмотрение вопроса о Советах 2 июня, уже в период спада революцион-

¹ VDNV, Bd. 336, S. 295—296. Практика Веймарской республики целиком подтвердила иллюзорность выражения «народной воли» посредством «народной инициативы» и референдума. Семь раз были предприняты попытки использовать «народное голосование», но ни один из проектов не стал законом. В 1926 году коммунисты и социал-демократы собрали, например, 14,5 млн. голосов в пользу законопроекта об отчуждении собственности князей, но не набрали необходимых 20 млн.

ного движения, после разгрома рабочих. Докладчик социал-демократ Зинцгеймер должен был признать, что «идея Советов», реализованная в конституции Российской Советской республики и представляющая собою там осуществление диктатуры пролетариата, приобрела огромную популярность и в Германии. «Люди сосредотачивают, — говорил он, — все свои надежды на одном пункте и верят, что осуществление идеи Советов может избавить их от всех внешне- и внутриполитических трудностей...»¹ Он заявил, что невозможно просто законодательным порядком отодвинуть в сторону существующие производственные рабочие Советы: «Это была бы напрасная попытка, ибо закон никогда не сможет устранить то, что самобытно выросло. Есть факты, перед которыми законы должны капитулировать. Производственные рабочие Советы существуют, и никакая сила не сможет их устранить»².

Но если нельзя было просто уничтожить Советы, то, по мнению лидеров социал-демократии, следовало кастрировать их, максимально урезать их права и задачи. Рецепт для этого был у них уже готов. Никакой политической власти эти рабочие Советы не должны иметь, а их экономические задачи должны быть ограничены узко профессиональными рамками. При этом, чтобы они не стали конкурентом профсоюзов, им не следует заниматься вопросами труда и зарплаты. Оставалось немного: «производственные советы являются прирожденными контрольными органами для проведения тарифных договоров». Зато на так называемые «экономические советы», в которых капиталисты и рабочие должны были мирно сидеть рядом, возлагалась задача обеспечить «повышение производства, уменьшение себестоимости, а также забота о социальной революции (!!!)»³.

Выступивший вслед за Зинцгеймером представитель партии центра Гинце заявил, что речь идет вовсе не о новых вещах, а за новыми словами скрываются очень старые дела: «советы» должны лишь выполнять задачи давно существовавших «трудовых камер». С ним согласились и другие ораторы буржуазных партий. Только лидер

¹ VDNV, Bd. 336, S. 393.

² Там же, стр. 394.

³ Там же, стр. 395.

независимцев Гаазе слова вытащил на свет свою печально знаменитую теорию «сочетания» Советов с буржуазным парламентом, предложив предоставить производственным советам право участия в руководстве предприятиями и в осуществлении «социализации», а Центральному рабочему Совету — контрольные функции по отношению к правительству. Все его «поправки» были немедленно отклонены.

В конце концов в конституцию была включена статья 165, устанавливавшая, что «рабочие и служащие призваны сотрудничать на равных правах с предпринимателями в регулировании условий заработной платы и труда, равно как и в общем экономическом развитии производительных сил». Это было не что иное, как законодательное закрепление пресловутого соглашения о «деловом сотрудничестве» между профсоюзными бонзами и монополистами, которое было заключено Легином и Стиннесом 15 ноября 1918 года. Не удивительно, что даже представитель немецкой народной партии Гуго расхваливал это «интимное сотрудничество» между деятелями профсоюзов и промышленниками, «не омраченное партийно-теоретической предубежденностью», и приветствовал закрепление его в конституции¹.

Дальнейшие положения статьи излагали организационную структуру, в которой должно было осуществляться это «сотрудничество». Наряду с производственными рабочими советами должны были создаваться также окружные рабочие советы, разделенные по отраслям хозяйства, и имперский рабочий совет. Окружные и имперский рабочие советы «для участия в осуществлении законов о социализации» объединялись с представительствами предпринимателей в окружные «экономические советы» и «имперский экономический совет». По мнению буржуазных ораторов в Национальном собрании, этот «имперский экономический совет» должен был явиться чем-то вроде «социального парламента», составленного по профессионально-сословному принципу, а социал-демократ Давид заявил, что Германия созданием такого «экономического парламента» прокладывает будто бы всему миру новый путь к «цивилизованному социа-

¹ VDNV, Bd. 328, S. 1788.

лизму», в корне отличному от «азиатского социализма» русских коммунистов¹.

Орган, который должен был появиться на свет в результате скрещивания профессионально-сословного представительства и «цивилизованного социализма», выглядел довольно жалким. Его задачей было «давать заключения» по тем социально-политическим и хозяйственно-политическим законопроектам, которые разрабатывало правительство, и вносить свои предложения. Вскоре выяснилось, что этот орган был не только уродливым, но и мертворожденным: он так никогда и не был избран².

Из всей надуманной «системы советов» жизнеспособными оказались только производственные Советы (фабзавкомы), существовавшие на предприятиях³. Но и они с отливом революционной волны под разлагающим воздействием социал-демократических лидеров и профсоюзной бюрократии постепенно утратили свое влияние⁴.

«Die Rote Fahne» писала в конце 1919 года: «Судьба германских рабочих Советов завершилась. Со спадом революционного подъема рабочего класса они засохли (sind verdorrt). Они не были способны стать органами власти пролетариата... Рабочие Советы во Франкфурте-на-Майне и в Берлине пали последними. Не потребовалось больших усилий со стороны реакции, ручных гранат и пулеметов,

¹ VDNV, Bd. 326, S. 501.

² В мае 1920 г., в период нового революционного подъема после разгрома капповского путча, когда социал-демократия снова схватилась за идею «социализации», правительство назначило временный «экономический совет». Как и следовало ожидать, он сразу же превратился в подручный орган Стиннеса и К°. Вскоре и этот «эрзац» распался.

³ Стремясь всячески урезать их права, правительство в начале июля 1919 г. внесло в Национальное собрание проект закона о производственных советах. Но он встретил такой решительный отпор со стороны рабочих, что обсуждение его затянулось на много месяцев. Начало его второго чтения в рейхстаге 13 января 1920 г. ознаменовалось расстрелом перед зданием рейхстага мирной демонстрации протеста берлинских рабочих. При этом 42 человека было убито, 105 — ранено.

⁴ Окружные и центральный рабочие Советы так и остались на бумаге. Правда, некоторое время еще продолжал влачить призрачное существование Центральный Совет, избранный II съездом Советов и по-прежнему именовавший себя «Центральный Совет Германской социалистической (!?) республики». 23 августа 1919 г. он был официально распущен правительством и 4 сентября разогнан по приказу Носке.

чтобы распустить эти организации... Так как вожди (социал-демократии. — Я. Д.) оставили рабочий класс без руководства, рабочий класс отвернулся от них»¹.

Так выглядело на деле «закрепление якорями» («Verankerung») Советов в конституции, которое вместе с положениями о «социализации» было использовано социал-предателями для обмана рабочих. Буржуазные ораторы в Национальном собрании с удовлетворением отмечали, что «германская система советов» коренным образом отличается от русской и ничуть не нарушает капиталистического «порядка».

Пожалуй, наиболее метко охарактеризовал положения Веймарской конституции о «советах» националист фон Дельбрюк. «Идея Советов... — заявил он, — является предметом ожесточенной борьбы в стране, в печати, в литературе, и это в конечном счете не удивительно. Мы не должны себя обманывать: идея Советов является единственной новой идеей, которая до сих пор рождена революцией... ибо в остальном конституция является ведь только новой перелицовкой идей 1789 и 1848 гг.». Напомнив, что идея Советов родилась в России и была там революционным средством «для низвержения буржуазии, для укрепления диктатуры пролетариата», Дельбрюк отметил, что и в Германии идея Советов «вначале выступала с совершенно такими же тенденциями, как в России». То, что она получила в конституционных определениях «существенно другое лицо», явилось, по его мнению, бесспорной заслугой германской социал-демократии². Так злейшая карикатура на Советы, «закрепленная» в конституции, заслужила полное признание со стороны реакционеров.

Включение в Веймарскую конституцию, хотя и в изуродованном до неузнаваемости виде, положений о рабочих Советах было, однако, не только демагогическим маневром. Оно было одновременно отражением того, что рабочие Германии были недостаточно сплочены и организованы, чтобы сорвать этот фарс и добиться установления действительной *власти Советов*. С другой стороны, и буржуазия была в это время недостаточно сильна, чтобы удержаться у власти без заигрывания с рабочими, требовавшими сохранения Советов. Именно поэтому

¹ «Die Rote Fahne», 12. XII. 1919.

² VDNV, Bd. 329, S. 1772—1773.

В. И. Ленин, говоря в начале 1920 г. о триумфальном шествии советской идеи по всему миру, отмечал, что наряду с прямой ее победой в Советской России включение Советов в германскую конституцию есть «косвенная... победа советской идеи. Идея овладела массами»¹.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО РЕСПУБЛИКИ

Вопрос о государственном устройстве республики, организации ее территории, с самого начала конституционных дебатов являлся предметом наиболее острых споров в лагере буржуазно-юнкерских партий. Суть проблемы заключалась в том, сохранятся ли в Германии и после свержения династий отдельные государства и федералистическая структура или Германия превратится в подлинно единое (унитарное) государство. Это был вопрос о преодолении остатков феодальной раздробленности, о доведении до конца буржуазно-демократического преобразования страны.

Однако в дискуссиях, которые велись в Национальном собрании и вне его, буржуазные политики тщательно обходили принципиальную суть проблемы, с ожесточением ломая копыя по вопросам частным и производным. Здесь ярко проявился уже не раз отмеченный выше страх буржуазии, что сколько-нибудь радикальными преобразованиями сможет воспользоваться пробудившийся пролетариат, чтобы низвергнуть самые основы буржуазного строя.

Правые партии, наиболее откровенно выражавшие интересы финансового капитала и аграриев, выступали прежде всего за сохранение «сильной Пруссии», в которой они видели оплот, способный противостоять революционному народу. Партия центра, старый носитель реакционных идей партикуляризма, энергично поддерживая сепаратистские устремления в разных частях страны, высказывалась, правда, за расчленение Пруссии, но в то же время стояла за сохранение и усиление самостоятельности отдельных государств.

Позицию либеральной буржуазии лучше всего выразил ее «экономический пророк» Макс Вебер. Признавая,

¹ В. И. Ленин, О диктатуре пролетариата, Соч., т. 30, стр. 84.

что «социалистическая организация требует для единого хозяйства также и единого политического здания», Вебер отмечал, что, напротив, капиталистическая система хозяйства «может примириться с федерализмом». Считая, что децентрализация экономически невыгодна, он выступал в то же время, исходя из «настроений, политической расстановки сил и интересов настоящего момента», за федералистическое решение, против расчленения Пруссии¹.

Германская социал-демократия имела некогда в своем идейном багаже принципиальные указания Маркса и Энгельса по вопросу о единстве Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс еще в марте 1848 г. в первом же пункте «Требований Коммунистической партии в Германии» высказались за создание единой, неделимой республики². Энгельс в 1891 г. особенно подчеркивал необходимость коренного государственного переустройства Германии, ее действительного объединения на основе ликвидации всех отдельных государств. «С одной стороны, — писал он, — необходимо покончить с дроблением на мелкие государства: попробуйте-ка революционизировать общество, пока еще существуют особые баварско-вюртембергские права, а карта Тюрингии, например, сохраняет свой нынешний жалкий вид! С другой стороны, Пруссия должна прекратить свое существование, должна быть разбита на отдельные самоуправляющиеся области, чтобы специфическое пруссачество перестало тяготеть над Германией»³. Отмечая, что «для Германии федералистическое ошвейцарение ее было бы огромным шагом назад», Энгельс указывал, что «для пролетариата пригодна лишь форма единой и неделимой республики»⁴. Он указывал при этом, что германская единая республика должна быть построена на основе широкого местного самоуправления с демократически избираемыми, а не назначаемыми сверху местными и областными органами власти.

¹ М. Вебер, *Gesammelte politische Schriften*, S. 346, 350, 355—356.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, *Требования Коммунистической партии в Германии*, Соч., изд. 2-е, т. 5, стр. 1.

³ Ф. Энгельс, К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 109—110.

⁴ Там же, стр. 110. Энгельс совершенно очевидно имел здесь в виду национально однородное государство, каким является Германия.

Когда германская социал-демократия перестала быть партией пролетарской революции, это отразилось и на ее отношении к вопросу о единстве Германии. С момента своего прихода к власти в ноябре 1918 г. социал-демократические лидеры шаг за шагом предавали интересы национального единства страны. Так, «социалистическое» правительство Эберта — Гаазе даже не подумало выступить ни против образования рядом с ним, в Берлине, отдельного прусского правительства, ни против создания новых «революционных» правительств в других отдельных государствах. Хотя некоторые руководители социал-демократии на словах «признавали» единство Германии, чтобы не оттолкнуть от себя народные массы¹, почти все лидеры социал-демократии и многие руководители независимцев оказались на деле в стане федералистов.

Таким образом, все партии буржуазного лагеря, от консерваторов и националистов до правых и «левых» социал-демократов включительно, выступили после Ноябрьской революции как противники национального единства на демократической основе.

Только Коммунистическая партия Германии, верная принципам революционного марксизма и выражая коренные интересы трудового народа, решительно выступала за доведение до конца демократического преобразования страны, за осуществление полного национального единства Германии. Программа партии выдвигала требование «уничтожения всех отдельных государств» и создания «единой германской социалистической республики»². Это требование, нашедшее широкий отклик в пролетарских массах, подтверждало, что именно рабочий класс является единственным действительно последовательным борцом за национальное единство и демократию. Даже «Vorwärts» вынужден был сквозь зубы признать, что в «германском рабочем классе преобладает склонность к единому государству»³.

¹ Берлинский социал-демократ Фишер, выступая в Национальном собрании, метал, например, громы и молнии по адресу «закопченного партикуляризма», «мелочного эгоизма церковников», «отсутствия большого национального чувства» и т. п. Это ничуть не помешало ему тут же высказаться против расчленения Пруссии. — См. VDNV, Bd. 326, S. 372.

² «Die Rote Fahne», 14. XII. 1918.

³ «Vorwärts», 2. I. 1919. Morgen-Ausgabe.

«Die Rote Fahne» неустанно разоблачала «жалкое кропанье» буржуазных и социал-демократических политиков в вопросах государственного переустройства. Газета подчеркивала, что незначительное перестраивание отдельных государств не способно подорвать позиции реакционеров, цепляющихся за старую структуру государства, и требовала устранения «мелкогогосударственности» («Kleinstaaterei»). «Раскол страны на маломощные государства, — писала она, — основа реакции в Германии»¹.

Половинчатость и непоследовательность в решении вопросов государственного устройства ярко проявилась уже в заглавии первого раздела конституции — «Империя и земли» («Reich und Länder»). В конституции не было прямого указания на федеративную структуру государства. Не были, например, перечислены земли, входившие в состав империи², а статья 2 ограничивалась указанием, что «территория империи состоит из территорий немецких земель» и что прием новых земель осуществляется в законодательном порядке.

Таким образом, Веймарская конституция не превратила Германию в подлинно единое (унитарное) государство, сохранив унаследованные от кайзеровской империи черты федерации. Об этом недвусмысленно заявил в Национальном собрании докладчик по этому разделу конституции депутат немецкой народной партии Каль. «Заголовок «Империя и земли», последние в смысле отдельных государств, содержит государственно-правовое определение, что создаваемое этой конституцией государственное образование представляет собой не единое государство, а теперь, как и раньше, объединение государств, систему государств... Не может быть никакого сомнения: новая империя является тоже союзным государством»³.

¹ «Die Rote Fahne», 20., 24. II. 1919.

² В конституции 1871 г. такое перечисление содержалось в статье 1.

³ VDNV, Bd. 327, S. 1204—1205.

Среди немецких юристов и историков государственного права вопрос о том, являлась ли Веймарская республика федерацией или нет, считался в течение многих лет спорным. Постепенно возобладала точка зрения, что республика осталась «союзным государством» (Bundesstaat), а земли являются государствами, хотя и с ограниченным суверенитетом. — См. W. Apelt, Geschichte der Weimarer Reichsverfassung, S. 174—175.

Первой характерной чертой федеративной структуры Веймарской республики было *неравноправие* ее членов. Составлявшие республику германские земли не были ни национальными, ни экономическими образованиями, а сложились в результате длинной цепи случайных обстоятельств, династической политики, войн и разбойничьих захватов. В то время как многие карликовые земли не имели даже замкнутой территории, а были частями вкраплены в другие земли, Пруссия обладала огромной территорией, на которой проживало почти две трети населения Германии, развитой промышленностью, сильной военной организацией¹.

Исторически сложившаяся гегемония Пруссии в Германии могла быть преодолена только путем расчленения Пруссии на ряд самоуправляющихся областей при одновременном укрупнении мелких земель. Однако все планы территориального переустройства Германии были сорваны реакционными кругами. Даже весьма робкий проект конституционной комиссии, принятый после ожесточенных дебатов и допускавший возможность создания новых земель без обязательного согласия всех заинтересованных правительств, вызвал бурю негодования как в Пруссии, так и в южногерманских землях². В мае 1919 г. была созвана специальная конференция правительств земель с участием лидеров правительственных партий, принявшая компромиссное решение, а затем в Национальном собрании был заключен новый компромисс³.

В конечном итоге конституция закрепила такое положение, что никакое территориальное переустройство не

¹ Г. Преис в статье, озаглавленной «Является ли Пруссия землей?», писал в 1921 г.: «Пруссия фактически не земля, как другие земли рейха, и никакая конституционная фикция не может сделать ее тем, чем она не является. Она представляет собой объединение большей части германских земель в более тесный комплекс, в неполный рейх в полном рейхе». — *H. Preuss, Staat, Recht und Freiheit*, S. 437—438.

² В прусском Учредительном собрании раздавались протесты против «неслыханного изнасилования Пруссии», а конференция южногерманских государств приняла специальное решение против «преувеличения идеи единства». — См. *VDNV, Bd. 336, S. 110, 124—125*.

³ См. *VDNV, Bd. 328, S. 1801 ff.* Этот компромисс известен как соглашение Лёбе — Тримборн — Гейле (по именам внесших предложение лидеров коалиционных партий).

было возможно без согласия Пруссии, а всякие сколько-нибудь решительные преобразования, если и не были исключены вовсе, то во всяком случае были серьезно заторможены¹. Ораторы правых партий, отстаивая сохранение целостности Пруссии как «фактора силы», откровенно заявляли, что эта сила необходима для подавления выступлений народа, и приводили в качестве примера действия правительственных войск «под прусским командованием и с прусским духом» против рабочих Гамбурга, Лейпцига, Мюнхена².

Неравноправие земель проявилось и в представительстве земель в рейхсрате. В результате длительных препирательств Пруссия получила в рейхсрате две пятых голосов, т. е. даже больше, чем она имела в бисмарковском бундесрате³. Практически ни одно решение не могло быть здесь принято против воли Пруссии.

Второй характерной чертой веймарской федерации была *недобровольность* союза. Национальное собрание почти целиком перенесло из конституции 1871 г. в новую конституцию положения о так называемой «имперской экзекуции». Они предусматривали, что, «если одна из земель не выполняет обязанностей, возложенных на нее конституцией или имперскими законами, президент империи может принудить ее к этому с помощью вооруженной силы» (ст. 48, абз. 1).

¹ За все 14 лет действия Веймарской конституции были осуществлены только два серьезных изменения территориального устройства Германии. В 1920 г. восемь самых мелких земель Средней Германии объединились в землю Тюрингию. В 1929 г. земля Вальдек, вкрапленная в территорию Пруссии, официально растворилась в ней. Но и после этого на карте Германии сохранились нежизнеспособные карликовые образования вроде Липпе, Шаумбург-Липпе и других, осталась чересполосица.

² VDNV, Bd. 328, S. 1807, 1811. Выступления оратора националистов Филиппа и лидера немецкой народной партии Гейнце.

³ Не меняло дела и включение в конституцию так называемой «антипрусской оговорки» (*clausula antiborussica*), предусматривавшей, что половина прусских голосов должна быть предоставлена не прусскому правительству, а представителям прусских провинциальных управлений.

В 1929 г. из 66 голосов в рейхсрате Пруссия имела 26 (в том числе 13 — прусские провинции), Бавария — 11, Саксония — 7, Вюртемберг — 4, Баден — 3, Тюрингия, Гессен и Гамбург — по 2, остальные 9 земель — по 1 голосу. — См. *L. Gebhard, Reichsverfassung...*, S. 303—305.

Эта статья была направлена вовсе не против реакционных сил, а против революционного народа. Ее истинный смысл раскрыли в Национальном собрании сами социал-демократы. «Мы живем в переходное время, — заявил Катценштейн, — во время брожения... И ведь случилось уже, что правительство одной из земель, будь это, с точки зрения нашего нынешнего государственного права, легальное правительство или просто правительство насилия (?), возможно, Советское правительство, как это было например в Бремене или в Брауншвейге, выступало против имперского правительства, имперских законов и временной конституции. Вот случай имперской экзекуции. Следовательно, мы должны считаться с возможностью применения статьи 48»¹.

Практика как «социалистического» правительства Эберта — Шейдемана — Носке, так и последующих правительств, целиком подтвердила антипародный смысл этой статьи. Еще до того, как Веймарская конституция стала законом, Носке практически осуществлял эту «имперскую экзекуцию» против Бремена, Брауншвейга, Советской Баварии, Лейпцига, Гамбурга².

Третьей характерной чертой государственного устройства Веймарской республики было то, что, несмотря на сохранение федералистических форм, конституция значительно усилила *централизацию* государственной власти и управления, хотя и в этом вопросе было допущено много непоследовательностей и половинчатости.

Статья 5 устанавливала, что «государственная власть осуществляется по общеимперским делам органами империи на основании имперской конституции, а по делам земель — органами земель на основании их конституций», а статья 13 указывала, что «имперское право имеет преимущество перед правом земель». После дли-

¹ VDNV, Bd. 327, S. 1323.

² В марте — апреле 1920 г. президент Эберт применил этот параграф против тюрингских земель, когда возникла «угроза» перехода власти в некоторых из них в руки рабочих Советов. В октябре 1923 г. на основании этой статьи были двинуты вооруженные силы против рабочих правительств Саксонии и Тюрингии. С другой стороны, «социалистический» президент Эберг даже не подумал применить подобные меры, когда в ноябре того же года в Бавария произошли реакционный пугч Гитлера — Кара — Людендорфа, и части баварского рейхсвера открыто заявили об отказе повиноваться центральному правительству.

тельных дебатов были установлены три формы осуществления органами империи законодательной и административной власти. Первую группу составляли вопросы, которые были отнесены к исключительному ведению империи: внешние сношения, вопросы гражданства и свободы передвижения, организация обороны, монетное и таможенное дело, почта, телеграф и телефон (статьи 6, 78—80, 82—88). Вопросы второй группы могли быть предметом законодательства и ведения земель в том случае, если центральные власти не использовали своих прав (так называемое «конкурирующее право»). Сюда были отнесены вопросы торговли, банковского и биржевого дела, мер и весов, путей сообщения, права и судопроизводства, здравоохранения и страхования, промышленности и горного дела, отчуждения и обобществления собственности, мореплавания, дорожного строительства, печати, театров, кино, налоговой политики (статьи 7, 8, 81, 83, 85, 97 и другие). К третьей группе были отнесены вопросы, по которым имперские власти могли издавать общие директивы (нормативы), обязательные для органов земель. В их число входили вопросы школы и религиозных обществ, прав чиновников, землеустройства, охраны общественного порядка и безопасности (статьи 9, 10).

Положения о централизации сопровождались огромным количеством различных оговорок и ограничений. Землевладельцы и капиталисты, особенно южногерманских земель, ожесточенно сопротивлялись ликвидации так называемых «резерватных прав», вроде права Баварии, Саксонии, Бадена, Гессена и других земель на сбор особых пошлин и налогов на предметы потребления, прав Баварии, Вюртемберга и Бадена взимать налоги с продажи пива, водки и т. п. Для урегулирования этих вопросов в конституцию было включено несколько десятков специальных статей, которые один из ораторов метко назвал «слепой кишкой» конституции¹.

Усилив централизацию законодательной власти, конституция предоставила землям довольно значительную автономию в вопросах управления и администрации.

¹ VDNV, Bd. 326, S. 394. Выступление немецкого демократа Коха,

В действительности, однако, вмешательство имперского правительства в местные дела было несравненно большим, чем это предписывали параграфы конституции. Опорой центральных властей в этом случае неизменно была вся иерархия государственных чиновников, гигантский бюрократический аппарат, унаследованный от монархии Гогенцоллернов. Поэтому централизм Веймарской конституции имел на практике не демократический, а бюрократический характер.

ОРГАНЫ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ

Структура высших органов власти и управления республики, закрепленная Веймарской конституцией, носила на себе печать незавершенности буржуазно-демократических преобразований, осуществленных в результате Ноябрьской революции.

На первое место среди верховных органов власти Национальное собрание поставило орган «народного представительства» — *рейхстаг*, который должен был избираться путем всеобщих выборов сроком на 4 года (ст. 23). Главной функцией рейхстага объявлялась законодательная деятельность. Для принятия закона было достаточно простого большинства, а для закона, изменяющего конституцию, требовалось так называемое квалифицированное большинство, т. е. $\frac{2}{3}$ голосов при участии в голосовании не менее двух третей депутатов.

Однако суверенитет рейхстага был существенно урезан другими высшими органами власти, прежде всего президентом и рейхсратом. Так, например, получив право ежегодного вотирования бюджета, рейхстаг не мог «повышать или заново вставлять в проект государственной росписи расходы без согласия рейхсрата» (ст. 85). Рейхсрат мог также опротестовать законы, принятые рейхстагом, которые в этом случае поступали на вторичное рассмотрение и нуждались в квалифицированном большинстве (ст. 74). Президент мог в любой момент распустить рейхстаг, передать законопроект на народное голосование и т. п. Хотя рейхстаг неоднократно объявлялся верховным и «самым жизненно необходимым» органом империи, в действительности экономическая жизнь,

государственная бюрократия, судебная власть не были ему подконтрольны¹.

Влияние рейхстага на исполнительную власть, формально ему подотчетную, было также ограничено. Правда, согласно конституции *правительство*, состоящее из рейхсканцлера и министров, назначаемых и увольняемых президентом, нуждалось для своей деятельности в вотуме доверия со стороны большинства рейхстага (ст. 33, 54). Но с помощью президента правительство имело возможность ответить на вотум недоверия роспуском рейхстага и назначением новых выборов.

Стремление империалистических кругов всемерно усилить исполнительную власть особенно ярко проявилось в вопросе о положении *президента*. «Блеск короны германского кайзера, — говорил лидер немецкой народной партии Гейнце, призывая укрепить позиции президента, — немало способствовал внутренней силе империи и ее международному значению»². А националист Филипп, указывая, что «полновластный глава власти особенно необходим в период революционный или послереволюционный»³, тем самым раскрывал контрреволюционный смысл сильной президентской власти. В связи с подобными заявлениями даже правосоциалистические лидеры не могли не заметить, что такие права президента «вызывают у них раздумье». По выражению социал-демократа Фишера, президент, которому предоставлялось право роспуска рейхстага, получал «высшую и менее

¹ Это обстоятельство подчеркивал премьер-министр Германской демократической республики Отто Гротеволь при разработке проекта конституции ГДР. Он указывал, что «большой недостаток Веймарской конституции заключался в том, что... народное представительство было сильно ограничено в своих правах и, как показала история Веймарской республики, в конечном счете обречено на полнейшее бессилие... так как старые учреждения, унаследованные от старой кайзеровской империи, были перенесены в республику; это же относится к старому государственному аппарату и старому хозяйственному строю... Господствовали государственная бюрократия и магнаты экономики, а не народное представительство...» — *Otto Grotewohl, Demokratische Verfassung für ganz Deutschland, kein Besatzungsstatut.* — Informationsdienst des Deutschen Volksrats. Sonderdruck, Berlin 1949, S. 8.

² VDNV, Bd. 326, S. 399.

³ VDNV, Bd. 327, S. 1304.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

№	Провинции Пруссии *	Территория	
		в тыс. кв. км	Население в тыс.
(на 8 окт. 1919 г.)			
1	Восточная Пруссия	38,5	2 229
2	г. Берлин	0,06	1 903
3	Бранденбург	39,8	4 347
4	Померания	30,2	1 780
5	Познань-Западная Пруссия	7,7	325
6	Нижняя Силезия	26,6	2 989
7	Верхняя Силезия	9,7	1 299
8	Саксония	25,3	3 129
9	Шлезвиг-Гольштейн	15,0	1 463
10	Ганновер	38,6	3 028
11	Вестфалия	20,2	4 670
12	Гессен-Нассау	15,7	6 974

ограниченную власть, чем та, которой прежде обладал император»¹. Однако в дальнейшем социал-демократы без большого труда «столковались» с буржуазными партиями.

Позиция независимцев в вопросе о президенте ярко вскрыла все убожество их соглашательской политики. Свою речь в Национальном собрании О. Кон начал с филистерского заявления о необходимости устранить «противоположность между управляющими и управляемыми, между поданными и начальством» и таким образом сделать государство «тем, чем оно не было до сих пор, — инструментом всего народа». Президент в демократическом государстве, заявил Кон, вовсе не нужен. Если же все-таки Национальное собрание хочет создать президентского главу государства, то уж лучше ввести коллегия... Если же все-таки сохранят пост президента империи, то его следует избирать не на 7 лет и во всяком случае без права переизбрания, так как иначе это может привести к возрождению монархии или народ получит «республику с великим герцогом во главе»... Если же способ избрания не будет изменен, то следует по крайней мере обязать президента ежегодно отчитываться перед народом о положении в стране... Если же не хотят возложить эту обязанность на президента, то в этом случае следует возложить ее на правительство...²

Так, начав с «ультрарадикальных» фраз, «независимый» оратор делал одну уступку за другой, пока не уподобился полностью тому герою из сказки Салтыкова-Щедрина «Либерал», который, начав с просьб сделать что-либо для народа, докатился в конце концов до выпрашивания хоть чего-нибудь «применительно к подлости» и получил заслуженный плевок в физиономию из-за угла... Как и следовало ожидать, буржуазные партии вместе с правыми социалистами отклонили в Национальном собрании все поправки независимцев.

«Президент империи, — устанавливала статья 41 Веймарской конституции, — избирается всем немецким народом. Избран может быть каждый немец, которому исполнилось 35 лет». Президент избирался на 7 лет с неопра-

¹ VDNV, Bd. 326, S. 374; Bd. 336, S. 287.

² VDNV, Bd. 326, S. 404—405.

ническим правом переизбрания (ст. 43)¹. Преимущественное положение президента по отношению к рейхстагу заключалось прежде всего в праве президента распустить рейхстаг и назначить новые выборы. Это право было, правда, несколько сужено включением оговорки, что президент может распустить рейхстаг «не более одного раза по данному поводу», что новые выборы должны состояться не позже, чем через 60 дней, а новый рейхстаг должен собраться через месяц после выборов (ст. 25). Однако, в то время как президент мог выключить неудобный ему рейхстаг по крайней мере на три месяца, рейхстаг не имел возможности сместить президента. Он, правда, мог поставить на народное голосование вопрос о досрочном переизбрании президента, а также возбудить перед государственным судом обвинение против президента в «преступном нарушении им законов и конституции», но такое решение могло быть принято только двумя третями голосов (ст. 43, 59), что было практически едва ли осуществимо.

Одним из важнейших источников силы президента являлось то, что он был главой всей чиновничьей иерархии, этой, по выражению К. Маркса, «свиты капиталистов и землевладельцев». Особое, привилегированное положение чиновников закреплялось в конституции рядом специальных статей. Другим «столпом» государства была армия, также подчиненная президенту, который являлся верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами республики (ст. 47) и пользовался правом назначения офицеров (ст. 46). Влияние чиновничьей бюрократии и армии на все стороны жизни Веймарской республики было чрезвычайно велико.

Главные права президента, основной источник его силы, были заключены в статье 48 конституции, обычно именуемой статьей о президентской диктатуре. Первый абзац ее давал президенту право «союзной экзекуции», т. е. право принудить вооруженной силой любую землю к повиновению. Второй ее абзац распространял это право

¹ Длительные препирательства шли о том, включить ли в конституцию определение, запрещающее выдвижение кандидатом представителя ранее правивших династий. В конечном счете уже включенное определение было снова зачеркнуто. — См. VDNV, Bd. 328, S. 1820, 1827; Bd. 329, S. 2191, 2199 и. а.

также и на действия против «внутренних врагов» буржуазного государства. В ходе обсуждения власть президента была усилена. Так, если в первой редакции говорилось, что президент обязан при введении чрезвычайного положения немедленно «испросить одобрение рейхстага», то согласно новой формулировке он должен был только «поставить рейхстаг в известность». Диктаторские права были предоставлены также и правительствам земель в случае «опасности промедления».

Второй абзац статьи 48 в окончательной редакции гласил: «Президент империи может, если в Германской империи общественная безопасность и порядок серьезно нарушены или подвергаются опасности, принять меры, необходимые для восстановления общественной безопасности и порядка, а в случае необходимости — вмешиваться с помощью вооруженной силы. Для этой цели он может временно, полностью или частично, отменять основные права, установленные статьями 114, 115, 117, 118, 123, 124 и 153.

О всех мерах, принятых на основании абзацев 1 и 2 этой статьи, президент должен немедленно поставить в известность рейхстаг. Эти меры должны быть отменены по требованию рейхстага».

Таким образом, президент мог одним росчерком пера отменить основные права граждан, гарантировавшиеся конституцией, — свободу слова, печати, собраний и союзов, неприкосновенность личности, жилища, собственности и тайну переписки. Сравнивая положение, создававшееся статьей 48 Веймарской конституции, с прусским законом об осадном положении 1851 г., нужно признать, что старые прусские законы были гораздо мягче. Так, прежде осадное положение могло быть введено только в случае «серьезной угрозы для общественной безопасности», и во время мировой войны кайзеровский суд, толкуя закон, отмечал, что он не распространяется «на угрозу общественному порядку». В нем не было также положений об отмене гарантий собственности, тайны переписки и т. п.

Независимец О. Кон, выступая в Национальном собрании, охарактеризовал статью 48 как «худшее проявление полицейского государства» и, обращаясь к социал-демократам, заявил: «Я хотел бы, чтобы народ увидел

вас, наконец, без лицемерной маски и понял, что все ваши крики о законности являются не чем иным, как только призывом партийного правительства к гражданской войне. Вы хотите использовать закон как оружие в гражданской войне против неудобных для вас партий»¹. Оратор умолчал, однако, о том, на какой стороне баррикад в развязанной реакционерами гражданской войне оказалось большинство лидеров его собственной партии.

В положении президента и особенно в его диктаторских правах, установленных статьей 48, с особой ясностью проявилась подлинная классовая сущность Веймарской конституции. Здесь выступило на поверхность то глубокое антагонистическое противоречие между отрицающим демократию империализмом и стремящимися к демократии массами, которое пронизывало всю конституцию. Необходимость считаться с борьбой народных масс за свои права, за действительную демократию заставляла авторов конституции прибегать к маскировке буржуазной диктатуры различными «демократическими» завесами, в «нормальных» условиях осуществлять эту диктатуру скрыто, используя обычные органы власти — правительство, рейхстаг, полицию, суды и т. п. Но страх перед тем, что народ может использовать даже ограниченные и формальные свободы и права в борьбе против основ капиталистического строя, заставил авторов конституции создать в ней возможность использования своей диктатуры в открытом, обнаженном виде. Эту возможность и давали диктаторские права президента.

То, что в Веймарскую конституцию, которую ее авторы пытались представить как «самую демократическую в мире», они включили положения о праве президента открыто попираť демократию и действовать методами гражданской войны, свидетельствовало не о силе, а о слабости германской буржуазии.

Социал-демократические адвокаты буржуазии, стремясь пустить трудящимся пыль в глаза, пытались даже осадное положение представить как «защиту демократии», а положения о президентской диктатуре изобразить как некое «инородное тело» в Веймарской консти-

¹ VDNV, Bd. 327, S. 1337.

туции¹. Но даже буржуазные юристы должны были признать, что конституция давала полную возможность государственным органам в их совокупности осуществлять все диктаторские меры, о которых идет речь в статье 48, «обычным путем». Особенностью же этой статьи «является только сосредоточение полномочий власти в руках одного единственного органа», т. е. президента, и вытекающее отсюда «отклонение от обычной формы подобных государственных актов»².

Конституционная практика Веймарской республики показала, что диктатура президента неизменно применялась господствующими классами для борьбы против демократических стремлений народа, особенно в периоды революционных кризисов³.

В ряду высших органов власти конституция отвела существенную роль *рейхсрату* (имперскому совету). Статья 60 устанавливала, что он создан «для представительства германских земель в законодательстве и управлении». Этот орган был наследником бисмарковского бундесрата и являлся живым воплощением незавершенности демократического преобразования Германии. Правые партии добились в Национальном собрании отклоне-

¹ См., например, *F. Stampfer, Verfassung, Arbeiterklasse und Sozialismus*, S. 19. Штампфер, прикидываясь наивным младенцем, заявлял также, что, если президент допустит «злоупотребление 48-й статьей, то этим вызовет упрек в нарушении присяги и тем сильно повредит своему положению».

² См. *L. Gebhard, Die Verfassung...*, S. 250.

³ Так, Эберт за время своего президентства (1919—1925) издал 136 распоряжений на основании второго абзаца статьи 48. — См. *W. Apelt, Geschichte der Weimarer Reichsverfassung*, S. 261—262 ff. Наибольшая часть из них приходилась на 1921 и особенно на 1923 г., когда президентская диктатура широко применялась для подавления революционного движения пролетариата в Руре, в Средней Германии и других местах, а также для установления новых налогов и повинностей, которые не удавалось провести демократическим путем через рейхстаг.

Еще шире президентская диктатура стала применяться в период экономического кризиса 1929—1932 гг., когда классовая борьба в стране достигла особенной остроты. Практика «чрезвычайных декретов» широко использовалась в 1930—1931 гг., а в 1932 г. рейхстаг был фактически почти целиком выключен из законодательной деятельности, распоряжения издавались правительством от имени президента, а рейхсканцлеры подбирались президентом без учета парламентского большинства. «Президентские кабинеты» Папена и Шлейхера расчистили путь для прихода к власти Гитлера и установления открытой террористической фашистской диктатуры.

ния предложения об избрании членов рейхсрата ландтагами, и статья 63 устанавливала, что его членами являются представители правительств земель, т. е. представители государственной бюрократии.

В области законодательства рейхсрат получил право «отсрочивающего вето» («*suspensives veto*»). Кроме того, правительство было обязано представлять рейхсрату на рассмотрение все свои законопроекты до внесения их в рейхстаг. В случае разногласий правительство должно было предоставить рейхстагу также и контрпроект рейхсрата. Рейхсрат получил значительные права и в области управления. Правительство должно было постоянно информировать его о своей деятельности, а в ряде вопросов нуждалось в его санкции. Таким образом, этот антидемократический орган выполнял функции тормоза не только в вопросах законодательства, но и в вопросах управления.

Создавая и рекламируя представление о том, будто Веймарская республика является образцом «правового государства» («*Rechtsstaat*»), авторы и апологеты ее конституции ссылались обычно и на то, что конституция провозглашала «независимость» *судебной власти*. В действительности это была такая же фикция, как утверждение о «народовластии».

Наряду с Имперским судом (*Reichsgericht*) и судами земель конституция предусматривала образование специальной Государственной судебной палаты (*Staatsgerichtshof*), которая должна была рассматривать жалобы против президента, рейхсканцлера и министров по обвинению их в нарушении конституции, а также другие конституционные конфликты. Имперский суд играл в Веймарской республике роль оплота реакции. Он самочинно присвоил себе право проверки «конституционности» законов, принятых рейхстагом, и таким образом превратился в своего рода бюрократическую верхнюю палату, не предусмотренную конституцией.

В отношении *органов власти и администрации земель и местных органов* Веймарская конституция ограничивалась установлением общих принципов. Она предписывала, что земли должны иметь республиканские конституции, что народные представительства земель — ландтаги, а также местные (городские и общинные) представительные собрания должны избираться на основе всеоб-

Щего избирательного права, что правительства земель должны опираться на доверие ландтагов (ст. 17). Только в низовом звене, в общине, обеспечивалось известное самоуправление. В уезде, округе и провинции фактически все дела по-прежнему вершили назначаемые государством чиновники.

ОСНОВНЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН

В первые дни Ноябрьской революции германский пролетариат, свалив монархию и завоевав республику, добился определенных демократических прав и свобод для народа. В ходе последующих революционных боев он решительно отстаивал свои завоевания, стремясь их расширить и углубить. Рабочий класс Германии в это время неопровержимо доказал, что он является единственным последовательным борцом за демократию.

В обстановке революционного подъема ни буржуазные партии, ни социал-демократы не могли игнорировать демократических требований народа. Более того, с целью обмана масс шейдемановцы и каутскианцы сами ухватились за лозунги «чистой демократии», «свобод и прав народа» и т. п. В конституционной комиссии первоначально небольшой раздел, состоявший из 12 статей и посвященный правам граждан, разросся в отдельную часть конституции, озаглавленную «Основные права и основные обязанности немцев». 5 разделов этой части включали в себя 57 статей.

Основой всей системы прав граждан являются, как известно, социально-экономические права и прежде всего право на труд, представляющее собой основу самого физического существования человека. Только реальное обеспечение этого права может создать необходимую предпосылку для фактического равноправия граждан, для их действительной, а не мнимой свободы.

Конституция РСФСР 1918 г., законодательно закрепив экспроприацию капиталистов и помещиков, национализацию земли, банков и крупной промышленности, создала материальные предпосылки для обеспечения всем трудящимся права на труд. Германские социал-демагоги приложили немало усилий, чтобы с целью обмана народа сконструировать и в Веймарской конституции, основан-

ной на капиталистической собственности и эксплуатации, нечто вроде «права на труд». Но, как и следовало ожидать, им не удалось создать даже чисто декларативной конструкции.

Статья 163 провозглашала в первой фразе, что «каждому немцу должна быть предоставлена возможность добывать себе содержание хозяйственным трудом». Однако уже следующая фраза статьи вынуждена была бить отбой: «Поскольку ему не может быть указана соответствующая возможность труда, он должен получать необходимое содержание». Так, промогласно возвещенное «право на труд» превратилось лишь в закрепление вырванного рабочими в результате многолетней борьбы права на нищенское пособие по безработице.

В эту статью конституции было включено также положение о том, что «каждый немец, не в ущерб его личной свободе, нравственно обязан так применять свои духовные и физические силы, как этого требует благо общества». Нужно было обладать поистине огромной силой воображения, чтобы выдать эту беззубую формулу за социалистический принцип о равной обязанности трудиться. Даже демагог Катценштейн вынужден был признать в комиссии, что «в русской Советской конституции... такая обязанность сформулирована более ясно и точно и не в такой колеблющейся и слабосильной форме, как здесь»¹.

Подобным же образом выглядело в Веймарской конституции и «право» на социальное обеспечение, превозносившееся социал-демократическими лидерами как великое завоевание. В действительности речь шла не о государственной поддержке нуждающихся и не об обязательствах, налагаемых на предпринимателей, а о страховании за счет... самих страхуемых.

Отсутствие реальных социально-экономических прав трудящихся делало иллюзорными и другие демократические права. Статья 109 декларировала, например, что «все немцы равны перед законом», что мужчины и женщины имеют «в принципе равные гражданские права и обязанности». Здесь, как и в других статьях, конституция не затрудняла себя указанием путей для действительного осуществления провозглашенных прав и свобод.

¹ VDNV, Bd. 336, S. 391.

При этом Национальное собрание, согласившись на «принципиальное» признание равенства женщин в государственно-правовом отношении, отвергло предложение включить в статью определение об отмене положений, закреплявших бесправие женщин в области частного права¹.

Группа статей конституции (119—122), посвященная вопросам семьи, брака, воспитания, положения детей и юношества, представляла собой весьма пеструю картину, в которой были перемешаны правовые нормы, программные заявления и благие пожелания. В то же время Национальное собрание отказалось обобществить учреждения здравоохранения и обеспечить населению бесплатную медицинскую помощь².

Большинство статей этого раздела Веймарской конституции содержало различного рода «оговорки» и ограничения. Этим Веймарская конституция очень походила на французскую конституцию 1848 г., о которой К. Маркс в свое время сказал, что каждый ее параграф «содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке»³. Особенно ярко это проявилось в статьях 111—118, гарантировавших «основные свободы», — свободу слова и печати, тайну переписки, неприкосновенность личности и жилища, свободу передвижения, выбора профессии, приобретения имущества и эмиграции за границу. Почти каждая из этих статей была снабжена оговоркой, что «ограничения допустимы только на основании закона» или «исключения устанавливаются законом». Кроме того, президент империи мог одним росчерком пера на основании статьи 48 приостановить на более или менее длительный срок их действие.

Показательна структура статьи 123. Ее первый абзац гласил: «Все немцы имеют право без предварительного уведомления или особого разрешения собираться мирно и без оружия». При чтении этого абзаца могло сложиться впечатление, что конституция действительно разрешает собрания народа для любых мирных целей. Однако сле-

¹ См. VDNV, Bd. 328, S. 1563, 1568.

² См. там же, стр. 1610 и след.

³ К. Маркс, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 8, стр. 132.

дующая фраза, добавленная в комиссии, вносила существенные коррективы: «Для собраний под открытым небом имперский закон может устанавливать обязательность предварительного уведомления, и в случае непосредственной угрозы для общественной безопасности они могут быть запрещены». Эта «оговорка», означавшая восстановление кайзеровских законов, отмененных было в ноябрьские дни 1918 г., была как раз по интересам трудящихся, которые, не имея в своем распоряжении ни общественных зданий, ни клубов для собраний, вынуждены были чаще всего собираться именно под открытым небом. Оправдывая включение этого абзаца в конституцию, Преис специально подчеркивал, что его «необходимость» обосновывается «опытом» Берлина и других крупных городов в революционные месяцы...¹.

В многолетней упорной борьбе с капиталистами и правительством рабочий класс Германии отстаивал свое право объединяться в профессиональные союзы и другие организации и вести борьбу за свои интересы, в частности посредством забастовок. Это завоеванное право, широко применявшееся и в дни революции, обычно именовалось в Германии «свободой коалиций». В первых проектах конституции было специально оговорено, что «свобода коалиций не может быть ни в какой мере ограничена». Но, когда в конце 1918 — начале 1919 г. экономические и политические стачки охватили всю страну, буржуазия и ее социал-демократические прислужники двинули против стачечников белогвардейские банды Носке. В конституционной комиссии представители буржуазных партий как раз в это время предложили «заменить» в проекте конституции формулу о свободе коалиций другой формулой — о «свободе союзов», не включавшей право на забастовку. Воспользовавшись последовавшим сходом революционного движения, буржуазные партии при поддержке правых лидеров социал-демократии протащили эту «подмену» в конституцию.

Статья 124 окончательного текста конституции провозглашала теперь свободу образования союзов «для целей, не противоречащих уголовным законам», а статья 159 указывала, что «обеспечивается свобода объединений в целях сохранения и улучшения условий труда и хозяй-

¹ VDNV, Bd. 328, S. 1630.

ства для всех лиц и всех профессий». Выступая с обоснованием этой формулировки, социал-демократ Зинцгеймер прямо заявил, что «признание конституцией хозяйственной и социальной свободы объединений не является одновременно конституционным признанием так называемой свободы забастовок...»¹

Веймарская конституция, как и другие буржуазные конституции, исходила из предпосылки о неравноправии наций и рас, являясь в основе своей националистической, т. е. конституцией господствующей немецкой нации. Это проявилось уже в заголовке второй части конституции, говорившем об основных правах и обязанностях *немцев*.

В первом проекте конституции содержалось положение, что «законодательство и управление не должно препятствовать национальному развитию иноязычных частей населения, особенно в употреблении теми родного языка при обучении, так же как и во внутреннем управлении и суде, в пределах населенных ими областей»². Это определение, говорившее о весьма ограниченной, только культурной (языковой), а не политической автономии тех национальных меньшинств, которые сохранили свой родной язык, вызвало ожесточенные нападки со стороны правых партий. Комитет государств предложил свою особую формулировку, говорившую не о разрешении пользоваться национальным языком, а предписывавшую органам власти «обращать внимание» на «иноязычные части населения». Однако ораторы правительственных партий в Национальном собрании возражали против сужения первоначального определения. Их аргументация вскрывала при этом их действительный национализм, который они хотели только лицемерно прикрыть.

Так, лидер партии центра Шпан предостерегал, что в случае открытого проявления националистического характера конституции жители польских областей могут занять враждебную Германии позицию во время референдума, который должен быть проведен в Силезии по предписанию Версальского мирного договора³. Немецкий демократ Шюкинг подчеркивал другую сторону вопроса, указывая, что националистические формулировки могут нанести ущерб интересам немцев, так как в результате

¹ VDNV, Bd. 328, S. 1749.

² RV, S. 7.

³ VDNV, Bd. 326, S. 381.

Версаля «многие немцы вынуждены жить в чужих государствах, под чужим скипетром»¹.

Буржуазные партии в Национальном собрании придавали большое значение также формулировке, включенной в статью 112 и гласившей, что «ни один немец не может быть выдан иностранному правительству для преследования или наказания». Смысл формулировки станет ясным, если вспомнить, что правительства Антанты как раз в это время обсуждали требование о предании международному суду германских военных преступников. В ней нашел юридическое выражение националистический вой, поднятый в связи с этим требованием всей буржуазно-юнкерской и социал-демократической печатью.

Германские империалисты вовсе не собирались также отказаться от своих колониальных притязаний, основанных на расистских «теориях» о неполноправии и «неполноценности» колониальных народов. Хотя Версальский договор и лишил Германию ее колониальных владений, создатели конституции не преминули включить в нее положение, устанавливавшее, что «колониальное дело» относится к компетенции общегерманских органов власти (ст. 6).

Едва ли не самым ярким примером непоследовательности и половинчатости демократизма Веймарской конституции являлись статьи, посвященные положению церкви и школы. Обсуждение этих вопросов началось задолго до опубликования первого проекта конституции и закончилось только за несколько часов до окончательного голосования в Национальном собрании. Острота споров объяснялась не только желанием отвлечь внимание народа от более важных вопросов, но и тем, что в этом пункте проявилось давнее соперничество между партией центра и социал-демократией в вопросе о влиянии на массы.

Закулисные торги привели в конце концов к заключению сначала первого, а затем, вечером 31 июля, буквально в «последний час», когда на пленуме Национального собрания уже заканчивалось третье чтение конституции, и второго «веймарского школьного компромисса». Отклонив отделение церкви от государства, Национальное собрание лишь записало в конституции, что «не существует государственной церкви» (ст. 137), т. е. за-

¹ VDNV, Bd. 326, S. 477.

крепило существовавшее и ранее положение о равноправии католической и евангелической церквей. Отделение школы от церкви не было проведено, религия осталась регулярным учебным предметом в подавляющем большинстве школ. Не было достигнуто и единство школьной системы. Главным типом школы конституция объявила так называемую «симультанную» школу, общую для всех вероисповеданий, а конфессиональную и светскую школы — дополнительными.

Конституция устанавливала, правда, всеобщую обязательность обучения в восьмилетней народной школе и в школах второй ступени до достижения 18-летнего возраста, объявляла о бесплатности обучения и учебных пособий в этих школах (ст. 145) и говорила даже о материальной помощи родителям малообеспеченных детей (ст. 146). Однако реальное осуществление этих статей не было материально обеспечено¹.

* *
*

Веймарская конституция юридически оформила происшедший в Германии в результате Ноябрьской революции переход от полуабсолютистской монархии к буржуазно-парламентарной республике. Она закрепила совершившийся классовый сдвиг: превращение юнкерско-буржуазного германского государства в буржуазно-юнкерское.

Веймарская республика родилась в период общего кризиса мировой капиталистической системы, когда в связи с победой социалистической революции в России эра «устойчивости» капитализма уже прошла, эпоха буржуазного парламентаризма, по выражению В. И. Ленина, кончилась². Заложенный в самом основании республики глубокий внутренний антагонизм между враждебным демократии империализмом и демократическими требованиями народных масс был главной причиной непоследо-

¹ Буржуазный юрист Штир-Сомло откровенно указывал, что «все эти финансовые обязательства не имеют принципиальной природы, зависят от платежеспособности общин. Проведение их может даже привести к сильному уменьшению числа учебных заведений, так как, если они обязательно должны быть бесплатными, средства на их учреждение и содержание будут еще выше и еще труднее добываемы, чем раньше». — *F. Stier-Somlo, Die Verfassung...*, S. 128.

² См. *В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме*, Соч., т. 31, стр. 38.

вательности и половинчатости важнейших положений конституции.

Веймарская конституция исходила из сохранения капиталистической собственности на средства производства в качестве экономической основы общественного строя республики. Иллюзорные положения о «социализации» ровно ничего не значили. Конституция утвердила в Германии режим буржуазного парламентаризма со свойственными ему атрибутами — всеобщим избирательным правом, референдумом и т. п. — в качестве политической основы республики. Этот режим был удобной формой для диктатуры капитала. «Укоренение Советов» в конституции нисколько не меняло ее основного характера.

В вопросах государственного строя конституция, обеспечив усиление централизации, в то же время сохранила в угоду реакционным силам многие федералистические формы, в частности, преобладание Пруссии, недобровольность союза земель, бюрократическую систему управления. В структуре высших органов власти и прежде всего в диктаторских правах президента ярко проявились антидемократические черты конституции. Особенно сильно ограниченность, декларативность и формальный характер демократизма Веймарской конституции сказались в вопросе о правах и свободах граждан.

Буржуазные и социал-демократические апологеты Веймарской конституции не раз пытались доказать ее мнимое «превосходство» над конституцией Советской России. Выступая в Национальном собрании и восхваляя «демократизм» своего творения, депутат Науман заявил, например: «Впоследствии будут с исторической точки зрения рассматривать конституцию России 1918 года и конституцию Германии 1919 года как современные параллельные явления. Их будут сравнивать и оценивать размеры различия не по нашим сегодняшним мнениям и настроениям, а по тому практическому успеху, который будет иметь та или другая конституция...»¹ История наглядно показала как слабость Веймарской конституции, просуществовавшей менее чем полтора десятилетия, чтобы уступить место возвращенному под ее сенью террористическому фашистскому режиму, так и гигантские преимущества социалистического строя, становление

¹ VDNV, Bd. 328, S. 2190.

которого возвестила Конституция РСФСР 1918 года. Принципы этой конституции, развитые и поднятые на высшую ступень в Конституциях Советского Союза 1924 и 1936 годов, одержали всемирно-историческую победу, став впоследствии образцом для демократических и социалистических конституций многих стран.

Не выдерживая никакого сравнения с конституцией социалистического государства, Веймарская конституция означала, однако, существенный шаг вперед по сравнению с бисмарковской конституцией Германии. Среди современных ей буржуазных конституций Веймарская конституция была одной из самых демократических. Она давала больше, чем, например, французская или американская конституция, возможностей для деятельности демократических партий, профсоюзов, культурных и других организаций и предоставляла известные свободы для граждан.

При этом следует иметь в виду, что все демократические стороны Веймарской конституции ни в какой мере не были заслугой буржуазных демократов или социал-демократических руководителей, хотя они и старались приписать себе эти достижения. Все демократические завоевания, нашедшие свое отражение в конституции, были от начала до конца результатом героической борьбы революционного авангарда германского пролетариата. Они были вырваны рабочим классом в борьбе не столько даже против монархии, которая пала от первого дружного натиска народа, сколько против «демократической» буржуазии и ее социал-демократической агентуры, всеми силами стремившихся обкарнать и урезать завоевания революции.

Революция 1918—1919 гг. в Германии должна быть по справедливости отнесена к числу наиболее сложных явлений не только истории Германии, но и всемирной истории, во всяком случае истории новейшего времени. Не удивительно поэтому, что целый ряд проблем этой революции до сих пор является предметом научных дискуссий, хотя общая характеристика Ноябрьской революции марксистско-ленинской исторической наукой уже дана. Всестороннее обсуждение спорных вопросов, привлечение новых исторических документов и материалов, детальная разработка отдельных сторон революционного процесса будут, несомненно, способствовать созданию в скором будущем более точной и ясной картины развития германской революции, чем это возможно в настоящее время. Это тем более необходимо, что буржуазные и социал-демократические фальсификаторы проявляют значительную активность, стараясь исказить и извратить смысл и значение событий этого важного периода германской истории.

Революционный кризис, назревший в Германии в конце 1918 года, был результатом резкого обострения в период первой мировой войны всех противоречий империализма. Этот кризис в одной из передовых стран Европы должен быть отнесен к числу наиболее значительных проявлений развернувшегося, особенно после победы Великого Октября, общего кризиса мировой капиталистической системы. Вместе с тем революционный кризис в Германии носил на себе и явственный отпеча-

ток специфических противоречий германского «юнкерско-буржуазного» империализма, соединявшего в себе черты высокой организации финансового капитализма (а во время войны и военно-государственного монополистического капитализма) с засильем прусского юнкерства и сохранением ряда полуфеодалных пережитков.

Четырехлетняя губительная война, крах военной экономики Германии и неизбежность военного поражения вскрыли гнилость юнкерско-буржуазного режима Гогенцоллернов. Возмущение и негодование измученного войной народа прорывались все с большей силой. Особенное впечатление произвел на трудящихся Германии пример России, где рабочий класс в союзе с трудовым крестьянством низверг власть капиталистов и помещиков и вырвал свою страну из империалистической войны. В ноябре 1918 года революция в Германии разразилась.

Весь ход исторического развития Германии за предшествовавшие десятилетия создал в стране объективные, прежде всего экономические, предпосылки для социалистической революции. Только пролетарская революция могла последовательно и до конца решить и комплекс тех буржуазно-демократических задач, которые оставались нерешенными в результате поражения революции 1848—1849 гг. и бисмарковской политики «железа и крови».

В условиях зрелости объективных предпосылок для социалистической революции особенное значение приобрел субъективный фактор. В Германии, где рабочий класс составлял почти половину населения, судьба революции в решающей степени зависела от революционной сознательности и организованности пролетариата. Но именно здесь таилась серьезная опасность, так как германский пролетариат был в результате предательства социал-демократической верхушки к моменту революционного кризиса расколот и дезорганизован. Социал-шовинисты и центристы, опиравшиеся на разветвленный и слаженный партийный и профсоюзный аппарат, еще пользовались значительным влиянием и прилагали все усилия, чтобы удержать рабочий класс от революционной борьбы. А действительно революционной, боевой марксистской партии, способной повести трудящихся на штурм твердынь капитализма, в Германии к тому вре-

мении не было. Пропагандистские группы, созданные германскими революционерами, самой влиятельной из которых была группа «Спартак», сыграли большую роль в пробуждении революционной активности масс, они звали немецких трудящихся последовать примеру народов России. Но стать подлинными организаторами революции спартаковцы в силу своей малочисленности и организационной слабости не могли.

Революционный взрыв, потрясший Германию в начале ноября 1918 года, в несколько дней смел две дюжины монархий и заставил уйти с политической арены наиболее одиозных представителей военно-бюрократического режима. Была провозглашена республика, было подписано перемирие, трудящиеся завоевали некоторые демократические права и свободы. Но уже в эти первые дни революционного «штурма и натиска» роковым образом оказалось то, что классовая сознательность стихийно поднявшихся на революцию матросов, рабочих и солдат резко отставала от их революционного порыва.

Правящие классы не смогли ни предотвратить революцию, ни оказать сопротивление ее стремительному маршу по стране. Не имея возможности применить насилие, они с тем большей энергией прибегли к методу обмана, лести, обещаний. В этот критический момент буржуазия сумела выдвинуть вперед в качестве заслона свою социал-демократическую агентуру. Всплывшие на гребне революционной волны социал-предатели — шейдемановцы и каутскианцы — сумели в полной мере воспользоваться наивной доверчивостью рабочих и солдат, недостатком у них революционного опыта, чтобы с самого начала ослабить размах революции, навязать ей ограниченные цели.

Немецкие рабочие, матросы и солдаты, самостоятельно поднявшиеся на борьбу против войны и ненавистного правительства, создали по всей Германии по испытанному русскому образцу рабочие и солдатские Советы. Эти органы должны были, по мнению рабочих и солдат, стать «носителями и хранителями» революции, осуществить чаяния и надежды трудящихся на улучшение их положения и преобразование общества. Пришедшие в движение массы, бесспорно, наложили на ход революции отпечаток своих требований, своих попыток по-своему построить новое общество на место разрушаемого ста-

рого. Это свидетельствует о том, что революция была подлинно народной, демократической¹.

Но, для того чтобы революция стала пролетарской, социалистической, этого было недостаточно. Характер революции, ее социально-экономическое содержание определяется не столько задачами, которые она в силу созревших условий призвана решить, сколько тем, стоят ли эти задачи действительно в центре борьбы народных масс, прежде всего тем, как практически ставится в ходе этой борьбы главный вопрос революции — вопрос о власти. Первым шагом социалистической революции, необходимой предпосылкой решения ею своих задач является установление в той или иной форме диктатуры пролетариата. Мировой опыт свидетельствует, что до или без диктатуры пролетариата социально-экономическое содержание социалистической революции не может быть реализовано.

Однако в ноябрьские дни борьба за диктатуру пролетариата не стала основным содержанием действий рабочих масс и созданных ими Советов. Хотя многие Советы, выражая стихийное влечение рабочих к социализму, выдвинули наряду с демократическими требованиями также и социалистические лозунги, у огромного большинства рабочих, не говоря уже о солдатах, не было сколько-нибудь ясного представления о том, как достичь этой желанной цели.

Оппортунистические лидеры социал-демократии в течение десятилетий содействовали распространению в рабочем классе мелкобуржуазных парламентских иллюзий, сохранению преклонения перед властями, извращали марксистское учение о государстве, выхолащивая из него главную суть — учение о диктатуре пролетариата. Захватив руководство в большинстве возникших рабочих и солдатских Советов, шейдемановцы и каутскианцы сумели отвлечь Советы от сосредоточения в их руках полноты политической власти, от борьбы за пролетарскую диктатуру. Даже те местные Советы, которые под влиянием спартаковцев, левых радикалов и части левых независимцев осуществляли большее или меньшее вторжение в деятельность администрации и органов самоуправления,

¹ См. В. И. Ленин, Государство и революция, Соч., т. 25, стр. 388.

ограничивались на практике мерами демократического характера.

Берлинский рабочий и солдатский Совет, игравший в начале революции роль общегерманского органа Советов, и Советы в большинстве земель сразу же передали власть правительствам, которые, прикрываясь «социалистической» вывеской, были на деле правительствами буржуазии. Опираясь на старый чиновничий аппарат и верхушку военщины, эти правительства не допустили слома буржуазной государственной машины и посягательств на экономические позиции капиталистов и юнкеров. Советы же обрекли себя на роль бессильных «контролеров», не превратились в органы государственной власти, не стали боевыми органами пролетарской диктатуры.

Таким образом, в Германии произошла *не социалистическая, а буржуазно-демократическая революция*, проведенная в известной мере пролетарскими средствами и методами¹. Социал-демократические лидеры, в решающий момент изменившие коренным интересам социалистического пролетариата, совершили в ноябре 1918 года новое, еще более губительное по своим последствиям предательство, чем в августе 1914 года. Им удалось, подхватив и извратив лозунги мира, демократии и социализма, в самые первые дни революции сделать то, о чем с тревогой писал В. И. Ленин еще в 1916 году: «раздробить и затормозить революцию, павязывая ей ограниченные, демократические цели»². Надежда революционеров, что революция в Германии, которая была в отличие от России передовой капиталистической страной, с самого начала будет социалистической по своему характеру и власть сразу перейдет от буржуазии к пролетариату, не оправдалась³. Германии тоже пришлось пережить свой Февраль⁴.

¹ W. Ulbricht, Über den Charakter der Novemberrevolution. — «Neues Deutschland», 18.VI.1958 (русский перевод: В. Ульбрихт, О характере Ноябрьской революции. «Вопросы истории», 1958 г., № 8, стр. 63, 71).

² В. И. Ленин, Социалистическая революция и право наций на самоопределение (тезисы), Соч., т. 22, стр. 141.

³ См. В. И. Ленин, Заседание Петроградского Совета 12 марта 1919 г. Доклад о внешней и внутренней политике Совета Народных Комиссаров, Соч., т. 29, стр. 1; Речь на торжественном заседании Московского Совета, посвященном годовщине III Интернационала, 6 марта 1920 г., Соч., т. 30, стр. 391.

⁴ См. В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXIII, стр. 514, Приложение.

«Трагедия германской революции... — писал впоследствии вождь немецкого пролетариата Эрнст Тельман, — заключалась в разрыве между объективно созревшими революционными обстоятельствами, с одной стороны, и субъективной слабостью германского пролетариата, вызванной отсутствием ясно видящей цели большевистской партии, с другой стороны... Ни революционный инстинкт, ни несравненный героизм отдельных вождей Союза Спартака... не могли заменить стального, закаленного огнем революционного опыта авангарда»¹.

Ноябрьские дни были, однако, лишь первым периодом германской революции. Революция не закончилась, по ее дальнейшее развитие пошло особенно трудным путем. Положение обманом пробравшегося к власти правительства Эберта — Гаазе не было прочным. Иллюзии масс неизбежно должны были рассеяться, их революционная энергия не была еще исчерпана, Советы могли распознать обман и превратиться в органы реальной власти. Правительство же не имело пока в своем распоряжении «надежной» вооруженной силы, чтобы применить насилие против тех Советов, которые попытались бы действовать самостоятельно и решительно.

Революционеры-спартаковцы стремились открыть рабочим и солдатам глаза на истинное положение вещей, мобилизовать массы на борьбу за дальнейшее развитие и углубление революции, за перерастание революции в социалистическую, за установление диктатуры пролетариата, выдвинув боевой лозунг «Вся власть Советам!»

Но и социал-демократические главари не дремали. Став центром объединения всех сил реакции — от кайзеровских генералов и магнатов капитала до американо-английских империалистов, — они стали готовить контрреволюционный заговор против германского пролетариата и международного рабочего движения. В качестве прикрытия они использовали лозунг «Созыв Учредительного национального собрания!»

Так коренным вопросом борьбы во второй период революции стал вопрос: «Советская власть или Учредительное собрание?» Борьба революции и контрреволюции

¹ *E. Thälmann*, 9. November 1918 — die Geburtsstunde der deutschen Revolution. В кн.: *E. Thälmann*, Reden und Aufsätze... Bd. II, S. 13.

развернулась на широком фронте и велась в самых различных формах. Пролетарская струя движения стала проявляться сильнее, чем в первые дни революции: в разных концах страны стихийно вспыхивали стачки, митинги и демонстрации спартаковцев становились все более массовыми, попытки контрреволюционных путчей были смяты. На рубеже 1918 и 1919 гг. была создана Коммунистическая партия Германии, что явилось важнейшим событием в истории германского и международного рабочего движения. В то же время шейдемановцам при поддержке каутскианцев удалось парализовать Исполком Берлинского Совета, а вслед за тем побудить Всегерманский съезд Советов отказаться от взятия власти Советами и высказаться за созыв Национального собрания. Под Берлином были сосредоточены контрреволюционные войска.

В начале января шейдемановцы сочли момент благоприятным для нанесения удара по революционному авангарду. Они стремились полностью уничтожить разложившиеся ими изнутри Советы, разоружить рабочих и «ненадежных» солдат, запугать колеблющихся и таким образом подготовить почву для выборов в Национальное собрание. Спровоцированные правительством январские бои в Берлине окончились поражением рабочих, убийством лучших революционных руководителей. Вопрос — «Власть Советов или Учредительное собрание?» — был решен на данном этапе в пользу последнего.

Выборы в Национальное собрание, проходившие в обстановке белогвардейского террора, дали большинство буржуазным партиям. Вместе с тем выборы отразили происшедшие в результате революции изменения в расстановке классовых сил. Позиции юнкерства были ослаблены, на первый план выдвинулись буржуазно-республиканские партии, образовавшие вместе с социал-демократией так называемую «веймарскую коалицию». В правящем лагере произошел определенный классовый сдвиг. Полуабсолютистская монархия с преобладающим положением юнкерства в государственном аппарате уступила место буржуазной республике, в которой банкиры и магнаты промышленности стали непосредственными руководителями внутренней и внешней политики. Юнкерско-буржуазный германский империализм превращался в буржуазно-юнкерский.

Январские бои и их отзвуки в провинции были не только концом второго периода революции, но одновременно и началом ее нового, третьего периода. Буржуазия, опираясь на Национальное собрание и воссозданные вооруженные силы, смогла укрепить свои политические позиции. В то же время это был период открытой гражданской войны между буржуазией и пролетариатом, когда все более широкие массы рабочего класса втягивались в борьбу за дальнейшее развитие революции.

В феврале — апреле 1919 года по стране прокатилась мощная волна массовых стачек, охватившая прежде всего промышленные районы — Рейнско-Вестфальскую область, Среднюю Германию, Берлин, Силезию. Рабочие наряду с экономическими выдвинули также требования «социализации» предприятий и «признания» рабочих Советов, продолжавших существовать в промышленных центрах и на предприятиях. Но движение развернулось в значительной мере стихийно, выступления были разновременными, недостаточно целеустремленными. Борясь в конечном счете против капиталистического строя, рабочие, как правило, не выдвигали на первый план коренного вопроса о завоевании пролетариатом политической власти. Контрреволюции удавалось дезорганизовывать рабочих переговорами, провоцировать на выступления в неблагоприятных условиях, истреблять их руководителей и передовых борцов. Пагубно сказывалось отсутствие у пролетариата централизованного революционного руководства. Молодая коммунистическая партия, преследуемая и гонимая, не смогла еще стать подлинным вождем широких народных масс.

Особое место в боях этого периода занимают выступления пролетариата в Бремене, Мюнхене и в некоторых других городах. Провозглашение Советской республики в Бремене и особенно Баварской Советской республики, несмотря на их локальность, многочисленные слабости и ошибки, было первой практической попыткой осуществить в Германии пролетарскую революцию и установить диктатуру пролетариата. Однако эти разрозненные и изолированные попытки не привели к пролетарской постановке вопроса о власти в масштабе всей Германии. Буржуазная общегерманская власть не была поколеблена, и ей удалось, несмотря на мужество и само-

отверженность лучших сыновей и дочерей германского пролетариата, потопить в крови героические попытки рабочего класса развязать в Германии социалистическую революцию. Таким образом, и в этот, последний период германской революции 1918—1919 гг. не произошло решающих боев пролетариата за власть. Буржуазно-демократическая революция не переросла в социалистическую.

Главной причиной трагического исхода германской революции, не решившей исторически назревших задач, было предательство социал-демократических лидеров, взявших на себя гнусную роль спасителей буржуазного общества и палачей революционного пролетариата. Боевой авангард рабочего класса не был еще в это время достаточно сплоченным и организованным, чтобы слить в единый поток все революционные силы народа и привести трудящихся к победе над капиталом.

Но героическая борьба германского пролетариата в ходе Ноябрьской революции не была напрасной. Она имела серьезное внутрисполитическое и большое международное значение. Рабочий класс, бывший главной движущей силой революции, низверг монархию, завоевал и отстаивал республику и некоторые демократические права и свободы, расчистив тем самым почву для дальнейшей борьбы за свое освобождение. В ходе боев сложились и окрепли революционные традиции пролетариата, он постепенно высвобождался из-под влияния социал-предателей; мужала и закалялась рожденная в боях Коммунистическая партия Германии. Вместе с тем героическая борьба германских рабочих революционизировала другие страны Европы, сорвала планы империалистов использовать Германию в качестве главной базы антисоветской интервенции и тем способствовала укреплению положения Советской власти в России.

Социал-демократические главари предали во время Ноябрьской революции не только социалистические интересы германского пролетариата. Они изменили также делу демократического преобразования страны и национальным интересам немецкого народа. На них лежит громадная доля вины за то, что революция не решила многих даже демократических задач: не подорвала позиций юнкерства, не наказала военных преступников, не преодолела остатков территориальной раздробленности страны и т. д. Злобная антисоветская политика социал-

демократических правителей лишила Германию такого могучего союзника, как Советская Россия, а их ориентация на помощь со стороны империалистов США не спасла Германию от тяжелого, грабительского Версальского мира.

Версальский договор и принятая Национальным собранием Веймарская конституция на многие годы определили развитие Германии. Версальская система была направлена своим острием не против германского империализма, который сохранил свои важнейшие экономические позиции. Господствующие классы смогли переложить всю тяжесть Версальского договора на плечи трудового народа, который оказался таким образом под бременем двойного гнета, своих и иностранных империалистов. Веймарская конституция закрепила переход от полуабсолютистской монархии к парламентарной республике, в которой в новых формах сохранилась диктатура магнатов капитала и милитаристских юнкеров. Поэтому Версальский мир и Веймарская конституция привели не к прочному миру и не к смягчению внутренних противоречий, а, наоборот, к возрождению агрессивного германского милитаризма и к резкому обострению классовой борьбы в стране.

Веймарская республика с момента своего рождения несла в себе семена своей гибели. Возникшая в период общего кризиса капитализма, она была построена на внутренне противоречивой основе: господствующие империалистические силы стремились к политической реакции и в то же время не могли в условиях революционных боев не считаться с демократическими требованиями народных масс. Это противоречие не могли сгладить бесчисленные компромиссы и половинчатости, столь свойственные Веймарской конституции.

С первых дней своего существования Веймарская республика была ареной ожесточенной борьбы между силами реакции и прогресса. Реакционеры предпринимали непрерывные атаки против буржуазно-демократических форм и методов управления. После провала в 1920 году монархического путча Каппа — Лютвица они все больше стали ориентироваться на военные и фашистские организации, подготавливая переход к террористической диктатуре. В то же время трудящиеся массы во главе с рабочим классом продолжали энергичную борьбу за подлин-

ную демократию и социализм. В 1921 и особенно в 1923 году рабочий класс провел ряд крупных революционных боев, но не смог добиться победы главным образом из-за предательства социал-демократических главнейших, продолжавших раскалывать и дезорганизовывать рабочее движение.

Внутренняя слабость и непрочность Веймарской республики сказалась с особой силой в годы экономического кризиса (1929—1932 гг.), когда в стране явственно проявились признаки растущего революционного возмущения рабочего класса. Коммунистическая партия Германии превратилась к этому времени в серьезную политическую силу. Противоречие между империализмом и демократией не удавалось больше прикрыть никакими ухищрениями. Правящие классы боялись, что в обстановке зреющего штурма остатки буржуазно-демократических свобод, еще сохранившиеся в республике, могут быть использованы рабочим классом для развертывания революционного движения. Убедившись, что «старые» буржуазные партии обанкротились, а влияние социал-демократии в массах неудержимо падает, магнаты монополистического капитала решили сбросить маску. В момент острого политического кризиса они призвали к власти партию гитлеровцев, злейших врагов рабочего класса и душителей свободы.

Установление в Германии фашистской диктатуры было подготовлено наиболее хищническими кругами финансовой буржуазии при активной поддержке международного империализма. Партия гитлеровцев, опиравшаяся на многочисленные вооруженные формирования и сумевшая разнузданной демагогией и ревизионистской пропагандой увлечь за собой значительные слои мелкой буржуазии, представлялась империалистам последним средством для спасения их господства и осуществления агрессивных внешнеполитических планов.

Приходу к власти Гитлера в решающей степени способствовала политика социал-демократических лидеров, срывающих единый фронт рабочего класса в борьбе против фашизма и войны. Победа фашизма была, однако, в то же время и показателем слабости буржуазии, оказавшейся не в состоянии сохранить свое господство старыми методами парламентаризма и буржуазной демократии. Это был крах веймарской буржуазной демократии,

свидетельствовавший о том, что империализм ищет выхода из тупика на путях террора и войны. При этом сама Веймарская конституция, в частности пресловутая статья 48 о президентской диктатуре, позволила фашистам прийти к власти «незаконным» путем.

Фашистский террористический режим, хвастливо провозгласивший, что Германия вступает в эру «тысячелетней империи», оказался, однако, еще менее долговечным, чем Веймарская республика. Развязав вторую мировую войну, фашизм был наголову разгромлен Советским Союзом, поддержанным в его освободительной борьбе всем прогрессивным человечеством. Гитлеровский фашизм пал, успев превратить Германию и значительную часть Европы в дымящиеся развалины.

Разгром фашизма создал необходимые условия для преобразования Германии в миролюбивое, демократическое государство. Демократические силы немецкого народа поставили перед собой благородную задачу порвать с милитаристским и агрессивным прошлым и обеспечить развитие страны по новому пути. Однако решить эту задачу во всей Германии помешали империалистические оккупационные власти, ставшие на путь раскола страны и превращения Западной Германии в вотчину милитаристов и плацдарм новой агрессии. И снова, как в 1918—1919 гг., правые лидеры западногерманской социал-демократии помогли империалистам восстановить свою пошатнувшуюся диктатуру.

В Восточной Германии демократические силы правильно учли важнейшие уроки истории, в том числе и уроки Ноябрьской революции. Они осознали, что рабочий класс может выполнить свою великую историческую миссию передового борца за демократию, национальную независимость и социализм только в том случае, если во главе его стоит боевая революционная партия, монолитно сплоченная и тесно связанная с народом. Рабочий класс преодолел роковой раскол, помешавший ему добиться победы во время Ноябрьской революции, и создал на основах марксизма-ленинизма Социалистическую единую партию Германии. Опираясь на лучшие традиции германского и международного рабочего движения, СЕПГ обеспечила прочный союз рабочих и крестьян, сплотила вокруг себя большинство народа, стала руководящей силой нации.

В 1949 году была образована Германская демократическая республика, явившаяся первым в истории Германии подлинно демократическим государством рабочих и крестьян. Она возникла на почве глубоких социально-экономических преобразований, выкорчевавших корни господства монополистов и юнкеров. Успехи народного хозяйства и рост сознательности рабочего класса позволили создать в ГДР основы социализма.

Социалистическая единая партия Германии упорно и неутомимо работает над идеологическим воспитанием своих членов и организационным сплочением своих рядов. Продолжая славную традицию Коммунистической партии Германии, она воспитывает народ в духе интернационализма и братских связей с трудящимися всех стран, в духе дружбы с народами Советского Союза. Вместе с братской Коммунистической партией Германии, которая вынуждена работать в ФРГ в условиях нелегальности и преследований, СЕПГ мужественно и стойко борется за жизненные интересы трудящихся, за мир, за победу социализма, за национальное возрождение Германии как миролюбивого демократического государства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Маркс К. и Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии.
К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2. Т. 4.
- Маркс К. и Энгельс Ф.* Требования Коммунистической партии в Германии. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Изд. 2. Т. 5.
- Маркс К.* Критика Готской программы. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Изд. 1. Т. XV.
- Маркс К.* Письмо Комитету Социал-демократической рабочей партии Германии, 1 сентября 1870 г. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Избранные письма. М. 1953.
- Энгельс Ф.* Письмо Марксу 25 июля 1866 г. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Избранные письма. М. 1953.
- Энгельс Ф.* Предисловие к книге «Крестьянская война в Германии». Добавление от 1874 г. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Т. XV.
- Энгельс Ф.* Письмо А. Бабелю 11 декабря 1884 г. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Т. XXVII.
- Энгельс Ф.* Роль насилия в истории. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Т. XVI. Ч. 1.
- Энгельс Ф.* Что же дальше? *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Т. XVI. Ч. 2.
- Энгельс Ф.* К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Т. XVI. Ч. 2.
- Энгельс Ф.* Социализм в Германии. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Т. XVI. Ч. 2.
- Энгельс Ф.* Крестьянский вопрос во Франции и Германии. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. Т. XVI. Ч. 2.
- Ленин В. И.* Революция типа 1789 или типа 1848 года? Соч. Т. 8.
- Ленин В. И.* Демократические задачи революционного пролетариата. Соч. Т. 8.
- Ленин В. И.* Две тактики социал-демократии в демократической революции. Соч. Т. 9.
- Ленин В. И.* К вопросу об общенациональной революции. Соч. Т. 12.
- Ленин В. И.* Международный социалистический конгресс в Штутгарте. Соч. Т. 13.
- Ленин В. И.* На прямую дорогу. Соч. Т. 15.
- Ленин В. И.* К оценке русской революции. Соч. Т. 15.
- Ленин В. И.* Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии. Соч. Т. 15.
- Ленин В. И.* «Левение» буржуазии и задачи пролетариата. Соч. Т. 15.

- Ленин В. И.* Письмо И. И. Скворцову-Степанову. Соч. Т. 16.
- Ленин В. И.* Новейшие данные о партиях в Германии. Соч. Т. 19.
- Ленин В. И.* Чему не следует подражать в немецком рабочем движении. Соч. Т. 20.
- Ленин В. И.* Крах II Интернационала. Соч. Т. 21.
- Ленин В. И.* Главный труд немецкого оппортунизма о войне. Соч. Т. 21.
- Ленин В. И.* Социализм и война. Соч. Т. 21.
- Ленин В. И.* Оппортунизм и крах II Интернационала. Соч. Т. 21.
- Ленин В. И.* Оппортунизм и крах II Интернационала. Соч. Т. 22.
- Ленин В. И.* Социалистическая революция и право наций на самоопределение (Тезисы). Соч. Т. 22.
- Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч. Т. 22.
- Ленин В. И.* О брошюре Юниуса. Соч. Т. 22.
- Ленин В. И.* Итоги дискуссии о самоопределении. Соч. Т. 22.
- Ленин В. И.* Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову). Соч. Т. 23.
- Ленин В. И.* О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». Соч. Т. 23.
- Ленин В. И.* Империализм и раскол социализма. Соч. Т. 23.
- Ленин В. И.* Доклад о революции 1905 года. Соч. Т. 23.
- Ленин В. И.* Поворот в мировой политике. Соч. Т. 23.
- Ленин В. И.* О задачах пролетариата в данной революции. Соч. Т. 24.
- Ленин В. И.* О двоевластии. Соч. Т. 24.
- Ленин В. И.* Письма о тактике. Соч. Т. 24.
- Ленин В. И.* Задачи пролетариата в нашей революции. Соч. Т. 24.
- Ленин В. И.* Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Доклад о текущем моменте. 24 апреля (7 мая). Соч. Т. 24.
- Ленин В. И.* Классовый сдвиг. Соч. Т. 25.
- Ленин В. И.* Уроки революции. Соч. Т. 25.
- Ленин В. И.* О Стокгольмской конференции. Соч. Т. 25.
- Ленин В. И.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться. Соч. Т. 25.
- Ленин В. И.* Один из коренных вопросов революции. Соч. Т. 25.
- Ленин В. И.* Государство и революция. Соч. Т. 25.
- Ленин В. И.* Письмо объединенному заседанию ВЦИК, Московского Совета с представителями фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 3 октября 1918 г. Соч. Т. 28.
- Ленин В. И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский. Соч. Т. 28.
- Ленин В. И.* Доклад на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 г. Соч. Т. 28.
- Ленин В. И.* Резолюция, принятая на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 г. Соч. Т. 28.
- Ленин В. И.* Речь на торжественном заседании Всероссийского Центрального и Московского Советов профессиональных союзов 6 ноября 1918 г. Соч. Т. 28.
- Ленин В. И.* VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов 6—9 ноября 1918 г. Речь о годовщине революции 6 ноября. Соч. Т. 28.

- Ленин В. И.* Телеграмма всем Союзам, всем, всем. Соч. Т. 28.
- Ленин В. И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский. Соч. Т. 28.
- Ленин В. И.* Речь на рабочей конференции Пресненского района 14 декабря 1918 г. Соч. Т. 28.
- Ленин В. И.* О «демократии» и диктатуре. Соч. Т. 28.
- Ленин В. И.* Речь на II Всероссийском съезде учителей-интернационалистов 18 января 1919 г. Соч. Т. 28.
- Ленин В. И.* Речь по поводу убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта 19 января 1919 г. Соч. Т. 28.
- Ленин В. И.* Письмо к рабочим Европы и Америки. Соч. Т. 28.
- Ленин В. И.* Проект радиотелеграммы Народного комиссара Иностранных дел. Соч. Т. 28.
- Ленин В. И.* I конгресс Коммунистического Интернационала 2—6 марта 1919 г. Речь при открытии конгресса 2 марта. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта. Соч. Т. 28.
- Ленин В. И.* Завоеванное и записанное. Соч. Т. 28.
- Ленин В. И.* Заседание Петроградского Совета 12 марта 1919 г. Доклад о внешней и внутренней политике Совета Народных Комиссаров. Соч. Т. 29.
- Ленин В. И.* VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г. Соч. Т. 29.
- Ленин В. И.* Пленум Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов 11 апреля 1919 г. Соч. Т. 29.
- Ленин В. И.* Третий Интернационал и его место в истории. Соч. Т. 29.
- Ленин В. И.* Приветствие Баварской Советской республике. Соч. Т. 29.
- Ленин В. И.* Дополнение к проекту обращения к германским рабочим и не эксплуатирующим чужого труда крестьянам. Соч. Т. 29.
- Ленин В. И.* Герои Бернского Интернационала. Соч. Т. 29.
- Ленин В. И.* О государстве. Соч. Т. 29.
- Ленин В. И.* О задачах III Интернационала. Соч. Т. 29.
- Ленин В. И.* Письмо Сильвии Папкхерст. Соч. Т. 29.
- Ленин В. И.* Как буржуазия использует ренегатов. Соч. Т. 30.
- Ленин В. И.* Привет итальянским, французским и немецким коммунистам. Соч. Т. 30.
- Ленин В. И.* Письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Германии по поводу раскола. Соч. Т. 30.
- Ленин В. И.* Товарищам-коммунистам, входившим в общую «Коммунистическую партию Германии» и составившим теперь новую партию. Соч. Т. 30.
- Ленин В. И.* О диктатуре пролетариата. Соч. Т. 30.
- Ленин В. И.* Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата. Соч. Т. 30.
- Ленин В. И.* Проект (или тезисы) ответа от РКП на письмо независимой с.-д. германской партии. Соч. Т. 30.
- Ленин В. И.* Заметки публициста. Соч. Т. 30.
- Ленин В. И.* Речь на торжественном заседании Московского Совета, посвященном годовщине III Интернационала, 6 марта 1920 г. Соч. Т. 30.
- Ленин В. И.* IX съезд РКП(б) 29 марта — 5 апреля 1920 г. Речь при открытии съезда 29 марта. Соч. Т. 30.

- Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Соч. Т. 31.
- Ленин В. И. «Коммунизм». Соч. Т. 31.
- Ленин В. И. Тезисы об основных задачах Второго конгресса Коммунистического Интернационала. Соч. Т. 31.
- Ленин В. И. II конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля — 7 августа 1920 г. Соч. Т. 31.
- Ленин В. И. Письмо к немецким и французским рабочим. Соч. Т. 31.
- Ленин В. И. III конгресс Коммунистического Интернационала 22 июня—12 июля 1921 г. Соч. Т. 32.
- Ленин В. И. Письмо к немецким коммунистам. Соч. Т. 32.
- Ленин В. И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции. Соч. Т. 33.
- Ленин В. И. Письмо Инессе Арманд 25 декабря 1916 г. Соч. Т. 35.
- Ленин В. И. Письмо К. Цеткин 26 июля 1918 г. Соч. Т. 35.
- Ленин В. И. Письмо В. В. Воровскому 20 сентября 1918 г. Соч. Т. 35.
- Ленин В. И. Письмо Я. М. Свердлову 1 октября 1918 г. Соч. Т. 35.
- Ленин В. И. Письмо членам группы Спартак 18 октября 1918 г. Соч. Т. 35.
- Ленин В. И. Телефонограмма представителю РСФСР в Берлине 23 октября 1918 г. Соч. Т. 35.
- Ленин В. И. Телеграмма Орловскому и Курскому губисполкомам и губкомам партии 9 ноября 1918 г. Соч. Т. 35.
- Ленин В. И. Телеграмма председателю Унечской организации РКП(б) 13 ноября 1918 г. Соч. Т. 35.
- Ленин В. И. Телеграмма Орловскому губкому партии 13 ноября 1918 г. Соч. Т. 35.
- Ленин В. И. Радиограмма из Москвы всем, всем, всем! Соч. Т. 36.
- Ленин В. И. Тетради по империализму. М. 1939.
- Ленинский сборник XXIV.

ДОКУМЕНТЫ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА, КПСС, КИПГ, СЕПГ, СТАТЬИ И РЕЧИ РУКОВОДЯЩИХ ДЕЯТЕЛЕЙ МЕЖДУНАРОДНОГО И ГЕРМАНСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

- Первый Конгресс Коммунистического Интернационала. Протоколы заседаний в Москве со 2 по 19 марта 1919 г. Пг. 1921.
- 2-й Конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Пг. 1921.
- III Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Пг. 1922.
- Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932. М. 1933.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7-е. Ч. I, II. М. 1953.
- Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза (1903—1953). М. 1953.
- К сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции (1917—1957). М. 1957.
- «Spartakusbrieft». Bd. I—II. Berlin 1920—1921.
- «Spartakus im Kriege. Die illegalen Flugblätter des Spartakusbundes im Kriege». Berlin 1927.
- Русск. пер.: «Спартак во время войны». М. 1933.

- «Bericht über den Gründungsparteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund) vom. 30. Dezember 1918 bis 1. Januar 1919». Berlin o. J.
- «Bericht über den 2. Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund) vom 20. bis 24. Oktober 1919». Berlin o. J.
- «Bericht über den 3. Parteitag der Kommunistischen Partei Deutschlands (Spartakusbund) am 25. und 26. Februar 1920». Berlin o. J.
- «Bauer! Wo fehlt's? Ein ernstes Wort des Spartakus an die deutschen Kleinbauern!» Berlin 1919.
- «Die Novemberrevolution und ihre Lehren für die deutsche Arbeiterbewegung. Beschluss des Parteivorstandes der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands vom 16. September 1948». В сборнике: «Dokumente der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands». Bd. II.
- «Dokumente der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands». Bd. I, II. Berlin 1948—1950.
- «35 Jahre Kommunistische Partei Deutschlands». Berlin 1954.
Русск. пер.: «35 лет Коммунистической партии Германии». М. 1955.
- «Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands. Eine Auswahl von Materialien und Dokumenten aus den Jahren 1914—1946». 2. Aufl. Berlin 1955.
- «Zur Geschichte der Arbeiterjugendbewegung in Deutschland». Berlin 1956.
- Гротеволь О.* Октябрь открыл путь к социализму всем народам. «Международная жизнь». 1957. № 4.
- Grotewohl O.* Entwurf einer Verfassung für die Deutsche Demokratische Republik. Berlin 1946.
- Grotewohl O.* Deutsche Verfassungspläne. Berlin 1947.
- Grotewohl O.* Dreissig Jahre später. Die Novemberrevolution und die Lehren der Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin 1948.
- Grotewohl O.* Demokratische Verfassung für ganz Deutschland, kein Besatzungsstatut. Informationsdienst des Deutschen Volksrats. Sonderdruck. Berlin 1949.
- Grotewohl O.* Im Kampf um die eine Deutsche Demokratische Republik. Reden und Aufsätze. Bd. I—III. Berlin 1954.
- Димитров Г. М.* В борьбе за единый фронт против фашизма и войны. М. 1939.
- Leviné E.* Ahasver, Rede vor Gericht u. a. Berlin 1919.
- Leviné E.* Skizzen, Rede vor Gericht u. a. Berlin 1925.
Русск. пер.: *Левинэ Е.* Речь перед судом, воспоминания, наброски. М. 1927.
- Liebknecht K.* Reden und Aufsätze. Hamburg 1921.
- Liebknecht K.* Politische Aufzeichnungen aus seinem Nachlass. Berlin 1921.
- Liebknecht K.* Ausgewählte Reden, Briefe und Aufsätze. Berlin 1952.
- Luxemburg R.* Die russische Revolution. Berlin 1922.
- Luxemburg R.* Briefe an Freunde. Hamburg 1950.
- Luxemburg R.* Ausgewählte Reden und Schriften. Bd. I, II. Berlin 1951.
- Мархлевский (Карский) Ю.* Что будет с Германией? «Коммунистический Интернационал». 1919. № 5.
- Marchlewski (Karski) J.* Was ist Bolschewismus. Moskau 1919.

- Marchlewski (Karski) J.* Das Rätessystem. Essen 1919.
- Marchlewski (Karski) J.* Die Sozialisierung des Bergbaues. Essen 1919.
- Пик В.* Ноябрьский переворот в Германии. «Коммунистический Интернационал». 1921. № 19.
- Пик В.* От ноябрьской революции до убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта. «Пролетарская революция». 1928. № 11—12.
- Пик В.* 9 ноября 1918 г. «Борьба классов». 1931. № 6—7.
- Пик В.* Образование германской компартии. «Борьба классов». 1932. № 1.
- Пик В.* Избранные произведения. М. 1956.
- Пик В.* Великая Октябрьская социалистическая революция и германское рабочее движение. М. 1957.
- Pieck W.* Der neue Weg zum gemeinsamen Kampf für den Sturz der Hitlerdiktatur. Berlin 1947.
- Pieck W.* Zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands. 30 Jahre Kampf. Berlin 1949.
- Pieck W.* Reden und Aufsätze. Bd. I—IV. Berlin 1950—1955.
- Swerdloff J.* Deutscher Januar und russischer Juli. «Die Rote Fahne». Berlin 11. II. 1919.
- Русск. пер.: *Свердлов Я. М.* Немецкий январь и русский июль. «Новая и новейшая история». 1957. № 5.
- Сталин И. В.* Средостение. Соч. Т. 4.
- Сталин И. В.* Резервы империализма. Соч. Т. 4.
- Сталин И. В.* К международному положению. Соч. Т. 6.
- Сталин И. В.* О перспективах КПГ и о большевизации. Соч. Т. 7.
- Сталин И. В.* О некоторых вопросах истории большевизма. Соч. Т. 13.
- Сталин И. В.* О работе в деревне. Соч. Т. 13.
- Thälmann E.* Reden und Aufsätze zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. I, II. Berlin 1955—1956.
- Русск. пер.: *Тельман Э.* Избранные статьи и речи к истории германского рабочего движения. Т. I. М. 1957.
- Ульбрихт В.* Разгром Германии в первой мировой войне и ноябрьская революция. «Вопросы истории». 1950. № 12.
- Ульбрихт В.* Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на германское рабочее движение. «Новая и новейшая история». 1957. № 5.
- Ulbricht W.* Die Legende vom «Deutschen Sozialismus». Berlin 1946.
- Ulbricht W.* Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. I—III. Berlin 1953.
- Ulbricht W.* Über den Charakter der Novemberrevolution. «Neues Deutschland». 18. VI. 1958.
- Русский перевод: *Ульбрихт В.* О характере Ноябрьской революции. «Вопросы истории». 1958. № 8.
- Цеткин К.* Революционные бои 1919 года и борцы революции. «Коммунистический Интернационал». 1920. № 9.
- Zetkin C.* Ausgewählte Reden und Schriften. Bd. I. Berlin 1957.

ДОКУМЕНТЫ И ПУБЛИКАЦИИ

- Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Фонды 143, 210, 270.
- Фонды Государственного музея революции СССР.
- «Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях». Ч. II. М. 1926.

- «Документы внешней политики СССР». Т. I. М. 1957.
- «Krupp und die Hohenzollern. Aus der Korrespondenz der Familie Krupp». Hrsg. W. Boeleke. Berlin 1956.
- «Dokumente zum Kriegsausbruch 1914». Bd. I, II. Berlin 1919—1921.
- «Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Reihe II. Bd. 2. Berlin 1957.
- «Die Ursachen des Deutschen Zusammenbruches im Jahre 1918. Das Werk des Untersuchungsausschusses der Verfassunggebenden Deutschen Nationalversammlung und des Deutschen Reichstages 1919—1928». Reihe IV. Bd. I—XII. Berlin 1928—1929.
- «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference». Vol. I, II, III, IV, VI, IX, XII. Washington 1941—1947.
- Army. Reports by British Officers on the Economic Conditions Prevailing in Germany (Presented to Both Houses of Parliament of His Majesty). [Cmd. 52]. Dec. 1918 — march 1919. London. ...Further Reports by British Officers... [Cmd. 54]. April 1919. London.
- «Aufrufe, Verordnungen und Beschlüsse des Vollzugsrats des Arbeiter- und Soldatenrats Gross-Berlin». Berlin [1918].
- «Gesetze und Verordnungen der sozialistischen Republik». Berlin 1918.
- «Richtlinien und Verordnungen für Soldatenräte, Arbeiterräte, Bauernräte». Berlin [1918].
- «Allgemeiner Kongress der Arbeiter- und Soldatenräte Deutschlands vom 16. bis 21. Dezember 1918 im Abgeordnetenhaus zu Berlin. Stenographische Berichte». Berlin [1919].
Русск. пер.: «1-й Всегерманский съезд рабочих и солдатских Советов 16—21 декабря 1918 г. в здании палаты депутатов в Берлине. Стенографический отчет». М. 1934.
- «2. Kongress der Arbeiter-, Bauern- und Soldatenräte, 1919. Stenographisches Protokoll». Berlin [1919].
Русск. пер.: «II Всегерманский съезд Советов. Стенографический отчет». М. 1935.
- «Protokoll über die Verhandlungen des ausserordentlichen Parteitages der Unabhängigen Sozialdemokratischen Partei Deutschlands vom 2. bis 6. März 1919 in Berlin». Berlin o. J.
- «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands abgehalten in Weimar vom 10. bis 15. Juni 1919. Berlin 1919.
- «Der Sozialistentag. Protokoll der Konferenz für Einigung der Sozialdemokratie». Berlin 1919.
- «Rechenschaftsbericht der Generalkommission der Gewerkschaften Deutschlands vom 1. Juni 1914 bis 31. Mai 1919». Berlin 1919.
- «Der Ledebourprozess». Berlin 1919.
- «Der Dolchstoss-Prozess in München. Oktober — November 1925». München 1925.
- «Der Prozess des Reichspräsidenten». Hrsg. K. Brammer. Berlin 1925.
- «Verhandlungen der Verfassunggebenden Deutschen Nationalversammlung. Stenographische Berichte». Bd. 326, 327, 328, 329, 333, 334, 336, 337, 338.
- «Die Deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919 in ihrer Arbeit für den Aufbau des neuen deutschen Volksstaates». Bd. I—IX. Berlin 1920.

- «Die Deutsche Nationalversammlung in Wort und Bild». Berlin 1920.
- «Handbuch der Verfassunggebenden Deutschen Nationalversammlung 1919. Amtliche Ausgabe». Berlin 1919.
- «Die deutschen Wahlen. Übersicht». Leipzig 1932.
- Salomon F. Die deutschen Parteiprogramme. Bd. I—III. Berlin 1926.
- Mommsen W. u. F. Die deutschen Parteiprogramme 1918—1930. Berlin 1932.
- «Verfassunggebende Preussische Landesversammlung 1919/1921. Untersuchungsausschuss. Niederschriftenband über die erhobenen Beweise zum Bericht über die Januarereignisse 1919 in Berlin». Berlin 1919.
- «Die Berliner Putsche. Standrecht und Belagerungszustand. Stenographische Berichte. 14., 15., 17. und 19. März 1919». Berlin 1919.
- «Reichsgesetzblatt». 1918, 1919.
- «Deutscher Reichsanzeiger». 1918, 1919.
- «Конституция (основной закон) Российской Социалистической Федеративной Республики, принятая V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года». В сборнике: «Конституции и конституционные акты РСФСР». М. 1940.
- «Die Verfassung der russischen sozialistischen föderativen Sowjetrepublik». Berlin 1919.
- «Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик». М. 1936.
- «Конституция Германской империи (11 августа 1919 г.)». В сборнике: «Конституции буржуазных стран», Т. I. М.—Л. 1935.
- «Die Verfassung des Deutschen Reichs von 1871». Berlin 1898.
- «Verfassungsgesetze des Deutschen Reichs und der deutschen Länder nach dem Stande vom 1. Februar 1926». Berlin 1926.
- «Verfassung — Grundfrage der Nation». Deutscher Volksrat. Informationsdienst. 1. Jahrgang, Nr. 6. Berlin 1948.
- «Die Verfassung der Deutschen Demokratischen Republik». Berlin 1949.
- «Zur gesellschaftlichen und staatlichen Entwicklung und zum Statenaufbau in der Deutschen Demokratischen Republik. Materialsammlung». Hrsg. G. Albrecht. Berlin 1956.
- «Мировая война в цифрах». М.—Л. 1934.
- «Statistik des Deutschen Reichs». Bd. 212, 213, 290, 408.
- «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich». 1918, 1919, 1920, 1923/24, 1926, 1928, 1929.

ПРЕССА И ПУБЛИЦИСТИКА

а) Газеты

- «Правда». 1918, 1919.
- «Известия ВЦИК». 1918, 1919.
- «Die Rote Fahne» (Berlin). 1918, 1919, 1928.
- «Der Kommunist» (Bremen). 1918.
- «Der Syndikalist». 1918, 1919.
- «Die Freiheit» (Berlin). 1918, 1919.
- «Die Republik». 1919.
- «Rätezeitung». 1919.

- «Vorwärts». 1918, 1919.
 «Bremer Bürgerzeitung». 1918.
 «Bremer Volksblatt». 1919.
 «Hamburger Echo». 1919.
 «Correspondenzblatt der Generalkommission der Gewerkschaften Deutschlands». 1918, 1919.
 «Kölnische Zeitung». 1918, 1919.
 «Frankfurter Zeitung». 1918, 1919.
 «Vossische Zeitung». 1918, 1919.
 «Deutsche Tageszeitung». 1918, 1919.
 «Berliner Tageblatt». 1918, 1919.
 «Deutsche Bergwerkszeitung». 1918.

б) Журналы

- «Коммунистический Интернационал». 1919—1921.
 «Die Internationale». 1919.
 «Die Arbeiterpolitik». 1917.
 «Der Arbeiterrat». 1919.
 «Die Glocke». 1917, 1918, 1919.
 «Der Sozialist». 1918, 1919.
 «Neue Zeit». 1918, 1919.
 «Sozialistische Monatshefte». 1918, 1919.
 «Preussische Jahrbücher». 1919.
 «Die Gesellschaft». 1927.
 «Der Klassenkampf». 1927.

в) Брошюры, сборники статей, речей, газетных сообщений, документов

- Ahnert K.* Die Entwicklung der deutschen Revolution. Nürnberg 1918.
Altmaier J. Frankfurter Revolutionstage. Frankfurt a. M. 1919.
Anlauf K. Die Revolution in Niedersachsen. Hannover 1919.
Ballod K. Der Zukunftsstaat. 2. Aufl. Stuttgart 1919.
 Русск. пер.: Баллод. К. Государство будущего. М. 1920.
Bauer O. Der Weg zum Sozialismus. Berlin 1919.
Buchner E. Revolutionsdokumente. Bd. I. Im Zeichen der roten Fahne. Berlin 1921.
Cohen-Reuss M. Der Aufbau Deutschlands und der Rätegedanke. Berlin 1919.
Cohnstädt W. Amerikanische Demokratie und ihre Lehren. Frankfurt a. M. 1919.
Däumig E. Der erste Akt der deutschen Revolution! Berlin [1919].
Däumig E. Das Räte-system. Berlin 1919.
Däumig E. Der Aufbau Deutschlands und der Räte-system. Berlin 1919.
Davies A. Das Räte-system als berufsständische Vertretung und der Schutzverband der deutschen Landwirtschaft. Berlin 1919.
 «Die deutsche Arbeiterrevolution. Gedenkschrift über den Verlauf des ersten Revolutionsjahres 1918/1919». Berlin. 1919.
 «Deutscher Geschichtskalender». 1918, 1919. Hrsg. F. Purlitz. Leipzig.
 «Der Europäische Krieg 1914—1918»;

- «Die deutsche Revolution»;
 «Die deutsche Reichsverfassung».
- Drahn E., Friedegg R.* Deutscher Revolutions-Almanach für das Jahr 1919. Hamburg/Berlin 1919.
- Drahn E., Leonhard S.* Unterirdische Literatur im revolutionären Deutschland während des Weltkrieges. Berlin 1920.
 Русск. пер.: *Дран Э., Леонард С.* Подпольная литература революционной Германии во время мировой войны. М. 1923.
- Ebert F.* Schriften, Aufzeichnungen, Reden. Bd. 1—2. Dresden 1926.
- Eichhorn E.* Über die Januarereignisse. Berlin 1919.
- «Generalsekretariat zum Studium und zur Bekämpfung des Bolschewismus». Schriftenreihe: «Antibolschewistische Correspondenz (ABC)». Berlin 1918—1919.
- Gentizon P.* La révolution Allemande (nov. 1918 — janv. 1919). Paris 1919.
- «Die gesetzliche Verankerung der Arbeiterräte. Das Protokoll von Weimar». Berlin 1919.
- Geyer K.* Sozialismus und Rätssystem. Leipzig 1919.
- Gräfe A.* Damals in Weimar 1919. Berlin 1919.
- Haussmann K.* Schlaglichter, Reichstagsbriefe. Frankfurt a. M. 1923.
- Jenni E.* Die Errungenschaften der Revolution. Berlin 1919.
- Kautsky K.* Sozialdemokratische Gedanken zur Übergangswirtschaft. Berlin 1919.
- Kautsky K.* Die Wurzeln der Wilson-Politik. Berlin 1919.
- Kuttner E.* Von Kiel bis Berlin. Berlin 1918.
- Laufenberg H.* Die Hamburger Revolution. Hamburg 1919.
- Lensch P.* Am Ausgang der deutschen Sozialdemokratie. Berlin 1919.
- Ludwig E.* Die Rolle der Arbeiterräte in der deutschen Revolution. Berlin 1919.
- Meissner O.* Die Reichsverfassung. Berlin 1919.
- Menke-Glückert E.* Die Novemberrevolution 1918. Leipzig 1919.
- Müller P., Brewes W.* u. a. Bremen in der deutschen Revolution. Bremen 1919.
- Neumann P.* Hamburg unter der Regierung der Arbeiter- und Soldatenräte. Hamburg 1919.
- «Der 9. November». Berlin 1919.
- «Die Parteien und das Rätssystem». Berlin 1919.
- Petersen H.* Die deutsche Räterepublik. Berlin 1918.
- Popp L., Artelt K.* Ursprung und Entwicklung der Novemberrevolution. Kiel 1918.
- Posadowsky K.* Weltwende. Gesammelte politische Aufsätze. 3. Aufl. Stuttgart 1920.
- Preuss H.* Staat, Recht und Freiheit. Tübingen 1926.
- Quark M.* Der Geist der neuen Reichsverfassung. Berlin 1919.
- Rathenau W.* Deutschlands Rohstoffversorgung. Berlin 1919.
- Rathenau W.* Nach der Flut. Berlin 1919.
- Rathenau W.* Der neue Staat. Berlin 1919.
 Русск. пер.: *Ратенау В.* Новое государство. М. 1922.
- Rathenau W.* Politische Briefe. Dresden 1929.
- Reichert J.* Entstehung, Bedeutung und Ziel der «Arbeitsgemeinschaft». Berlin 1919.
- Runkel F.* Die deutsche Revolution. Leipzig 1919.
- Schiemann P.* Die Asiatisierung Europas. Gedanken über Klassenkampf und Demokratie. Berlin 1919.

- Seidel K.* Die Gewerkschaften in der Revolution. Berlin 1920.
Stadler E. Bolschewismus. Vorträge. Berlin 1919.
Scholz J. Die Organisation der deutschen Bauernschaft 1918—1919.
 Leipzig 1919.
 «Schulthess' Europäischer Geschichtskalender 1918, 1919». Hrsg.
 W. Stahl. München 1922—1923.
Stampfer F. Verfassung, Arbeiterklasse und Sozialismus. Berlin 1919.
Steinitzer E. Bürgertum und Revolution. Berlin 1919.
Steinmann-Bucher A. Sozialisierung? Berlin 1919.
Stental W. Bürgerrevolution. Berlin 1919.
Stier-Somlo F. Republik oder Monarchie im neuen Deutschland.
 Bonn 1919.
Stresemann G. Von der Revolution bis zum Frieden von Versailles.
 Berlin 1919.
Stresemann G. Reden und Schriften. Bd. 1—2. Dresden 1926.
 «Stimmen der Zeit». Flugschriften. Freiburg 1919.
 «Das System Noske». Berlin 1920.
Walden H., Wauer W. Die Lösung der Rätefrage. Berlin 1919.
Weber M. Gesammelte politische Schriften. München 1921.
Wissell R. Die Räte-Idee. Stuttgart 1919.

МЕМУАРЫ

- Barth E.* Aus der Werkstatt der deutschen Revolution. Berlin 1919.
 Русск. пер.: *Барм Э.* В мастерской германской революции.
 М. 1920.
Baumann F. Um den Staat. Ein Beitrag zur Geschichte der Revolution
 in Hamburg 1918/1919. Hamburg 1924.
Beckers H. Wie ich zum Tode verurteilt wurde. Leipzig 1927.
Bernstein E. Die deutsche Revolution, ihr Ursprung, ihr Verlauf
 und ihr Werk. Berlin 1921.
 Русск. пер.: *Бернштейн Э.* Германская революция, ее проис-
 хождение, ход развития и творчество. М. 1922.
Blos W. Von der Monarchie zum Volksstaat. Bd. 1—2. In: «Denk-
 würdigkeiten aus der Umwälzung». Stuttgart 1923.
Buchwitz O. 50 Jahre Funktionär der deutschen Arbeiterbewegung.
 Berlin 1949.
Bülow B. Denkwürdigkeiten. Bd. III. Berlin 1931.
 Русск. пер.: *Бюлов Б.* Воспоминания. М.—Л. 1935.
Churchill W. The World Crisis. The Aftermath. New York 1929.
 Русск. пер.: *Черчилль В.* Мировой кризис. М.—Л. 1932.
Delbrück C. Die wirtschaftliche Mobilmachung in Deutschland 1914.
 München 1924.
Ebert F. Kämpfe und Ziele. Berlin 1927.
Erzberger M. Erlebnisse im Weltkrieg. Stuttgart/Berlin 1920.
 Русск. пер.: *Эрцбергер М.* Германия и Антанта. М. 1923.
Falkenhayn E. Die Oberste Heeresleitung 1914—1916 in ihren wich-
 tigsten Entschliessungen. Berlin 1920.
 Русск. пер.: *Фалькенгайн Э.* Верховное командование 1914—
 1916 в его важнейших решениях. М. 1923.
Fischer A. Revolutionskommandantur Berlin. Berlin 1922.
Got A. L'Allemagne après la débâcle. Impressions d'un attaché a
 la mission militaire française a Berlin. Strashbourg 1920.

- Hahn P.* Erinnerungen aus der Revolution in Württemberg. In: «Denkwürdigkeiten aus der Umwälzung». Stuttgart 1923.
- Helffferich K.* Der Weltkrieg. Bd. 3. Berlin 1919.
- Hoffmann M.* Aufzeichnungen. Bd. I. Berlin 1929.
Русск. пер.: *Гофман М.* Записки и дневники. Л. 1929.
- «The Intimate Papers of Colonel House. The Ending of the War». Boston/New York 1928.
Русск. пер.: «Архив полковника Хауза». Т. IV. М. 1944.
- Johnson Th.* Our Secret War. True American Spy Stories 1917—1919. Indianapolis 1929.
Русск. пер.: *Джонсон Т.* Американская разведка во время мировой войны. М. 1938.
- Leviné R.* Aus der Münchener Rätezeit. Berlin 1925.
Русск. пер.: *Левинэ Р.* Советская республика в Мюнхене. М.—Л. 1926.
- Lloyd Georges D.* The Truth about the Peace Treaties, v. I. London 1938.
Русск. пер.: *Ллойд-Джордж Д.* Правда о мирных договорах, т. I. М 1957.
- Löbe P.* Der Weg war lang. Lebenserinnerungen. 2. Aufl. Berlin-Grünewald 1949.
- Lüttwitz W.* Im Kampfe gegen die Novemberrevolution. Berlin 1934.
- Ludendorff E.* Meine Kriegserinnerungen 1914—1918. Berlin 1919.
Русск. пер.: *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. Т. I—II. М. 1924.
- Maerker G.* Vom Kaiserheer zur Reichswehr. Leipzig 1921.
- Max, Prinz von Baden.* Erinnerungen und Dokumente. Stuttgart/Berlin/Leipzig 1927.
- Müller H.* Die Novemberrevolution. Erinnerungen. Berlin 1928.
- Müller R.* Vom Kaiserreich zur Republik. Bd. 1—2. Wien 1924—1925.
Русск. пер.: *Мюллер Р.* Мировая война и германская революция. Т. I—II. М. 1925.
- Müller R.* Der Bürgerkrieg in Deutschland. Berlin 1925.
- Niemann A.* Revolution von oben — Umsturz von unten. Berlin 1927.
- Noske G.* Von Kiel bis Kapp. Berlin 1920.
Русск. пер.: *Носке Г.* Записки о германской революции от восстания в Киле до заговора Каппа. М. 1922.
- Noske G.* Erlebtes aus Aufstieg und Niedergang einer Demokratie. Offenbach a. M. 1947.
- Payer F.* Von Bethmann-Hollweg bis Ebert. Frankfurt a. M. 1923.
- Reinhard W.* 1918/1919. Die Wehen der Republik. Berlin 1933.
- Scheidemann Ph.* Der Zusammenbruch. Berlin 1921.
Русск. пер.: *Шейдеман Ф.* Крушение германской империи. М. 1923.
- Scheidemann Ph.* Memoiren eines Sozialdemokraten. Bd. 1—2. Dresden 1928.
- Severing C.* Im Wetter- und Watterwinkel. Bielefeld 1927.
- Severing C.* Mein Lebensweg. Köln 1950.
- Stadler E.* Als Antibolschewist 1918/1919. Düsseldorf 1935.
- Stresemann G.* Vermächtnis. Bd. I—III. Berlin 1932—1933.
- Ströbel H.* Die deutsche Revolution. Ihr Unglück und ihre Rettung. Berlin 1920.
Русск. пер.: *Штрёбель Г.* Германская революция, в чем ее несчастье, ее спасение. М. 1924.

Vester-Thälmann I. Ernst Thälmann. Erinnerungen an meinen Vater. Berlin 1954.

Русск. пер.: *Вестер-Тельман И.* Эрнст Тельман. Воспоминания о моем отце. Л. 1957.

Volkman E. Marxismus und das deutsche Heer im Kriege. Berlin 1925.

Volkman E. Revolution über Deutschland. Oldenburg 1930.

Werner P. Die Bayrische Räte-Republik. 2. Aufl. Leipzig 1920.

Westarp K. Das Ende der Monarchie am 9. November 1918. Oldenburg 1952.

ЛИТЕРАТУРА

Аленин Ф. А. Советы в германской революции. М. 1934.

Бауэр Р. К вопросу о роли Советов в Ноябрьской революции в Германии. «Новая и новейшая история». 1957. № 4.

Биллик В. И. О своеобразии Ноябрьской революции 1918 г. в Германии. «Вопросы истории». 1956. № 6.

Биллик В. И. О солдатских Советах в германской армии (ноябрь 1918 г. — июнь 1919 г.). «Ученые записки Великолуцкого пединститута». 1956. № 2.

Брюнин В. Г. Политический кризис в Германии в сентябре—октябре 1918 г. «Ученые записки Ленинградского Государственного университета им. А. А. Жданова». Л. 1951, вып. 18.

Варга Е. Кризис мирового капиталистического хозяйства. М. 1923.

Велецкая Н. А. К истории Учредительного съезда Коммунистической партии Германии. «Труды кафедры общественных наук МИСИ им. В. В. Куйбышева». 1956. Сб. № 12 (вып. 3).

Велецкая Н. А. К вопросу о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на Германию. «Труды кафедры общественных наук МИСИ им. В. В. Куйбышева». 1957. Сб. № 28 (вып. 2).

Восленский М. С. Из истории политики США в германском вопросе (1918—1919 гг.). М. 1954.

Галкин И. С. Рабочее движение в Германии 1871—1914 годов. М. 1957.

Гербер Р. Германия. Очерки по аграрному вопросу. М. 1925.

Гриневич В. Народное хозяйство Германии. Очерк развития (1800—1924). Берлин 1924.

Давидович Д. С. Германия в период революционного подъема, развернувшегося под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России. «БСЭ», 2-е изд. Т. 11.

Драбкин Я. С. Веймарская конституция. «Советское слово» (СВАГ, Берлин), 5 и 6. VI. 1947.

Драбкин Я. С. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии. «Советское слово», 11. XI. 1948.

Драбкин Я. С. СЕПГ и уроки Ноябрьской революции 1918 г. «Советское слово», 14. XI. 1948.

Драбкин Я. С. О характере и движущих силах Ноябрьской революции в Германии. «Вопросы истории». 1956. № 5.

Жолдак И. А. Германия и иностранная военная интервенция против Советской России (1919 г.). «Ученые записки 1-го пед. института иностранных языков». М. 1957. Т. 12.

Жолдак И. А. О характере и некоторых особенностях Ноябрьской революции 1918 г. в Германии. «Вопросы истории». 1958. № 2.

- Жюгжда Ю., Файнгаузас Д.* Революционное движение в немецких войсках в Литве (1918—1919 годы). «Новая и новейшая история». 1957. № 3.
- Застенкер Н. Е.* Баварская советская республика. М. 1934.
- Застенкер Н. Е.* Веймарские мифы о причинах поражения Германии в войне 1914—1918 гг. «Вопросы истории». 1945. № 2.
- Зубок Л. И.* Германия в 1918—1923 годах. М. 1945.
- «История дипломатии». Т. II, III. М.—Л. 1945.
- Каменецкая К. Р.* Убийцы К. Либкнехта и Р. Люксембург перед судом Веймарской республики. «Вопросы истории». 1949. № 1.
- Кобляков И. К.* От Бреста до Рапалло. Очерки истории советско-германских отношений с 1918 по 1922 г. М. 1954.
- Козюченко В. А.* Германский социал-шовинизм и центризм в годы первой мировой войны. М. 1948.
- Козюченко В. А.* Революция 1918—1919 гг. в Германии. «Преподавание истории в школе». 1958. № 3.
- Котов Г. Г.* Аграрные отношения и земельная реформа в Германии. М. 1956.
- Кульбакин В. Д.* Германия на первом этапе общего кризиса капитализма. М. 1955.
- Кульбакин В. Д.* Германия между первой и второй мировыми войнами. «Преподавание истории в школе». 1958. № 2.
- Кульбакин В. Д.* Обсуждение проблем германской революции 1918 г. на первой сессии историков СССР и ГДР в Лейпциге. «Вопросы истории». 1958. № 5.
- Кунина А. Д.* Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. Изд. 2. М. 1954.
- Ленчнер С. И.* Крестьянский вопрос в германской революции 1918 года. «Историк-марксист». 1941. № 3.
- Ленчнер С. И.* Прусский вопрос и Веймарская конституция. «Вопросы истории». 1947. № 7.
- Ленчнер С. И.* Буржуазные партии и ноябрьская революция в Германии. «Труды по новой и новейшей истории». Т. I. М.—Л. 1948.
- Манова П. А.* О январских боях в Берлине. «Вопросы истории». 1949. № 1.
- Михалевский Б. Н.* О рабочей аристократии в Германии. «Вопросы истории». 1955. № 1.
- Нахимсон М. И.* Проблема социализации в Германии. М. 1921.
- Нотович Ф. И.* Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914—1918 гг. М. 1947.
- Панкратова А. М.* Фабзавкомы в германской революции. М. 1924.
- Патрик А.* К оценке германской революции. «Ученые записки Свердловского государственного пединститута». 1939. Вып. 2.
- Петрушов А. М.* Аграрные отношения в Германии. М. 1945.
- Петряев К. Д.* Гамбургский Совет в германской буржуазной революции 1918 г. «Ученые записки Коми Госуд. пед. института». 1951, вып. 3.
- Петряев К. Д.* Второй Всегерманский съезд Советов. «Ученые записки Коми Государственного педагогического института». 1952. Вып. 2.
- Полонская Л. Г.* Пути Германии. М. 1925.
- Розанов Г. Л.* Очерки новейшей истории Германии. М. 1957.
- «Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг.» М. 1957.

- Сливак С. И.* К истории Бременской группы «Интернациональных коммунистов Германии». «Вопросы истории». 1956. № 9.
- Тарле Е. В.* Кризис Германии. Пг.—М. 1924.
- Тарле Е. В.* Европа в эпоху империализма. Изд. 2. М.—Л. 1928.
- Фишгендлер А. М.* Вопросы социализации и кооперации в германской революции. М. 1922.
- Харахашьян Г. М.* Аграрные преобразования в Германской Демократической Республике. М. 1951.
- Хвостов В. М.* Как развивался германский империализм. М. 1943.
- Хмельницкая Е.* Военная экономика Германии 1914—1918 гг. М. 1929.
- Цветков Г.* Киль, Гамбург, Бремен в революции 1918—1919 гг. «Вестник Московского университета». 1947. № 7.
- Цитович Я. И.* Очерк истории Германии 1918—1923. М. 1940.
- Цитович Я. И.* О роли США в спасении империалистической Германии от полного разгрома в 1918 г. «Вопросы истории». 1950. № 12.
- Шеверда Л. А.* Рабочее движение в Германии в 1918—1939 годах. М. 1957.
- Шелавин К. И.* Авангардные бои западно-европейского пролетариата. Очерки германской революции 1918—1919 гг. Ч. I—II. Л. 1930.
- Шелике В. Ф.* О некоторых проблемах революции 1918—1919 годов в Германии. «Вопросы истории». 1956. № 12.
- Шрайнер А.* О некоторых вопросах Ноябрьской революции 1918—1919 годов в Германии. «Вопросы истории». 1957. № 9.
- Эггерт З. К.* Борьба за реформу прусского избирательного права в годы первой мировой войны. «Труды по новой и новейшей истории». Т. I. М.—Л. 1948.
- Эггерт З. К.* Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны. М. 1957.
- Abusch A.* Der Irrweg einer Nation. Berlin 1946.
- Anschütz G.* Drei Leitgedanken der Weimarer Reichsverfassung. Tübingen 1923.
- Apelt W.* Geschichte der Weimarer Reichsverfassung. München 1946.
- Bane and Lutz.* Organisation of American Relief in Europe. 1918—1919. Stanford 1943.
- Bartel W.* Die Wirkungen der russischen Revolution. «ZfG». 1957. H. 5.
- Bauer R.* Zur Einschätzung des Charakters der deutschen Novemberrevolution 1918—1919. «ZfG». 1958. H. 1.
- Becker O.* Weimarer Reichsverfassung und nationale Entwicklung. Berlin 1931.
- Bernhard H.* Unveröffentlichte Dokumente zum Aufstand in der deutschen Hochseeflotte im Sommer 1917. «ZfG». 1957. H. 5.
- Berthold L., Weef H.* Ein bedeutendes Dokument der Hilfe der jungen Sowjetmacht für die deutsche Arbeiterklasse in der Novemberrevolution. «Geschichte in der Schule». 1956. H. I.
- Beyer H.* Von der Novemberrevolution zur Räterepublik in München. Berlin 1957.
- Beyer H.* München 1919. Berlin 1957.
- Braun O.* Deutscher Einheitsstaat oder Föderativsystem. Berlin 1927.

- Bredel W.* Ernst Thälmann. Beitrag zu einem politischen Lebensbild. Berlin 1953.
 Русск. пер.: *Бредель В.* Эрнст Тельман. Политическая биография. 2-е изд. М. 1955.
- Brecht A.* Federalism and Regionalism in Germany. The Division of Prussia. New York 1945.
 Русск. пер.: *Брехт А.* О государственном устройстве Германии. М. 1947.
- Bredt J.* Der Geist der deutschen Reichsverfassung. Berlin 1924.
- Brjunin W.* Die Grosse Sozialistische Oktoberrevolution und die deutsche Arbeiterbewegung in den Jahren 1917/1918. Berlin 1955.
- Buchegger K.* Unitarismus und Föderalismus in der Weimarer Reichsverfassung. Karlsruhe 1927.
- Buchrucker B.* Im Schatten Seeckts. Berlin 1935.
- Buhler O.* Die Reichsverfassung vom 11. August 1919. Berlin 1927.
- «Darstellungen aus den Nachkriegskämpfen deutscher Truppen und Freikorps». Hrsg. Kriegsgeschichtliche Forschungsanstalt. Bd. I—VIII. Berlin 1936—1940.
- «Deutsche Einheit. Deutsche Freiheit». Gedenkbuch der Reichsregierung zum 10. Verfassungstag 11. August 1929. Berlin 1929.
- Dix A.* Wirtschaftskrieg und Kriegswirtschaft. Berlin 1920.
 Русск. пер.: *Дикс А.* Война и народное хозяйство по опыту Германии в мировую войну 1914—1919 гг. М. 1926.
- Droin W.* La démocratisation de L'empire allemand. Genève/Paris 1922.
- Einhorn M.* Zur Rolle der Räte im November und Dezember 1918. «ZfG». 1956. H. 3.
- Epstein F.* Zwischen Compiègne und Versailles. «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte». 1955. H. 4.
- Erpenbeck F.* Wilhelm Pieck. Ein Lebensbild. Berlin 1951.
- Eyck E.* Geschichte der Weimarer Republik. Bd. 1—2. Zürich/Stuttgart 1954—1956.
- Fabian W.* Klassenkampf um Sachsen. Löbau 1930.
- Fischer K.* Die Berliner Abwehrkämpfe 1918/1919. Berlin 1956.
- Fleischmann M.* Die Einwirkung auswärtiger Gewalten auf die deutsche Reichsverfassung. Halle—Saale 1925.
- Freytag-Loringhoven A.* Die Weimarer Verfassung in Lehre und Wirklichkeit. München 1924.
- Friedensburg F.* Die Weimarer Republik. Berlin 1946.
- Fugger K.* 50 Jahre deutscher Imperialismus und die deutschen Gewerkschaften. Berlin 1947.
- Fugger K.* Die deutschen Gewerkschaften und die Novemberrevolution. Berlin 1948.
- Gebhard L.* Die Verfassung des Deutschen Reichs vom 11. August 1919. München/Berlin/Leipzig 1932.
- «The German Revolution. International Conciliation». New York 1919.
- Giese F.* Die Verfassung des Deutschen Reichs vom 11. August 1919. 2. Aufl. Berlin 1920.
- Giese F.* Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23. Mai 1949. 2. Aufl. Frankfurt a. M. 1951.
- Goldenbaum E.* Die deutschen Bauern in Vergangenheit und Gegenwart. Berlin 1950.

- «Die Grundrechte und Grundpflichten der Reichsverfassung». Bd. 1—3. Berlin 1929—1930.
- Gumbel E.* Vier Jahre politischer Mord. Berlin 1922.
- Halperin S.* Germany Tried Democracy. New York 1946.
- Herzfeld H.* Die deutsche Sozialdemokratie und die Auflösung der nationalen Einheitsfront im Weltkriege. Leipzig 1928.
- Hintze P.* Zur Frage des Charakters der Arbeiter- und Soldatenräte in der Novemberrevolution 1918, dargestellt am Beispiel der Räte in Mecklenburg. «ZfG». 1957. H. 2.
- Holborn H.* Die Entstehung der Weimarer Reichsverfassung. Berlin 1921.
- «Illustrierte Geschichte der Deutschen Revolution». Berlin 1929.
- Kamnitzer H., Mammach K.* Aus Dokumenten zur Vorgeschichte der deutschen Novemberrevolution. «ZfG». 1953. H. 5.
- Kaul W.* Justiz wird zum Verbrechen. Berlin 1953.
- Kleen W.* Über die Rolle der Räte in der Novemberrevolution. «ZfG». 1956. H. 2.
- Klein F.* Die diplomatischen Beziehungen Deutschlands zur Sowjetunion 1917—1932. Berlin 1952.
- Kruck A.* Geschichte des Alldeutschen Verbandes. Wiesbaden 1954.
- Kuczinsky J.* Die Geschichte der Lage der Arbeiter in Deutschland von 1789 bis in die Gegenwart. Bd. 1—2. Berlin 1946—1947.
Русск. пер.: *Кучинский Ю.* История условий труда в Германии. М. 1949.
- Kuczinsky J.* Die Bewegung der deutschen Wirtschaft von 1800 bis 1946. Berlin/Leipzig 1947.
- Kuczinsky J.* Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus. Bd. I—II. Berlin 1948—1950.
Русск. пер.: *Кучинский Ю.* Очерки истории германского империализма. Т. I. М. 1952.
- Kuttner E.* Otto Braun. Leipzig 1932.
- Lammers H.* Reichsverfassung und Reichsverwaltung in Frage und Antwort. Berlin 1929.
- Leibbrand R.* Zur Diskussion über den Charakter der Novemberrevolution. «Einheit». 1957. H. 1.
Русск. пер.: *Лейббранд Р.* К дискуссии о характере Ноябрьской революции. «Вопросы истории». 1957. № 9.
- Leibrock O.* Die volkswirtschaftliche Bedeutung der deutschen Arbeitgeberverbände. Bd. I. Berlin 1922.
- Leidigkeit K., Benedix E.* u. a. Novemberrevolution und Weimarer Republik. Berlin 1956.
- Lindau R.* Probleme der Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin 1947.
- Lindau R.* Zum 30. Jahrestag der Gründung der KPD. «Einheit». 1949. H. 1.
- Lutz R.* The German Revolution 1918/1919. California 1922.
- Maass G.* Die Verfassunggebende deutsche Nationalversammlung. Berlin 1919.
- Mammach K.* Der Einfluss der russischen Februarrevolution und der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution auf die deutsche Arbeiterklasse. Berlin 1955.
Русск. пер.: *Маммах К.* Влияние Февральской революции в России и Великой Октябрьской социалистической революции на рабочий класс Германии. М. 1957.

- Mann Th.* Von Deutscher Republik. Berlin 1923.
- Marx H.* Handbuch der Revolution in Deutschland. Berlin 1920.
- Mattes W.* Die bayerischen Bauernräte. Stuttgart/Berlin 1921.
- Meerwarth R., Gunther A., Zimmermann W.* Die Einwirkungen des Krieges auf Bevölkerungsbewegung, Einkommen und Lebenshaltung in Deutschland. Stuttgart/Berlin/Leipzig 1932.
- Müller A.* Die Kriegsrohstoffbewirtschaftung 1914—1918 im Dienste des deutschen Monopolkapitals. Berlin 1955.
- Nestriepke E.* Die Gewerkschaftsbewegung. Bd. 1—3. Stuttgart 1919—1921.
- Nitsche G.* Die Reichsexekution nach Art. 48 der Weimarer Verfassung. Göttingen. Diss. 1932.
- Norden A.* Lehren deutscher Geschichte. Berlin 1947.
Русск. пер.: *Норден А.* Уроки германской истории. М. 1950.
- Norden A.* Die Entente und die deutsche Revolution 1918. «Einheit». 1948. H. 12.
- Norden A.* Um die Nation. Berlin 1952.
Русск. пер.: *Норден А.* Во имя нации. М. 1953.
- Norden A.* Zwischen Berlin und Moskau. Berlin 1954.
Русск. пер.: *Норден А.* Между Берлином и Москвой. М. 1956.
- Nowak K.* Versailles. Berlin 1927.
Русск. пер.: *Новак К.* Версаль. М.—Л. 1930.
- Oelssner F.* Rosa Luxemburg. Eine kritische biographische Skizze. Berlin 1951.
- Pappert F.* Die deutsche Revolution im Kulturspiegel der Presse. Hannover 1928.
- Paskal R.* Deutschland. Weg und Irrweg. Berlin 1947.
- Paul G.* Die soziale Struktur der Freikorps. «ZfG». 1955. H. 5.
- Polak K.* Das Verfassungsproblem in der geschichtlichen Entwicklung Deutschlands. Berlin 1948.
- Polak K.* Die Weimarer Verfassung, ihre Errungenschaften und Mängel. Berlin 1948.
- Prager E.* Geschichte der USPD. Berlin 1921.
- Preuss H.* Das deutsche Volk und die Politik. Jena 1915.
- Preuss H.* Deutschlands Staatsumwälzung. Berlin 1920.
- Preuss H.* Um die Reichsverfassung von Weimar. Berlin 1924.
- Preuss H.* Reich und Länder. Berlin 1928.
- Pritzkolet K.* Die neuen Herren. Wien/München/Basel 1955.
- Rasmuss H.* Die Januarkämpfe 1919 in Berlin. Berlin 1956.
«Revolutionäre Ereignisse und Probleme in Deutschland während der Periode der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution 1917/1918». Berlin 1957.
- Römer W.* Die Entwicklung des Rätegedanken in Deutschland. Berlin 1921.
- Rosenberg A.* Entstehung und Geschichte der Weimarer Republik. Frankfurt a. M. 1955.
- Sasuly R.* IG Farben. New York. 1947.
Русск. пер.: *Сэюли Р.* ИГ Фарбениндустри. М. 1948.
- Schmidt R.* Das Programm der Sozialdemokratie. Vorschläge für seine Erneuerung. Berlin 1920.
- Schmitz H.* Die Versorgung Deutschlands durch die einheimische Landwirtschaft vor, in und nach dem Kriege. Diss. Berlin 1927.
- Schmoller G.* Walter Rathenau und Hugo Preuss. München/Leipzig 1922.

- Schreiner A.* Zur Geschichte der deutschen Aussenpolitik 1871—1945. Bd. I. Berlin 1955.
- Schreiner A.* Diskussion über die Disposition des Hochschullehrbuches der Geschichte des deutschen Volkes (1918—1945). «ZfG». 1955. H. 2.
- Schreiner A.* Zur Frage der Räte in der Novemberrevolution 1918. «ZfG». 1956. H. 4.
- Schüddekopf O.* Heer und Republik. Quellen zur Politik der Reichswehrführung. Hannover/Frankfurt a. M. 1951.
- Schumann W.* Die Lage der deutschen und polnischen Arbeiter in Oberschlesien im Kampf gegen den deutschen Imperialismus in den Jahren 1917 und 1918. «ZfG». 1956. H. 3.
- Schumann W.* Zur Rolle der Räte in der Novemberrevolution in Oberschlesien. «ZfG». 1956. H. 4.
- Schwend K.* Bayern zwischen Monarchie und Diktatur. München 1954.
- Schwiegk F.* Staat und Kirche in Russland. Unter vergleichweiser Heranziehung der Bestimmungen der deutschen Reichsverfassung von 1919. Diss. Göttingen 1927.
- Seidel R.* Die Gewerkschaftsbewegung in Deutschland. Amsterdam 1927.
- Spethmann H.* 12 Jahre Ruhrbergbau. Aus seiner Geschichte vom Kriegsbeginn bis zum Franzosenabmarsch. Bd. I. Berlin 1928.
- Stampfer F.* Die ersten 14 Jahre der Deutschen Republik. Offenbach a. M. 1947.
- Stapel W.* Die Fiktionen der Weimarer Verfassung. Hamburg 1928.
- Stern L.* Zur Vorgeschichte der Gründung der Kommunistischen Partei Deutschlands. Halle—Wittenberg [1955].
- Stier-Somlo F.* Die Verfassung des Deutschen Reichs vom 11. August 1919. 2. Aufl. Bonn 1920.
- Tiedemann H.* Sowjetrußland und die Revolutionierung Deutschlands 1917—1919. «Historische Studien». 1936. H. 296.
- Tormin W.* Zwischen Rätediktatur und sozialer Demokratie. Düsseldorf 1954.
- Umbreit P.* Die deutschen Gewerkschaften im Kriege. Stuttgart—Berlin 1918.
- Wandel P.* Der deutsche Imperialismus und seine Kriege — das nationale Unglück Deutschlands. Berlin 1955.
- Warnke H.* Überblick über die Geschichte der deutschen Gewerkschaften. 3. Aufl. Berlin 1954.
Русск. пер.: *Варнке Г.* Очерк истории профсоюзного движения в Германии. М. 1956.
- Wilhelmus W.* Die Rolle der Räte in Vorpommern. «ZfG». 1956. H. 5.
- Winnig A.* Das Reich als Republik. 1918—1928. Stuttgart/Berlin 1929.
- Winzer O.* Der Sieg über den Separatismus nach dem ersten Weltkrieg. «Einheit». 1953. H. 1.
- Wittmeyer L.* Die Weimarer Reichsverfassung. Tübingen 1922.
- Wrobel K.* Die Volksmarinedivision. Berlin 1957.
- «Zehn Jahre Deutsche Republik. 1918—1928». Berlin 1928.
- Zeisler K.* Aufstand in der deutschen Flotte. Berlin 1956.
Русск. пер.: *Цейслер К.* Восстание в германском флоте. М. 1957.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. НАЗРЕВАНИЕ РЕВОЛЮЦИИ В ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	9—65
Юнкерско-буржуазный империализм и рабочий класс	10
Война и положение трудящихся	21
«Главный враг — в собственной стране!»	27
«Сделайте как в России!»	34
«В России пробил решающий час!»	40
Военные поражения и крах военной экономики	47
Политический кризис и правительство Макса Баденского	52
Глава 2. НОЯБРЬСКИЕ ДНИ	66—109
Красные флаги над городами Германии	66
9 ноября в Берлине	75
Собрание Советов в цирке Буша	86
«Социалистическое правительство» у власти	93
Заговор против революции	98
Глава 3. ВЛАСТЬ СОВЕТОВ ИЛИ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ?	110—176
Советы в ноябре	110
Кардинальный вопрос революции	123
СНУ и Берлинский Исполком	125
«Кровавая пятница»	137
Стачки и «социализация»	147
Всегерманский съезд Советов	153

«Кровавый сочельник»	161
Правительство Эберта и международный империализм	167
Глава 4. ОБРАЗОВАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ	177—195
На пути к самостоятельной партии	177
Учредительный съезд КПГ	180
Тактика немецких коммунистов	187
Глава 5. ЯНВАРСКИЕ БОИ В БЕРЛИНЕ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В СТРАНЕ	196—238
Подготовка провокации	196
Январская неделя в Берлине	201
Убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург	216
Январские дни в провинции	222
Советские республики в Бремене и Куксгафене	224
Глава 6. ГЕРМАНСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ	239—268
«Избирательный маскарад»	239
Выборы в Национальное собрание	247
Первые шаги Веймарского собрания	252
Президент Эберт и рейхсканцлер Шейдеман. Программа правительства «веймарской коалиции»	257
Глава 7. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ БОИ ГЕРМАНСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА В ФЕВРАЛЕ — АПРЕЛЕ 1919 г.	269—307
Февральские стачки в Руре и Средней Германии	271
Закон о «социализации»	277
Мартовские бои в Берлине	282
Всеобщая забастовка в Руре	294
Борьба немецких рабочих против антисоветской интервенции в Прибалтике	303
Глава 8. БАВАРСКАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА. БОРЬБА НЕМЕЦКИХ РАБОЧИХ В МАЕ — ИЮЛЕ 1919 года	308—334
Классовая борьба в Баварии	308
Мнимая Советская республика	311
Советская республика во главе с коммунистами	315
Бои мюнхенских рабочих против белогвардейцев	325
Борьба немецких трудящихся в мае — июле 1919 г. Начало спада революционной активности масс	328

Глава 9. ГЕРМАНИЯ И ВЕРСАЛЬСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР	335—355
Парижская мирная конференция	335
«Подписать или не подписывать?»	340
Империалистический мир	352
Глава 10. ВЕЙМАРСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ	356—408
Разработка конституции	357
Основы общественного строя республики	368
Государственное устройство республики	382
Органы власти и управления республики	390
Основные права граждан	400
З а к л ю ч е н и е	409
С п и с о к и с т о ч н и к о в и л и т е р а т у р ы	422

Драбкин Яков Самойлович
РЕВОЛЮЦИЯ 1918—1919 гг. В ГЕРМАНИИ
(Краткий очерк)

Редактор *М. Поллавский*

Оформление художника *М. Бородина*
Художественный редактор *Н. Еремина*
Технический редактор *Р. Москвина*
Корректоры: *М. Лыткина* и *В. Смирнова*

Сдано в набор 27/VI 1958 г. Подписано в печать
30 октября 1958 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумажных
листов 6,9. Печатных листов 22,75. Учетно-изд. л. 24,65.
Тираж 10 тыс. экз. А 07656. Заказ № 1984.
Цена 13 р. 35 к.

Издательство социально-экономической литературы
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ленинградский Совет народного хозяйства.
Управление полиграфической промышленности.
Типография № 1 «Печатный Двор»
имени А. М. Горького
Ленинград, Гатчинская, 26

13 р. 35 к.

СОЦЭКГНЭ-1958